

И.И. Кауфман

**СЕРЕБРЯНЫЙ
РУБЛЬ
В РОССИИ
от его возникновения
до конца XIX века**

URSS

И. И. Кауфман

**СЕРЕБРЯНЫЙ РУБЛЬ
В РОССИИ
ОТ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ДО КОНЦА XIX ВЕКА**

Издание второе

URSS
МОСКВА

Кауфман Илларион Игнатьевич

Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века.
Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 272 с. (Академия
фундаментальных исследований: история.)

Вниманию читателей предлагается книга известного отечественного экономиста И. И. Кауфмана (1848–1916), в которой описана история русского серебряного рубля со времени его возникновения до конца XIX века — вплоть до того момента, когда в России началась «новая история нового рубля, золотого». В книге проводится анализ понятия «куна» и его сопоставимости с современным понятием «деньги»; рассматриваются вопросы происхождения рубля, в частности его древнейшего вида, дальнейшего развития и изменений рубля, монетные эксперименты и их неудачи, а также преобразования рубля при разных правителях и упадок серебряного рубля в 1855–1900 гг.

Книга, написанная более века назад (первое издание вышло в 1910 г.), рекомендуется прежде всего историкам, а также экономистам, культурологам, обществоведам, всем заинтересованным читателям.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×90/16. Печ. л. 17. Зак. № ЖН-39.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-03036-6

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
оформление, 2012

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

E-mail: URSS@URSS.ru

Каталог изданий в Интернете:

<http://URSS.ru>

Тел./факс (многоканальный):

+ 7 (499) 724 25 45

12318 ID 162682

9 785397 030366

СЕРЕБРЯНЫЙ РУБЛЬ ВЪ РОССИИ

ОТЪ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНІЯ ДО КОНЦА XIX ВѢКА.

— — —

ОПЫТЪ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. И. КАУФМАНА,

ОРД. ПРОФ. ИМПЕР. СПБ. УНИВ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ Б. М. ВОЛЬФА, НЕВСКІЙ ПР., 126 (УГ. СУВОР. ПР.).

1910.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		стр.
Глава I. Скотъ, куны, серебро, деньги	1	
II. Происхождение рубля и его древнейший видъ 1315—1435 .	12	
III. Древнейшая денга 1385—1435	19	
IV. Древнейшая перемъна въ новгородскомъ рубль 1435—1447	26	
V. Первое измѣненіе московского рубля 1435—1485	43	
VI. Рубль Ивана III 1485—1535	53	
VII. Рубль Ивана IV 1535—1613	62	
VIII. Рубль Михаила Федоровича 1613—1682	78	
IX. Неудачные монетные эксперименты 1654—1664 гг.	103	
X. Монетная преобразованія Петра Великаго 1682—1724 . .	118	
XI. Петровскій рубль при его ближайшихъ преемникахъ 1725—		
1762	151	
XII. Екатерининскій рубль 1762—1796	162	
XIII. Серебряный рубль и упадокъ ассигнацій 1797—1855 . .	171	
XIV. Кредитные билеты и упадокъ серебряного рубля 1855—1900	215	

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Скотъ, куны, серебро, деньги.

Отъ домонгольской эпохи и отъ ближайшаго къ ней времени (скажемъ, до начала XIV вѣка) до нась дошло, въ древней письменности, довольно много извѣстий, въ которыхъ упоминаются денежныя суммы; но сравнительно до нась дошло гораздо меньше извѣстий, въ которыхъ слово „куны“ употребляется въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы теперь употребляемъ слово „деньги“. Въ этомъ отношеніи слово „куны“ замѣчательно тѣмъ, что время, впродолженіе котораго оно только одно служило для этой цѣли, было сравнительно короткое. Ходячіе взгляды по этому предмету отличаются значительной сбивчивостью. Даже авторитетнѣйшие историки полагаютъ, что у нась сначала только слово „куны“ служило для общаго обозначенія денегъ, а потомъ, скоро послѣ того, какъ древнерусское населеніе познакомилось съ татарскимъ словомъ „деньги“, это слово вытѣснило слово „куны“ и вошло во всеобщее употребленіе въ нынѣшнемъ его смыслѣ. Это невѣрно. Окончательно слово „деньги“ въ нынѣшнемъ его общемъ смыслѣ вошло во всеобщее употребленіе только въ эпоху Ивана Грознаго, около половины XVI вѣка; только съ этого времени оно совершенно вытѣснило всякий иной способъ обозначенія этого понятія. Для цѣли обозначенія этого же понятія оно служило нѣкоторое время (можетъ быть, около полувѣка) уже и до половины XVI в.; но тогда не оно одно служило для этой цѣли. И не слово „куны“ служило для этого, а другое слово, которое нѣкоторое время конкурировало съ словомъ „куны“ даже уже до XIV ст., вытѣснивъ его въ большинствѣ случаевъ уже съ XIV вѣка.

Но слово „куны“ не может считаться и наидревнейшимъ выражениемъ того понятія, которое мы теперь обозначаемъ словомъ „деньги“. Наидревнейшее выражение для этого составляеть слово „скотъ“; отсюда „скотница“ Владимира Святого, въ которой хранятся и его „куны“ (Владиміръ повелѣлъ раздать бѣднымъ „отъ скотницъ кунами“). По древнейшей редакціи Русской Правды можно „скотомъ заплатити“¹⁾. Ярославъ въ 1018 г. „начаша скота сбирати: отъ мужа по 4 куны, а отъ старость по 10 гривень и отъ бояръ по 18 гривенъ, и приведоша варяги и вдаша имъ скотъ“. Ярославъ собиралъ „куны“ и „гривны“, а получиль и выдалъ варягамъ „скотъ“. Очевидно, что слово „скотъ“, конкурируя съ словомъ „куны“, еще въ XI ст. служило для той же цѣли, для которой мы пользуемся словомъ „деньги“. Владимиrъ Мономахъ въ концѣ XI в. еще употребляетъ выражение „дая скота много“ въ смыслѣ расхода большихъ денежныхъ суммъ²⁾). Даже въ концѣ XII в., въ договорной грамотѣ новгородцевъ съ нѣмцами 1182—84 г. еще встречается выражение: „оже имати скотъ варягу на русинѣ, или русину на варязѣ, то 12 мужъ послухи“³⁾. Но уже съ XII ст. выступаетъ новый конкурентъ слова „куны“, конкурентъ очень опасный и сильный, съ теченіемъ времени все чаще и чаще вытѣсняющій слово „куны“ и занимающій его мѣсто. Этотъ конкурентъ — слово *серебро*, не въ смыслѣ названія бѣлаго драгоценнаго металла, а въ томъ же смыслѣ, въ которомъ французы употребляютъ слово *argent*, въ смыслѣ денегъ вообще, всякихъ денегъ,—въ томъ смыслѣ, въ которомъ и монеты изъ золота и мѣди тоже составляютъ *argent*; въ этомъ же смыслѣ слово „кесафъ“ — серебро употребляется уже въ Ветхомъ Завѣтѣ; греки тоже употребляли слово „серебро“ въ смыслѣ денегъ; римляне употребляли для этого слово „мѣдь“ (*aes*); знаменитый юристъ Ульпіанъ говоритъ: *etiam aureos nummos aes dicimus*⁴⁾. Всѣ, изучавши памятники древнерусской письменности, отлично знаютъ фактъ, что въ нихъ слово „серебро“ употребляется въ смыслѣ денегъ. Но еще никто не приводилъ этого факта въ связь съ переходомъ отъ употребленія слова „куны“ къ употребленію слова „деньги“ и никто еще не останавливался на подробномъ разсмотрѣніи этого перехода. Попытаемся восполнить этотъ пробѣлъ и для этого разсмо-

1) Русская Правда по изд. проф. В. И. Сергеевича, древнейшая редакція ст. 25, а также ст. 20, 21, 24.

2) Лавр. лѣтоп. 3 изд. стр. 241.

3) Русско-Ливонск. акты № 1.

4) Babelon, *Traité des monnaies grecques et romaines*, I, Paris 1901, pp. 396—401.

тремъ сначала дошедшія до нась извѣстія объ употребленіи слова „серебро“ въ смыслѣ денегъ.

Отъ XIII столѣтія до нась дошло такихъ извѣстій немного. Подъ 1209 г. однако мы уже встрѣчаемъ обвиненіе новгородскаго посадника Дмитрія и братьи его, съ любопытнымъ противупоставленіемъ: „пово-
лѣша на новгородціхъ сребро имати, а на волостыхъ куны брати“¹⁾). Подъ 1229 г. первая псковская лѣтопись сообщаетъ слова псковицѣ Ярославу: „ходили есте къ Колываню и серебро ваясте, а правды не учинисте“²⁾). Подъ 1252 г. въ Ипатіевской лѣтописи читаемъ: „не ваявъ быхъ тысящъ серебра“³⁾). Въ той же лѣтописи подъ 1257 г. рассказывается, что „Данило (Галицкій, послѣ побѣды надъ Ятвягами) послы Костятина, да набереть на нихъ (Ятвяговъ) дань; ъхавъ же Костя-
тина поима на нихъ черныя куны и бѣлье серебро“⁴⁾). Въ рядной, кото-
рую И. И. Срезневскій отнесъ къ 1266—69 г., встрѣчаются слова: „и на дѣвцѣ Якимъ сребро ваяль“, которыхъ И. И. Срезневскій переводить:
„деньги Якимъ получилъ“⁵⁾). Подъ 1270 г. опять находимъ въ новгород-
ской лѣтописи жалобу: „чему поималъ еси серебро на Мѣкифорѣ и т. д.“⁶⁾). Въ духовной новгородца Клиmenta, которую И. И. Срезневскій относилъ къ 1270 г., встрѣчаются слова: „а на поральское серебро“⁷⁾ на-
клада ваяти“. Наконецъ, напомнимъ, что въ XIII ст. вмѣстѣ съ татарами являемся „ордынское серебро“, т. е. деньги для уплаты татарской дани.

Съ возникновеніемъ счета на рубли, въ XIV ст., слово куны въ смыслѣ денегъ начинаетъ отходить на задній планъ, но зато слово се-
ребро въ томъ же смыслѣ употребляется уже гораздо чаще. Въ договорной
грамотѣ в. к. тверскаго Михаила Ярославича съ Новгородомъ, 1807 г..
между прочимъ, говорится: „а нынѣ серебра не вели емати“⁸⁾). Въ
договорѣ вел. князя Георгія съ вел. княземъ тверскимъ Михаиломъ
Ярославичемъ о рубежахъ, выходцахъ и т. д., 1818 года, между про-
чимъ, условливается: „а что поималъ на Вологдѣ кречеты, и серебро,
и бѣлу . . . дати имъ назадъ по исправѣ“⁹⁾). Подъ 1821 г. въ лѣтописи

1) Новгород. синод. харатейн. стр. 192.

2) П. С. Р. Л. IV стр. 178; Новгор. синод. харат. стр. 228.

3) П. С. Р. Л. II стр. 187.

4) П. С. Р. Л. II стр. 194.

5) Русско-Ливонс. акты стр. 15; Зап. И. Рус. Археол. Общ. III 235, 235, 237.

6) Новгор. синод. харат. стр. 292; П. С. Р. Л. VII, 169.

7) Поральское серебро, т. е. серебро, уплачиваемое соразмѣрно числу ралъ или
сохъ, аналогично позднѣйшему выражению „посошныя деньги“.

8) С. Г. Г. и Д. I № 11 стр. 14.

9) С. Г. Г. и Д. I № 14 стр. 18.

рассказывается: „князь великий Юрій Данилович вая серебро выхodное (татарскую дань), тверскихъ князей по докончанию и поиде съ серебромъ въ Новгородъ Великий¹⁾). Въ новгородской лѣтописи подъ 1821 г. рассказывается: „ходи князь Юрій Дмитровичъ ратью на Дмитрія Михаиловича Тверского и докончаша на 2000 серебра“²⁾). Тамъ же подъ 1827 г. находимъ извѣстіе: „приде рать татарская . . . и просто рещи всю землю русскую положиша пусту, только Новгородъ ублуде Богъ . . . и въ Новгородъ послаша послы татарове и даша имъ Новгородцы 2000 серебра“³⁾). Въ 1882 г. „великий князь Иванъ приде изъ орды и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра за камскаго“⁴⁾). Въ первой псковской лѣтописи сообщается, что въ 1862 г. „прияша псковичи нѣмецкій гость . . . серебро на нихъ поимаше за головы избѣнныхъ“⁵⁾). Въ жалованной грамотѣ Дмитрія Донского Микулѣ съ дѣтьми, 1862 г., говорится: „се язъ, князь великий пожаловалъ есьмъ (такихъ-то), не надобъ имъ ни въ которую дань, ни въ ординское серебро“⁶⁾). Подъ 1871 г. въ Воскресенской лѣтописи сообщается, что „князь великий Дмитрій Ивановичъ . . . выведе съ собою изъ орды княже Михаилова сына Тверского князя Ивана, окупивъ его у татаръ въ долгъ, вдастъ на немъ 10 тысячи рублей серебра, еже есть тма“⁷⁾). Четвертая новгородская лѣтопись сообщаетъ, что въ 1888 г. „выйде изъ орды князь Михайло Тверскій безъ великого княженія, а Василія Дмитріевича прія царь въ 8000 серебра“⁸⁾). По третьей новгородской лѣтописи новгородцы въ 1886 г. били чесломъ Дмитрію Донскому „8000 серебра“⁹⁾). Эти 8000 рублей по разсау четвертой новгородской лѣтописи были уплачены такъ; „новгородцы вземше съ полатей у Святой Софии 8000 рублей и то серебро даша князю, а 5000 рублей повелѣша князю великому ваять на заволочанахъ“¹⁰⁾). Въ договорной грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, 1886 года, они условливаются, между прочимъ, о томъ, чтобы для уплаты татарской дани „дати ти мнѣ,

1) П. С. Р. Л. X стр. 188.

2) Новгор. синод. хар. стр. 319.

3) Тамъ же стр. 323. П. С. Р. Л. VI, 201; по Никоновской лѣтописи „5000 рублей новгородскихъ“ П. С. Р. Л. X, 194.

4) Новгор. синодальн. хар. стр. 328.

5) П. С. Р. Л. IV стр. 191.

6) Дополн. къ Акт. Ист. I № 9 стр. 9.

7) П. С. Р. Л. VIII, 178.

8) П. С. Р. Л. IV, 90.

9) П. III 232.

10) П. IV 94.

великому князю съ своею отчини 5820 рублевъ, а съ Ростовця и съ Перемышля и съ Коалова Броду взяли ти собѣ *въ тоже серебро*¹). Въ уставной грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріана о церковныхъ судахъ и пр., 1889 года, находимъ опредѣленіе: „а боярамъ и слугамъ князя великого и митрополичемъ земель Луховскихъ не купити, а которые будуть покупиши, а тѣмъ лѣтии вонъ, а *серебро свое взяти*²). Третья и четвертая новгородскія лѣтописи разсказываютъ подъ 1391 годомъ: „бысть пожаръ . . . взяли новгородцы у святѣй Софіи съ полатей *серебра 10.000 . . .* и раздѣлиша на конецъ по 1000 рублевъ *серебра и ставиша костры каменые*³). Въ четвертой новгородской лѣтописи подъ 1494 г. разсказывается, что „отъ митрополита Кипріана бояринъ Дмитрокъ приѣхалъ *прошать серебра 850* рублевъ, что ъздили Кюръ Сазоновъ да Василій Щечкинъ въ Царьградъ къ патріарху послали отъ Новгорода и скопили долгъ; и новгородцы *даша то серебро*⁴). Подъ 1398 г. лѣтопись сообщаетъ намъ извѣстіе: „князь великій Василей Дмитріевичъ . . . послана въ Царьградъ *мою серебра въ милостыню*⁵). Къ 1899 г. относится извѣстіе новгородскихъ лѣтописей, что „татарове съ города Кіева окупъ взяша 8000 рублевъ *литовскимъ серебромъ*⁶). Наконецъ къ XIV ст. относится очень важный фактъ, что въ Псковской судной грамотѣ только одинъ разъ встрѣчается слово куны въ смыслѣ денегъ („городскими куны не корыстоватися“), во всѣхъ же другихъ случаяхъ въ этомъ смыслѣ употребляется слово „серебро“. Вотъ нѣсколько примѣровъ: „а кто положить (предъявить) доску (документъ) на мрѣтвого (умершаго) о зблуденыи (о поклажѣ для храненія) сребра, или платья, или круты, или иного чего животнаго . . . А кто на комъ имать сочтити осудною *серебра* по доскамъ . . . Кто иметь *серебра сочтити* по закладу . . . Да свое *серебро* возьметъ . . . А кто иметь даватъ *серебро въ заемъ* . . . А который человѣкъ поручится за друга *въ серебрѣ* . . . а молвить тако: азъ, брате, тебе *заплатилъ то серебро*“. Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ „серебро“ значить деньги. Мы накѣренно выдѣлили и отмѣтили случаи, въ которыхъ денежные суммы въ рубляхъ излагаются, какъ составляющія *серебро* (а не куны).

1) С. Г. Г. и Д. I № 35 стр. 63.

2) А. А. Э. I № 9 стр. 4.

3) П. С. Р. Л. III 233; IV 98; Новгородскія лѣтописи изд. 1879, стр. 247.

4) П. С. Р. Л. IV стр. 100.

5) П. С. Р. Л. VII, 71; XI, 168.

6) П. С. Р. Л. III, 101; IV, 104; VII, 73.

Въ XV столѣтіи куны уже становятся рѣдкостью и это слово употребляется только въ рѣдкихъ документахъ, которые пишутся по стариннымъ образцамъ и въ которыхъ употребляются устарѣлія выраженія. Въ преобладающей же массѣ извѣстій, до нась дошедшихъ, въ смыслѣ денегъ употребляется слово серебро.

Извѣстно, что Едигей упрекалъ великаго князя Василія Дмитріевича въ томъ, что онъ присваиваетъ себѣ татарскую дань; этотъ упрекъ лѣтопись подъ 1409 г. передаетъ такъ: „а что еси ималъ въ твоей державѣ со всякого улуса съ двухъ сохъ рубль, и то *серебро* гдѣ ся дѣваетъ“ ¹⁾). Въ духовной удѣльнаго князя Владимира Андреевича (двоюроднаго брата Дмитрія Донскаго), 1410 года, между прочимъ, говорится: „а выйдетъ дань ко ордѣ дати . . . и пошлютъ своего боярина за своимъ *серебромъ* ко казнѣ великого князя и отдадутъ *серебро* вмѣстѣ“ ²⁾). Въ одной новгородской грамотѣ, посланной въ Ригу въ 1417 г., между прочимъ, находимъ: „а только не отдашутъ нашей брати *тою серебра* (суммы 400 руб.) и мы имъ велимы ваяти ту четыриста рублевъ на вашей брати, на купчехъ“ ³⁾). Подъ 1425 г. первая псковская лѣтопись сообщаетъ, что при столкновеніи съ Витовтомъ псковичи сначала „посулиша 1000 рублей, а срокъ себѣ учиниша и *серебро положити* на Крещеніе“, а чрезъ годъ они „кончаша миръ, за полоненыхъ окупа полпятаста (450) рублей, а *серебро дати* на покровъ день“ ⁴⁾). Въ дошедшей до нась купчей грамотѣ, которую относятъ ко времени до 1427 году, говорится: „се язъ, игуменъ Кирило (Бѣлозерскій) купилъ есми въ домъ Пречистой Богородици деревню, а даль есмь 8 рубли и 40 бѣль да бѣлу пополика, а *серебро платиль* отъ игуна чернецъ Варсонофій“ ⁵⁾ Въ новгородскихъ лѣтописяхъ разсказывается, что въ 1428 г. „приходилъ князь Витовъ къ Порхову съ ратью и Порховичи кончаша за собе на 5000 *серебра*“, а потомъ приѣхали владыка Ефимій и послы новгородскіе „и доконча другую 5000 *серебра*“; въ Никоновской же лѣтописи прибавляется: „и то *серебро* браша со всѣхъ волостей новгородскихъ, въ 10 человѣкъ по рублю“ ⁶⁾). Въ договорной грамотѣ Василія Васильевича съ Юріемъ Дмитріевичемъ Галицкимъ, 1488 г., говорится: „а что есмъ занялъ

1) П. С. Р. Л. XI, 210.

2) С. Г. Г. и Д. I, № 40, стр. 77.

3) Калачева, Арх. ист.-юрид. свѣд. 1855 г., кн. 2. перв. полов. отд. 2, стр. 7.

4) П. С. Р. Л. IV, стр. 204, 205.

5) А. Ю. № 72, стр. 119.

6) П. С. Р. Л. III, 110, 238; XII, 8.

у гостей и у суконщиковъ 600 рублевъ да заплатилъ есмъ въ твой долгъ въ Ординской Резѣнѣ Хозѣ да Абину въ кабалы и на кабалахъ есмъ *то серебро подписанъ*, и тебе съ мене тотъ долгъ ту 600 рублевъ сняти и съ тѣми гостыми вѣдатися тобѣ опречь мене самому, а мнѣ тобѣ тѣхъ сказати, у кого есмъ *то серебро заимовалъ*¹). Въ другой договорной грамотѣ Василія Василіевича съ Дмитремъ Шемякою, 1484 г., говорится; „а что не додалъ ми еси въ выходы (въ татарскую дань) серебра, . . . а то ти мнѣ, брате, отдати по розочту“²). Еще въ одной договорной грамотѣ Василія Темнаго съ княземъ можайскимъ содержится выражение: „знати ит *свое серебро*“. Къ 1450 относится грамота объ особой группѣ крестьянъ, которые называются „монастырскими серебрянниками“; въ этой грамотѣ говорится о „монастырскихъ половникахъ въ серебрѣ“, о половникахъ-серебрянникахъ³), при чёмъ очевидно имѣются въ виду крестьяне, получившие денежные ссуды отъ монастыря (съ „монастырскимъ серебромъ“ мы еще будемъ встрѣчаться).—Въ духовной грамотѣ жены князя Владимира Андреевича, 1452 г., читаемъ: „а что мой долгъ, что есми заимовала, а за нимъ ся остало 400 рублевъ, и господинъ мой великий князь Василей Васильевичъ пожаловалъ бы взять *то серебро* на моемъ выкупѣ, да дать бы *то серебро* снохамъ моимъ, а снохи мои должникомъ заплатить, а съ моемъ души сведутъ... чтобы на мене должники мои не плакали“⁴). О томъ, какъ далеко проникло и въ сельскую жизнь обозначеніе денежныхъ отношеній словомъ „серебро“, еще разъ показываетъ духовная Софья Витовтовны, жены Василія Темнаго, 1458 г., „а даю тѣ села... и съ хлѣбомъ и съ животиной и съ половиною изѣдѣлья серебра... А другую половину изѣдѣлья серебра велѣла своимъ христіянамъ *серебренникомъ* отдавати“⁵). Подъ 1456 г. лѣтописи сообщаютъ: „пріиде князь великий Василей Васильевичъ къ Новгороду ратью... вая у нихъ князь велики 10000 рублевъ новгородскимъ серебромъ“⁶). Въ грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича на Бѣлоозеро о выходѣ крестьянъ изъ-за Кириллова монастыря, 1462 года, читаемъ: „и который христіянинъ скажется въ *ихъ серебрѣ* виноватъ и вы бы ихъ *серебро заплатили* монастырское,

1) С. Г. Г. и Д. I, № 49, стр. 102 и № 50, стр. 104.

2) Тамъ же № 52 и 58, стр. 108 и 111.

3) А. А. Э. I, № 48, стр. 35.

4) С. Г. Г. и Д. I № 82, стр. 191.

5) С. Г. Г. и Д. № 83, стр. 194.

6) П. С. Р. Л. III, 141; VII, 181; VIII, 147.

а кто ся скажетъ монастырю *серебромъ неимоватъ* и вы бы потомъ монастырю *въ ихъ серебръ давали поруку*¹⁾). Въ 1471 г. „приѣхалъ князь великій Иванъ Васильевичъ къ Новгороду ратью... и добиша челомъ великому князю 18000 *серебра новгородскихъ рублей*.. Потомъ же князь великій послалъ въ Новгородъ боярина Федора Давыдовича, привести велѣль весь Новгородъ къ цалованію отъ мала же и до велика и *серебро на нихъ имати*²⁾). Въ договорѣ Ивана Васильевича съ Новгородомъ отъ 11 августа 1471 г., между прочимъ, говорится: „а что серебро и хлѣбъ великимъ княземъ въ Торжку или на Гудахъ, а то великимъ княземъ не надобѣ. А кто будетъ на поруцѣ дань въ серебрѣ или въ хлѣбѣ, а съ тѣхъ порука доловъ“³⁾). Въ духовной Юрія, брата Ивана III, находимъ такое опредѣленіе: „монастырскаго серебра 12 рублей... А что въ томъ селѣ и въ деревенькѣ *серебра на людехъ*, ино того *серебра половина Великой Троицѣ*, а другая половина тымъ христіянамъ, на коихъ *серебро*⁴⁾). Подъ 1480 г. въ первой псковской лѣтописи разсказывается, что „посадники псковскіе повезопа отъ Пскова поминка великому князю полсема десятка рублей *серебромъ* опроче своихъ поминковъ“⁵⁾). Въ договорѣ, который въ 1482 г. новгородскіе намѣстники заключили съ магистратомъ Нѣмецкаго Ордена, фонъ деръ Борхтомъ, между прочимъ, говорится: „а что взяли Рюдевцы подъ товары у купчинъ новгородскихъ 20 рублей да сто, ино тое серебро отдать 20 рублей да сто на Покровъ Святой Богородицы“⁶⁾). Въ духовной Ивана Ивановича Салтыка, 1488 года, говорится, между прочимъ: „а что въ моемъ селѣ *серебро на Водозѣ* въ Спасскомъ, да и въ деревняхъ, да и то серебро отدادутъ женѣ моей... а прикащики мои возьмутъ съ того села 60 рублей да то *серебро* отدادутъ женѣ моей. А что село мое на Москвѣ Шерепово и то село прикащики мои чѣмъ обложать и братъ мой Михайло Шарапъ *серебро дастъ*, а прикащики мои *тѣмъ серебромъ долгъ мой отплатятъ*⁷⁾). Въ другой духовной, Ивана Юрьевича Патрикѣева, 1498 года, читаемъ: „а что въ моихъ селахъ у моихъ ключниковъ *моего серебра на рукахъ*, и тѣ мои ключники то *серебро* изъ людей выбравъ, да отدادутъ моей

1) А. А. Э. I, № 73, стр. 53.

2) П. С. Р. Л. VIII, 167.

3) С. Г. Г. и Д. I, № 20, 2. А. А. Э. I, № 91, стр. 68.

4) С. Г. Г. и Д. I, № 96, стр. 231.

5) П. С. Р. Л. IV, стр. 282.

6) Сборникъ Муханова стр. 41.

7) А. Ю. № 413, стр. 440.

женъ и моимъ дѣтямъ“¹). Въ дошедшей до насъ новгородской духовной XV в. говорится: „а что купля отца моего, а то мнъ по купчимъ грамотамъ, по серебру и по отца моего рукописаню“²). Въ другой духовной XV в., тоже новгородской, говорится: „на отцъ моемъ и на мнъ 20 рублевъ и сто; и была о томъ серебръ (о 120 рубляхъ) говорка передъ владыкою Алексѣемъ“³). Въ купчей XV в. находимъ: „се купи Мелентій село земли, а даль на томъ на всемъ 18 рублевъ серебра“⁴). Въ закладной XV в. „Семенъ Степановъ сынъ Рознѣжскаго“ удостовѣряется, что онъ „ занялъ у Архимандрита у Малахія у Благовѣщенскаго и у его братіи 20 рублевъ монастырскою серебра“⁵).

Отъ XVI вѣка мы имѣемъ лишь два извѣстія, въ которыхъ въ смыслѣ денегъ употребляется только „серебро“; оба эти извѣстія сообщаютъ намъ софіевская лѣтопись. Подъ 1584 г. разсказывается, что на построеніе въ Москвѣ Китай-города „государь князь великий Иванъ Васильевичъ и его мати благочестивая княгиня Елена вдаша отъ своея казны серебра на устроеніе града, елико надобно, такоже повелѣша и митрополиту вдати, колико достоитъ, такоже всему священническому чину урокъ учиниша, по тому же княземъ и бояромъ и сановникомъ, елико которому достоитъ, такоже и гостемъ и всѣмъ торговымъ людемъ, который чего точень по государеву указу повелѣша вдавати“⁶). Вѣроятно, собранная для сооруженія Китай-города сумма была значительная и она вся еще была собрана, какъ „серебро“, хотя это было уже въ 1584 г. Другое извѣстіе, 1585 г., — такое: „государь князь великий и мати его, благовѣрная княгиня Елена прислали архіепископу Великого Новгорода и Пскова владыкѣ Макарію сына боярскаго съ грамотою: что приходили въ прежніе лѣта татарове въ государеву украину, взяли въ пленъ дѣтей боярскихъ, и мужей, и женъ, и дѣвицъ . . . и Господь Богъ умягчи сердце ино-племенниковъ и паки возвратили пленъ всپять, и за то просили у государя великого князя Ивана Васильевича серебра. И князь великий велѣль своимъ бояромъ серебро дати, елико достоитъ, а крестьянскія души искупити отъ ино-племенниковъ. И государь князь великий Иванъ Васильевичъ и его мати . . . послали своему богомолцу, вла-

1) С. Г. Г. и Д. I, № 130, стр. 337.

2) А. Ю. № 409, I, стр. 409.

3) А. Ю. № 409, II, стр. 410.

4) А. Ю. № 71, IV, стр. 111, Шахматовъ, Двинскія грамоты № 81, стр. 101.

5) Акты отн. до юр. быта II, № 128, II.

6) П. С. Р. Л. VI, 292.

дыкъ Макарію, въ ту маду по обежному счету въ своеи архіепископії со всѣхъ монастырей собрати 700 рублевъ московскую. И владыка Макарій повелъ вбораѣ собрати 700 рублевъ и посла серебро собравъ къ государю на Москву князя Оболенского и дьяка и съ ними серебра 700 рублевъ¹).

Подобные случаи, въ которыхъ только слово серебро употребляется въ смыслѣ денегъ въ первой половинѣ XVI ст. уже очень рѣдки, а во второй половинѣ XVI в. уже совсѣмъ намъ неизвѣстны. Но мы можемъ привести нѣсколько извѣстій, показывающихъ, что въ теченіе всего XVI ст. оба слова, серебро и деньги, одновременно употребляются въ одинаковомъ смыслѣ. Такъ, до насъ дошла закладная на рыбную ловлю 1501—1502 г. слѣдующаго содержанія: „се язъ Окуль Жукъ, княжъ Ивановъ слуга Семеновича, занялъ есмъ у архимандрита у Воскресенского у Черновскаго монастыря у Арсеня рубль денегъ московскими денами ходачими по пяти гривенъ полтина на годъ; а въ тѣхъ есмъ у него денами заложилъ государя своего повѣтъ въ Устьзуцкомъ юзу; за росты ему бити и сѣдѣти; а поляжетъ серебро по сроцѣ, ино ему ся кабала и купчая“²). — А вотъ другой документъ, 1524 года, въ которомъ слово серебро въ смыслѣ денегъ употребляется 3 раза, но въ томъ же смыслѣ и слово деньги употребляется по меньшей мѣрѣ одинъ разъ: „се язъ Федоръ, да язъ Олешко, да язъ Иванко, Омельяновы дѣти, Мироѣдова, заняли есмъ у Еляцкого казначея, у старца у Корнея полтину денегъ монастырскаго серебра казеннаго, великого князя, описанного . . . а на то серебро давати рость на пять шестой . . . а въ серебрѣ есмъ и въ росту всѣ настъ одинъ человѣкъ, который (изъ) настъ въ лицѣхъ (на лицо), на томъ денами и рость, на любомъ“³). Вотъ еще такой же документъ 1537 года: „се язъ Осуня, да язъ Володя, да язъ Степанъ . . . заняли есмъ у Кириловскаго прикащика . . . четыре рубля московскихъ денегъ ходачихъ казеннаго серебра монастырскаго . . . а въ тѣхъ есмъ денами заложили пожно . . . а въ серебрѣ есмъ всѣ пять настъ единъ человѣкъ, который настъ въ лицѣхъ на томъ серебро“⁴). И наконецъ еще одинъ документъ этого же рода отъ 1596 г., когда слово серебро въ смыслѣ денегъ уже почти совсѣмъ вышло изъ употребленія: „се язъ Осипъ Юрьевъ сынъ Васильевъ съ своими дѣтьми . . . заняли есмъ

1) П. С. Р. Л. VI, 294.

2) Акты, отн. до юр. быта. II, № 126, IV.

3) А. Ю. № 285 стр. 261.

4) Тамъ же № 288 стр. 262.

у Шаблыкина государя его серебра восемь рублевъ *деньги* московскихъ ходячихъ на годъ . . . за ростъ намъ у государя его служити во дворѣ по вся дни; а полягутъ *деньги* по сроцѣ и намъ за ростъ служити по тому же; а кой насть заемщикъ въ лицахъ, на томъ деньги и служба¹).

Употребленіе слова деньги въ нынѣшнемъ его общемъ смыслѣ начинается однако уже въ концѣ XV вѣка, хотя и лишь въ одиночныхъ случаяхъ, немногочисленныхъ, причемъ большою частью при этомъ въ смыслѣ денегъ употребляется и слово серебро. Такъ въ духовной Андрея, брата Ивана III, 1481 г., читаемъ: „дати ми Григоръ Бобынѣ 250 рублевъ, а заложено у него въ *тъхъ* *демахъ* чепъ золота да поясь золотъ да ковпъ . . . Дати ми Ивану Врягину 850 рублевъ, а заложено у него въ *тъхъ* (названы вещи), да въ *тъхъ* же *демахъ* у него заложены (названы еще другія вещи) . . . А что въ моихъ селахъ на Вологдѣ и въ Таруствѣ на христіяне мое *серебро изольмное и ростовое* и мое жито на нихъ заемное и оброчное . . . и язъ то *свое серебро и жито отдать христіянамъ*²). Въ одной заемной и закладной 1484 г. говорится: „се язъ, Наумъ да Онцыфоръ . . . заняли есмѧ у Гаврила 12 рублевъ московскимъ *серебромъ ходячимъ* . . . на годъ, а во тѣхъ есмѧ у него *демахъ* заложили свой наволокъ на рѣкѣ Шекснѣ, 4 стожья за ростъ косити. А не заплотимъ мы на срокъ *деньги*, ино ся кабала на нашъ наволокъ купчая грамота безъ выкупа на вѣки³). Въ Бѣлозерской таможенной грамотѣ 1497 г. читаемъ: „откупили Бѣлозерскую тамгу да пятно коневое Титъ Окимовъ да Есипъ Тимофеевъ да Семенъ Бобръ, а откупа имъ дати 100 рублевъ и 20 рублевъ, а имати у нихъ тѣ *деньги* часовнику подъячему по срокомъ: 60 рублевъ ваяти на великое заговѣнье, а 60 рублевъ на Игоря Константиновича на Еленинъ день⁴). Въ духовной Ивана Юрьевича Патрикѣева 1498 г. читаемъ: „а что въ моихъ селехъ у моихъ ключниковъ *моего серебра* на рукахъ, и тѣ мои ключники *то серебро* изъ людей выбравъ да отدادутъ моей женѣ; а что *моихъ* *деньги* во всѣхъ моихъ селехъ за крестьяны, и жена моя и дѣти мои половину *тѣхъ* *деньги* крестьяномъ отпадутъ, а другую половину на нихъ возмутъ да темъ подѣлятся⁵).— Наконецъ въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ Вотской и Шалон-

1) Тамъ же № 222 стр. 267.

2) С. Г. Г. и Д. I № 112 стр. 271, 272.

3) А. Ю. № 238 стр. 260.

4) А. А. З. I № 194 стр. 99.

5) С. Г. Г. и Д. I № 180 стр. 337.

ской пятинъ 1500 года сплошь и рядомъ говорится: денегъ столько-то рублевъ, или денги — полтина новгородская, или денегъ столько-то гриненъ, или деньгами столько-то рублей, гриненъ и денегъ новгородскихъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Происхожденіе рубля и его древнѣйшій видъ.

1315—1450.

Въ домонгольской Руси и въ первое столѣтіе монгольского ига, до второго десятилѣтія XIV в., самою крупною денежною единицею была гринна. Она отличается архаическою особенностью всѣхъ древнѣйшихъ денежныхъ единицъ языческаго и христіанскаго міра: она одновременно и денежная, и вѣсовая единица. Это хорошо известно и пашшимъ историкамъ. Менѣе общезвестенъ параллельный этому фактъ, что и рубль рождается съ тою же архаическою особенностью. Древнѣйший рубль возникаетъ не только, какъ самая крупная денежная единица, замѣняющая гринну, какъ денежную же единицу; онъ возникаетъ, сверхъ того, какъ новая вѣсовая единица, замѣняющая гринну въ той же роли. Древнѣйший рубль возникаетъ въ началѣ XIV вѣка не просто, какъ рубль, а какъ рублевая гриненка, какъ гриненка, вѣсъ, служащая рублемъ, или какъ рубль, составляющей гриненку, имѣющей вѣсъ гриненки. Въ этомъ отношеніи между древнею Русью и раннимъ средневѣковьемъ Западной Европы оказывается полное сходство. Въ Западной Европѣ древнѣйшую самою крупною денежной единицею былъ ливръ, который одновременно былъ и денежною, и вѣсовой единицею; этому въ древнѣйшей Руси соответствуетъ гринна. Въ XI столѣтіи ливръ оказывается слишкомъ крупною единицею и его замѣняетъ марка (въ однихъ мѣстахъ половина, въ другихъ двѣ трети ливра), и въ древнѣйшемъ своемъ видѣ марка сохраняетъ архаическую двойственность, служа одновременно какъ вѣсовую, такъ и денежную единицею. И тоже самое мы видимъ въ древней Руси: западно-европейской маркѣ соответствуетъ въ древней Руси рублевая гриненка, которая въ XIV ст. и въ первой половинѣ XV ст. служить одновременно денежною и вѣсовую единицею, а съ половины XV ст. обѣ эти единицы обособляются (дифференцируются) одна отъ другой и продолжаютъ свою эволюцію одна независимо отъ другой.

Слитное возникновеніе рубля и гриненки въ видѣ рублевой гри-

венки доказывается тѣмъ, что именно въ этомъ видѣ мы ее находимъ въ древнѣйшее время среди мѣръ и вѣсовъ, охраняемыхъ свѣтскою и духовною властью: „скалы вощаныя, пуды медовыя, гриненка рублевая и локоть иванской“¹⁾. Въ этомъ же видѣ мы встрѣчаемся въ 1409 г. въ договорѣ Смоленска съ Ригою съ рублемъ, какъ выраженіемъ русскаго *веса*, сравниваемаго съ рижскими. Наконецъ, мы встрѣчаемся и съ лѣтописнымъ извѣстіемъ о цѣнѣ рублевой гриненки темяна, примѣръ, наглядно показывающей, какъ вѣсь разныхъ предметовъ выражался посредствомъ рублевой гриненки, ваятой, какъ вѣсовая единица.

Такъ какъ вѣсовая величина гриненки намъ очень хорошо известна по многочисленнымъ свидѣтельствамъ нашихъ источниковъ XV, XVI и XVII ст., а также по многочисленнымъ сравнительнымъ показаніямъ иностранцевъ, бывавшихъ въ древней Руси въ тѣ же столѣтія, то это даетъ намъ возможность знать совершенно точно, какъ былъ величъ древнѣйшій рубль въ первые полтора столѣтія его истории, съ начала XIV в. до половины XV вѣка. Гриненка возникла и продолжала оставаться во все времена, въ которое ю пользовались, до Петра Великаго, въ видѣ вѣса, равнаго нынѣшнему нашему полуфунту или 48 золотникамъ (= 4608 долей = 204,76 граммовъ). Это и есть древнѣйшій нашъ рубль. Реально онъ существовалъ и дошелъ до настъ въ видѣ серебряныхъ слитковъ въ 48 золотниковъ, которые въ обиціи находились въ древнихъ кладахъ. Такіе слитки были находимы не только указаннаго полнаго вѣса, но и половиннаго и четвертнаго; слитки половиннаго и четвертнаго вѣса служили полтинами и четвертами. Огромное большинство находимыхъ слитковъ всегда было 48 золотниковъ или близкихъ къ этому вѣсу; то-есть, огромное большинство слитковъ были рублевые, что и естественно.

Вопросъ о томъ, откуда взялся рубль и какія обстоятельства способствовали тому, что онъ очень скоро вытѣснилъ домонгольскую гринву и получилъ очень широкое распространеніе,—никогда еще не ставился. Едва ли можетъ быть, однако, сомнѣніе въ томъ, что замѣна древнѣйшей вѣсовой и денежной единицы, гринвы, новою, рублевою гриненкою, должна была произойти раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, въ какой-нибудь таѣ областіи, въ которой вырабатывались новыя условія жизни. Въ монгольской Руси такія новыя условія всего сильнѣе обнаруживались въ сѣверо-восточной Руси, въ низовыхъ

1) См. нашъ опытъ Русскій вѣсъ, Спб. 1906, стр. 40.

земляхъ. Поэтому болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ нихъ ранѣе всего получили значеніе новый вѣсь, какъ „низовыій вѣсь“, и новая денежная единица рубль. На это указываетъ время, къ которому относится самое раннѣе извѣстіе о „низовомъ вѣсѣ“, до настѣ донѣшнѣе. Это время совпадаетъ съ тѣмъ, къ которому принадлежать самыя раннія упоминанія о платежахъ рублями. Въ договорной грамотѣ великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго съ Новыемъ-городомъ 1317 г., между прочимъ, говорится: „а за все за то взяты князю у Новгорода двѣнадцать тысячи серебра.. А срокъ тремъ тысячамъ и двема стома взяты князю на сборъ въ Низовъскыи сѣль, а другіи 8000 взяты князю на Средокрестье въ Низовъскыи же вѣсь, а третии 3000 поясне хопыли къ собе дати имъ на Вербнницу безъ дву сту и безъ полуторытіядчати серебра въ Низовъскыи же вѣсь, а четвертии 3000 взяль Федоръ и Евфемій... а како князъ серебро поемлеть, тако ему вся таль пустити по цалованію“ ¹⁾). Здѣсь очевидно рѣчь идеть о новыхъ рубляхъ, а не о старыхъ гривнахъ серебра, потому что еслибъ говорилось о послѣдніихъ, то этимъ опредѣлялся бы ихъ вѣсь; старыя гривны имѣли старинный же, притомъ одинаковый во всей древней Руси вѣсь, всѣмъ извѣстный. Если же въ договорѣ 1317 г. признавалось необходимымъ оговаривать, что подлежащія уплатѣ 12000 серебра представляютъ не общезѣмельный, повсюду одинаковый вѣсь, а какой-то иной, новый, отличный отъ старого и требующій яснаго его обозначенія, то это указывало на то, что 12000 серебра подлежали уплатѣ въ новой денежной единицѣ. А такою новою денежною единицѣю тогда былъ только рубль ²⁾, притомъ рубль, который первоначально возникаетъ въ видѣ рублевой гривенки, не только какъ денежная (платежная) единица, но и какъ вѣсовая единица. Какъ новая, эта вѣсовая единица, особенно при значительномъ платежѣ, конечно, требуетъ ближайшаго опредѣленія. И вотъ въ смыслѣ такого опредѣленія договоръ 1317 г. особенно важенъ двумя содержащимися въ немъ указаніями. Во-первыхъ, онъ объясняетъ новый вѣсь указаніемъ, что этотъ новый вѣсь—низовскій; а во-вторыхъ, онъ свидѣтельствуетъ, что этотъ низовскій вѣсь употребляется уже въ 1317 г. но въ однѣхъ только низовскихъ земляхъ, но также въ Твери и въ Новгородѣ.

1) С. Г. Г. и Д. I № 12 стр. 15, 16.

2) Впрочемъ, Тверская лѣтопись подъ 1316 г. (П. С. Р. Л. XV стр. 409) прямо говорить о рубляхъ, хотя и по поводу другого платежа новгородцевъ Михаилу Ярославичу Тверскому.

Первое указаніе драгоцѣнно тѣмъ, что оно намъ раскрываетъ, откуда идетъ рубль, гдѣ искать его происхожденіе. Если новый вѣсъ называется низовскимъ, то очевидно, что онъ вождикъ въ низовскихъ земляхъ и оттуда распространился по другимъ мѣстамъ. А это обстоятельство едва ли можетъ возбуждать удивленіе, если принимается во вниманіе, что въ XIV столѣтіи къ низовскимъ принадлежали тѣ земли, которыхъ группировались и собирались около Москвы, а съ другой стороны все это столѣтіе заполняется дѣятельностью Ивана Калиты (1304—1341), его двухъ сыновей, Семена Гордаго и Ивана II (1341—1359), его внука, Дмитрия Донского (1359—1389) и его правнука Василія Дмитревича (1389—1425). Закладывались и укрѣплялись основы московского государства, основы, во многихъ отношеніяхъ новыя. И къ числу этихъ-то оснований принадлежала новая денежная и вѣсовая единица въ видѣ рублевой гриневки.

Такимъ образомъ, только поверхностному глазу можетъ казаться, что рубль появляется во второе десятилѣтіе XIV вѣка какъ бы внезапно, неизвѣстно откуда, и безъ всякой связи съ какими-либо иными обстоятельствами, силою которыхъ онъ оказывается поставленнымъ на первый планъ, вытесняющимъ старинную гривну серебра и быстро распространяющимся. На дѣлѣ подъ нимъ была твердая почва, которая ему обезпечивала его историческую роль. Эту почву давало рублю его *низовское* происхожденіе, то, что онъ первоначально вождикъ, какъ низовскій вѣсъ, распространею котораго благопріятствовали тѣ же обстоятельства, которыхъ благопріятствовали превращенію незамѣтнаго московского княжества въ московское государство.

Удивительно ли, что въ XIV ст. рубль распространился не только по всѣмъ землямъ, которыхъ тяготѣли къ Москвѣ и менѣе, чѣмъ чрезъ полтораста лѣтъ, вошли въ составъ московского государства, но повсюду, гдѣ жило русское населеніе: въ Литвѣ и на Юго-Западѣ¹⁾.

1) Какъ далеко распространился рубль на Юго-Западѣ уже въ послѣднюю четверть XIV в., между прочимъ, видно изъ грамоты 1388 г. польского короля Владислава молдавскому воеводѣ Петру обѣ уступкѣ ему города Галича въ обезпеченіе займа (Акты, отн. къ ист. запад. Россіи, I, № 8, стр. 22, 23): „Петръ, воевода молдавскій, позычилъ намъ 400 рублей фризскаго (генуевскаго?) серебра... 3000 фризскаго серебра тѣмъ вѣсомъ, што почали давати у Луцку, а додали есмы у Сочавы, усѣхъ стоять на семъ счету 3000 рублей фризскаго серебра“. Здѣсь рубль — вѣсъ, который „почали давати у Луцку“. Обѣ рубляхъ-же говорится также въ 1407 г. въ уставной таможенной грамотѣ молдавскаго господаря львовскимъ и подольскимъ купцамъ (б. № 21): „а кто идетъ до татарской стороны, отъ 12 контари одинъ рубль серебра, у Ясы тридцать грошъ, а у Вѣлій города полорубль серебра... у Баковъ поль рубль серебра“ и т. д.—Въ Литву рубль съ востока проникаетъ около того же времени,

Домонгольская гривна была лишь кіево-новгородскимъ видомъ общеславянской гривны: древнерусской, древнепольской и древнечешской. Рубль является первой специфически русской вѣской и денежной единицею, присущей только русскому населенію, въ отличіе отъ всякого иного населенія, славянского, или другого.

Съ изложеннымъ объясненіями не вполнѣ согласуется господствующее у археологовъ, унаслѣдованное отъ историковъ XVIII в.,

когда въ нее съ Запада проникаетъ въ XIV ст. грошъ. Какъ известно, грошъ (denarius grossus, толстый денарій) началъ чеканить въ половины XIII ст. Лудовикъ Святой во Франціи: по 58 грошей изъ французской марки въ $244\frac{1}{4}$ грамма = 5508,12 дойл = $57\frac{1}{8}$ золотниковъ; проба была $\frac{29}{24}$ = $2\frac{1}{8}$ слѣдовательно, литературный вѣсъ гроша былъ 95 дойл, въ томъ числѣ чистаго серебра 91 доля, на $22\frac{1}{2}$ коп. въ русской серебряной высокопробной монетѣ. Въ 1290 г. Вячеславъ II начинаетъ чеканить пражскіе гроши: ихъ чеканили сначала по $63\frac{1}{2}$ гроша на моравскую марку въ 278,00 грам. = 6900 дойл = 65,00 золотниковъ, а потомъ по 60 грошей на пражскую марку въ $255\frac{1}{4}$ граммовъ = $5755\frac{1}{8}$ доля = 60 золотниковъ; хотя число грошей, чеканившихся изъ марки, впослѣдствіи увеличивалось, но денежный счетъ на 60 грошей (ein Schock Groschen) укоренился не только у чеховъ, но и въ южной Германіи, а также въ Польшѣ, въ послѣдней въ видѣ „копы грошей“, вошедшій въ употребленіе также въ Литвѣ и юго-западной Руси. На краковскую марку (въ 197,00 граммовъ = 4448,44 дойл = 46,44 золотниковъ) шло 48 пражскихъ грошей, но въ Польшѣ при Казимирѣ Великомъ (1333—1370) чеканились преимущественно полугроши, которыхъ шло 96 на краковскую марку и на которые шло 2 квартника по 4 пѣннія (или всего 768 пѣнній на марку). При Владиславѣ Ягелло (1386—1434) въ Краковѣ въ 1398 г. заведенъ новый монетный дворъ, квартники уменьшены и превращены въ третьяки (parvi quartenses trzeciak), потому что каждый изъ нихъ содержалъ три пѣнни; съ 1399 г. въ Краковѣ начали въ большомъ масштабѣ чеканить полугроши: средній вѣсъ которыхъ составляетъ 1,55 граммовъ = 25 дойл; во Львовѣ Влады, словомъ также разновременно чеканились полугроши по „русской“ монетной стопѣ (grossi ruthenigales), которые называются Львовскими грошами. Такимъ образомъ, польскій грошъ собственно составляетъ пражскій полугрошъ. Повидимому въ этомъ видѣ гроши проникли въ Литву уже въ XIV ст. Если ихъ шло 96 на краковскую марку въ 197,00 граммовъ, то на рублевую гривну въ 204,75 граммовъ (4608 дойл = 48 золотниковъ) ихъ шло около 100 и вѣроятно такимъ образомъ произошло литовскій счетъ 100 грошей на рубль. Ипатьевская лѣтопись подъ 1305 г. разсказываетъ: „литва жмоитъ (жмудь) полками ляховъ и мазуровъ въ полонъ бра, сице ляхъ единъ по гривнѣ се есть по 10 грошей литовскихъ въ Литвѣ и въ Руси Вѣлкой продающъ быть и на лошадь и на волы литва межи собою ихъ замѣниваху“ (П. С. Р. Л., II, стр. 227). Что литовская гривна состояла изъ десяти литовскихъ грошей, это вѣрно; но чтобы такая гривна въ Литвѣ уже существовала въ 1305 г., въ этомъ позовительно усомниться, потому что у чеховъ пражскіе гроши завались лишь за 15 лѣтъ предъ тѣмъ, а у поляковъ они едва ли уже существовали тогда. Но чрезъ стопѣ несомнѣнно въ Литвѣ и Юго-Западной Руси уже повсюду считали на „копу грошей“, по 60 грошей въ копѣ, и на рубль въ 100 грошей. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго судебнаго рѣшенія 1444 г.: „присудили есмо за шестеро коней по рублю грошей платити, а за корову полкопы грошей, а за вепра 15 грошей, сумма того 11 копъ безъ 15 грошей“ (Акты отн. къ Ю. и З. Рос. I № 22). Здѣсь за 6 лошадей присуждено 600 грошей, за корову 80 грошей и за вепра 15 грошей, а всего 645 грошей, которые дѣйствительно составляютъ 11 копъ по 60 грошей или 660 грошей, а за вычетомъ 15 грошей тѣ же 645 грошей, или 11 копъ безъ 15 грошей.

представленіе о древнѣйшемъ рублѣ. Это представленіе не считается ни съ фактомъ существованія рублевой гривенки, ни съ низовскимъ вѣсомъ, которыхъ оно не знаетъ, и строится всецѣло только на довольно грубомъ толкованіи слова рубль. Слово производится археологами (не филологами) отъ глагола рубить въ смыслѣ отрубка, получаемаго отъ того, что слитокъ въ 48 золотниковъ разрубается по поламъ; поэтому древнѣйшій рублемъ археологи признаютъ только тѣ, сравнительно немногіе слитки, которыхъ вѣсъ не превышаетъ 24 золотниковъ. Это произвольное толкованіе мы считаемъ неправильнымъ. Во-первыхъ, оно не подкрѣпляется никакимъ письменнымъ извѣстіемъ нашихъ источниковъ. Во-вторыхъ, оно не совмѣстимо съ дошедшими до насть письменными извѣстіями о рублевой гривенкѣ. Въ третьихъ, оно неправильно приписываетъ слову „рубить“ только тотъ материальный смыслъ механическаго раздѣленія, который оно получило въ послѣ-петровскомъ языкѣ, упуская изъ виду болѣе широкій смыслъ, который тоже слово имѣло въ до-петровскомъ языкѣ: не только механическаго, но и умственного раздѣла, дѣленія, распределенія (separatio, distributio); въ этомъ смыслѣ въ древне-русскомъ языкѣ говорилось о податныхъ „роарубахъ“; въ этомъ же смыслѣ рубль означалъ то, что служить для умственного раздѣла цѣнности или стоимости на образующія ее единицы. Въ четвертыхъ, натура дошедшихъ до насть серебряныхъ слитковъ ничего общаго не имѣеть съ механическимъ раскалываніемъ на части посредствомъ разрубанія: никакіе слитки отъ такого раскалыванія и разрубанія не произошли. Слитки производились посредствомъ литья и ковки. Для этого съ древнѣйшаго времени существовала особая профессія „ливцовъ“; они-же были „серебренники“ и „вѣсцы“. Новгородская лѣтопись о нихъ упоминаетъ уже-подъ 1200 и 1284 гг. ¹⁾). Приписывать „серебренникамъ“ приготовленіе рублей посредствомъ рубки, когда источники прямо говорять о „серебряномъ литьѣ“, какъ источникѣ княжескаго дохода, значить замѣнить положительное знаніе плохимъ словоизвѣстствомъ. Наконецъ, въ пятыхъ, признавать рублями только то малое число слитковъ, которые имѣютъ вѣсъ 24 золотниковъ, значить только вызыывать недоумѣнія: что это была за жизнь, которая какъ разъ рублей приготавляла мало (судя по тому, что ихъ до насть дошло сравнительно мало), а во много разъ больше приготавляла не рубли, а какіе то вдвое

1) Новгород. синод. стр. 178 упоминаетъ въ числѣ убитыхъ въ сраженіи „Страшка серебренника вѣсцы“ и стр. 244 „Нѣжіку серебренника“.

болѣе тяжелые слитки, о которыхъ неизвѣстно, чѣмъ они были и для чего они служили? Когда рублями считаются именно эти, дошедши до насъ въ преобладающемъ числѣ слитки въ 48 золотниковъ, то заключеніе строится на логикѣ, присущей всякой реальной жизни, которая соадаетъ то, что ей необходимо. Ей нужны рубли и она ихъ дѣлаетъ, а потому они и до насъ дошли. Но не считать рублями этихъ слитковъ въ 48 золотниковъ значить ставить насъ предъ нераѣрѣшымъ вопросомъ: чѣмъ же они были, какой смыслъ они имѣли? Для какой цѣли и по какой причинѣ занимались литьемъ главнымъ образомъ такихъ слитковъ, которые рублями *не были*? Впослѣдствіи, во второй половинѣ XV вѣка, въ XVI и слѣдующемъ столѣтіяхъ рубль сталъ не больше, а меныше, чѣмъ онъ былъ въ XIV и въ первой половинѣ XV вѣка, а съ половины XV вѣка слитки вообще вышли изъ употребленія. Ясно, что слитки въ 48 золотниковъ, которые до насъ дошли въ преобладающемъ и въ значительномъ числѣ, оказываются какою-то беасмыслицею древнерусской жизни, если они не признаются древнейшимъ видомъ рубля.

Независимо отъ тѣхъ фактическихъ указаній, въ силу которыхъ, по нашему взгляду, именно эти слитки въ 48 золотниковъ до насъ дошли, какъ рубли XIV и первой половины XV вѣка, мы можемъ привести, какъ поддержку нашего взгляда, свидѣтельство иностранца, который былъ въ Новгородѣ въ 1409 г. Гильберт де Ланноа знаетъ рублевые слитки и выражаетъ ихъ вѣсъ въ унціяхъ французского фунта марковаго вѣса (*la livre au poids de marc*). „Монета новгородская, говоритъ Ланноа, состоитъ изъ слитковъ серебра, вѣсомъ около 6 унцій, безъ штемпеля“¹). Во французскомъ старинномъ фунтѣ было $489\frac{1}{2}$ граммовъ = $114\frac{3}{4}$ золотниковъ, онъ состоялъ изъ 16 унцій и дѣлился на 2 марки. Въ унціи было $80\frac{5}{8}$ грам. = $71\frac{11}{64}$ золотниковъ = $688\frac{1}{2}$ долей. Полновѣсный древнерусскій серебряный слитокъ въ 48 золотниковъ равнялся собственно 6,00 французскимъ унціямъ. Ланноа, показывая вѣсъ слитка „около“ 6 унцій, показалъ его довольно точно. Никакихъ рублей въ 24 золотника или „около“ 8 французскихъ унцій Ланноа не знаетъ, очевидно, потому, что ихъ никогда не было.

1) „Et est leur monnoye de keucelles (Hingots) d'argent pesant environ six onces sans empreinte“. Voyages et ambassades de Guillebert de Lannoy, Mons 1840. Новое издание *Oeuvres de Ghillebert de Lannoy* publ. par Potvin et Houzeau, Louvain 1878. Что keucelles значить слитки, см. *Revue numismatique* 1904 p. 551.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Древнейшая денга.

1385—1435.

Какъ въ XII и XIII, такъ и въ теченіе трехъ четвертей XIV ст. въ древнерусскихъ княжествахъ собственной монеты не чеканили, а обходились чужеземными металлическими деньгами. Въ XIV ст. всего распространеннѣе была татарская монета и всего привычнѣе для русскаго населенія быть татарскій денежный счетъ. Сверхъ прямыхъ указаний дошедшихъ до насъ грамотъ о счетѣ на алтыны и татарскую денгу, на это указываютъ еще два обстоятельства: во-первыхъ, что когда Дмитрій Донской началъ чеканить русскую монету, то она получила название денги, т. е. название татарской монеты, какъ наиболѣе употребительной и понятной для населенія; во вторыхъ, что отношеніе русской денги къ рублю было установлено на почвѣ привычнаго для населенія татарскаго денежнаго счета. Въ то время, когда Дмитрій Донской началъ чеканить новую русскую монету, на Руси обращалась татарская денга, вѣсомъ въ $\frac{1}{8}$ золотника; въ то же время въ употребленіи были особые серебряные слитки, саумы, вѣсомъ въ 36 золотниковъ, служившіе для уплаты ими ордынской дани. На каждый такой слитокъ шло $36 : \frac{1}{8} = 108$ татарскихъ денегъ. Это и былъ татарскій денежный счетъ, къ которому примкнула и новый русскій денежный счетъ, когда онъ долженъ быть возникнуть вслѣдствіе того, что начало чеканки русской денги потребовало опредѣленія, сколько ея будетъ идти на рубль.

Прямыхъ извѣстій обѣ этомъ до насъ не дошло, но косвенные указанія даютъ сопоставленіе вѣса русской и татарской денги. Сопоставляя тотъ и другой вѣсъ, я заключилъ, что когда при Дмитріи Донскомъ приступили къ чеканкѣ русской монеты, то рѣшено было изъ двухъ татарскихъ денегъ чеканить три русскія. Такъ какъ вѣсъ татарской денги составлялъ $\frac{1}{8}$ золотника, то значитъ за нормальный вѣсъ русской денги были приняты $\frac{3}{8} \cdot \frac{1}{8} = \frac{3}{64}$ золотника. А такъ какъ рубль составлялъ гриненку или 48 золотниковъ, то на рубль шло $48 : \frac{3}{64} = 216 = 2 \times 108$ денегъ татарскихъ. Это намъ раскрываетъ связь между татарскимъ денежнымъ счетомъ (108 татарскихъ денегъ на саумъ) и тѣмъ русскимъ денежнымъ счетомъ (2×108 русскихъ денегъ на рубль), на который, какъ на новгородскій денежный счетъ, многократно указываютъ наши источники XV и XVI ст. И въ то же

время открывается, что прежде, чѣмъ сдѣлаться новгородскимъ, тотъ же денежный счетъ былъ московскимъ, построеннымъ на отношеніи рублевой гривенки въ 48 золотниковъ къ денгѣ Дмитрія Донского въ $\frac{2}{9}$ золотника или $21\frac{1}{8}$ доли¹⁾.

Вся эта аргументація зависитъ отъ того, какъ рѣшается вопросъ: достаточно ли прочную почву имѣть подъ собою указаніе на вѣсъ денги Дмитрія Донского и вообще древнѣйшей русской денги въ $\frac{2}{9}$ золотника и $21\frac{1}{8}$ доли?

Въ концѣ XIV столѣтія въ Европѣ повсюду въ употребленіи были только очень мелкія серебряные монеты: монета въ 95 долей лигатурнаго вѣса (старый двугривенный 83-й пробы имѣла лигатурный вѣсъ 98 доли) считалась уже крупною монетою, а англійскій пенсъ стерлингъ въ $\frac{1}{8}$ золотника или 82 доли пользовался славою самой лучшей международной монеты; большую же частью тогда обращались монеты, которыхъ вѣсъ былъ вдвое и втрое меньше. Такія монеты *не допускаютъ* технической вывѣрки (юстированія) вѣса *каждой изъ нихъ*; поэтому въ употребленіи была вывѣрка огульная, всего числа, которое по закону должно было выходить изъ вѣсовой единицы, которой въ то время повсюду въ Западной Европѣ была марка, очень разнообразившаяся въ различныхъ странахъ. Такая огульная повѣрка называлась повѣркою „по маркѣ“ (al marco): у насть она оставалась единственной возможной повѣркою вѣса монеты до Петра Великаго.

Гривенка у насть играла ту же роль, которую на западѣ Европы играла марка. На одну чашка вѣсовъ клали гирю, равную гривенкѣ въ 48 золотниковъ, или полъ-гривенкѣ, въ 24 золотника, или четверти гривенки въ 12 золотниковъ, а на другую чашку вѣсовъ клали *то число монетъ*, которое должно было выходить изъ гривенки (напр. 216), или изъ полгривенки (108 монетъ), или изъ четверти гривенки (54 монеты). Если обѣ чашки вѣсовъ уравновѣшивались, то чеканка считалась исправной, *хотя бы отдельные монеты были разностѣсны*. Одна монета могла быть не въ 21, а въ 22 доли, но если въ то же время другая была не въ 21, а въ 20 долей, то результатъ отъ этого не измѣнялся. Колебанія могли быть значительны, потому что искусство денежнниковъ было еще первобытное.

Изъ изложенныхъ объясненій ясно, что когда, за отсутствіемъ прямыхъ указаний источниковъ, мы поставлена въ необходимость судить о количествѣ монетъ, чеканившихся изъ гривенки, по вѣсу на-

1) Русскій вѣсъ, стр. 34—41.

личныхъ монетъ, до насть дошедшихъ, то правильность нашего суждѣнія зависитъ отъ того, строится ли оно на значительномъ числѣ монетъ, или на маломъ числѣ. Если при этомъ мы на какихъ либо основаніяхъ строимъ гипотезу о нормальному вѣсѣ монеты, которой число, чеканившееся изъ гривенки, мы желаемъ привести въ извѣстность, то безусловно необходимо, чтобы предполагаемый нормальный вѣсѣ былъ выше, но не ниже средняго вѣса наличныхъ монетъ, до насть дошедшихъ. Въ среднемъ вѣсѣ наличныхъ монетъ долженъ получить выраженіе не только фактъ ихъ первоначальнаго (нормальнаго) вѣса, но и другой фактъ, отрицательного свойства, что монеты, прежде чѣмъ дойти до насть, состояли въ употребленіи и отъ этого потеряли нѣкоторую часть своего вѣса, а до насть могли дойти уже съ уменьшеннымъ вѣсомъ. Если бъ, напримѣръ, средній вѣсѣ дошедшихъ до насть монетъ эпохи Дмитрія Донского и его сына оказался бы въ 28 доляхъ или больше, то это совершенно опрокидывало бы все наше построеніе.

Но о такомъ высокомъ уровнѣ вѣса древнѣйшихъ русскихъ денегъ (конца XIV и начала XV в.) никакой рѣчи быть не можетъ. Отдѣльные экземпляры этихъ денегъ встрѣчаются и съ вѣсомъ въ 28 и 24 доли; но во-первыхъ ихъ число ничтожно сравнительно со всему массою денегъ времени Дмитрія Донского и Василія Дмитріевича, а во-вторыхъ вѣсѣ означенныхъ экземпляровъ не только уравновѣшивается, но даже перевѣшивается вѣсомъ денегъ той же эпохи, который ниже 20, 19 и даже 18 долей. Графъ И. И. Толстой недавно подвергнулъ новому изслѣдованію монеты Дмитрія Донского и имѣлъ возможность пересмотрѣть если не весь дошедшій до насть нумизматической матеріаль, сюда относящейся, то во всякомъ случаѣ ту наиважнѣйшую его часть, которая была извѣстна до сихъ поръ нумизматамъ, писавшимъ объ этомъ предметѣ. Вѣсѣ изслѣдованныхъ гр. И. И. Толстымъ денегъ Дмитрія Донского оказался слѣдующій:

№ 1	22 $\frac{1}{2}$ доли	№ 9	18 долей.
2	19	,	11 19 ,
3	23 $\frac{1}{2}$,	12 20 ,
4	22	,	22 ,
5	28 $\frac{1}{2}$,	13 20 ,
7	19	,	15 18 ,
8	19	,	

Итого 265 $\frac{1}{2}$ долей.

Вѣсѣ 13 монетъ оказывается 265 $\frac{1}{2}$ долей, или средній вѣсѣ со-

ставляетъ почти $20\frac{1}{2}$ долей (20,48). Это составляетъ $95\frac{1}{4}\%$ предполагаемаго мною нормальнааго вѣса¹).

Приведенный матеріальъ, конечно, скудень; но онъ очень важенъ уже тѣмъ, что онъ опровергиваетъ господствовавшіе у нумизматовъ взгляды на якобы значительный вѣсъ монетъ Дмитрія Донскаго. Этотъ вѣсъ некоторые нумизматы преувеличивали и его считали не менѣе 28—24 долей; а изъ этого заключали, что сто такихъ монетъ, которыхъ могли имѣть вѣсъ 2400 долей или почти полгривенки, наводятъ на мысль, что уже при Дмитріи Донскому на гривенку шло два рубля по сто денегъ въ каждомъ. Эта мысль совершенно опровергается приведенными нумизматическими данными. О среднемъ вѣсѣ деньги Дмитрія Донскаго въ 28—24 доли никакой рѣчи быть не можетъ и, слѣдовательно, мысль о рубльѣ Дмитрія Донскаго, имѣющемся вѣсъ половины гривенки или 24 золотниковъ и содержащемъ сто денегъ, ни на чёмъ не основана. При неровностяхъ тогдашней первобытной чеканки могли попадаться отдельныя монеты въ $28\frac{1}{2}$ доли, но могли оказаться и монеты въ 18 долей. Между 18 монетами вѣсъ которыхъ мы привели по изслѣдованію гр. И. И. Толстого, дѣйствительно, встрѣчаются двѣ монеты по $28\frac{1}{2}$ доли и двѣ по 18 долей. Но эти четыре монеты только уравновѣшиваются другъ друга, и если ихъ исключить, то остальная 9 монетъ имѣютъ общий вѣсъ $182\frac{1}{2}$ долей и, слѣдовательно, ихъ средній вѣсъ $20\frac{1}{8}$ долей, то есть почти не измѣняется противъ первого вычисленія. Если монеты такого небольшого вѣса до насъ дошли, сохранивъ болѣе 95% своего первоначальнаго вѣса, то онъ до насъ дошли въ очень хорошей сохранности. А въ такомъ случаѣ мы должны принять ихъ первоначальный вѣсъ согласно нашему наведенію, что изъ двухъ татарскихъ денегъ чеканили три русскія, то-есть, съ нормальнымъ вѣсомъ русской денги въ $\frac{2}{9}$, золотника или $21\frac{1}{8}$ долей. Но тогда мы неминуемо приходимъ къ выводу, что 216 такихъ денегъ составляли рублевую гривенку, ибо $216 \times \frac{2}{9} = 48$ золотникамъ. А изъ этого слѣдуетъ, что новгородскій счетъ рубля въ 216 денегъ возникъ не въ Новгородѣ, а въ Москвѣ, у которой онъ Новгородомъ заимствованъ.

1) Не могу не отмѣтить, что ничего нового этотъ результатъ не представляетъ Заблоцкій-Десятовскій (О цѣнностяхъ въ древней Руси, Спб. 1854, стр. 45: вычислилъ этотъ вѣсъ въ $20\frac{1}{8}$ долей. Опираясь отчасти на этотъ результатъ, отчасти на собственныя мно вычисления по даннымъ нумизматическихъ каталоговъ, особенно Румянцевскаго музея, я и принялъ въ моемъ опыте о Русскомъ вѣсъ нормальный вѣсъ древнѣйшей денги въ $\frac{2}{9}$, золотника или $21\frac{1}{8}$ доли).

Никакого спора не можетъ быть противъ того, что нумизматической матеръяль, представляемый монетами Дмитрія Донского, скученъ, и это, конечно, лишаетъ прочности почву заключеній, на немъ построенныхъ. Но имѣется возможность достаточно укрѣпить эту почву и сдѣлать ее вполнѣ прочной. Эту помощь оказываетъ намъ нумизматической матеръяль монетъ нѣкоторыхъ удѣльныхъ княжествъ времени Дмитрія Донского, которыхъ скоро послѣ него тоже начали чеканить каждый свою денгу, и при этомъ шли по стопамъ Дмитрія Донского, слѣдовали его образцу.

Такъ, Владими́ръ Андреевичъ Серпуховскій чеканилъ, какъ Дмитрій Донской. Каталогъ Румянцевскаго музея сообщаетъ¹⁾, что онъ обладаетъ 10 монетами этого удѣльнаго князя, вѣсъ коихъ составляетъ: 20^{1/2}, 18, 22, 22, 21, 18, 22, 19, 19^{1/2}, и 21 долей, общей вѣсъ 10 монетъ 208 доли, или средній вѣсъ 20^{1/2} долей—опять 95% нормального вѣса въ $\frac{2}{3}$, золотника. Еще ближе подходятъ къ нормальному вѣсу въ $\frac{2}{3}$ золотника такъ называемыя ростовскія монеты. Въ каталогѣ гр. Чапскаго²⁾ показано 10 такихъ монетъ, которыхъ вѣсъ составляетъ: 0.99 грам., 0.97, 0.95, 0.92, 0.90, 0.90, 0.88, 0.96, 0.97 и 0.97; всего въ 10 монетахъ вѣсу 941 грамма, или въ среднемъ 0.941 грамма, а $\frac{2}{3}$ золотника = 0.947 грамма. Въ каталогѣ Румянцевскаго музея³⁾ показанъ вѣсъ 11 ростовскихъ монетъ: 21, 28, 22, 19^{1/2}, 18, 20^{1/2}, 20, 18^{1/2}, 18^{1/2}, 19^{1/2}, 19^{1/2} долей, всего вѣсу въ 11 монетахъ 219 долей, или средній вѣсъ составляетъ 20 долей. Другую группу образуютъ 15 ростовскихъ же монетъ съ общимъ вѣсомъ въ 290 долей, то-есть, со среднимъ вѣсомъ въ 19^{1/2} долей⁴⁾. Сравнительно большое собраніе образуютъ 44 монеты великихъ князей Суздальско-Нижегородскаго княжества. Вѣсъ этихъ 44 монетъ составляетъ 882 доли, и слѣдовательно средній ихъ вѣсъ тоже составляетъ 20 долей⁵⁾. Къ рассматриваемой категоріи принадлежать 10 монетъ рязанскаго великаго князя Ивана Федоровича; ихъ общей вѣсъ достигаетъ 214 долей,

1) А. В. Орѣшниковъ, Русскія монеты до 1547 г., Москва 1896, стр. 188—141, № № 722—731.

2) Гр. Э. К. Гуттенъ Чапскій. Удѣльныя, великокняжескія и царскія деньги древней Руси, Слб. 1875, № № 11—20.

3) А. В. Орѣшниковъ, I. с., № № 813—823.

4) Ib. № № 825—838; вѣсъ отдѣльныхъ монетъ составляетъ: 20^{1/2}, 21, 20, 18, 19^{1/2}, 18, 20, 18^{1/2}, 18, 21, 18^{1/2}, 21, 18^{1/2}, 18 долей.

5) Ib. № № 840—887. Отдѣльный вѣсъ монетъ: 20, 21, 20, 19, 18, 20, 22, 23, 20, 21, 21, 19^{1/2}, 20, 22, 20, 20, 19, 18, 18^{1/2}, 19, 18, 18^{1/2}, 19, 22, 21, 19, 21, 22, 20^{1/2}, 21, 21^{1/2}, 22^{1/2}.

то-есть ихъ средній вѣсъ не превышаетъ 21 долю¹⁾). Сверхъ того, къ различнымъ видамъ самой тяжелой денги, до настъ дошедшей, принадлежитъ и группа новгородокъ, выдѣляющаяся отъ остальныхъ своимъ болѣе значительнымъ вѣсомъ. Въ составѣ огромнаго числа взвѣшенныхъ гр. И. И. Толстымъ экземпляровъ новгородской денги оказалось вѣсомъ въ 19^{1/2} и болѣе долей²⁾:

Вѣсъ.	Число монетъ.	Ихъ общій вѣсъ.
22 доли	2	44 доли
21 ^{1/2} .	1	21 ^{1/2} .
21 .	3	63 .
20 ^{1/2} .	2	41 .
20 .	19	380 .
19 ^{1/2} .	32	624 .
Всего 59		1173 ^{1/2} доли.

Средній вѣсъ этихъ 59 монетъ составляетъ 20 долей.

Наконецъ, и многочисленныя монеты сына Дмитрія Донского, великаго князя Василія Дмитріевича, принадлежащіе къ рассматриваемой категоріи. Въ его продолжительное, 35-лѣтнее княженіе (1889—1425), денежники видимо начали осваиваться со своимъ дѣломъ и уразумѣвать соединенныя съ нимъ выгоды. И тѣмъ не менѣе 60 монетъ Василія Дмитріевича, вѣсъ которыхъ показанъ въ каталогѣ Румянцевскаго музея, всѣ вмѣстѣ вѣсятъ 1185 долей, то-есть ихъ средній вѣсъ составляетъ 19^{8/4} долей³⁾.

Разсмотрѣнныиій нумизматический матеріяль уже не отличается скучностью; онъ охватываетъ около 250 древнѣйшихъ русскихъ монетъ, которыхъ начали чеканиться послѣ напастия Тохтамыша на Москву въ 1888 г. Что эти монеты охватываютъ группу древнѣйшихъ экземпляровъ русской денги, о которыхъ до настъ дошли ясныя свѣдѣнія, это удостовѣряется ихъ вѣсомъ: приведенная группа охватываетъ *самые тяжелые экземпляры* денги; болѣе тяжелыхъ не было. Съ Василія

1) Ib. №№ 435—442; вѣсъ отдельныхъ монетъ: 22, 22, 20, 23^{1/2}, 24^{1/2}, 21^{1/2}, 19^{1/2}, 22, 20^{1/2}, 19 долей.

2) Гр. И. И. Толстой, Монеты Великаго Новгорода, Спб. 1884, стр. 68.

3) А. В. Орѣшниковъ, I. с. № 454—506; вѣсъ отдельныхъ монетъ: 19^{1/2}, 20, 20^{1/2}, 20, 20, 20, 20^{1/2}, 19, 20, 20, 20, 19, 20, 18, 17, 19, 21, 20^{1/2}, 20^{1/2}, 20, 20^{1/2}, 17 20^{1/2}, 20^{1/2}, 20, 18, 20^{1/2}, 21, 19^{1/2}, 20, 20, 20, 20^{1/2}, 20, 21, 21, 18, 21, 19, 19, 19, 21^{1/2}, 21, 19, 19, 18^{1/2}, 19, 19^{1/2}, 19, 18^{1/2}, 19^{1/2}, 19, 20, 20, 20, 19^{1/2}, 20, 20, 20^{1/2} долей. — Въ каталогѣ Рейхеля дано 19 показаній вѣса монетъ Василія Дмитріевича съ общимъ вѣсомъ 396 долей, средній вѣсъ 396: 19 = 20.₈₄ долей. Въ каталогѣ Шуберта, №№ 451—469, показанъ вѣсъ 26 монетъ Василія Дмитріевича въ 22.₆₂ грам., или средній вѣсъ 0.₈₇₇ грам. = 20 долей.

Темнаго въ Москвѣ и повсюду, какъ мы увидимъ, въсъ денги уменьшается и даже сильно. Поэтому для всякаго рода выводовъ имѣется только та почва, которую представляеть въсъ разсмотрѣннаго числа монетъ, доходящаго до 250. Число это достаточно большое, чтобы на его показаніе можно было вполнѣ положиться. По содержанію же это показаніе въ отрицательномъ и положительномъ направленияхъ подтверждаетъ выводы, нами сдѣланные изъ вѣса монетъ Дмитрія Донскаго.

Въ отрицательномъ направлениіи сведенный нами нумизматическій матеряль наглядно и осознательно обнаруживается, что изъ 250 показаній, которыхъ намъ даютъ додѣшшіе до насъ экземпляры древнѣйшей русской денги, только очень немногіе (гораздо меныше 20) экземпляры имѣютъ въсъ 23 долей и больше, остальные имѣютъ меныши въсъ, а преобладающее большинство монетъ, свыше 230 ихъ, имѣютъ въсъ между 19 и 20 долей. Въ этомъ каждый можетъ убѣдиться изъ собраннаго нами матеряла. Что же изъ этого слѣдуетъ? Во-первыхъ — то, что тѣ, которые принимаютъ древнѣйшій рубль за рубль въ 24 золотника = полгривенкѣ или въ 2804 доли = 102,375 грамма, не желаютъ считаться съ показаніемъ весьма значительнаго числа (до 230) свидѣтелей, утверждающихъ, что такого рубля не было. А во-вторыхъ и то, что составъ древнѣйшаго рубля изъ ста денегъ, въсомъ по 28 доли и больше, тоже опровергается показаніемъ тѣхъ же многочисленныхъ свидѣтелей. Наибольшій въсъ, который можетъ быть допущенъ, какъ нормальный въсъ древнѣйшей денги, не можетъ превышать $21\frac{1}{2}$ доли или $\frac{1}{2}$ золотника. Слѣдовательно, рубля въ 24 золотника никогда не было.

Но если это отрицательное заключеніе стоить достаточно твердо, то неминуемо съ нимъ связано и положительное заключеніе: древнѣйшій рублемъ, рублемъ XIV и первой трети XV в., рублемъ Москвы и всѣхъ прочихъ русскихъ земель, была рублевая гривенка въ 48 золотниковъ; а состоялъ этотъ рубль изъ 216 денегъ, которыхъ нормальный въсъ былъ $21\frac{1}{2}$ доли = $\frac{1}{2}$ золотника, потому что $216 \times 21\frac{1}{2} = 4608$ долямъ = 48 золотникамъ.

Новгородъ позже всѣхъ прочихъ русскихъ земель началъ чеканить денгу и вслѣдствіе своеобразія условій его жизни онъ оставилъ намъ болѣе явственныи и болѣе многочисленныи слѣды того, что его рубль былъ рублемъ въ 216 денегъ. На почвѣ этого, такъ сказать, поверхностнаго обстоятельства сложилось господствующее представление, что рубль въ 216 денегъ былъ только новгородскимъ рублемъ.

Но это представлениe—ошибочное. Рубль въ видѣ рублевой гривенки и въ 216 денегъ—древнѣйший рубль русскій, московскій и всѣхъ про-чихъ русскихъ земель, которыхъ ранѣе Новгорода начали чеканить денгу. И только потому, что рубль въ 48 золотниковъ и въ 216 денегъ былъ рублемъ всѣхъ русскихъ земель, и Новгородъ долженъ былъ принять этотъ рубль, сдѣлать его своимъ, новгородскимъ рублемъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Древнѣйшая перемѣна въ новгородскомъ рублѣ.

1435—1485.

Съ начала чеканки русской денги до начала второй трети XV вѣка прошло около полувиѣка, въ теченіи котораго русское населеніе привыкло къ денежному счету по 216 денегъ на рубль; тѣмъ болѣе, что этотъ счетъ опирался на предшествовавшій ему и почти одинаковый татарскій денежный счетъ, къ которому населеніе должно было привыкнуть еще до начала чеканки русской денги. Понятія рубля и 216 денегъ слились. На подобныхъ фактахъ повсюду основывается всякий денежный счетъ: онъ коренится въ счетныхъ привычкахъ, слагающихся у населенія на основаніи установленныхъ обычаемъ правилъ. Такіе обычай и привычки у народовъ запада Европы тоже были основаніемъ денежнаго счета, обнаружившаго тамъ гораздо большую консервативную силу, чѣмъ у насъ. Такъ, англичане во времена англосаксовъ и норманновъ до 1800 года изъ своего фунта (the monneyers pound, фунтъ денежниковъ), который тоже тогда былъ одновременно и вѣсовою, и денежною единицею, чеканили 240 пенсовъ и хотя съ 1800 г. число пенсовъ, чеканившихся изъ фунта, отъ времени до времени увеличивалось (напр., въ 1854 г. до 800 пенсовъ, съ 1465 г. до 450, съ 1601 г. до 744 п. и съ 1816 г. до 792 пенсовъ), но это повело лишь къ тому, что вѣсовой фунтъ обособился отъ денежнаго фунта; однако, на денежный фунтъ всегда одинаково считали и продолжаютъ понять считать по 240 пенсовъ, какъ во времена англосаксовъ: понятія о 240 пенсахъ и о денежномъ фунтѣ (стерлингѣ) слились и отожествились. Однородный фактъ обнаруживается во Франціи, где со временемъ Каролинговъ до французской революціи считали ливръ за 240 денье, хотя первоначально, когда ливръ одновременно былъ вѣсовою и денежною единицей, онъ представлялъ $489\frac{1}{2}$ грам. = $114\frac{1}{2}$ зол.

лотниковъ серебра, а предъ французскою революціею тотъ же денежный ливръ уже не отличался отъ серебрянаго франка или 5 граммовъ лигатурнаго серебра (менѣе $1\frac{1}{6}$ золотника). Такіе же факты легко было бы привести изъ многихъ другихъ странъ.

Не успѣла сложиться подобная привычка у русскаго населенія, какъ уже во второй трети XV ст. населеніе поставлено было въ необходимость приоровлять привычный денежный счетъ къ новымъ условіямъ. Въ возникновеніи этихъ условій, главнымъ образомъ, какъ будетъ показано, повинны были „денежники“ и „ливцы“, чеканившіе серебряные слитки-рубли.

Обстоятельства этой перемѣны удобнѣе будеть разсмотрѣть сначала на новгородскомъ матеръялѣ, раскрывающемъ нѣкоторыя подробности, относительно которыхъ наши источники менѣе полны, когда идетъ рѣчь о Москвѣ и другихъ княжествахъ. Но изложенію этихъ подробностей мы должны предпослать нѣкоторыя объясненія.

За все время до Петра В. до насть дошло лишь одно лѣтописное извѣстіе о числѣ денегъ, чеканившихся изъ гривенки. Это извѣстіе собственно относится къ тому, что произошло въ 1585 г. и будеть нами ниже разсмотрѣно, когда наше положеніе подойдетъ къ времени Ивана Грознаго. Но въ качествѣ справки лѣтописи сообщаютъ и извѣстіе, относящееся къ времени отца Ивана Грознаго, Василія Ioannovicha. А именно, сообщается, что при Василіи Ioannovичѣ изъ гривенки чеканили „потретъяста (260) денегъ новгородскихъ и десять“, или всего 260 новгородскихъ денегъ¹). Это лѣтописное извѣстіе принято (вопреки мнѣнію Черткова) понимать, какъ относящееся только къ Василію IV, т.-е. въ томъ смыслѣ, что съ Василіемъ Ioannovича въ Москвѣ начали чеканить по 260 денегъ изъ гривенки. А между тѣмъ нумизматъ хорошо извѣстенъ безспорный фактъ, что монеты Василія Ioannovича ничѣмъ не отличаются отъ монетъ его отца Ивана III. „Монетная система при Василіи Ioannovичѣ“, говорить А. В. Орѣшниковъ, „судя по вѣсу и вѣшнему виду денегъ, была одинаковою съ системою его отца“²). А если вѣсь деньги Василія Ioannovича такой же, какъ вѣсь деньги Ивана III, то значить и Иванъ III уже чеканилъ изъ гривенки 260 денегъ. Но началась ли чеканка этого числа денегъ при Иванѣ III? Если сынъ Ивана III понималъ, что ему не слѣдуетъ увеличивать число денегъ, которое чеканилось

1) II. С. Р. Л. VI 296.

2) А. В. Орѣшниковъ I. с. стр. 125.

изъ гриненки, когда необходимость къ тому не принуждаетъ, и лучшее оставить это число па томъ уровнѣ, на которомъ оно прежде находилось,—то еще меньше основаній мы имѣемъ для допущенія, что Иванъ III увеличилъ то число денегъ, которое чеканилось изъ гриненки при его отцѣ, и довелъ его до 260. Это совсѣмъ не похоже на Ивана III. Онъ понималъ значеніе денежнаго дѣла и заботился о порядкѣ въ немъ; обѣ этомъ намъ еще придется говорить ниже; при его отцѣ чеканка монеты пришла въ очень сильное разстройство, вместо котораго Иванъ III установилъ порядокъ. И наконецъ Иванъ III былъ очень богатъ ¹⁾, не только потому, что онъ очень широко распространилъ свои владѣнія, но и потому, что при немъ осуществилась мечта о которой, начиная съ Дмитрія Донского, всегда упоминается въ духовныхъ завѣщаніяхъ его предшественниковъ и въ ихъ договорахъ съ удѣльными князьями: что когда, Богъ дастъ, ордынскій дани не нужно будетъ платить, то она будетъ собираться въ казну князей ²⁾. Эта мечта окончательно осуществилась при Иванѣ III, и ордынское серебро могло всецѣло поступать въ велиокняжескую казну ³⁾. При такихъ обстоятельствахъ Ивану III никакой надобности не было увеличивать число денегъ, чеканившихся изъ гриненки, и онъ могъ оставить это число на уровнѣ, на которомъ оно до него дошло. Но въ такомъ случаѣ до 260 число денегъ, чеканившихся изъ гриненки, увеличилось уже при Василіи Темномъ.

Такимъ образомъ, извѣстіе, занесенное въ лѣтопись подъ 1585 г., относится къ прадѣду Ивана Грознаго, и отчасти вносить вѣкоторую опредѣленность въ задачу, къ которой наскѣ привелъ порядокъ изложения, когда мы пришли къ времени Василія Темнаго. При немъ произошла большая перемѣна въ исторіи какъ рубля, такъ и денги. И вотъ разборъ лѣтописнаго извѣстія даетъ намъ, отчасти, указаніе, въ чёмъ заключалась эта перемѣна. Она заключалась въ увеличеніи числа денегъ, чеканившихся изъ гриненки, до 260.

Такъ какъ разсмотрѣнное лѣтописное извѣстіе прямо говорить, что эти 260 денегъ суть новгородскія, то значитъ наше извѣстіе имѣть прямое отношеніе къ Новгороду. А это очень благопріятно для изслѣдователя, потому что новгородскія лѣтописи сообщаютъ о

1) Соловьевъ, Ист. Россіи V^а, 209 слѣд.

2) С. Г. Г. и д. I стр. 56, 73, 78, 87, 92, 108, 111, 117, 125, 184, 147, 158, 164, 180, 197, 217, 224, 235, 243, 278, 292, 316, 326 и др.

3) В. И. Сергѣевичъ, Древности III, 181—188.

денежномъ дѣлѣ въ Новгородѣ нѣкоторыя подробности, которыхъ мы не имѣемъ для Москвы и другихъ княжествъ.

Нами указано было уже, что чеканка денги началась въ Новгородѣ въ 1420 г. Такъ принято говорить и въ этомъ нѣть никакой ошибки; но не совсѣмъ точно при этомъ ссылаются на лѣтопись, какъ еслибы она это прямо показывала. На самомъ дѣлѣ лѣтопись выражается гораздо осторожнѣе. Когда она подъ 1410 г. отмѣчаетъ, что въ Новгородѣ населеніе „начаша торговати промежи себе лонци и гроши литовскими и артуги нѣмецкими, а куны отложиша“, то она отмѣчаетъ, что это произошло „при посадничествѣ Григорія Богдановича и при тысяцкомъ Василіѣ Есифовичѣ“¹⁾, т. е. новгородцы „отложиша куны“ и начали торговати новыми иноземными монетами *съ тѣдома властей*. А подъ 1420 г. лѣтопись даже *не говоритъ* прямо, что въ Новгородѣ *начали дѣлать свою деню*. Начало чеканки монеты въ Новгородѣ было не только дѣломъ торговцевъ, но дѣломъ политическимъ, которымъ затрагивалась новгородская самостоятельность и къ которому поэтому новгородцы относились очень сдержанно²⁾. Поэтому и лѣтописецъ очень сдержанно ограничивается сообщеніемъ, что „начаша новгородцы *торговати денги серебряными*, а артуги попродаще нѣмцамъ, а торговали ими (артугами) 9 лѣть“³⁾. И только. Конечно, странно, что *с совсѣмъ не упоминается* о томъ, что въ Новгородѣ *начали дѣлать денги новгородскія*. Торговать люди могутъ „промеже себѣ“; но монета не чеканится „промеже себѣ“. Никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что въ 1420 г. новгородцы стали торговати серебряными деньгами, *которыя они сами чеканили* для своей торговли, потому что еслибы эти денги были не новгородскія, а московскія и иные, то это также было бы указано въ лѣтописи, какъ подъ 1410 г. указано, что новгородцы начали торговати артугами нѣмецкими⁴⁾. О томъ, о чёмъ лѣтописецъ можетъ повѣдать, онъ разсказываетъ: что артуги въ 1420 г. проданы нѣмцамъ и что торговали ими 9 лѣть. А

1) П. С. Р. Л. III 104, IV 118; новгород. синод. стр. 398; новг. лѣтоп. стр. 197

2) Объ обстоятельствахъ *начала чеканки новгородской денги* мы подробно говорили въ нашемъ опытѣ „Русскій вѣсъ“, стр. 35—36 и 44—46.

3) Новг. синод. стр. 410. Такъ — въ первой новгородской; во второй новгор. въ прибавлениі, въ которомъ перечисляются новгородскіе епископы подъ 6925 (1417 г.) говорится: „*при семъ владыцѣ* (Симеонѣ) *начаша новгородцы торговати деньгами серебряными*“ (стр. 183); тоже повторено въ третьей новгородской (стр. 236) и въ четвертой (стр. 119). Повсюду кратко.

4) Въ рижской маркѣ было 4 фердинга, 1 фердингъ = 12 эровъ, 1 эръ = 3 артуга, слѣдовательно, въ маркѣ было $4 \times 12 \times 3 = 144$ артуга. Stieda, Revaller Zollb點cher des XIV Jahrh. p. X. Артугъ былъ около $\frac{1}{8}$ золотника вѣсомъ.

о томъ, что денги *стали дѣлать въ Новгородѣ* съ 1420 г. лѣтописецъ умалчиваетъ, видимо потому что считаетъ неудобнымъ сообщать объ этомъ подробности. Когда въ 1410 г. новгородцы „куны отложиша“, то лѣтописецъ могъ назвать, при какихъ властяхъ это произошло: при какомъ посадникѣ и при какомъ тысяцкомъ. А при началѣ чеканки денегъ въ Новгородѣ видимо и посадникъ, и тысяцкій, и „весь великий Новгородъ“, т. е. вѣче, какъ будто *остались въ сторонѣ*. Чеканка монеты была допущена какъ будто неофициально. Быть можетъ, это былъ результатъ дипломатіи Василія Дмитріевича. Чеканка новгородской монеты съ эмблемою покорности на ней не была освящена вѣчевымъ постановленіемъ; но она была терпима, потому что такъ или иначе съ нею нельзя было не примириться.

Кто же дѣлалъ эту монету? Конечно, тѣ же „денежники“ и „ливцы“, которые всюду ее дѣлали: въ Москвѣ и въ другихъ княжествахъ. Какъ въ Москвѣ было поставлено дѣло чеканки монеты еще въ первую четверть XVI вѣка, мы знаемъ по Герберштейну, рассказывающему объ этомъ, какъ очевидецъ. Въ Москвѣ, сообщаетъ Герберштейнъ, почти всѣ серебряныхъ дѣлъ мастера дѣлаютъ монету за небольшое вознагражденіе . . . чеканенную монету имѣютъ лишь около 100 лѣтъ, а предъ нею употреблялись только слитки, безъ всякаго изображенія и штемпеля, которые вѣсили рубль, этикъ слитковъ уже теперь нѣть¹). По этому сообщенію князь какъ будто совсѣмъ никакого интереса не имѣть въ чеканкѣ монеты и эта чеканка какъ будто представляется вольнымъ промысломъ. Подобное представлѣніе, однако, не совсѣмъ вѣрно. Нѣкоторый доходъ отъ чеканки монеты князь получалъ, надо думать, уже отъ самаго начала чеканки денги. Мы это заключаемъ изъ указанія, содержащагося въ завѣщаніи Владимира Андреевича Храбраго, одного изъ первыхъ князей, начавшихъ чеканку денгу. Въ этомъ завѣщаніи между прочимъ говорится: „а женѣ своей, княгинѣ Оленѣ, дать есъмъ свою треть тамги московскихъ и военничее, и гостиное, и вѣсчее, и пудовое, и перецъ, и *серебреное литье*²). Это „серебреное литье“, литье серебра, очевидно литье денегъ и слитковъ; за право заниматься этимъ дѣломъ серебряныхъ дѣлъ мастера, „денежники“ и „ливцы“, должны платить въ княжескую казну и этимъ платежемъ „откупали“ себѣ право заниматься промысломъ дѣланія денегъ. Оттого этотъ доходъ князя впослѣдствіи, при Иванѣ III, назы-

1) Herberstein, Moscoviter wunderbare Historien. Gedruckt zu Basel, 1567, p. LXIII
2) С. Г. Г. и Д. I № 40, стр. 75.

вается также „откупомъ“. Конечно, если серпуховскій удѣльный князь въ 1409 г. дѣлалъ такое распоряженіе въ своей духовной грамотѣ, то „серебряное литье“, какъ источникъ дохода, существовало при его жизни, и заведено было въ серпуховскомъ удѣльномъ княжествѣ по примѣру московскаго великаго княжества. И то же самое было, вѣроятно, во всѣхъ другихъ княжествахъ.

Но значительная доля очень существенной истины содержится и въ томъ представлениі дѣла, которое намъ сообщаетъ Герберштейнъ. Оно касается весьма своеобразной постановки монетной регалии въ древней Руси, пока продолжалось татарское иго. А это имѣть большое значеніе, особенно въ первой половинѣ XV вѣка, какъ для Москвы, такъ и для Новгорода, въ связи съ происшедшемъ въ первой половинѣ XV вѣка сильнымъ измѣненіемъ вѣса денги.

Съ тѣхъ поръ, какъ началась чеканка монеты, въ VIII ст. до Р. Х., измѣненіе вѣса монеты всегда находилось въ тѣснѣйшей связи съ фискальной эксплоатацией монетной регалии. Такъ было уже въ древнемъ языческомъ мірѣ и такъ всегда было вплоть до новѣйшихъ временъ въ христіанской Европѣ. Мы знаемъ финансовую эксплоатацию монетной регалии въ классической Греціи и въ императорскомъ Римѣ, особенно послѣдніхъ трехъ его вѣковъ и первыхъ вѣковъ Византіи. Въ монархіи Карла Великаго одною изъ удивительныхъ ея сторонъ являются ея заботы о порядкѣ въ денежной части, о сосредоточеніи монетной регалии у императоровъ, которые для себя не подвергаютъ ея финансовой эксплоатации. Но одною изъ очень многихъ причинъ разложенія и распада каролингской монархіи было раздробленіе монетной регалии и ея пожалованіе множеству духовныхъ и свѣтскихъ феодальныхъ владѣтелей. И къ числу самыхъ жестокихъ бѣдствій, которыхъ постигали населеніе въ феодальную эпоху, принадлежали частные случаи, когда феодальные владѣльцы пользовались своею монетной регалиею для извлечения изъ нея денежныхъ выгодъ. Для этого выработалась особая техника, очень грубая, но тѣмъ не менѣе мудреная. Пользоваться своею монетной регалиею феодальный владѣлецъ могъ, главнымъ образомъ, посредствомъ перечеканки монеты для пониженія ея вѣса: увеличеніемъ числа монетъ, чеканившихся изъ вѣсовой единицы (марки). Для этой перечеканки феодальному владѣльцу даже не всегда нужно было имѣть свой собственный постоянный монетный дворъ; онъ иногда для этого пользовался услугами странствующаго денежника, забредшаго въ его владѣнія, и гдѣнибудь устраивавшагося, какъ бы съ времененнымъ монетнымъ дворомъ.

Когда феодальный владелец желалъ извлечь денежную выгоду изъ своей монетной регалии, онъ прежде всего объявлялъ недѣйствительной обращающуюся монету (decrier). Въ тоже время онъ привуждалъ мѣстное населеніе принести для перечеканки всю эту монету, объявленную недѣйствительной. Населеніе обязано было исполнить это приказаніе, какъ оно обязано было приносить для перемола въ муку все свое зерно на мельницу феодального владѣльца. Перемолъ зерна въ муку былъ монополіе этого владѣльца, и чеканка монеты была только такою же монополіе. Уклониться отъ той и отъ другой монополіи было одинаково невозможно, потому она была повсюду и вездѣ практиковалась. На монетномъ дворѣ, постоянномъ или временному, монету перечеканивали для увеличенія числа монетъ, выходившихъ изъ вѣской единицы, т. е. для уменьшенія вѣса монетъ. Затѣмъ населенію возвращали такое же число монетъ *уменьшенню вѣса*, какое оно принесло первоначального большаго вѣса. Если населеніе принесло 100 монетъ такого вѣса, изъ которыхъ можно было вычеканить 200 монетъ уменьшеннаго, но все еще замѣтнаго вѣса, то населеніе изъ этихъ 200 монетъ получило 100 монетъ половинаго вѣса, а остальная 100 монетъ феодальный владелецъ оставлялъ у себя, какъ доходъ отъ монетной регалии. Эту „операцию“ феодальный владелецъ могъ повторять въ различные промежутки времени, въ зависимости отъ того, сколько серебра еще оставалось въ монетахъ, возвращенныхъ населенію, или въ монетахъ, которыхъ постепенно вновь накапливались у населенія изъ числа притекавшихъ въ страну извѣй. — Когда монархическая власть настолько осилила феодальныхъ владѣльцевъ, что успѣла опять сосредоточить въ своихъ рукахъ монетную регалию, то она сама начала пользоваться тѣми же приемами, которыми до нея пользовались феодальные владѣльцы. Даже въ направленіи къ уточненности приемы измѣнялись не особенно сильно; а въ существѣ они оставались однимъ и тѣмъ же — фискальной эксплоатацией монетной регалии въ интересахъ казны посредствомъ пониженія вѣса монетъ.

Вотъ почему пониженіе вѣса монеты и фискальная эксплоатация монетной регалии самыми тѣснѣмъ образомъ срослись и слились, какъ средство и цѣль. Два тысячелѣтія исторического опыта, самого разнообразнаго и богатаго, лежать подъ ассоціаціею этихъ двухъ понятій.

Во вторую треть XV вѣка одно изъ самыхъ значительныхъ понижений вѣса монеты, какое вообще знаетъ сравнительная исторія

монеть въ различныхъ странахъ и въ разные вѣка, произошло въ сѣверовосточныхъ русскихъ земляхъ, во всѣхъ, но главнымъ образомъ въ Москвѣ и въ Новгородѣ. Въ Москвѣ оно было еще сильнѣе, чѣмъ въ Новгородѣ. И въ Москвѣ оно повлекло за собою гораздо болѣе глубокія послѣдствія. Въ сущности, тогда, при Василіи Темномъ, создалось то новое положеніе, которымъ Иванъ III воспользовался, какъ матеріаломъ, чтобы установить нашъ денежный счетъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ существовалъ всѣ слѣдующія столѣтія, пережилъ реформы Петра и сохранился въ нихъ, продолжаясь потомъ и оставаясь въ силѣ и въ наши дни.

Но если все это создалось на почвѣ пониженія вѣса монеты, происшедшаго при Василіи Темномъ, и если пониженіе вѣса монеты производится только для фискальной эксплоатациіи монетной регаліи, то значитъ въ лицѣ Василія Темнаго мы имѣемъ первого правителя, который уже въ древней Руси въ грандіозныхъ размѣрахъ занимался фискальной эксплоатациѣю монетной регаліи и долженъ былъ изъ нея извлечь чудовищныя выгоды (въ родѣ одного изъ тѣхъ французскихъ королей, которыхъ называли фальшивыми монетчиками, *les rois faux-monnayeurs*)¹⁾.

Мы не могли не остановиться на этихъ обстоятельствахъ, потому что для изслѣдователя денежной исторіи всякой страны, существующаго выяснить смыслъ излагаемыхъ имъ фактovъ, когда онъ сталкивается съ пониженіемъ вѣса монеты, особенно когда это пониженіе очень сильное, неминуемо возникаетъ вопросъ: какую роль при этомъ играла эксплоатациія монетной регаліи въ финансовыхъ интересахъ? Объясненіе факта пониженія вѣса монеты этою эксплоатациѣю—самое простое и естественное, и поэтому произвольно обходить его молчаниемъ нельзя. Его нужно или признать, или отвергнуть. И если для того, чтобы его отвергнуть, нѣть серьезныхъ доводовъ, то его необходимо признать, хотя бы лѣтописи и другие документы ничего намъ не сообщали о намѣренномъ стараніи портить монету для выгода княжеской казны. Заподозрить-же Василія Темнаго въ такихъ стараніяхъ едва ли даже было бы большою обидою для него. Подобно своему отцу, онъ отличался большою энергіею, еще большею изворотливостью и въ выборѣ средствъ не стѣснялся. Еслибы онъ умѣлъ и

1) Самые сильные пониженія вѣса монетъ произведены были во Франціи королями: Филиппомъ (II) Августомъ (1180—1223), Филиппомъ (VI) Валуа (1328—1350), Иоанномъ (II) Добримъ (1350—1364) и Карломъ VII (1422—1461), современникомъ Василія Темнаго.

могъ пользоваться чеканкою монеты, какъ обильнымъ источникомъ денежныхъ средствъ, онъ вѣроятно воспользовался бы этимъ источникомъ, потому что въ деньгахъ онъ нуждался больше, чѣмъ его предшественники и преемники. Вспомнимъ, что за одинъ только выкупъ изъ пѣтина Василій Темный заплатилъ 200.000 рублей—сумма для того времени огромная.

И тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что объясненіе сильнаго пониженія вѣса деньги во вторую третью XV в. фискальною эксплоатациею монетной регаліи недопустимо. Противъ этого объясненія имѣются серьезныя возраженія, съ которыми нельзя не считаться.

Своеобразіе обстановки, въ которой монетная регалія получила практическое значеніе въ великихъ и удѣльныхъ княжествахъ въ концѣ XIV и въ первой половинѣ XV вѣка, волею-неволею принуждаетъ изслѣдователя выйти изъ условныхъ рамокъ, въ которыхъ татарское иго обыкновенно разсматривается, какъ еслибы оно было совершенно лишено существеннаго значенія для нашего публичнаго права той эпохи и ничѣмъ не отражалось бы на верховныхъ правахъ князей. Особенно это неминуемо въ финансовой области, представлявшей болѣе благопріятную почву для всякаго рода обнаружений „иги“. Къ финансовой же области принадлежитъ и монетная регалія¹⁾.

Прежде всего необходимо считаться съ тѣмъ фактамъ, что монетная регалія совсѣмъ не находилась въ распоряженіи московскаго или иного князя, или новгородскаго вѣчѣ. Регалія принадлежала хану и отъ его имени ею пользовались въ Москвѣ, въ Новгородѣ и въ другихъ княжествахъ. Чеканка русской денги начата Дмитріемъ Донскимъ совсѣмъ не потому, что этого пожелали въ Москвѣ, а потому что этого потребовалъ Тохтамышъ, пожелавшій, чтобы была русская денга съ его „зnamенемъ“ на ней, т. е. съ именемъ хана и татарской надписью на монетѣ, какъ знакомъ покорности. Дмитрій Донской попытался свергнуть татарское иго и Куликовская битва показала, что эта задача не только могла быть удачно поставлена, но и отчасти рѣшена. Для окончательнаго ея рѣшенія, однако, тогда еще не настало время. И въ свою очередь Тохтамышъ показалъ и это²⁾.

Чеканка русской монеты съ татарской надписью, начавшаяся

1) Въ тѣсной связи съ нижеиздѣйющими объясненіями находится то, что о началѣ русской денги въ Москвѣ при Дмитріи Донскомъ кратко наложено авторомъ въ его опытѣ „Русский вѣсъ“, стр. 85—7.

2) Страшное нашествіе Тохтамыша на Москву въ 1382 г. дорого ей обошлось. Послѣ этого нашествія „повелѣша тѣлеса мертвыхъ хоронити и даиста отъ 40 мерт-

послѣ нашествія Тохтамыша на Москву, около 1385 г., имѣла скорѣе характеръ службы хану, чѣмъ монетной регаліи. Татарское иго еще не было свергнуто. То, что началь Донской, искусно продолжали его сынъ и внукъ; но они еще ъѣздили въ орду, еще искали „жалованья“, еще платили дань и едва-ли помышляли о финансовой эксплуатаци монетной регаліи. Конечно, татары не установили надзора за чеканкою русской деньги: они не смотрѣли за тѣмъ, хорошо-ли знаютъ русскіе денежники татарскую грамоту, на всѣхъ-ли монетахъ имѣется татарская надпись и правильная-ли она или неправильная, прямо-ли, какъ слѣдуетъ, она поставлена на мѣстѣ, или на выворотѣ, имѣеть-ли она смыслъ, или была безсмысленна и представляла какія-то каракули. (Такія монеты бывали, не только русскія, но и татарскія). Но суть не въ этомъ. Татары вообще ни во что не вмѣшивались въ русскихъ „улусахъ“, но только до тѣхъ поръ, пока ихъ денежные интересы оставались въ сторонѣ. А когда дѣло касалось ихъ денежныхъ выгодъ, они становились внимательными. „А что если имѣть въ своей державѣ со всякаго улуса эѣ двухъ сохъ рубль, и то серебро куда ся дѣваетъ?“ спрашиваетъ Едигѣй Василія Дмитріевича¹⁾; и это типичный вопросъ, ибо по объясненію Татищева сборъ по полтинѣ съ сохи были нормальнымъ окладомъ ордынскій дани. На этотъ вопросъ князя неоднократно давали отвѣтъ, что страна обнищала, что платить не изъ чего. Но это было возможно, только тогда, когда дѣло касалось дани. А большаго дохода отъ перечеканки монеты скрыть нельзя. И еслиъ Василій Дмитріевичъ польстился на этотъ доходъ, то Едигѣй его заподозрилъ-бы въ утайкѣ не только дани, но и монетнаго дохода. Что монетная регалія составляетъ выраженіе верховной власти, это татары очень хорошо знали уже съ конца XIII вѣка и сильно воспользовались этимъ своимъ знаніемъ

всѣ по полтинѣ, а отъ 80 по рублю, всего дано бысть отъ погребенія 300 рублейъ, т. е. похоронитъ этими порядкомъ пришлось 24000 человѣкъ. И тако отъиде царь (Тохтамышъ) въ безчисленнымъ богатствомъ и въ безчисленнымъ полономъ, потребовавъ и огромнаго окупа: „бысть дань тяжела по княжению, всякому безъ отатка, со всякихъ деревни по полтинѣ, тогда-же и златомъ даваше въ орду“. (П. С. Р. Л. IV 90, VIII 49, XI, 85). Около того времени, когда начались въ Москвѣ чеканки русской деньги, въ 1384 г., Тохтамышъ при похалованіи Михаила Александровича тверскімъ великимъ княжествомъ, рекъ сице: „изъ улусы своя самъ зналъ и кіаждо князь русскій на моемъ улусѣ, а на своеемъ отечествѣ, живеть по старинѣ, а мнѣ служить правдою, и изъ его жалую; а что неправда предо мною улусника моего князя Дмитриемъ Московскаго, и авъ его поустрашишъ, и онъ мнѣ служить и изъ его жалую по старинѣ во отчинѣ его“. (П. С. Р. Л. VII стр. 84).

1) Никон. п. 1409 г. П. С. Р. Л. XI 210.

въ Китаѣ и въ Персії. Поэтому въ первой половинѣ XV ст. они едва-ли проглядѣли бы свои интересы. Но подвергать чеканку монеты фискальной эксплоатациі въ интересахъ татаръ совсѣмъ не было также въ интересахъ ни Дмитрія Донскаго, ни Василія Дмитріевича, ни Василія Темнаго. Напротивъ, благоразуміе отъ нихъ требовало, чтобы они вообще безучастно относились къ монетѣ и къ ея чеканкѣ. Въ угоду татарамъ начата чеканка русской денги, а какая она, сть такими или иными надписями, исправными или неисправными, и тяжелая-ли она или легкая,—объ этомъ заботиться совсѣмъ не было въ интересахъ русскихъ князей, великихъ и удѣльныхъ. Можно только удивляться мудрости совѣтниковъ Дмитрія Донскаго, что при такой постановкѣ они все таки подумали объ интересахъ населенія и постарались, чтобы населеніе не было сбито съ толку новымъ русскимъ денежнымъ счетомъ, который неминуемо долженъ быть возникнуть отъ необходимости опредѣлить, сколько новыхъ русскихъ денегъ будетъ идти на рубль. Они правильно рѣшили эту задачу, устройвъ такъ, чтобы русскій счетъ примкнулъ къ татарскому и былъ лишь его повтореніемъ. Это было для населенія всего легче и удобнѣе.

Изъ изложеннаго очевидно, что въ концѣ XIV ст. и вплоть до Ивана III чеканка монеты имѣла въ древней Руси совершенно своеобразную постановку. Она была лишена той почвы, на которой шло ея развитіе въ самостоятельныхъ Государствахъ, потому что въ отношеніи монеты древнерусскія княжества лишены были государственной самостоятельности, пока продолжалось монгольское иго. Монетной регалии, какъ выраженіе этой самостоятельности, у нихъ не было. Существовало не право, а обязанность бить монету, и эта обязанность имѣла значеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой она сопровождала полученное право (пожалованіе) на княженіе въ большой или меньшей области. Кто получиль это право (отъ орды или великаго, или иного князя, напр. по наслѣдованію удѣла), бить монету. Но кореннымъ источникомъ этого права было пожалованіе хана. И никакого интереса извлекать большія денежныя выгоды отъ пониженія вѣса монеты ни у какого князя не было, потому что этимъ онъ воѣбудилъ бы только жадность татаръ.

Но при такомъ положеніи совершенно естественно, что дѣло чеканки монеты попало всепѣль и безконтрольно въ руки денежниковъ и ливцовъ. Каждый изъ нихъ могъ заниматься этимъ дѣломъ, какъ всякимъ инымъ вольнымъ промысломъ, уплативъ князю, великому или

удъльномъ, „откупъ“ за допущеніе его къ прибыльному занятію се-
ребрянаго литья¹).

На новгородскомъ матерьялѣ всего удобнѣе начать разсмотрѣніе
результатовъ, оказавшихся вслѣдствіе того, что чеканка монеты полу-
чила объясненную выше постановку. Въ Новгородѣ эта постановка,
превратившая чеканку монетъ въ вольный промыселъ, еще обостря-
лась тѣмъ, что въ 1420 г. чеканку допустили, какъ выше объяснено,
какъ-будто неофициально, какъ дѣло, отъ котораго новгородскія
власти предпочитали стоять въ сторонѣ. Новгородъ былъ далеко отъ
татаръ и съ ними изстари имѣлъ дѣло чрезъ Москву. И въ добавленіе
къ этому, новгородскіе денежники, чрезъ немнога лѣтъ послѣ 1420 г.
могли уже воспользоваться указаніями иѣкотораго опыта въ дѣлѣ
чеканки денги, опыта, котораго московскіе денежники еще не могли
имѣть въ 1885 г., когда, вѣроятно, началась чеканка московской денги.

Политика, во имя которой началась чеканка новгородской денги
въ Новгородѣ въ 1420 г., требовала, чтобы чеканить начали по москов-
ской монетной стопѣ, по 216 денегъ изъ гривенки. И по этой стопѣ
она дѣйствительно началась: обѣ этомъ, конечно, позаботились тѣ,
которые руководили политикою. Это доказываютъ и наиболѣе тяжелыя
новгородки, до насы дошедшія въ болѣе значительномъ числѣ, чѣмъ
монеты Дмитрія Донскаго. И это доказываетъ также, что иѣкоторое
время чеканка продолжалась въ Новгородѣ по московской монетной
стопѣ. Какъ долго? Мы этого знать не можемъ, потому что монеты
тогда еще не датировались, на нихъ еще не означали года ихъ че-
канки. Существовала политическая интересъ, чтобы въ Новгородѣ
привыкли къ московской монетной стопѣ (къ денгѣ вѣсомъ $\frac{2}{9}$ зо-
лотника), чтобы новгородцы привыкли считать, какъ повсюду тогда
считали, по 216 денегъ на рубль. Болѣе чѣмъ вѣроятно, поэтому, что
пока эта привычка не распространялась и не укоренилась, въ Нов-
городѣ, со стороны тѣхъ, которые были заинтересованы въ этомъ уко-
рененіи, былъ иѣкоторый надзоръ за денежниками, чтобы они соблю-
дали московскую стопу. Но когда привычка укоренилась, надзоръ
сталъ излишнимъ. Чеканка монеты стала совсѣмъ вольнымъ про-
мысломъ.

Мы не знаемъ, конечно, сколько на это потребовалось времени,

1) О чеканкѣ монеты, какъ о вольномъ промыслѣ, въ нумизматической литератуѣ не разъ писалъ французскій академикъ и хранитель нумизматическихъ коллекцій парижской Национальной Библіотеки, Бабелонъ.

можетъ быть 10—15 лѣтъ. По всѣмъ вѣроятностямъ не позже половины тридцатыхъ годовъ XV вѣка уже началось пониженіе вѣса денги. Такъ какъ въ условіяхъ, въ которыхъ намъ теперь приходится разбираться, болѣе тяжелыя монеты предшествовали менѣе тяжелымъ, то нѣкоторыя указанія намъ можетъ дать группировка дошедшихъ до насъ новгородокъ по ихъ вѣсу. Въ своей известной монографіи о монетахъ Великаго Новгорода гр. И. И. Толстой сообщаетъ результаты огромнаго числа новгородокъ, имъ взвѣшенныхъ. Мы пользуемся числами, которыя онъ даетъ, для слѣдующей таблицы. Между взвѣщенными гр. И. И. Толстымъ новгородками, чеканенными до 1478 г., т. е. до потери Новгородомъ самостоятельности, оказалось по вѣсу:

Вѣсъ.	Число монетъ.
19½ долей и болѣе	59
19 долей	105
18½ ,	159
18 ,	458
17½ ,	147
17 ,	112
16½ ,	38
16 ,	84
15½ , и менѣе	58
Всего 1160 монетъ.	

У нумизматовъ принято, не входя въ подробности, считать вѣсъ новгородокъ въ 18 долей, потому что, какъ видно и изъ приведенныхъ чиселъ, большинство новгородокъ имѣютъ этотъ вѣсъ. При этомъ вѣсъ изъ гривенки въ 48 золотниковъ или 4608 долей чеканится $4608:18 = 256$ денегъ и 216 такихъ денегъ имѣютъ вѣсъ $40\frac{1}{2}$ золотниковъ вмѣсто 48, сохрания лишь $84\frac{1}{6}\%$ своего нормальчаго вѣса. Но приведенные числа ясно показываютъ, что новгородскія числа не очень скоро додали до этого. Первую категорію (самыхъ тяжелыхъ монетъ, въ 19½ долей и тяжелѣе) мы уже рассматривали выше, въ связи съ денгами нормальчаго вѣса, вѣсомъ въ $\frac{2}{9}$ золотника или по 216 изъ гривенки. Монеты этой категоріи еще и потому не имѣли существенаго значенія въ дѣлѣ пониженія вѣса денги, что уклоненіе ихъ отъ нормальчаго вѣса было неуловимо. Когда денежники начали дѣлать первые опыты эксплоатациіи монетной чеканки для собственныхъ выгодъ и стали чеканить изъ гривенки или 4608 долей серебра уже не 216, а 225 денегъ, то средній вѣсъ денги при этомъ все еще выходилъ $4608:225 = 20\frac{1}{2}$ долей; 216 такихъ денегъ имѣли

еще 96% нормального вѣса. При такомъ положеніи увеличеніе числа денегъ, чеканившихся изъ гривенки, даже еще не могло имѣть никакого вліянія на совмѣстное обращеніе денги съ вѣсомъ, уменьшены въ вѣсъ указанныхъ предѣлахъ, и рублевыхъ слитковъ въ 48 золотниковъ. Но при дальнѣйшемъ увеличеніи числа денегъ, чеканившихся изъ гривенки, до 280 и 285, хотя при этомъ средній вѣсъ денги уменьшался только до 20 и $19\frac{1}{2}$ долей, 216 такихъ денегъ, составлявшіе счетный рубль, уже чувствительно уклонялись отъ вѣса рублеваго слитка въ 48 золотниковъ; а еще чувствительнѣе стало это уклоненіе, когда средній вѣсъ денги былъ пониженъ до 19 долей, то есть, когда изъ гривенки стали чеканить больше 240 денегъ. Но и большой бѣды отъ этого тоже не было, такъ какъ, повидимому (судя по дошедшемъ до насъ указаніямъ) отъ „ливцовъ“ стали требовать, чтобы они одновременно стали отливать рублевые слитки уменьшенного вѣса въ 46, 45, 44 золотниковъ, соотвѣтствующихъ уменьшенному вѣсу денги. Что иѣчто подобное дѣйствительно происходило, мы должны заключить изъ двоякаго: во первыхъ, до насъ дошло иѣкоторое число слитковъ такого уменьшенного вѣса въ 46, 45, 44 золотниковъ вмѣсто 48; а во-вторыхъ, мы сейчасъ приведемъ изъ иѣкоторыхъ лѣтописей извѣстіе, въ которомъ, между прочимъ, какъ бы мимоходомъ, упоминается о *старыхъ и новыхъ* рубляхъ, что можно объяснить только однимъ: подъ старыми рублями понимались полновѣсные серебряные слитки въ 48 золотниковъ, а подъ новыми — неполновѣсные слитки, которымъ до 48 недоставало иѣсколькихъ золотниковъ. Но изъ приведенныхъ выше чиселъ графа И. И. Толстого видно, что дошедшія до насъ монеты въ 19 долей, хотя ихъ значительно больше, чѣмъ монеты въ $19\frac{1}{2}$ и свыше долей, все таки еще держатся въ предѣлахъ умѣренного числа (105). Это свидѣтельствуетъ, что первое время денежники еще дѣйствовали медленно и осторожно. По всѣмъ вѣроятностямъ, такъ они дѣйствовали до половины сороковыхъ годовъ XV вѣка. Но съ этого времени они дѣйствуютъ уже удивительно смѣло и беззастѣнчиво. Повидимому, прибыли первыхъ денежниковъ, которыхъ тоже было не мало, еще увеличило число ихъ, привлеченныехъ жаждою корысти и скораго обогащенія, и та-же жажда не могла не повліять и на всю ту часть новгородскаго населенія, которая была богаче, располагала серебромъ и могла нажиться, отдавая его денежнѣкамъ для перечеканки въ монету уменьшенного вѣса. Чеканкою 240 денегъ изъ гривенки не только не удовлетворились, но не остановились и у чеканки 250 денегъ изъ гривенки, пошли дальше, и, какъ

показываетъ огромное число (свыше 450) дошедшихъ до настъ въ одной только коллекціи гр. И. И. Толстого экземпляровъ денги въ 18 долей, съ особеною энергию чеканили эту денгу, которой изъ гривенки выходило $4608:18 = 256$ монетъ. Но и предъ этимъ не остановились: понижение вѣса денги до $17\frac{1}{2}$ и 17 долей, проистекающее отъ увеличенія числа денегъ изъ гривенки до 265 и 270, показываетъ, что это движеніе продолжалось бы и далѣе, еслиъ оно не было остановлено разразившемся грозою въ видѣ народнаго бунта, вызваннаго именно тѣмъ, что происходило съ чеканкою денги.

Этотъ своеобразный бунтъ произошелъ въ Новгородѣ въ 1447 г. и какъ самъ по себѣ, такъ и по его послѣдствіямъ, не можетъ не возбуждать вниманія къ себѣ, потому что примѣровъ, когда населеніе большого города бунтовало противъ беспорядковъ въ денежной чеканкѣ, и бунтовало съ успѣхомъ,—чтобы населеніе воастало противъ злоупотребленій чеканкою монеты и ихъ пріостанавливало-бы, экономическая исторія знаеть очень мало.

Новгородская лѣтопись сохранила намъ обстоятельный, хотя и безсвязный разсказъ о бунтѣ 1447 года, и этотъ разсказъ вполнѣ за-служиваетъ разбора. Всегда въ такихъ случаяхъ, когда что-нибудь возбуждается всеобщее недовольство, сначала это недовольство выражается въ порицаніи, которое потомъ переходитъ въ озлобленіе и наконецъ выражается въ насилияхъ. Такъ конечно было и въ Новгородѣ, гдѣ вѣроятно задолго до 1447 года порицали то, что происходило, а когда то, что порицали, продолжалось, то оно вызвало озлобленіе, которое и вырвалось наружу въ 1447 году и тогда сказалось въ насилияхъ. „Начаша людіе денги хулити серебряныя даже и вси новгородцы, другъ на друга смотря, и бысть между ними голка и мятежъ и нелюбовь . . . и бысть крестьянамъ скорбь велика и убытокъ въ городѣ и по волостемъ¹⁾ . . . Того же лѣта новгородцы охулиша серебро, рубли старыи и новыи; бѣ денежникамъ прибытокъ, а серебро передѣлаша въ денги и у денежниковъ поимаше посулы . . . Выведе Сокира посадникъ ливца и вѣсца серебрянаго Феодора Жеребца на вѣче, напоивъ его, нача сочтити: на кого еси лиль рубли? онъ же оговори 18 человѣкъ и по рѣчемъ иныхъ съ мосту сметаша, а иныхъ дома разграбиша и изъ церквей вывозиша животы (имущество) ихъ, а прежде того по церквамъ не искивали. И того же

1) До сихъ поръ — такъ и по новгородской синодальной стр. 428. Дальнѣйшія подробности по четвертой новгородской стр. 125—126.

Федора начаша неправдивыи бояре научати говорить на многихъ людей, претяще ему смертью; онъ же пропривився рѣче: на всѣхъ есть лиль и на всю землю и въсихъ со своею братьем ливци; тогда бѣ весь градъ въ сѣтованіи мнозѣ, а колодники и ябедники и посульники радовахуся, толко бы на кого выговориль и того самого смерти предаша, а животъ его въ церкви раздѣли и разграбиша. И бысть во градѣ мяtekъ великийъ».

Въ этомъ разсказѣ особенно важны указанія на предметы, возбудившіе порицанія и жалобы. Новгородцы охулили, прежде всего, денги серебряныя, конечно, потому что ихъ вѣсь былъ чрезмѣрно уменьшеннъ. Но этимъ новгородцы не ограничили своихъ порицаній. Они затѣмъ „охулиша серебро, рубли старые и новые“ и потребовали чтобы въ этомъ разобралось вѣче. И на вѣче произведено разбирательство этого предмета, которое шло уже глубже и касалось рублей, то есть, слитковъ. На вѣче былъ допрошень одинъ изъ денежниковъ и онъ долженъ былъ показать, на кого онъ лиль слитки-рубли? Конечно, преступленіе было не въ томъ, что онъ „лиль рубли“; это было его ремесло, и еслибъ онъ лиль правильные рубли, полновѣсные въ 48 золотниковъ, то его къ отвѣту не привлекли-бы; но онъ лиль неполновѣсные, т. е. фальшивые рубли, въ которыхъ было меньше 48 золотниковъ, которые не составляли гривенки. Вотъ эти „новые“, фальшивые рубли, не могли не вызвать порицанія всѣхъ рублей, и старыхъ, и новыхъ, изъ которыхъ произошла смута. Правильные рубли не могли оставаться въ обращеніи рядомъ съ неправильными, причиняя значительный убытокъ своимъ владѣльцамъ. И наконецъ, третій предметъ, обратившій на себя вниманіе и вызвавшій всеобщя порицанія, заключался въ томъ, что при томъ ходѣ, который получила чеканка денги, какіе бы то ни было *слитки-рубли уже не могли оставаться въ обращеніи* рядомъ съ монетою, которой вѣсь непрерывно понижается. Если владѣльцу рублеваго слитка въ 48 золотниковъ было обидно, что его слитокъ стоялъ на одной доскѣ со слиткомъ, въ которомъ серебра было лишь 48—44 золотника, то и владѣльцу этого послѣдняго было убыточно имѣть серебро въ видѣ такого „новаго“ рубля, т. е. 216 денегъ, даже когда вѣсь этихъ денегъ понизился только до 18 долей; ибо 216 денегъ такого вѣса составляли уже только $40\frac{1}{2}$ золотниковъ. Поневолѣ *всѣ должны были броситься на перечеканку слитковъ въ малютиную монету*; всѣ новгородцы „передѣлаша серебро въ денги“; такимъ образомъ произошелъ тотъ фактъ, о которомъ рассказывается Герберштейнъ: что когда-то обраща-

лись рубли-слитки, которые потомъ исчезали и которыхъ при немъ уже давно не было.—Толпа расчиталась съ виновниками разстройства денежнаго беспорядка по своему: бросали ихъ съ моста въ Волховъ и грабила ихъ имущество, разыскивая его по церквамъ, въ которыхъ оно отдавалось для храненія и до этого случая оставалось неприкосновеннымъ. Ярость толпы видимо была при этомъ особенная, если она вызывала замѣчаніе лѣтописца, „преже того по церквамъ не искали“.—И все таки этимъ дѣло не кончилось. Произошло то, что при правильномъ ходѣ дѣлъ должно было бы произойти въ 1420 г., когда началась чеканка новгородской монеты. Въ это дѣло, наконецъ, вмѣшились власти: посадникъ и тысяцкій и весь Великій Новгородъ. На этотъ разъ лѣтописецъ уже яснѣ и показываетъ, что чеканка монеты была изъята изъ рукъ денежнниковъ. „И посадникъ и тысяцкій и весь Новгородъ уставили пять денежнниковъ и начали переливати старыя денги, а новые ковати“. Это означало коренной переворотъ въ постановкѣ чеканки монеты въ Новгородѣ. Она перестала быть вольнымъ промысломъ и даже вообще промысломъ. Съ 1447 г. къ Новгороду уже не относится то, что по Герберштейну въ Москвѣ происходило еще чрезъ 75 лѣтъ: что всѣ серебряныхъ дѣлъ мастера занимались дѣланіемъ денги. Въ Новгородѣ съ 1447 г. уже не всѣ серебряныхъ дѣлъ мастера занимались этимъ дѣломъ, а напротивъ они отъ него были отстранены. Осталось только 5 денежнниковъ, да и тѣ были „установленные“, назначенные для общаго дѣла. По смыслу этой перемѣны, надо полагать, что съ 1447 г. въ Новгородѣ существовалъ уже монетный дворъ, на которомъ установленные пять денежнниковъ „ковали денги“, когда въ томъ была надобность. Лѣтопись умалчиваетъ, по какой стопѣ съ этого времени въ Новгородѣ чеканилась денга. Изъ того, однако, что между денгами, которые до нась дошли (и которыхъ охватываются, какъ чеканенные въ 1420—1447 г.г., такъ и чеканенные съ 1447—1478 г.г.) все таки преобладаютъ 18 и $17\frac{1}{2}$ дольныя, можно заключить, что послѣ 1447 г. придерживались чеканки 260 денегъ изъ гривенки.

Такимъ образомъ, въ Новгородѣ дѣло еще кончилось сравнительно благоподучно. Всѣ деньги понизился съ $\frac{1}{2}$, золотника или $21\frac{1}{2}$ доли до $\frac{1}{48}$ золотника или 18 долей; уменьшеніе это, однако, составляло лишь $15\frac{5}{8}\%$ и новгородская денга, считаясь 18 дольной, сохраняла $84\frac{3}{8}\%$ своего первоначального вѣса. Это дозволило новгородцамъ оставаться при первоначальномъ заимствованномъ у Москвы, денежнномъ счетѣ, по 216 денегъ на рубль. Этотъ рубль, какъ 216

денегъ по $\frac{9}{48}$ золотника все еще составлялъ $40\frac{1}{2}$ золотника серебра. При этомъ рубль новгородцы, пока, и остались до покоренія ихъ Москвою.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первое измѣненіе московскаго рубля.

1435—1485.

Въ то самое время, когда только что разобранныя явленія проходили въ Новгородѣ, въ Москвѣ происходило не просто тоже самое, а многократно усиленное и усложненное. Безпорядокъ воцарялся какъ будто беспредѣльный, который никакой мѣры знати не хотѣлъ. И въ то время, какъ въ Новгородѣ народный бунтъ положилъ конецъ операціямъ денежниковъ и тѣхъ слоевъ населенія которые за денежниками стояли, вызывавъ вмѣшательство властей, и это вмѣшательство воистину было рубль въ 216 денегъ и чеканку монетъ сдѣлало правительственныйъ дѣломъ,—въ Москвѣ ничего подобнаго не произошло. Произошло иѣчто иное, гораздо болѣе глубокое и сильное, измѣнившее народныя привычки и подѣйствовавшее такъ сильно на нихъ, что это введеніе продолжалось $2\frac{1}{2}$ столѣтія, а слѣды его исчезли только подъ вліяніемъ денежныхъ мѣропріятій Петра Великаго.

И тѣмъ не менѣе о томъ, что происходило съ чеканкою денги при Василіи Темномъ, мы знаемъ только по монетамъ, чеканившимся въ его время, и такимъ письменнымъ извѣстіямъ, которыя какъ будто стоять совершенно въ сторонѣ отъ пониженія вѣса денги при Василіи Темномъ,—которыя поэтому никогда не рассматривались въ связи съ этимъ пониженіемъ, да и вообще совсѣмъ не обращали на себя вниманія. Прямыхъ же свѣдѣній, въ родѣ извѣстія о новгородскомъ денежномъ бунтѣ 1447 г., до нась не дошло никакихъ.

Нумизматы знаютъ, что „монеты, относимыя Василію Темному, отличаются необыкновеннымъ обилиемъ типовъ, сравнительно съ монетами прочихъ великихъ князей и особенно его отца. Отличие монетъ, относимыхъ Василію Васильевичу, отъ монетъ его предшественника состоитъ въ величинѣ и вѣсѣ; если наиболѣе сохранныя экземпляры монетъ Василія Дмитріевича вѣсятъ 22 доли, то у Василія Темнаго тяжелѣе 18 долей не встрѣчается и, кромѣ того, у послѣдняго одновременно или, какъ думаютъ нѣкоторые нумизматы, къ концу его княженія, чеканились монеты очень легкаго вѣса, въ 6—9 до-

лей”¹⁾. Чертковъ говоритъ, что изъ имѣвшихся у него 800 монетъ Василія Темнаго ни одна не была тяжелѣе 17 долей (12 аптечныхъ грановъ). Чертковъ полагалъ также, что монеты этого и вообще болѣе значительного вѣса, дѣланы въ первыя годы правленія Василія Темнаго и „неимовѣрно, чтобы правительство московское отъ 12 гранъ понизило вѣсъ до 6 гранъ (8½ долей) безъ какого-нибудь переворота въ великомъ княжествѣ; а какъ ничего подобнаго изъ лѣтописей не знаемъ, то вѣроятно пониженіе въ вѣсъ дѣжалось постепенно, годъ отъ году, и въ концѣ правленія Василія дошло до половины цѣнности первыхъ его монетъ; разумѣется положительно этого доказать нельзя, ибо на денгахъ нѣтъ годовъ (ихъ чеканки); но принимая въ соображеніе, что правительство при великихъ князьяхъ монетнаю дворъ не имѣло и денги дѣлали денежники, серебряныхъ дѣлъ мастера, то и надлежащій надзоръ за симъ быть невозможенъ. И само правительство по финансовымъ понятіямъ того времени, быть можетъ, извлекало изъ сего свою пользу, а потому, такъ сказать, смотрѣло сквозь пальцы”²⁾. Такъ какъ титулъ „Осподарь“ принялъ Василіемъ Темнымъ не раньше 1451 г., то и монеты съ этимъ титуломъ не старѣе 1451 г., а ни одна изъ этихъ монетъ не имѣть вѣса больше 8 гранъ или 11 долей. Но одни ли монеты съ титуломъ Осподарь имѣютъ этотъ вѣсъ, этого вопроса Чертковъ не касается.

Все это, однако, довольно глухо и неопределенно характеризуетъ чрезвычайныя событія, произошедшия въ Москвѣ въ дѣлѣ чеканки монеты при Василіѣ Темномъ и даже совсѣмъ не говорить, имѣли ли эти событія какія-нибудь крупныя послѣдствія и даже вообще какія бы то ни было послѣдствія. Несомнѣнно, очень существенно указаніе А. В. Орѣшникова, что монеты Василія Темнаго отличаются чрезвычайною многочисленностью нумизматическихъ типовъ ихъ; но это само по себѣ интересно только для собирателя монетъ. Большее значеніе имѣть то обстоятельство, что однородное замѣчаніе сдѣлано было гр. И. И. Толстымъ о новгородкахъ: типовъ новгородской денги собственно только два, различающихся тѣмъ, что одна изъ двухъ фигуръ, изображенныя на монетѣ, а именно та, которой приданы атрибуты власти, на однихъ монетахъ изображается стоящою, а на другихъ сидячою; но каждый изъ этихъ типовъ очень сильно разнообразится и это вызываетъ очень много разновидностей новгородской

1) А. В. Орѣшниковъ, Русскія монеты до 1547 г. стр. 96.

2) Чертковъ. Описаніе древніхъ русскихъ монетъ. Москва 1834 г. стр. 12, 13.

деньги. Случайно ли это совпадение монеть новгородскихъ и Василія Темнаго по множеству ихъ разновидностей? Мы думаемъ, что оно не случайно и явилось послѣствіемъ одной и той же причины: что въ Новгородѣ и въ Москвѣ въ сороковыхъ годахъ XV вѣка чеканкою монеты занималось очень большое число денежниковъ. Стало выгодно заниматься этимъ промысломъ и на него набросилось большое число лицъ; отсюда и большое разнообразіе штемпелей, которыми они чеканили монету: каждый чѣмъ-нибудь себя озnamеновывалъ.

Что касается мысли Черткова, что понижение вѣса деньги при Василіи Темномъ происходило постепенно, что только въ концѣ княжения Василія Темнаго чеканилась маловѣсная денга и что Василій Темный, можетъ быть, принималъ участіе въ использованіи выгоды отъ чеканки маловѣсной денги, то вѣвъ всякаго сомнѣнія въ ней только одно: что такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ эпохой понижения вѣса деньги, то конечно двигались сверху внизъ, а не наоборотъ. Иначе это была бы эпоха не только пониженія, но и возвышенія вѣса, о которомъ мы ничего не знаемъ. Но утверждать, что при этомъ двигались постепенно, а не скачками, это значитъ забывать что въ такомъ движеніи обыкновенно участвуютъ люди разныхъ темпераментовъ, горячіе, скачущіе, и осторожные, медленные. Какъ мы ниже увидимъ, сильное понижение вѣса московской денги при Василіи Темномъ имѣло очень крупныя послѣствія: населенію пришлось къ этому приспособиться и оно сумѣло достигнуть своей цѣли уже въ первые годы княжения Ивана III. Но для этого необходимо было время, а отчасти для этого должны были служить послѣдніе годы княжения Василія Темнаго. Вотъ почему трудно допустить что особенно чеканка маловѣсной денги происходила въ послѣдніе годы княжения Василія Темнаго, когда онъ усѣлся наконецъ спокойно въ Москвѣ и могъ пріобщиться къ использованію выгоды отъ означенной чеканки. Какъ ни похоже на Василія Темнаго желаніе этого рода, но обстоятельства ему не благопріятствовали. Мы думаемъ, напротивъ, что когда Василій Темный усѣлся наконецъ спокойно въ Москвѣ, то горячая пора чеканки маловѣсной денги уже кончилась; Василій Темный въ ней могъ принимать участіе, какъ одинъ изъ многихъ, во время одного изъ многихъ перерывовъ, когда онъ возвращался въ Москву, чтобы опять изъ нея удалиться.

Лучшія, критически пересмотрѣнныя данные о московской денгѣ времени Василія Темнаго въ настоящее время содержатся въ каталогѣ Румянцевскаго музея. Къ сожалѣнію, монеты въ этомъ каталогѣ

сгруппированы не по вѣсу ихъ, а по наружному ихъ виду. Мы по-этому ихъ подвергли перераспределенію по вѣсу¹⁾ и такимъ образомъ получили возможность судить въ какихъ числахъ различныя категоріи вѣса представляются монетами Василія Темнаго. Числа эти слѣдующія:

Вѣсъ монетъ въ долихъ.	Число монетъ.	Вѣсъ монетъ въ долихъ.	Число монетъ.
17 долей.	10	11 долей	45
16 $\frac{1}{2}$,	30	10 $\frac{1}{2}$,	15
16 ,	250	10 ,	12
15 $\frac{1}{2}$,	18	9 $\frac{1}{2}$,	20
15 ,	29	9 ,	17
14 $\frac{1}{2}$,	2	8 $\frac{1}{2}$,	23
14 ,	8	8 ,	21
13 $\frac{1}{2}$,	2	7 ,	10
13 ,	5	6 $\frac{1}{2}$,	5
12 $\frac{1}{2}$,	4	6 ,	1
12 ,	4	5 $\frac{1}{2}$,	4
11 $\frac{1}{2}$,	3		
			589

1) Это перераспределеніе—работа довольно утомительная; для сокращенія ея читателямъ, которые желали бы наслѣдовъть, мы здесь представляемъ ея черновые результаты: числа въ ней означаютъ нумера монетъ Румянцевскаго каталога; когда подъ какимъ либодъ нумеромъ значится вѣсъ сколько экземпляровъ одинакового вѣса, то число ихъ показано въ скобкахъ.

Вѣсъ монетъ въ долихъ.	Н у м е р а м о н е тъ.
17 долей.	507, 508 (2), 510, 528, 555, 561, 565, 570, 585, 595.
16 $\frac{1}{2}$,	509, 518, 521 (8), 524, 548, 558, 580, 581, 588 570, 597 (11), 598 (2).
16 ,	513, 517, 518, 519, 582 (82), 541 (30), 542 (10), 553, 554, 563 (24), 568 (25), 584, 594 (47), 596, 620 (45), 621.
15 $\frac{1}{2}$,	512, 516 (2), 543, 547, 558 (2), 570, 598, 620 (9).
15 ,	517, 518, 520, 523 (19), 525 (2), 582, 553, 569, 561, 585.
14 $\frac{1}{2}$,	549, 569.
14 ,	511, 514, 555, 562, 572, 573, 585, 598.
13 $\frac{1}{2}$,	590, 593.
13 ,	526, 531, 550, 551, 562.
12 $\frac{1}{2}$,	580 (7), 583, 552.
12 ,	588, 535, 574, 580.
11 $\frac{1}{2}$,	566, 606, 607.
11 ,	527, 530 (4), 567 (2), 571, 574, 581, 590, 591, 601 (10), 606, 608, 614, 625 (18), 626, 629.
10 $\frac{1}{2}$,	515, 584, 577, 805 (5), 607, 608, 612, 626, 629, 681 (2).
10 ,	584, 546, 564, 567, 575, 576, 579 (2), 599 (2), 601, 629.
9 $\frac{1}{2}$,	528, 538, 567, 579 (2), 600 (4), 610 (5), 633 (6).
9 ,	538, 575, 600 (4), 610 (2), 611 (2), 614, 614 (4), 619, 630.
8 $\frac{1}{2}$,	587 (2), 588, 599 (2), 602 (2), 613 (2), 614, 615 (4), 616 (4), 617, 618 (2), 619, 630.
8 ,	539, 540, 545 (3), 557, 586, 587 (2), 588, 611 (2), 613 (2), 614 (4), 617, 628, 632, 634, 636.
7 $\frac{1}{2}$,	544, 606, 628, 635, 636, 637.
7 ,	536, 537, 577, 582, 586, 589, 592, 604, 627, 628.
6 $\frac{1}{2}$,	529, 611 (2), 617, 617a.
6 ,	608.
5 $\frac{1}{2}$,	529, 577, 578, 628.

Если подъ однимъ и тѣмъ-же нумеромъ показаны монеты различнаго вѣса, то нумеръ соотвѣтственно повторенъ въ надлежащемъ мѣстѣ.

Эти числа совершенно ясно показывают, что происходившее въ Москвѣ весьма сильно отличалось отъ того, что одновременно происходило въ Новгородѣ. Въ Новгородѣ денежники и стоявшіе за ними богатые люди, имѣвшіе серебро и желавшіе нажиться отъ пониженія вѣса монеты, увеличивали число денегъ, чеканившихся изъ гривенки, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ при этомъ не перешли предѣла чеканки изъ гривенки 260 денегъ; поэтому въ этомъ преобладающемъ большинствѣ случаевъ вѣсъ деньги не понизился далѣе 18 долей; когда же нѣкоторая часть денежниковъ пошла дальше и стала чеканить изъ гривенки больше 260 денегъ, то народный бунтъ совсѣмъ простоянвилъ движеніе и вызвалъ вмѣшательство власти. Въ Москвѣ было иное; наши числа показываютъ, что насколько въ Москвѣ повторялось и то, что происходило въ Новгородѣ, въ Москвѣ безпрепятственно пошли гораздо дальше. Началось и въ Москвѣ съ того, что денежники и тѣ, которые за ними стояли, стали сильно уменьшать вѣсъ деньги; но въ Москвѣ при этомъ прямо и безцеремонно перескочили чрезъ нѣкоторыя ступени и оттого до нась совсѣмъ не дошли экземпляры деньги времени Василія Темнаго вѣсомъ въ 19, $18\frac{1}{2}$, 18 и $17\frac{1}{2}$ долей. Но и чеканкою деньги въ 17 и $16\frac{1}{2}$ долей занимались недолго и всего больше налегли на чеканку деньги въ 16 долей; деньги этого вѣса дошло до нась число, составляющее почти половину всего числа денегъ времени Василія Темнаго; а если къ этому числу 16-дольныхъ денегъ прибавить съ одной стороны число 17 и $16\frac{1}{2}$ -дольныхъ, а съ другой стороны $15\frac{1}{2}$ и 15 дольныхъ (то есть, если взять всѣ тѣ виды деньги, которыхъ всѣ вмѣстѣ имѣютъ средній вѣсъ 16 долей), то всего такихъ денегъ до нась дошло 887 или немного менѣе двухъ третей (68%) всѣхъ денегъ Василія Темнаго. Но 16-дольные деньги представляютъ только то, что сдѣлала *мішь одна групта* денежниковъ а именно та, которая какъ-бы не сходила съ почвы существующаго и желала его эксплуатировать въ личныхъ интересахъ, но его хоть *не разрушала*. Гораздо опаснѣе было то, что въ Москвѣ рядомъ съ указанною группою оказалась *другая*, тоже видимо сильная, группа, которую собственно Москва отличалась отъ Новгорода, гдѣ этой второй группы почти совсѣмъ не было, или она не въ состояніи была широко распространить свои дѣйствія. Эту вторую группу представляли денежники, которые *прямо чеканили маловѣсную* деньги, расчитанную на сбыть въ качествѣ полновѣсной. Къ этой группѣ принадлежали денежники, чеканившіе деньги въ 8—11 долей, и хотя ими начеканено лишь больше одной черверти (28%) всѣхъ монетъ времени Василія

Темнаго, но они были гораздо опаснѣе первой группы; потому что они превращали въ прямой обманъ весь денежный счетъ и пользованіе деньгами, какъ орудіемъ обмѣна. Что эти маловѣсныя монеты не были расчтаны на то, чтобы служить, какъ половинки полновѣсныхъ, а напротивъ завѣдомо выпускались для того, чтобы ихъ не различали отъ полновѣсныхъ и чтобы чудовищно увеличивались выгоды и барыши денежніковъ и стоявшихъ за ними, это совершенно ясно выразилось въ борьбѣ, которую вызвало совмѣстное обращеніе въ Москвѣ полновѣсныхъ, хотябы и лишь 16-дольныхъ денегъ, и маловѣсныхъ 8—11 дольныхъ.

Населенію, конечно, было очень убыточно, когда его заставляли за рубль или 216 денегъ полновѣсныхъ брать 216 маловѣсныхъ денегъ. Конечно, каждый могъ отказаться отъ принятія маловѣсной денги за полновѣсную. Для этого, однако, была необходима увѣренность, что полновѣсная денга, хотя бы въ 16 долей, останется полновѣсной. Но повидимому этой увѣренности въ Москвѣ не могло быть въ тревожное время Василія Темнаго. Чекавившіе 16-дольную денгу удовлетворялись тѣмъ, что ея выходило изъ гривенки 288 штуку; но рядомъ съ ними другіе денежніки далеко заходили за этотъ предѣль и чеканили изъ гривенки больше 800, больше 400 и даже больше 500 денегъ. (При чеканкѣ 500 денегъ изъ гривенки въсъ денги составлялъ больше 9 долей). Денежники этой категоріи прямо расчитывали на то, что толпа не можетъ разбираться въ монетѣ и будетъ принимать маловѣсную за полновѣсную. Это волею-неволею ставило въ очень шаткое и убыточное положеніе тѣхъ денежніковъ, которые чеканили полновѣсную монету. И это конечно ихъ сильно искушало. Расчитывать на то, что денежніки, чекавившіе полновѣсную монету, будутъ продолжать ее чеканить, нельзя было. А защиты населенію негдѣ было искать. И ему не до денежніхъ бунтовъ было въ это время въ Москвѣ, которую брали то противники Василія Темнаго, то его защитники, то татары.

Населеніе должно было извернуться собственными силами, тѣми силами, которыя создаются народныя привычки, нравы, обычай. Начинаятъ отдельныя лица, придумывающія для себя способы самозапиты; имъ подражаютъ другіе, которые не могутъ выдумать ничего лучшаго; за другими идутъ третіи, четвертые и т. д., пока не оказывается, что *всѣ одинаково поступаютъ*; а повтореніе одинакового образа дѣйствій въ теченіи времени превращаетъ его въ *общую привычку* поступать именно извѣстнымъ образомъ, а не иначе; привычка отъ этого превращается въ обычай.

Такъ было въ Москвѣ въ послѣдніе годы княженія Василія Темнаго и можетъ быть, въ первыѣ годы Ивана III. Постепенно создался новый денежный счетъ, принарубленный съ одной стороны къ старому денежному счету, а съ другой стороны къ новымъ условіямъ, возникшимъ отъ появленія маловѣсной денги. Такъ какъ полновѣсная денга, хотя бы и 16 дольная, представляла очень шаткую почву, потому она очень легко могла превратиться въ маловѣсную, то московское населеніе совсѣмъ отстриялось отъ нея. „Московскими ходячими денгами“ стали считать только маловѣсную денгу. Этимъ отстриялась возможность навязывать населенію маловѣсныя денги вместо полновѣсныхъ и обманъ этого рода лишался почвы. Игра на двоякаго рода чеканку денги, какъ крупнаго, такъ и малаго вѣса, прекращалась не правительственнымъ мѣропріятіемъ, а народною привычкою.

На почѣ маловѣсной денги въ Москвѣ создался новый специфически московскій денежный счетъ, лишь очень немного отличный отъ прежняго, сохранившагося въ Новгородѣ и ставшаго отъ этого отличительнымъ новгородскимъ. Особенность московскаго счета состояла въ томъ, что она строился снизу вверхъ. На фундаментѣ маловѣсной денги построилась новая московская гривна; на ней создалась новая московская полтина, а на этой полтинѣ построился новый московскій рубль.

До Василія Темнаго московская, какъ и новгородская гривна, считалась въ 14 денегъ; эта гривна и осталась въ силѣ въ Новгородѣ, когда въ Москвѣ появилась новая московская гривна. Въ гривнѣ можно было считать 14 денегъ, пока эти денги были крупнаго вѣса. Но при счетѣ на маловѣсныя денги нужно было это число увеличить. На сколько? Удвоить это число и принять его въ 28 денегъ значило напередъ осудить московскую маловѣсную „ходячую“, денгу на очень низкій уровеньъ, то-есть, считаться только съ очень маловѣсною денгою. Поэтому въ Москвѣ вошло въ обычай считать на гривну среднее число между 14 и 28 денгами, а именно 20 новыхъ московскихъ маловѣсныхъ денегъ. Это было удобно еще и въ томъ отношеніи, что дало почву для построенія на ней такой новой московской полтины, которая, состоя изъ пяти новыхъ московскихъ гривенъ, содержала $5 \times 20 = 100$ новыхъ московскихъ, то есть, очень мало отличалась отъ старой полтины, которая содержала (и продолжала въ Новгородѣ содержать) 108 денегъ крупнаго вѣса. Эта новая московская полтина получила название „пятигривенного серебра“. Изъ двухъ-же новыхъ московскихъ полтины „пятигривенного серебра“ образовался новый московскій рубль въ десять гривенъ или десяти московскихъ ма-

ловѣсныхъ денегъ, отличаясь въ счетномъ отношеніи очень мало отъ стариннаго рубля содержавшаго 216 денегъ.

Единство древнерусского рубля отъ этого разрушилось, потому что въ Москвѣ некому было за него заступиться и обѣ немъ позаботиться: именно это отсутствіе защиты унаслѣдованнаго создало въ Москвѣ условія, которыя сдѣлали невозможнымъ сохраненіе унаслѣдованнаго. Соадался тотъ единственный выходъ, который допускался запутаннымъ и разстроеннымъ положеніемъ. И любопытно, что при этомъ старались *какъ можно ближе прижинуть* къ старому привычному денежному счету. Какъ прежде повсюду считали (а въ Новгородѣ продолжали считать) на рубль по 216 денегъ крупнаго вѣса, такъ въ Москвѣ считали на рубль 200 денегъ „ходячихъ“ московскихъ маловѣсныхъ.

Внѣшняя перемѣна, насколько она важна для счета, была незначительна и почти совсѣмъ не затрудняла. Этого видимо и желали достигнуть. Но внутренняя перемѣна была огромная. Если бы Василій Темный въ состояніи былъ бы ее осуществить въ фискальныхъ своихъ выгодахъ, то она доставила бы ему весьма значительныя суммы. Но даже трудно себѣ представить, хотя бы и въ спокойное время, чтобы даже и такой хитрый и сильный человѣкъ, какимъ былъ отецъ Ивана III, могъ „правительственнымъ мѣропріятіемъ“ осуществить такую сложную перемѣну, какъ измѣненіе рубля и его состава. „Само собою“, силою обычая, безъ намѣренныхъ стараній со стороны кого бы то ни было, перемѣна могла произойти и дѣйствительно произошла. Но искусственно ее сдѣлать едва-ли было бы возможно.

Но дѣйствительно-ли она произошла именно тогда? Въ этомъ никакого не можетъ быть сомнѣнія, потому что описанная выше московская денежная система есть та самая система, которая, какъ московская, въ отличіе отъ новгородской, просуществовала съ половины XV вѣка до конца XVII в. Мы ниже увидимъ, что она не сооствѣтствовала „видамъ правительства“ уже съ Иваномъ III и какъ при немъ, еще болѣе при Иванѣ IV и въ теченіе всего XVII вѣка „правительство“ стремилась снять денежную систему съ той почвы народныхъ привычекъ, на которой она построилась и держалась, съ половины XV в. Только Петру Великому рѣшеніе этой задачи наконецъ удалось; но съ половины XV до конца XVII вѣка населеніе, народъ упорно отстаивалъ свои привычки, и совсѣмъ не считался съ правительственными стараніями, не вѣдалъ ихъ и не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

Но дѣйствительно-ли московский денежный счетъ и московская денежная система, состоящая изъ московского рубля въ 200 мало-

вѣсныхъ московскихъ денегъ, въ 10 новыхъ московскихъ гривень по 20 маловѣсныхъ денегъ въ гривнѣ, дѣйствительно ли эта система воинкла въ связи съ описанными событиями при Василіи Темномъ въ послѣдніе годы его княженія и (самое позднее) въ первые годы Ивана III? Это конечно требуетъ доказательства и это доказательство мы въ состояніи представить. Самое раннее упоминаніе о „пятигривенномъ серебрѣ“ встрѣчается въ жалованной грамотѣ бѣлоазерскаго князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю отъ 8 февраля 1468 г. Въ этой грамотѣ между прочимъ говорится: „даль есьмъ имъ сю грамоту оброчную, что имъ давати дани въ мою казну, отъ сбора до сбора, на годъ по десяти рублевъ пятигривеннымъ серебромъ, а привозять то серебро сами да отдаютъ въ мою казну“ ¹⁾). Что означаетъ это пятигривенное серебро? На это отвѣчаетъ закладная на пустошь, напечатанная Н. В. Калачевымъ въ Актахъ, относящихся до юридического быта древней Россіи и отнесенная имъ къ XV в.; въ этомъ документѣ говорится: „се азъ, Васюкъ Нога Есиновъ сынъ, занялъ есьмъ отъ Троицкаго старца, от Геронтия Сергѣева монастыря, два рубля съ четвертью московскими денгами ходчими, по пяти гривенъ за полтину“. Рядомъ, тутъ-же напечатана закладная на право рыбной ловли слѣдующаго содержанія: „се язъ, Окулъ Жукъ, занялъ есьмъ у архимандрита у Воскресенскаго у Чернявскаго монастыря рубль денегъ московскими денгами ходчими по пяти гривенъ за полтину“. Это совершенно ясно показываетъ, что „пятигривеннымъ серебромъ“ обозначали такой денежный счетъ, который полагаетъ пять гривенъ на полтину, слѣдовательно, десять гривенъ на рубль. По старому денежному счету оставшемуся въ силѣ въ Новгородѣ, по 216 денегъ на рубль и по 14 денегъ на гривну, на рубль шло $216:14 = 15\frac{3}{7}$, гривень, а на полтину шло $75\frac{6}{7}$ гривенъ.

Этотъ то новый, московскій, денежный счетъ уже настолько распространился и вошелъ въ нравы, что на его основѣ заключались договоры и выдавались жалованнныя грамоты въ 1488, т. е. чрезъ 6 лѣтъ послѣ начала княженія Ивана III. (Василій Темный умеръ въ 1462 г.). Въ настоящемъ случаѣ для нась важно было установить моментъ, когда новый денежный счетъ московскій окончательно сложился, и приведенный нами документъ доказываетъ, что такимъ моментомъ должно считать первые годы княженія Ивана III. А такъ какъ необходимо было нѣкоторое время для того, чтобы новый денежный счетъ вошелъ

1) Доп. къ А. И. I № 201, стр. 354.

въ нравы и сталъ обыкновеннымъ, то необходимо допустить, что это время относится къ послѣднимъ годамъ княженія Василія Темнаго.

Относительно того, какое обширное распространеніе новый денежный счетъ получилъ при Иванѣ III, его сынѣ, внуку и даже правнуку никакихъ сомнѣній не можетъ быть; многочисленныя доказательства этого нами приведены въ изслѣдованіи „Русскій вѣсъ“¹⁾. Ниже намъ придется останавливаться на томъ, что новый московскій денежный счетъ въ XVII ст. совсѣмъ вытѣснилъ всякой иной счетъ и остался единственнымъ, господствующимъ.

Въ результатѣ разсмотрѣнныхъ событій, происходившихъ въ Новгородѣ и Москвѣ въ эпоху Василія Темнаго, мы видимъ первую эволюцію рубля, сильно его измѣнившую. Первоначальный рубль, тождественный съ гривенкою, рубль въ 48 золотниковъ *сходить со сцены* и вмѣстѣ съ нимъ выходятъ изъ употребленія серебряные слитки, рублевые, полтинные и четверти, которыя становятся „древними“ и такими считаются уже при Иванѣ Грозномъ. Этотъ старѣйшій рубль оказался непосильнымъ для монгольской Руси. Какъ наслѣдіе отъ нея, Русь Ивана III въ началѣ его княженія получаетъ *уменьшенній рубль въ двухъ видахъ*, новгородскомъ и московскомъ. Въ Новгородѣ гдѣ тогда преобладаетъ денга въ 18 долей и остается въ силѣ прежній рубль въ 216 денегъ, этотъ рубль представляетъ $216 \times 18 = 3888$ долей или $40\frac{1}{8}$ золотниковъ серебра, вмѣсто первоначальныхъ 48 золотниковъ; такимъ образомъ въ Новгородѣ рубль потерялъ только $15\frac{5}{8}\%$ своего первоначального вѣса и сохранилъ еще $84\frac{3}{8}\%$ его. Въ Москвѣ перемѣна была гораздо сильнѣе. Считая маловѣсную денгу Москвы того времени въ 8 долей, ея выходило изъ гривенки или 4608 долей $4608:8 = 576$, а московскій рубль или 200 такихъ денегъ содержалъ $200 \times 8 = 1650$ долей или $16\frac{2}{3}$ золотниковъ серебра, то есть, въ московскомъ рубль оставалось уже только немного болѣе одной трети ($34.\frac{1}{7}\%$) первоначального рубля ($25/72$ его), а остальная 65.3% , почти двѣ трети его первоначального содержанія, были потеряны. Въ Новгородѣ гривенка серебра, изъ которой чеканили 256 новгородскихъ денегъ по 18 долей, представляла уже не только рубль, но одинъ новгородскій рубль въ 216 денегъ, двѣ новгородскія гривны по 14 денегъ и 10 новгородскихъ денегъ. Въ Москвѣ же гривенка серебра, изъ которой чеканили 576 маловѣсныхъ денегъ по 8 долей представляла полтретья

1) *Русскій вѣсъ*, стр. 17—24.

(2½) московскихъ рубля по 200 московскихъ денегъ, три московскихъ гривны по 20 такихъ денегъ два алтына и 4 денги.

Прибавимъ, что тѣ изъ удѣльныхъ княжествъ, которыя еще чеканили свою отдельную монету въ концѣ княженія Василія Темнаго, шли по слѣдамъ Москвы. Полагаютъ, что тогда въ Москвѣ чеканились не только *велико-княжескія*, но и *удѣльныя* монеты ¹⁾.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Рубль Ивана III.

1485—1435.

Съ Ивана III московское великое княжество и земли, вошедши въ его составъ, становится самостоятельнымъ государствомъ. Однимъ изъ послѣдствій этого было то, что чеканка монеты стала государственными регалиями московского великаго князя. И что Иванъ III это вполнѣ уразумѣлъ, объ этомъ онъ самъ намъ оставилъ совершенно ясное свѣдѣніе въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Въ этомъ завѣщаніи, между прочимъ, Иванъ III дѣлаетъ такое распоряженіе: „а сынъ мой Юрій зъ братцею по своимъ удѣломъ въ московской землѣ и въ тверской денегѣ дѣлать не велять, а деньги велитъ дѣлать сыну моему Василею на Москвѣ и во Твери, *какъ было при мнѣ*“. Это значитъ другими словами, „что въ княженіе Ивана III на Руси совсѣмъ прекращается чеканка монетъ удѣльными князьями и вводится монета общая для всего государства съ надписью „Осподарь“ или „Государь всея Руси“ ²⁾. О Новгородѣ въ духовной Ивана III не упоминается, потому что само собою было очевидно, что тамъ чеканиль монету послѣ завоеванія Новгорода только великій князь московскій. Такія монеты съ соотвѣтствующею надписью до нась и дошли.

До нась не дошло никакихъ письменныхъ извѣстій о томъ на какихъ основаніяхъ Иванъ III установилъ „общую монету для всего государства“. Но предметъ этотъ не трудно выяснить въ связи съ изложеннымъ выше указаніями о томъ, какъ слѣдуетъ понимать лѣтописное извѣстіе о томъ, что при сынѣ Ивана III чеканили изъ гри-

1) Ульяніцкій. Междукняжескія отношенія въ XIV—XV ст. (Чтенія 1894 гн. IV) стр. 47.

2) А. В. Орѣшниковъ, ук. соч. стр. 119.

венки 260 новгородскихъ денегъ, по московскому-же денежному счету полтретья ($2\frac{1}{2}$) рубля съ гривною. Въ московскомъ рублѣ было 200 московскихъ денегъ, а въ гривѣ 20 такихъ денегъ; поэтому полтретья рублей съ гривною въ московское число означало 520 московскихъ денегъ, вдвое больше, чѣмъ изъ гривенки чеканилось новгородскихъ денегъ.

Выше нами было выяснено, что лѣтописное извѣстіе о томъ, что при сынѣ Ивана III чеканили 260 новгородскихъ денегъ, а по московскому счету полтретья рублей съ гривною или 520 московскихъ денегъ, нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что такие денги начали чеканить Василій Ивановичъ. Мы сейчасъ разсмотримъ вѣсъ денегъ, которые чеканили Иванъ III и его сынъ, и покажемъ, что фактическія данные вполнѣ подтверждаютъ мнѣніе нумизматовъ объ одинаковости вѣса денегъ Ивана III и Василія Ивановича. А разъ вѣсъ денги одинаковый, это доказываетъ, что оба они чеканили *одинаковое число* денегъ изъ гривенки или 4608 долей. Вѣсъ составляетъ только частное отъ раздѣленія гривенки или 4608 долей на то число денегъ, которое чеканится изъ гривенки. Если вѣсъ одинаковый, то это доказываетъ, что столько же денегъ, новгородскихъ и московскихъ, сколько чеканиль Василій Ивановичъ, чеканиль и Иванъ III.

Но и обѣ Иванѣ III нѣть основанія думать, что онъ первый довелъ число монетъ, чеканившихся изъ гривенки, до тѣхъ предѣловъ, на которые указываетъ лѣтописное извѣстіе. Теперь, послѣ данныхъ, нами приведенныхъ о томъ, какъ шла чеканка денги въ Новгородѣ и въ Москвѣ въ княженіе Василія Темнаго, мы въ состояніи точнѣе и яснѣе опредѣлить отношеніе Ивана III къ тому извѣстію, которое лѣтопись намъ даетъ о числѣ денегъ, чеканившихся изъ гривенки. Съ одной стороны приведенные выше (стр. 47) числа гр. И. И. Толстого о взвѣшенныхъ имъ новгородахъ показываютъ, что въ Новгородѣ не только дошли до чеканки 260 монетъ изъ гривны, но перешли за этотъ предѣлъ; это выражалось въ чеканкѣ не только новгородокъ въ 18 долей, которыхъ изъ гривенки выходило 256, но ногородокъ въ $17\frac{1}{2}$ и 17 долей, которыхъ изъ гривенки выходило 267 и 270 монетъ, и даже еще больше. Съ другой стороны въ Москвѣ денежники чеканили маловѣсныя денги въ 8 и меньше долей, то есть, изъ гривенки ихъ чеканили 576 и больше. Создавая „денежную систему общую для всего государства“, Иванъ III долженъ былъ прежде всего установить предѣлы для чеканки денги, то-есть: *установить монетную стопу* опредѣленіемъ, сколько монетъ должно чека-

ниться изъ гривенки, чѣмъ одновременно указывался и нормальный ихъ вѣсъ. При первобытной техникѣ монетной чеканки той эпохи очень и малому вѣсу даже новгородки, обязательнымъ не могъ быть сдѣланъ вѣсъ отдельный денги, а могло быть сдѣлано обязательнымъ только число монетъ, чеканившихся изъ гривенки. Поэтому только въ опредѣлѣніи этого числа выражалось опредѣлѣніе монетной стопы, какъ опредѣленіе закона, нарушеніе котораго составляло преступленіе. Для этого-то опредѣленія Иванъ III взялъ монетную стопу, по которой изъ гривенки чеканился 260 новгородокъ, вѣроятно потому, что она ближе подходила къ вѣсу преобладающей части обращавшихся новгородокъ. При чеканкѣ 260 новгородокъ изъ гривенки (5⁵/₁₂ новгородокъ изъ золотника) серебра, нормальный вѣсъ новгородки составляетъ $12\frac{1}{12}$ золотника = $17\frac{1}{12}$ долей. Очевидно, при этомъ приняты были во вниманіе не только тѣ новгородки, которыхъ имѣли вѣсъ 18 долей, но тѣ, которыхъ вѣсъ было меньше, но не значительно меньше. Но московскую ходячую денгу Иванъ III нѣсколько исправилъ, сдѣлавъ ее менѣе маловѣсною и установивъ ея вѣсъ на уровнѣ около 9 долей или $6\frac{1}{12}$ золотника (изъ 6 золотниковъ серебра 65 московокъ или изъ 1 золотника 10⁵/₆ московокъ).

Основатель русской научной нумизматики, А. Д. Чертковъ, совершенно ясно сознавалъ то значеніе, которое имѣло пониженіе вѣса денги при Василіи Темномъ, для монетной стопы, установленной Иваномъ III. „Денги московскія, говорить А. Д. Чертковъ, при великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ дошедшія отъ 12-граннаго вѣса (16⁴/₅ долей) до 6 (аптечныхъ грановъ = $8\frac{2}{9}$ долей), представляются въ семъ уменьшеніи и при его сынѣ, великому князѣ Иоаннѣ Васильевичѣ. Можно полагать, что сей государь, обратя вниманіе на упадокъ монетъ великаго княжества въ послѣдствіи установилъ прежній 12-гранный вѣсъ и наблюдалъ строго, чтобы пониженія не было“ ¹⁾. Но когда далѣе Чертковъ говоритъ: „такъ точно, отъ 11 до 12 гранъ (отъ 15²/₅ до 16⁴/₅ долей) дѣлались потомъ московскія денги, при его преемникахъ до царя Михаила Феодоровича; установленная имъ (Иваномъ III) монетная система оставалась неизмѣнно цѣлыхъ полтора столѣтія“, то онъ дѣлаетъ двоякую ошибку. Установленная Иваномъ III „монетная система“ дѣйствительно „оставалась неизмѣнно“, но не до царя Михаила Феодоровича, а до императора Петра Вели-

1) Чертковъ, описание древнихъ русскихъ денегъ, стр. 42. Авторъ при этомъ ссылается на №№ 96—103 его каталога, подтверждающіе его слова.

каго, и отчасти остается въ силѣ и до нашихъ дней. Но вѣсъ деньги установленной Иваномъ III монетной стопы оставался неизмѣнно сравнительно короткое время, до 1535 г., когда ее замѣнила новая монетная стопа, и лишь эта новая монетная стопа 1535 г. продержалась до царя Михаила Феодоровича.

Но для установлѣнія монетной системы, „общей для всего государства“, опредѣленія монетной стопы, однако, еще было недостаточно, а необходимо бы еще решить рядъ другихъ вопросовъ. Во-первыхъ, если въ теченіи всего XV вѣка, въ томъ числѣ при Дмитріѣ Донскомъ и при его сынѣ, существовалъ одинъ и тотъ-же рубль для всѣхъ русскихъ земель, то при Василіѣ Темномъ это единство уничтожилось и его необходимо было восстановить. Появились два рубля, отличные одинъ отъ другого, новгородскій и московскій, съ двумя видами денежнаго счета, отличавшимися одинъ отъ другого. Не только московскій рубль, но московская полтина, московская гривна московскій алтынъ и московская денга отличались отъ новгородскихъ единицъ тѣхъ же наименованій. Восстановленіе единства при этомъ оказывалось задачею, довольно сложною. Всего проще могло бы казаться эта задача решалась принудительнымъ упраздненіемъ новгородскаго денежнаго счета. Но именно этотъ способъ не былъ избранъ и задача была решена безъ него. Упраздненіе новгородскаго денежнаго счета было связано съ большими фискальными невыгодами для Москвы, даже еслибы не желали считаться съ неудобствами для торговли и населенія Новгорода. Не только налоги и всякие платежи новгородскіе гораздо выгоднѣе было получать въ крупныхъ новгородскихъ денежныхъ единицахъ, чѣмъ въ мелкихъ московскихъ, но въ интересахъ будущей фискальной эксплоатации монетной регалии было гораздо выгоднѣе, какъ мы сейчасъ увидимъ, сохранить крупную новгородскую денгу. Поэтому не только она не была упразднена въ Новгородѣ, но было сдѣлано противоположное: она введена въ составъ московской денежной системы. Это было достигнуто установленіемъ обязательнаго отношенія между новгородскою и московскою денгою. Установлено, что московская денга составлять *половину* новгородской. Такъ какъ московскій рубль содержалъ 200 денегъ московскихъ, то *всѣстое ука*занное опредѣленіе московскій рубль оказывался равнымъ ста новгородкамъ. Новгородская и московская денежная системы этимъ приведены въ связь. Ихъ исключительное мѣстное значеніе было уничтожено, потому что всякая денежная сумма московскаго денежнаго счета получила свое

законное выражение по новгородскому счету, и обратно. А этимъ въ достаточной мѣрѣ создавались общія для всего государства основанія денежнаго счета и никакой ломки чего бы то ни было производить не было никакой надобности. Все могло оставаться по старому, но къ старому присоединялось новое, превращавшее старое въ материаль, послужившій для созданія изъ него новаго порядка.

Что введеніе новгородской денги въ качествѣ составнаго элемента въ московскую денежную систему посредствомъ установлѣнія связи между новгородскою и московскою денгою, опредѣленіемъ, что вторая составляетъ половину первой, составляетъ дѣло Ивана III, это доказывается новгородскими писцовыми книгами 1490 г., въ которыхъ это опредѣленіе подтверждается многочисленными примѣрами. Вотъ одинъ изъ нихъ, простѣйшаго вида: „а ключничи пошлины съ той обжъ на Рождество Христово денга новгородская, а на Великъ день денга московская, а на Петровъ день денга московская, а всеѣ новые пошлины двѣ денги новгородскіе“. Ясно, что тутъ двѣ московскія деньги уравниваются съ одною новгородскою деньгою¹⁾.

Никакого сомнѣнія не можетъ быть, что избѣгая насильственной ломки чего бы то ни было и бережно охраняя унаслѣдованное, Иванъ III и бояре, его сотрудники, давали гениально простое и гениально мудрое рѣшеніе очень трудной задачи, предъ которой ихъ поставила жизнь. Въ трудныхъ обстоятельствахъ московское населеніе извернулось собственными средствами, помимо распоряженія сверху, только силой присущаго всякому населенію стремленію охранять старину, противодѣйствовать его потерѣ. Не желая сильно уклониться отъ своего привычнаго денежнаго счета, установившагося въ XIV ст., по 216 денегъ на рубль, московское населеніе допустило при Василіѣ Темномъ наименьшее измѣненіе стараго денежнаго счета, когда оно оказалось неизбѣжнымъ, и измѣнило его въ счетъ по 200 московскихъ денегъ на московскій рубль. Это былъ *почти* старинный счетъ ($\frac{200}{216} = \frac{25}{27} = 92\frac{2}{3}\%$). Но это повело за собою очень сильное второе измѣненіе, самого рубля; но не населеніемъ второе измѣненіе

1) Писцовые книги, изданные Имп. Археол. Ком. т. III переп. кн. Вотской пятыни. Такихъ примѣровъ можно привести сотни. Въ связи съ уравненіемъ 1 новгородка = 2 московкамъ находится еще одно уравненіе, установленное при Иванѣ III: 1 новгородка = 4 четвертцамъ, 1 московка = 2 четвертцамъ или 2 полуденгамъ. «А новые пошлины ключничи давали ему съ тое полуобзы на Рождество Христово денга московская, а на Петровъ день четвертца, на Великъ день четвертца, а всего на весь годъ денга новгородская». (Переп. кн. Вотской, пятыни, изд. Арх. Общ. стр. 6).

было сдѣлано, а напротивъ населеніе было вынуждено съ нимъ примириться и ужиться. И населеніе, подчиняясь второй перемѣнѣ, съумѣло это сдѣлать, хорошо оберегая свои интересы. Вотъ это уразумѣли Иванъ III и его бояре и съумѣли съ уваженіемъ отнестись къ тому, что исполнено было населеніемъ. Иванъ III и его бояре съ своей стороны сдѣлали двоякое. Во первыхъ, они санкционировали то, что произошло въ концѣ княженія Василія Темнаго: сильное уменьшеніе московского рубля и московской денги. Конечно, когда это пониженіе произошло, то оно было связано съ болѣшимъ потрясеніемъ народной жизни. Но еслибы Иванъ III пожелалъ заставить народъ вернуться къ первоначальному большому рублю въ 48 золотниковъ, то это было бы сопряжено съ новымъ потрясеніемъ, еще болѣе сильнымъ, нежели первое. Для казны (въ фискальныхъ интересахъ) оно несомнѣнно было очень выгодно; но для народа оно было бы связано съ большими жертвами. Но новыхъ жертвъ Иванъ III не потребовалъ отъ населенія. Это очень большая его заслуга. Примирившись съ тѣмъ, что произошло, и установивъ монетную стопу, которая фиксировала въсѣ новгородки на уровне $\frac{12}{65}$ золотника, а въсѣ московка въ $\frac{6}{65}$ золотника, онъ далъ санкцію перемѣнѣ, произшедшей въ московскомъ рубль вслѣдствіе того, что онъ отнынѣ долженъ равняться 200 московкамъ по $\frac{6}{65}$ золотника или 100 новгородкамъ по $\frac{12}{65}$ золотника, въ томъ и другомъ случаѣ составляя $\frac{18}{15}$ золотниковъ серебра или $\frac{6}{5}$ первоначального рубля въ 48 золотниковъ. Это было очень сильное уменьшеніе рубля: рубль Ивана III въ $\frac{18}{15}$ золотниковъ серебра составлялъ уже менѣе половины первоначального рубля; но въ этомъ не были виноваты ни Иванъ III, ни московское населеніе. Это было послѣдствіемъ, съ одной стороны татарского ига, поставившаго монетную чеканку въ ненормальное положеніе, а съ другой стороны— послѣдней вспышки удѣльныхъ междуусобій и неурядицъ.

Во-вторыхъ, интересы фиска не были совсѣмъ упущены изъ виду Иваномъ III при введеніи новгородской денги въ составъ московской денежной системы. Напротивъ, именно въ интересахъ фискальной эксплуатации монетной регалии особенно важно было включеніе въ составъ московской денежной системы новгородской денги. Введеніемъ новгородки, равной двумъ московкамъ, въ составъ московского рубля, Иванъ III соадаль рубль, раздѣляющійся на сто частей, на почвѣ московского рубля, состоявшаго изъ 200 московскихъ ходячихъ денегъ. Оставивъ въ силѣ эти ходячія московскія деньги, Иванъ III ими воспользовался, какъ матеріаломъ, и изъ этого матеріала соз-

даль новый рубль, имѣвшій двоякое значеніе: онъ былъ болѣе удобенъ для фискального использованія монетной регалии и онъ обладалъ большими жизненными силами, благодаря которымъ онъ сохранился, доживъ до XX вѣка и еще долго будетъ жить.

Въ фискальныхъ интересахъ было гораздо удобнѣе выражать монетную стопу, по которой въ Москвѣ чеканилась денга, *по меньшему числу новгородокъ*, чѣмъ выражать ее по *вдвое болѣе значительному* числу маловѣсныхъ московокъ, чеканившихся изъ той-же гривенки. И мы видимъ, что такъ московскіе государи систематически поступаютъ въ XVI и XVII ст.: всегда устанавливается, что изъ гривенки чеканится такое-то меньшее число *новгородскихъ* денегъ и всегда *умалчивается* вдвое болѣе значительное число московокъ, которое въ силу того-же опредѣленія должно было чеканиться изъ той-же гривенки. Иванъ III видимо предусмотрѣлъ значеніе этого обстоятельства; не даромъ его считаютъ очень умѣлымъ въ денежныхъ дѣлахъ. Во всякомъ случаѣ введеніемъ въ московскій рубль дѣленія на сто частей (новгородокъ) онъ положилъ основаніе тому денежному счету, который у насть остается въ употребленіи до сихъ поръ. Этимъ-же дано было раздѣленіе московской полтинѣ на 50 частей и московской гривнѣ на 10 частей, которыхъ тоже остаются въ силѣ до нашихъ дней.

Но одного ни Иванъ, ни его сынъ не сдѣлали: они не послѣдовали новгородскому примѣру 1447 г., изъявшему тогда дѣло чеканки монеты изъ рукъ серебряныхъ дѣлъ мастеровъ и учредившему монетный дворъ. Въ Москвѣ ни при Иванѣ III, ни при его сыне монетный дворъ еще не былъ учрежденъ¹⁾ и чеканка монеты въ Москвѣ осталась въ рукахъ серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, какъ въ этомъ могъ убѣдиться при Василіи Ивановичѣ очевидецъ Герберштейнъ. А это не преминуло имѣть свои послѣдствія. Монеты Ивана III и его сына порядочно отстаютъ отъ своего нормального вѣса. Это ясно показываетъ нумизматический матерьялъ, допедшій до насть. Перераспредѣляя по вѣсу монеты Ивана III каталога Румянцевскаго музея и оставляя, въ сторонѣ встрѣчающіяся въ числѣ 1—2 экземпляровъ монеты $14\frac{1}{2}$ — $11\frac{1}{2}$ долей, мы беремъ для опредѣленія монеты крупнаго вѣса только экземпляры съ вѣсомъ отъ 16 до 18 долей и такихъ находимъ 47 монетъ Ивана III съ общимъ вѣсомъ въ 768 доли, слѣдовательно, ихъ средній вѣсъ лишь $16\frac{1}{4}$ долей вмѣсто $17\frac{3}{4}$ долей

1) Но Василій Ивановичъ по завоеваніи Пскова немедленно построилъ въ немъ монетный дворъ и въ немъ началъ чеканить свою, то-есть, московскую монету.

Маловѣсныхъ (московокъ) отъ 7 до 10 долей тотъ же каталогъ показываетъ 79 съ общимъ вѣсомъ въ 678 доли, то-есть, средній вѣсъ ихъ $8\frac{1}{2}$ долей вмѣсто $8\frac{7}{8}$ долей; московки ближе къ нормальному вѣсу, потому что между ними преобладаютъ монеты въ $7\frac{1}{2}$ и 8 долей¹⁾. Въ каталогѣ Шуберта показанъ вѣсъ 48 монетъ въ 82.27 граммовъ или средній вѣсъ 0.75 грам. = 16.63 долей и московскихъ (московокъ) 68 монеты съ общимъ вѣсомъ 28.18 грам. или въ среднемъ 0.368 грам. = 8₂₈ долей²⁾. Приведенные показанія по обоимъ каталогамъ почти совпадаютъ, одинаково показывая, что денежники при Иванѣ III не очень строго придерживались нормального вѣса, то-есть, чеканили изъ гривенки серебра порядочно больше 260 монетъ новгородского вѣса и 520 денегъ московскихъ³⁾. То-же самое было при Василіѣ Ивановичѣ. По Румянцевскому каталогу монеты новгородского вѣса имѣютъ въ среднемъ 17 долей вмѣсто $17\frac{3}{4}$, а маловѣсные московки лишь $7\frac{1}{2}$ долей. По Шубертовскому каталогу монеты Василія Ивановича имѣютъ въ среднемъ: новгородки 0.763 грам. или 17.16 долей, а маловѣсные монеты совсѣмъ не показаны (онъ не часто встречаются и ихъ большая часть безъ имени великаго князя). Очевидно, что надзора за денежниками не было.

Ко времени Ивана III относятся первыя болѣе определенные извѣстія о золотой монетѣ той эпохи, проникшей въ Новгородъ. Тор-

1) А. В. Орѣшниковъ, см. напр. особ. №№ 649, 669, 671 и др.

2) Schubert Monnaies et medailles russes №№ 553, 560—575, 548—50, 556—59, 576—86.

3) Чертковъ (Описаніе, стр. 56) старается согласовать вѣсъ монетъ Ивана III съ показаніемъ лѣтописи о чеканкѣ изъ гривенки 260 новгородокъ или $2\frac{1}{2}$ рублей съ гривною по московскому денежному счету; но для этого онъ прибѣгаетъ къ ряду натяжекъ, представляющихъ явные ошибки. Такъ, по его мнѣнію, изъ лѣтописного извѣстія, будто-бы, „открывается, что 260 старыхъ новгородокъ и 260 добрыхъ московокъ или $2\frac{1}{2}$ рубля съ гривною вѣсили полфунта“. (Эту ошибку вслѣдъ за нимъ повторяетъ и Заблоцкій-Десетовскій). Это не вѣрно: во первыхъ, никакихъ „добрыхъ“ московокъ при Иванѣ III не было: документы знаютъ только „московскія ходатія деньги“, т. е. маловѣсные, а „добрый“ не знаютъ; а во вторыхъ, 260 московскихъ денегъ не составляли $2\frac{1}{2}$ рублей съ гривною по московскому счету или полфунта серебра, а составляли четверть фунта серебра или по московскому счету 260 денегъ московскихъ составляли одинъ московскій рубль и три московскихъ гривны. Другую крупную ошибку Чертковъ дѣлаетъ оттого, что, выражая вѣсъ монетъ въ аптечныхъ гранахъ онъ неправильно считаетъ въ гривенкѣ или полфунтѣ 3860 аптечныхъ грановъ, тогда какъ въ нихъ было лишь 3290^{4/}, аптечныхъ грановъ. Чертковъ былъ сбѣтъ Кругомъ, который пользовался старымъ аптечнымъ фунтомъ, упраздненнымъ въ концѣ XVIII ст., когда онъ былъ замѣненъ новымъ аптечнымъ фунтомъ, въ началѣ XIX в., когда писалъ Кругъ, еще не вошедшемъ во всеобщее употребленіе. Въ 1830-хъ годахъ, однако, когда писалъ Чертковъ, старого аптечнаго фунта уже и помину не было.

говаго деяежнаго значенія она тогда еще не имѣла, а служила для подарковъ и какъ матеріяль для мѣстныхъ золотыхъ издѣлій церковнаго и гражданскаго обихода. Въ 1476 г. Иванъ III въ бытность въ Новгородѣ удостаивалъ своимъ посѣщеніемъ именитыхъ людей и получалъ отъ нихъ обильные и крупные подарки, въ ихъ числѣ и золотою монетою. Монета эта была англійская и въ то время на Руси называлась „корабленникомъ“, отъ изображенаго на ней корабля; въ Англіи ее называли ноблемъ. Чеканка ея началась въ 1446 г. и первоначально въ ней содержалось чистаго золота $198\frac{1}{3}$ долей, впослѣдствіи это содержаніе уменьшилось и съ 1411 г. оно уже не превышало $156\frac{2}{3}$ долей; съ 1465 г. началась чеканка золотыхъ ноблей, на которыхъ изображенъ былъ не только корабль, но и роза; содержаніе чистаго золота въ розовомъ ноблѣ было 174.08 доли. Такъ какъ мы не знаемъ, какіе изъ этихъ корабленниковъ были подносимы Ивану III, а знаемъ лишь, что онъ получилъ 1300 корабленниковъ¹⁾, то подарокъ могъ составить столько золота, сколько его содержится въ 1558—1780 нынѣшнихъ нашихъ полуимперіалахъ. Какую цѣну тогда имѣли корабленники на Руси, неизвѣстно. Но мы можемъ объ этомъ составить себѣ приблизительное понятіе по другому свѣдѣнію. Карамзинъ откуда-то сообщаетъ, что Иванъ III въ 1495 г. послалъ Александру Литовскому на свадьбу золотой крестъ „а вѣсу въ немъ полгривенки беъ двухъ золотниковъ, въ полтринацдцать рублевъ“²⁾. Вѣсъ креста былъ 22 золотника, а стоимость $12\frac{1}{2}$ московскихъ рублей времени Ивана III. Если 22 золотника золота стоили $12\frac{1}{2}$ московскихъ рублей, то гривенка или 48 золотниковъ золота стоила $27\frac{8}{11}$ рублей московскихъ. А изъ гривенки серебра при Иванѣ III чеканили 2.6 рублей московскихъ. Слѣдовательно, отношеніе между стоимостью гривенки золота и гривенки серебра было, какъ $27\frac{8}{11}:2.6 = 1070:148 = 1$. То-есть, при Иванѣ III золото цѣнилось въ Москвѣ дороже серебра въ $10\frac{1}{2}$ разъ. (Въ розовыхъ нобляхъ 1465 г. золото цѣнилось въ Англіи дороже серебра въ $8\frac{18}{40}$ раза и такъ цѣнилось даже въ учрежденныхъ въ 1489 г. соверенахъ). Слѣдовательно, корабленникъ, содержавшій чи-

1) Эту сумму я получилъ, какъ итогъ всѣхъ подношеній корабленниками, показанныхъ во второй новгородской лѣтописи подъ 1476 и 1478 г. П. С. Р. Л. Ш., стр. 142, 143. Новгор. лѣтоп., изд. 1879 г., стр. 54—57. Торговой Книгѣ извѣстны и „корабленные“, вѣсъ которыхъ эта опредѣляетъ довольно вѣрно: „корабленный гиаветъ 3 алтына 3 денги“ или всего 21 денгу, составлявшіе въ концѣ XVI в. почти 162 доли (вместо $156\frac{2}{3}$ долей). Англійскіе золотые были $95\frac{1}{2}$ -ой пробы $= \frac{1070}{148} = 0.994$.

2) Карамзинъ, VIII прим. 250.

стаго золота 156²/₃ долей чистаго золота стоилъ въ Москвѣ 557 московскихъ денегъ или 2¹/₂ московскихъ рубля 9 алтынъ 8 денги; а 1300 такихъ корабленниковъ стоили тогда 3620¹/₂ московскихъ рублей Ивана III.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Рубль Ивана IV.

1535—1613.

Отсутствіе надзора за чеканкою монетъ при Иванѣ III и при Василіи Ивановичѣ имѣло послѣдствіемъ не одну только неполновѣсность ихъ монеты, но и качественное ея ухудшеніе при Василіи Ивановичѣ. Герберштейнъ, который былъ въ Москвѣ при послѣднемъ и хорошо знаетъ русскую монетную часть того времени, правильно излагаетъ всѣ подробности о цей и между прочимъ сообщаетъ: „рускія монеты чеканятся изъ почти чистаго серебра, но прибавляеть Герберштейнъ, въ послѣднее время, денежники стали портить монету“. Это указаніе Герберштейна вполнѣ подтверждается донедавними до нась лѣтописными извѣстіями. Въ Софіевской лѣтописи подъ 1585 г. послѣ упоминанія, что при Василіи Ивановичѣ чеканили „изъ гривенки 260 денегъ новгородскихъ, а въ московское число полтретья рубля съ гривной“, разсказывается: „при держасѧ великаю князѧ Василія Ивановича начаша безумніи человѣцы, наученіемъ вражкимъ, тѣ прежніе денги рѣзати и злый примѣсь въ сердь класти; того много лѣтъ твориху“ ¹⁾). За это ихъ постигла въ 1585 г. жестокая кара. „Въ лѣто 7042 (1585) въ сентябрѣ на Москвѣ казнили многихъ людей, москвичъ и смольянинъ, и костромичъ, и вологжанъ, и ярославцевъ, и иныхъ многихъ городовъ московскихъ; а казнь была: олово лили въ ротъ да руки сѣкли“ ²⁾.

Почему только въ 1585 г. спохватились и стали наказывать должниковъ за злоутребленія, которыя они уже при Василіи Ивановичѣ (умершемъ въ 1538 г.) творили „много лѣтъ“, этого лѣтописецъ не объясняетъ; онъ видимо излагаетъ отрывки официальной версіи, въ которой события 1585 г. разсказывались, кое что изъ нихъ умалчивая. А именно, обходится молчаніемъ, что въ 1585 г. въ первый разъ ока-

1) П. С. Р. Л. VI 296.

2) Караганинъ, VII прим. 67.

залась необходимость воспользоваться монетной регалией для выгоды казны. Иванъ III и Василій Ивановичъ въ этомъ не нуждались, но регентство Елены Глинской находилось въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и пожелало, въ борьбѣ съ ними, извлечь нѣкоторую пользу изъ чеканки монеты. Для этого, какъ предлогомъ, воспользовались злоупотребленіями денежниковъ. Что лѣтописецъ былъ плохо освѣдомленъ въ этомъ дѣлѣ, явствуетъ изъ слѣдующихъ его словъ: „Они же безумніи (денежники), другъ отъ друга враждимъ поученiemъ сему злому обычаяу научахуся, и въ толико безуміе пришедше яко половину у всякия денги отрѣзати и ту же гривенку доспѣти въ 500 денегъ и болше: тѣмъ злымъ обычаемъ, и клятвы, и злыхъ словесъ, и пренія злую всю наполниша, понеже сіи худые денги ини хвалиять, а ини хулять“. Все это только ясно показываетъ, что лѣтописецъ не зналъ, въ чёмъ собственно заключалось злоупотребленіе и преступленіе. Для чеканки 500 денегъ изъ гривенки совсѣмъ не было нужно „безуміе“ и обрѣзывать „яко половину“ у денги: не только 500, но даже 520 денегъ составляли „въ московское число полтретья рубля съ гривною“ и ихъ столько именно полагалось чеканить при Иванѣ III и при Василіи Ивановичѣ. Преступленіе денежниковъ было иное, и притомъ двоякое: они стали чеканить монеты изъ серебра съ „примѣсью“, то есть, нечистого, и по всѣмъ вѣроятностямъ, они стали чеканить изъ гривенки *больше* 260 денегъ новгородскихъ и больше „полтретья рубля съ гривною въ московское число“, то-есть больше 520 денегъ московскихъ. Возможно, что они уже дошли до чеканки изъ гривенки 800 денегъ новгородскихъ и 600 денегъ московскихъ или 8 рублей въ московское число.

Это и повело за собою рядъ реформъ, преслѣдовавшихъ отчасти и фискальную цѣль. Лѣтописецъ разсказываетъ: „Государь, князь великий Иванъ Васильевичъ повелѣть дѣлать денги серебряные *новые* не свое имя безо всяко *примѣса*. Чистота монеты этимъ опять была восстановлена. Еще разъ, обстоятельнѣе, Софіевская лѣтопись повторяетъ свое сообщеніе слѣдующимъ образомъ „государь, князь великий Иванъ Васильевичъ всея Руси и мати его, благочестивая княгиня Елена, помысля со своими бояре, повелѣша тѣ рѣзаные денги *заповѣдати и не торювати, а сливати ихъ въ серебро и дѣлать новые деньги безъ всякаго примѣса*; а своему богомолцу, архіепископу великаго Новгорода и Пскова, Макарію, и своимъ *намѣстникомъ и дьякомъ* повелѣша *ти новые деньги накрѣпко беречи, чтобы безумніи человѣцы *ни мало не исказили* и старый бы злой обычай оставили*“. Здѣсь важно ука-

заніе, что впервые установленъ надзоръ за порядкомъ въ монетахъ и этотъ надзоръ возложенъ на свѣтскихъ и даже духовныхъ властей.

Но когда лѣтописецъ при этомъ сообщаетъ, что государь великий Иванъ Васильевичъ повелѣлъ дѣлать „изъ гривенки изъ скаловой 800 денегъ новгородскихъ, а въ московское дѣло три рубля московская“ и ставить это распоряженіе на ряду съ восстановленіемъ чистоты въ монетѣ, какъ мѣру, принятую для восстановленія порядка въ денежномъ дѣлѣ, то очевидно, онъ только повторяетъ официальный взглядъ той эпохи, желавшій скрасить фискальную его сторону. Увеличеніе числа монетъ, чеканившихся изъ гривенки, съ 260 до 300 новгородскихъ денегъ и съ $2\frac{8}{5}$ до 8 рублей московскихъ, то есть, съ 520 до 600 московскихъ денегъ, было не улучшеніемъ, а ухудшеніемъ, потому что этимъ вѣсъ монеты, и безъ того не великій, еще больше уменьшался. Нормальный вѣсъ новгородской денги этимъ понижался до 15.36 долей = $\frac{1}{25}$ золотника; новгородскій рубль, который при Иванѣ III и его сынѣ представлялъ $40\frac{1}{2}$ золотниковъ серебра, съ 1585 г. представлялъ уже лишь 34.56 золотника. Московская денга понижалась до 7.68 долей = $\frac{2}{25}$ золотника, а московскій рубль представлялъ уже лишь 16 золотниковъ или одну треть гривенки серебра, $1\frac{13}{15}$ рубля Ивана III. Финансовая нужда могла это вполнѣ оправдывать, но это не основаніе для неправильного изображенія дѣла при его историческомъ изложеніи.

Для этого первого опыта извлечения финансовыхъ выгодъ изъ монетной регалии правильно были придуманы цѣлесообразные способы. Мы видѣли, что по разсказу софіевской лѣтописи заповѣданы рѣзанные денги, ими запрещено торговать и повелѣно сливать ихъ въ серебро. Воскресенская лѣтопись дополняетъ это свѣдѣніе, расширяя и распространяя его вообще на старыя денги: „старымъ денгамъ впрокъ ходити не велѣли“. ¹⁾ Какъ мы увидимъ, выраженіе „старыя денги“ становится техническимъ терминомъ и употребляются впослѣдствіи, когда прибѣгаютъ къ финансовой эксплоатации монетной регалии и для этого измѣняется монетная стопа, т. е. число денегъ, которыхъ чеканятся изъ гривенки, увеличивается: тогда денги прежней монетной стопы становятся „старыми денгами“. Въ первый разъ это выраженіе въ такомъ смыслѣ употребляется въ 1585 г.

Финансовая сторона мѣроопріятій 1585 г. была въ нихъ наименѣе важная. Гораздо большее значеніе для будущей постановки монетной

1) П. С. Р. Л. VII. 289.

чеканки имѣли другія мѣры. Самою крупною изъ нихъ было, что въ 1585 г. появляется наконецъ въ Москвѣ „денежный дворъ“, то есть, чечанка монеты изъемляется изъ рукъ денежниковъ и передается монетному двору. „А во дворѣ денежномъ“, разсказываетъ Софіевская лѣтопись, „велѣль князь великий вѣдати и смотрѣти накрѣпко дѣнъ-щиковъ, денежныхъ мастеровъ, своему гостю московскому Богдану Семенову сыну Корюкову съ товарыщи, чтобы во дворѣ было безо всякихъ хитростей“ ¹⁾. Эта мѣра вмѣстѣ съ возложеніемъ надзора за доброкачественностью монеты на свѣтскихъ и духовныхъ властей, дѣйствительно, какъ показалъ потомъ опытъ, надолго прекратила злоупотребленія съ чеканкою монеты ²⁾.

Еще одна мѣра, принятая въ 1585 г., передается лѣтописью неправильно. А именно, въ Софіевской лѣтописи разсказываетъ: „а при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ бысть знамя (штемпель) на денгахъ, князь великий на конѣ, а имѣя мечъ въ рукѣ; а князь великий Иванъ Васильевичъ учини знамя на денгахъ, князь великий на конѣ, а имѣя копье въ руцѣ и оттолѣ прозвалъ денги копейныя“. Здѣсь дѣло представляется, какъ еслибы оно заключалось только въ перемѣнѣ рисунка на монетѣ; на самомъ же дѣлѣ оно было болѣе серьезное. Оба рисунка (всадникъ съ мечемъ и всадникъ съ копьемъ) ужъ были въ употребленіи въ предыдущія княженія чуть-ли не всего XV вѣка: Это ясно видно на дошедшихъ до настъ монетахъ, но ихъ употребляли безъ разбора и зря ставили на монетахъ, то крупнаго (новгородскихъ),

1) П. С. Р. Л: VI 297.

2) Въ чмъ заключалось смотрѣніе, чтобы въ денежномъ дворѣ было безо всякихъ хитростей, мы можемъ судить по разсказу Когошина (О Россіи въ царств. Алексія Михайлов., изд. 2 стр. 81), сообщающаго обѣ этимъ подробности, которыхъ конечно не были новостью въ его время и вѣроятно заведены были въ 1585 г., или скоро послѣ того. „А денежныхъ мастеровъ для дѣла берутъ изъ воинъхъ и изъ торговыхъ людей, кто похочеть, съ поруками и за вѣрою и крестными царствованіемъ, что имъ будучи у царскаго дѣла не воровать серебра, и денегъ не красть, и въ серебро мѣди и олова и иного ничего не пріымѣшивать, и въ домѣхъ своихъ воровскіи деньги не дѣлать никакихъ, и чекановъ не красть и воровскіи подъ чеканы не подѣзываются. А будеть тѣхъ денежныхъ мастеровъ, чеканниковъ, подметчиковъ, рѣзальщиковъ, тянульщиковъ, отжигалщиковъ съ 200 человѣкъ. А какъ они для денежного дѣла ходять на дворъ или въ двора, и ихъ осматриваются до нага. А будеть свидѣтель, что они дѣлали на царскомъ дворѣ, или у себя въ домѣхъ воровствомъ деньги, или подъ чеканы поддѣльывались и тѣ воровскіе чеканы продавали на сторону инымъ людемъ, и такимъ по смыску бываютъ пытки, многажды ли воровали, и кому что продавали и съ кѣмъ о томъ сопча умышиляли; и на кого съ пыткой скажутъ и тѣхъ всѣхъ потомужъ сыскавъ и пытавъ накрѣпко, будеть винатъ, чинять наказаніе, заливаютъ оловомъ горло, а инымъ смотря по винѣ отсѣкаютъ руки и отрѣзываютъ уши, и бьютъ кнутъемъ, отнимаютъ дома и животы.

то мелкаго вѣса (московкахъ). Съ 1585 г. это прекратилось и рисунки (какъ тоже совершенно ясно и категорически удостовѣряютъ монеты) приспособлены къ достоинству монетъ: монеты крупнаго вѣса (новгородки, которыхъ съ 1585 г. чеканили 800 изъ гривенки, по $4/25$ золотника = 15.36 долей въ каждой), получили рисунокъ всадника съ копьемъ и стали копейною деньгою, родоначальникомъ нашей копѣйки, въ которой до нашихъ дней продолжаетъ существовать новгородская денга, введенная Иваномъ III въ составъ московскаго рубля; монеты же малого вѣса (московки, которыхъ изъ гривенки чеканили 600 или на три рубля, по $2/25$ золотника = 7.68 долей серебра въ каждой) получили рисунокъ всадника съ занесеннымъ мечемъ и стали мечевою денгою.

Слово „копѣйка“ по поводу мѣръ 1585 г. встрѣчается только въ первой псковской лѣтописи, въ которой подъ 7046 (1588) г. разсказывается: „того-же лѣта отставиша всиими денгами торговати старыми“ и этимъ подтверждается такое же извѣстіе Воскресенской лѣтописи, но потомъ продолжается: „и начаша торговати денгами новыми копейками, не токмо во Псковѣ, но веадѣ и бысть модыемъ всиимъ убытокъ въ старыхъ денгахъ“ ¹⁾.

Наконецъ въ связи съ мѣрами 1585 г. по монетной части находится еще одна, о которой свѣдѣнія дошли до насъ лишь за болѣе позднѣе время, но которая возникла вѣроятно значительно ранѣе, если не въ 1585 г., то скоро послѣ того. Мы говоримъ объ особой пошлине, которую должны были уплачивать тѣ частныя лица, которыхъ приносили на монетный дворъ серебро для перечеканки его въ монету. Пошлина эта взималась въ размѣрѣ одного золотника серебра съ каждой гривенки серебра, приносившейся на монетный дворъ; поэтому пошлина называлась золотничною. Объ окладѣ этой пошлины мы заключаемъ изъ свѣдѣнія 1610 г. на основаніи значительнаго количества серебра, тогда принесеннаго на монетный дворъ въ 29 статяхъ, вслѣдствіе чего пошлина была вычислена 29 разъ и во всѣ эти разы ея окладъ оказывается одинаковымъ и составляющимъ одинъ золотникъ отъ гривенки, что подтверждается и названіемъ пошлины. Въ размѣрѣ $1/48$ или немногого болѣе 2% она не была особенно обременительной.

Послѣдствіемъ изложенныхъ мѣръ былъ полный порядокъ, въдворившійся въ русскомъ монетномъ дѣлѣ на очень продолжительное

1) П. С. Р. Л. IV стр. 302.

время. Не только во все царствование Ивана Грозного, но и при Федорѣ Ioannovichѣ, при Борисѣ Godunovѣ и при Dmitrii Samozvanцѣ монеты чеканились весьма близко къ ихъ нормальному вѣсу, т. е. соответственно трехрублевой монетной стопѣ, при которой изъ гриненки чеканилось 800 копейныхъ (бывшихъ новгородскихъ) или 600 мечевыхъ (бывшихъ московскихъ) денегъ.

Для подтверждения этого вывода нумизматическимъ материаломъ, мы воспользуемся имѣющеюся сводкою показаний трехъ большихъ нумизматическихъ коллекцій¹⁾. Такъ какъ при этомъ вѣсъ монетъ выраженъ въ граммахъ, то мы сначала должны въ граммахъ-же выразить нормальный вѣсъ копейной и мечевой денги съ 1585 г. Гриненка или 48 золотниковъ равняется 204.756 граммамъ. Поэтому нормальный вѣсъ копейной денги составлялъ $204.756 : 800 = 0.255$ грамма или $682\frac{1}{2}$ миллиграммовъ; нормальный вѣсъ мечевой денги былъ вдвое меньше или 0.341 грамма или $841\frac{1}{2}$ миллиграммовъ.

Средній вѣсъ 148 копейныхъ денегъ Ивана Грозного изъ собранія Шуберта составляетъ 0.36 грам. или 96% нормального вѣса; 37 копейныхъ денегъ того же времени изъ собранія Рейхеля имѣть средній вѣсъ 0.67 гр., то есть, еще ближе къциальному вѣсу; а 56 копейныхъ денегъ той-же эпохи изъ собранія Круга показаны даже въ 0.70 гр., т. е. выше (на $2\frac{1}{2}\%$) нормального вѣса, очевидно потому, что въ коллекцію входили только отборные экземпляры, или экземпляры, отобранные по ихъ болѣе значительному вѣсу²⁾.

Мечевые денги времени Грозного встрѣчаются въ собраніяхъ гораздо рѣже, чѣмъ копейные денги; 34 мечевые денги собранія Шуберта имѣютъ вѣсъ 0.33 гр.; 3 мечевые денги собранія Рейхеля имѣютъ вѣсъ 0.34 гр., 31 мечевая денга собранія Круга имѣть вѣсъ 0.33 гр. Слѣдовательно, и мечевые денги оказываются очень исправными въ отношеніи вѣса.

1) Рейхеля, Круга и Шуберта; данные мы заимствуемъ изъ Schubert, Monnaies russes des derniers trois siecles. Leipzig 1857. Къ даннымъ Шуберта мы присоединимъ показаніе каталога гр. Э. К. Гуттенъ-Чапскаго, удѣльныхъ, великокняжескихъ и царскихъ деньги древней Руси. Спб. 1875.

2) Коллекціи Круга и Рейхеля вообще отличаются этой особенностью, понятной съ точки зрѣнія отдельного любителя-нумизматы, естественно желавшаго похвастать сохранностью и тяжестью экземпляровъ, собранныхъ въ его коллекціи. Для научного письмовія, однако, экземпляры менѣе сохранныи и менѣе тяжелы совсѣмъ не帮忙, а одинаково важны съ т. н. „лучшими“ экземплярами. Очень сожалѣть приходится также о томъ, что показываются обыкновенно только „типы“ монетъ, а не число экземпляровъ каждого „типа“ или № каталоговъ.

Въ каталогѣ гр. Чапскаго показаны 19 копейныхъ денегъ Ивана Грознаго съ среднимъ вѣсомъ 0.875 гр., т. е. почти нормального вѣса; 10 мечевыхъ денегъ того же собранія имѣютъ общей вѣсъ 8.20 граммовъ, или ихъ средний вѣсъ 0.82 гр. или 94% нормального вѣса.

Такимъ образомъ дошедши до насъ монеты Грознаго вполнѣ подтверждаютъ своею полною исправностью высказанное выше общее сужденіе¹⁾.

При Федорѣ Ioannovitchѣ впервые на монетахъ появляется указаніе года ихъ чеканки; но это и при Федорѣ Ioannovitchѣ и послѣ него, до Петра Великаго, не дѣлается систематически, всегда и на всѣхъ монетахъ. При Федорѣ Ioannovitchѣ встрѣчаются годы 1593, 1595, 1597, 1598 и 1599; означеніе дѣлается славянскими буквами, отъ сотворенія міра, напр. 101 = 7101 = 1593 и т. д. Въ собраніи Шуберта показано 105 копейныхъ денегъ этого царствованія съ вѣсомъ 0.87 грам.; 25 такихъ же копейныхъ денегъ собранія Рейхеля имѣютъ средний вѣсъ 0.70 гр.; 74 копейныхъ деньги собранія Круга даютъ средний вѣсъ 0.65 гр. Такимъ образомъ, вѣсъ копейныхъ денегъ Федора Ioannovicha также исправенъ, какъ вѣсъ тѣхъ же денегъ его отца. Мечевые деньги этого царствованія еще рѣже, чѣмъ предшествовавшаго; въ собраніи Шуберта показаны только 8 экземпляра, ихъ средний вѣсъ 0.34 грам.; въ собраніи Рейхеля 7 экземпляровъ съ среднимъ вѣсомъ 0.36 грам., въ собраніи Круга 12 экземпляровъ съ среднимъ вѣсомъ 0.32 грам. Въ коллекціи Чапскаго показано 12 копейныхъ денегъ Феодора Ioannovicha съ среднимъ вѣсомъ 0.68 гр. и 2 мечевые деньги съ вѣсомъ 0.30 грам. Такимъ образомъ и при Федорѣ Ioannovitchѣ чеканка монеты была вполнѣ исправна.

При Борисѣ Годуновѣ и при Дмитріѣ Самоаванцѣ мечевые деньги совсѣмъ не чеканятся; копейныя-же вполнѣ сохраняютъ тотъ же вѣсъ, очень близкій къ нормальному.

Такимъ образомъ, въ теченіи 70 лѣтъ съ 1585 по 1606 г. чеканка отличается безуокорищенно строгостью, съ которой въ продолженіи четырехъ царствованій, въ спокойное и тревожное время, придерживаются установленной въ 1585 трехрублевой монетной стопы, т. е. чеканки изъ гривенки серебра трехъ рублей, или рубля въ одну треть

1) Странно что несмотря на это очевидное показаніе нумизматического материала, Шубертъ (I. с. р. 12) и Чапскій (I. с. р. 124) повторяютъ одну и ту же ошибку, утверждая своихъ читателей будто въ 1585 г. изданъ законъ о чеканкѣ изъ гривенки 260 денегъ. Въ этомъ же родѣ и другія ихъ историческія съѣдѣнія о монетахъ.

гравенки, въ 16 золотниковъ. Но приведенные данные указываютъ еще и на другую, на первый взглядъ—стренную особенность. Въ теченіи тѣхъ же 70 лѣтъ систематически и упорно копейная денга, бывшая новгородская, въ чеканкѣ преобладаетъ, а чеканка мечевой, бывшей московской денги, не только очень сильно отъ нея отстаетъ, но въ концѣ периода даже совсѣмъ замираетъ и пріостанавливается. Такой продолжительный и систематический фактъ ясно указываетъ на то, что онъ не былъ случайныи, а намѣренный. И дѣйствительно, умѣренная чеканка мечевой денги имѣла очень серьезныя основанія.

Одна причина этого явленія заключалась въ томъ, что расходы чеканки мечевой денги были такіе-же, какъ и расходы чеканки копейной денги. А такъ какъ мечевая денга была половинкою копейной денги, то ее вдвое менѣе выгодно было чеканить. Чеканка монеты тогда была очень хлопотливое и дорогое дѣло, производившееся ручными способами: для 1.000 рублей нужно было начеканить 100.000 копейныхъ монетъ или 200.000 мечевыхъ денегъ; для 10.000 рублей нужно было ужъ 1.000.000 копейныхъ монетъ или 2.000.000 мечевыхъ. Мечевые денги были вдвое хлопотливѣ и чеканка ихъ обходилась вдвое дороже.

Но была и другая, очень серьезная причина, по которой чеканка мечевой денги избѣгалась. Выше было уже указано, что хотя новгородская денга (денга крупнаго вѣса) была включена въ московскую денежную систему главнымъ образомъ въ качествѣ соединительного звена между московской и новгородской денежной системою, но новгородка представляла еще и фискальное удобство для московского правительства: она какъ бы уменьшала использованную часть монетной регалии и оставляла неиспользованную часть въ увеличенномъ видѣ, особенно въ глазахъ населенія. Когда использованная часть выражается 800 денгами, то естественно кажется, что она меньше, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда использованная часть выражается въ 600 денгахъ; отъ первого числа легче идти дальше, чѣмъ отъ второго. Поэтому московское правительство было заинтересовано въ томъ, чтобы новгородская денга, введенная имъ въ составъ московской денежной системы, пустила въ нея корни поглубже, чтобы населеніе къ ней привыкло и чтобы, напротивъ, населеніе отвыкло отъ маловѣсной московской денги. Но для этого требовалось, чтобъ населеніе привычило себя и привыкло считать на рубль въ сто новгородокъ или копейныхъ денегъ, на полтину въ 50 копѣйныхъ денегъ, на гривну въ десять копейныхъ денегъ, на алтынъ въ 8 денги, словомъ, чтобы

всегда въ своемъ денежномъ счетѣ населеніе исходило изъ бывшей новгородки, ставшой съ 1585 г. копейною деньгою. Въ этихъ то видахъ населеніе систематически какъ бы понуждали имѣть дѣло только съ копейною денгою, преимущественно, а потомъ и исключительно, копейную денгу только и чеканили, а чеканкою ходячей московской мечевой денги пренебрегали. Такъ было въ теченіи 70 лѣтъ съ 1585 г. и такъ продолжалось въ теченіи всего XVII ст. Но тутъ обнаружилось, что направленіе, въ которомъ правительство желало передѣлать народныя привычки, только и осталось, что нумизматическимъ фактамъ, совершенно бесплоднымъ въ теченіи 170 лѣтъ. Народъ не желалъ счета на рубль, состоящій изъ ста частей, на половину его изъ 50 частей, на гривну изъ десяти частей или алтынъ изъ 8 частей. Онъ цѣлко въ теченіи 170 лѣтъ держался за рубль въ 200 денегъ, за полтину въ 100 денегъ, за гривну въ 20 денегъ, за алтынъ въ 6 денегъ, т. е. за денежный счетъ, который онъ самъ для себя создалъ въ тяжелое время денежной смуты при Василіи Темномъ, приоровивъ близко отъ счетъ къ еще болѣе древнему, первоначальному общерусскому денежному счету конца XIV вѣка. И никакая усиленная чеканка копейной денги не могла пріучить къ ней населеніе.

До времени Федора Ioанновича мы еще встрѣчаемъ въ офиціальныхъ и частныхъ документахъ упоминанія о новгородкѣ, когда идетъ рѣчь о суммахъ, относящихся къ новгородской области. А съ этого времени повсюду, даже въ новгородской области, господствуетъ только одинъ счетъ, на ходячую московскую, т. е. маловѣсную мечевую денгу, отъ которой правительство желало народъ отучить и которую оно перестало даже чеканить. Счетъ на мечевую денгу сдѣлался и остался до Петра Великаго единственнымъ употребляемымъ всѣми классами населенія, нисшими и высшими, въ томъ числѣ и служилыми. Достаточно открыть любой документъ съ половины XVI до конца XVII и, безъ исключенія всегда, когда идетъ рѣчь о денежныхъ суммахъ, мы ихъ находимъ выраженными въ денежныхъ единицахъ, основанныхъ на мечевой, а не копейной денгѣ. Да и самыя выраженія „копейная“ денга, „копѣйка“ еще чужды письменности второй половины XVI и всего XVII в. Они — своего рода — парадныя слова, которыя употребляются не всѣми вообще, а лишь нѣкоторыми, знающими такія особенные слова, напр. въ XVII в. Котошихинымъ, да и то въ особыхъ случаяхъ, а не всегда. Но эти парадныя слова и обозначаемая ими копейная денга имѣли серьезное историческое назначеніе. Въ копейной денгѣ сохранилось наслѣдіе Ивана III; пере-

саженная имъ съ новгородской почвы на московскую, или вѣрнѣе— воавращенная обратно въ Москву заимствованная у нея для Новгорода новгородка, которой съ Петра В. въ качествѣ копѣйки или съ той части рубля предстояло лечь въ основаніе денежнаго счета, съ тѣхъ поръ сохраняющаго свою силу до нашихъ дней

То, что съ половины XVI до конца XVII в. мечевая, а не копейная денга, составляетъ основаніе денежнаго счета, доказать текстами трудно, потому что всѣхъ случаевъ, это подтверждающихъ, нельзя привести, а примѣры въ такихъ случаяхъ ничего не доказываютъ. Но есть косвенное доказательство, достаточно убѣдительное. Оно заключается въ распространенности счета на алтыны, притомъ на алтыны въ шесть мечевыхъ денегъ, а не три копейныхъ денги. Конечно, всякий и до Петра Великаго зналъ, что въ алтынѣ три копейныхъ деньги, но называлась до Петра В. алтыномъ денежная единица въ шесть мечевыхъ денегъ. Какъ извѣстно, название этой единицы— татарское, отъ алта—шесть. Въ смыслѣ *шести* денегъ алтынъ и употребляется въ теченіе 400 лѣтъ съ XIV до конца XVII вѣка. Это вполнѣ возможно доказать. Еслибы съ половины XVI в. и въ XVII ст. алтынъ уже употреблялся и въ смыслѣ 8 копѣекъ (какъ съ Петра В. и въ наши дни, когда мы пятиалтынныемъ называемъ монету въ $5 \times 8 = 15$ копѣекъ), то это легко было бы уловить по очень простому признаку. Въ сложныхъ суммахъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о рубляхъ, алтынахъ и денгахъ, число денегъ не могло бы быть больше 2, еслибы имѣлись въ виду копейныхъ деньги: потому что три такія деньги уже составляютъ алтынъ. А между тѣмъ, до конца XVII в. мы всегда при сложныхъ суммахъ, выраженныхъ въ рубляхъ, алтынахъ и денгахъ, встрѣчаемъ не только 8, но 4, и 5 денегъ: ясное доказательство, что счетъ идетъ на мечевые деньги, которыхъ лишь шесть составляютъ алтынъ.

Иностранны, бывавшіе въ Россіи въ XVI ст., не только подтверждаютъ свѣдѣнія нашихъ источниковъ о томъ, какъ строилась наша денежная система, но сообщаютъ нѣкоторыя дополнительныя указанія объ иностранныхъ монетахъ, притекавшихъ тогда въ Русь.

Герберштейнъ, посѣтившій Россію при Василіи Ioannовичѣ, сообщаетъ, что тогда различали по мѣсту чеканки монету московскую, новгородскую, псковскую и тверскую. Онъ отмѣчаетъ, что въ алтынѣ 6 денегъ, въ гривнѣ 20 денегъ, въ полтинѣ 100—денегъ, въ рублѣ—200 денегъ. Это— московскія деньги, съ которыми совпадаютъ тверскія. Но новгородская денга вдвое болѣе московской; въ нов-

городской гривнѣ 14 денегъ, а въ новгородскомъ рубль 222 денги (единственная ошибка у Герберштейна, вмѣсто 216, возможно, что это лишь опечатка). Кромѣ того существуетъ мѣдная монета пуль, 60 такихъ монетъ составляютъ московскую денгу (?). Золотой монеты не чеканять, но много пользуются венгерскими червонцами и римскими золотыми (флоренами); оцѣнка ихъ часто мѣняется. Въ числѣ привозимыхъ изъ заграницы товаровъ находятся куски (слитки) серебра (*Silberklotzen*).

Большой интересъ представляютъ также свѣдѣнія англичанина Гесси, относящіяся къ 1554 г.¹⁾. Въ Россіи нѣть золотой монеты; всякая монета — серебряная, но есть и мѣдная. Серебряная монета трехъ достоинствъ: полуденга, денга и новгородка, равная двумъ денгамъ; денга равняется двумъ полуденгамъ. Считаютъ на алтыны, одинъ алтынъ равняется 8 денгамъ, 88 алтына 2 денги составляютъ рубль. Русскія вѣсовыя единицы: большой и малый фунтъ; большой фунтъ равняется двумъ малымъ фунтамъ; большой называется безмѣномъ, а малый скаловыи (the scala weight). Малымъ вывѣшиваются серебро и всякие бакалейные товары и иные кромѣ тѣхъ, которые взвѣшиваются пудами, какъ солодъ, соль, желѣзо, олово и т. д. Пудъ содергитъ 40 фунтовъ. Большой фунтъ содергитъ неполный 18 унцій англійскихъ; для повѣрки вѣсовъ могутъ служить деньги, считая 8 р. за 48 золотниковъ, малый фунтъ.

Всѣ указанія Гесси безуокорицнено правильны; только указаніе на неполные 18 унцій въ 96 золотникахъ не совсѣмъ точно. Въ англійской монетной унціи, которую видимо имѣеть въ виду Гесси, теперь считаются 7.29 золотниковъ, а $96 : 7.29 = 18\frac{1}{6}$, то-есть въ 96 золотникахъ не только полная 18 унцій, но даже еще $\frac{1}{6}$ унціи. Но и это разница незначительная.

Въ письмѣ, адресованномъ изъ Лондона въ Россію въ 1557 г. изъ компаніи, торгующей въ Россіи²⁾, сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія, которая уже вызывали и могутъ вызывать недоумѣнія. А именно, въ этомъ письмѣ говорится: „хотя мы оцѣниваемъ рубль въ 18 шиллинговъ 8 пенсовъ, но за него нельзя давать больше 12, 18 шиллинговъ“. Можетъ казаться, что тутъ идетъ рѣчь объ оцѣнкѣ

1) *The coins, weights and measures used in Russia, written by John Hassie in the year 1554.* Помѣщено въ *Hacklbut's Collection of the early voyages etc. A new edition London 1809. Vol. I p. 285—7.*

2) *A letter of the Company of Merchants Adventurers to Russia, помѣщено въ Hacklbut I p. 387.*

рубля, тогда какъ на дѣлѣ указанія исходятъ изъ перемѣнъ, про-
исшедшіхъ тогда въ англійской монетѣ. Русскій рубль оставался
тогда неизмѣннымъ и представляющимъ 16 золотниковъ = 1586 долей
серебра; но шиллингъ очень сильно измѣнялся подъ вліяніемъ
ухудшенія его Генрихомъ VIII. Въ 1544 г. онъ упалъ до 87.48 долей
чистаго серебра, потомъ до 58.82 долей и даже до 29.16 долей
чистаго серебра, но съ 1556 г. онъ опять уже составляетъ 128.9 долей
чистаго серебра. Оцѣнка рубля въ $16\frac{3}{4}$ шиллинговъ соотвѣтствуетъ
времени, когда шиллинги упали до $87\frac{1}{2}$ долей чистаго серебра, ибо
 $1586 : 87.48 = 16\frac{3}{4}$. Когда затѣмъ шиллингъ поправился и содержалъ
чистаго серебра 128.9 долей, то на рубль его уже могло идти
 $1586 : 128.9 = 11.9$ шиллинговъ; поэтому оцѣнка въ 12 — 18 шиллинговъ
была очень благопріятною оцѣнкою рубля.

Изъ англійскихъ-же источниковъ до насъ дошло интересное свѣ-
дѣніе, что въ числѣ привилегій, данныхъ 20 іюня 7077 г. (1569)
англійской торговой компаніи, заключалось также право на казенныхъ
монетныхъ дворахъ въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ переливать дол-
лары и чеканить монету безопштенно, но условливаясь съ управле-
ніемъ дворовъ о покрытіи расходовъ¹⁾.

Барберини въ своемъ путешествіи въ Московію 1565 г.²⁾ со-
общаетъ, что въ Россіи нѣтъ ни золота, ни серебра, ни мѣди, ни
свинца, ни олова... Все золото, которое привозится купцами, посту-
паетъ тотчасъ къ государю, потому что онъ у всѣхъ его скапаетъ и
хорошо платить, кладетъ его въ сундуки и никто его уже не видѣть.
Серебряной монеты у него довольно, потому что изъ Австріи и Польши
привозится много талеровъ для покупки товаровъ: мѣховъ, воску,
льну, пенки, сала, кожъ и другихъ произведеній. Талеры тотчасъ
перечеканиваются на монету, которая называется денга; чеканять ее
только въ двухъ мѣстахъ: въ Москвѣ, гдѣ на монетѣ изображается свя-
той Георгій. Венгерки, венеціаны, полуанджы (англійскіе кораблен-
ники) стоять почти 75 денегъ каждая штука. Вѣсъ московскій назы-

1) Art. 25. We likewise have licensed the english merchants in our towns o
Moso, Novgorod the Great and Plesco, that the coiners of the said towns shall melt
dollars and coin money for them, without custome, allowing for coales and other ne-
cessaries with the workmanship. Hackluyt's Collection of early voyages, ed. Lond. 1809
(in folio) I p. 428.

2) Сказанія иностранцевъ о Россіи въ XVI и XVII ст., Любичъ-Романовскаго,
Спб. 1843.

вается гривенка, въ ней 48 золотниковъ, 6 золотниковъ составляютъ унцію¹⁾. Крупные предметы развѣшиваются на фунтъ, въ которомъ 96 золотниковъ.

Маржеретъ служилъ Борису Годунову и Дмитрію Самозванцу и написалъ книгу о состояніи Русскаго Государства и великаго княжества Московскаго; въ ней онъ касается и денежной системы; онъ видимо поверхности другіхъ, больше повторяетъ слышанное и сравненія дѣлаетъ довольно приблизительныя. По его сообщенію, русская ходячая монета состоить изъ денегъ или (?) копѣекъ, цѣною около 16 денье, изъ московокъ въ 8 денье и полушекъ въ 4 денье. Считаютъ рублями, изъ которыхъ каждый содержитъ 100 копѣекъ или 6 ливровъ 12 су²⁾, полтинами, четвертами, гривнами по 10 копѣекъ и алтынами въ 3 копѣйки или 4 су. Иноzemные купцы привозятъ множество талеровъ или ефимковъ, которые сбываются по 36 копѣекъ или 48 су. Отъ передѣла въ русскую монету симокъ въсомъ въ 40 су даетъ уже 42 коп. (или 7 ефимковъ, которые шли на гривенку, 2 р. 94 коп., почти вѣрно, въ точности 3 рубля). Отъ иноzemныхъ же купцовъ русскіе покупаютъ множество червонцевъ и продаютъ ихъ какъ прочіе товары; я видѣлъ, что за червонецъ платили иногда 24 алтына, иногда 16 алтынъ, иногда 2 рубля, обыкновенная же имъ цѣна 18—21 алтынъ; они сильно дорожаютъ при особыхъ событіяхъ или передъ праздниками, когда они нужны для подарковъ, напримѣръ, передъ коронаціею, при бракахъ, передъ Пасхой и въ тому подобныхъ случаяхъ.

1) Авторъ, очевидно, при этомъ подъ унціей подразумѣваетъ $1/16$ фунта, ибо $1/16$ французскаго ливра составляла его унцію; 6 золотниковъ = 480 старымъ парижскими гранами или унцію = $1/16$ фунта въ 15 древнеримскихъ унцій, которымъ равняется нашъ русскій фунтъ. *Gaillerot Note sur les poids du moyen age p. 446 (Journ. de l'Ecole des Chartes LXVIII, 1906).*

2) Подобно тому, какъ въ Россіи рубль былъ только счетною денежною единицей, а монеты рублевой тогда же было, такъ и во Франціи ливры были только счетною единицей (une piéte de compte), монеты-же ливра не было. Ливръ состоялъ изъ 20 су по 12 денье. Крупныхъ серебряныхъ монетъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. было двѣ: серебряный франкъ 1575 г. содержалъ чистаго серебра 266 долей и четверти экю (quarts d'escu) 1580 г. содержали чистаго серебра 200,86 долей. Генрихъ IV въ 1602 г. назначилъ нарицательную цѣну франка въ 21 су, а четверти экю въ 16 су. Это даетъ су въ $12\frac{1}{2}$ долей чистаго серебра; денье тогда же представляло только $\frac{26}{24}$ долей чистаго серебра, а ливръ 250 долей чистаго серебра. Такъ какъ въ рубль тогда было 1586 долей, то онъ содержалъ 6 ливровъ 3 су, то есть, Маржеретъ нѣсколько преувеличилъ стоимость рубля. Одна денга равнялась не 16 денье а лишь $14\frac{1}{4}$. Маржеретъ очень округляетъ свои вычисленія. Считая рубль въ 6 ливровъ 12 су, онъ принимаетъ рубль = 132 су = 1584 денье, а потомъ копейку считаетъ не въ 15,84, а 16 денье, оттого алтынъ или 3 копѣйки = 4 су = 48 денье.

Было бы большими грабежомъ, обозрѣвая иностранныхъ путешественниковъ, оставившихъ намъ свѣдѣнія о русскихъ денгахъ до конца XVI в., не упомянуть при этомъ Торговой Книги, составленной въ Москвѣ между 1575 и 1610 гг. анонимнымъ авторомъ. Ее свѣдѣнія во много разъ превосходятъ показанія иностранцевъ, какъ полнотою, такъ и обстоятельностью, а особенно точностью. Для русской экономической истории это драгоценный и cntic источникъ, о которомъ можно сожалѣть, что онъ до сихъ поръ не нашелъ себѣ компетентнаго издателя на основаніи критического пересмотра всѣхъ дошедшихъ до настѣнъ списковъ¹⁾.

Когда Торговая Книга составлялась, то новгородскій рубль вышелъ уже изъ употребленія даже въ новгородской области. Торговая книга поэтому знаетъ новгородку только въ качествѣ элемента московской, тогда единой для всего государства, денежной системы. Но рубль продолжаетъ называться московскимъ рублемъ, хотя другого уже не было „Въ рубль 10 гривенъ, въ гривнѣ 10 новгородокъ, въ новгородокѣ 2 денги, въ алтынѣ 6 денегъ, въ рубль 2 полтины, въ полтинѣ 5 гривенъ, въ гривнѣ 20 денегъ, въ денгѣ 2 полуденги“. Очевидно, что „денгою“ просто, безъ дальнѣйшаго ея обозначенія Торговая Книга, какъ народъ тогда и потомъ до Петра Великаго, называетъ мечевую денгу. Копѣйка не упоминается, даже какъ копейная денга, она еще новгородка. О вѣсовыхъ единицахъ Торговая Книга даетъ свѣдѣнія, выражая ихъ черезъ денежныя единицы на почвѣ трехрублевой монетной стопы, то есть, исходя изъ того, что изъ малой или скаловой гривенки чеканять три рубля. „Берковецъ, 10 пудъ, а денгами московскими вѣсить 2400 рублей. Вощаная четверть 12 пудъ, а денгами вѣсить 2880 рублей. Бухарскій ансыръ вѣсить полторы гривенки малыхъ и 8 золотниковъ, а всего 128 золотниковъ, а денгами московскими вѣсить 8 рублей. Нынѣшній ансыръ вѣсить

1) Одну часть Торговой Книги издалъ Мухановъ въ своемъ Сборникѣ со списка Калайдовича, оказавшагося въ бумагахъ Погодина. Мухановъ подозрѣвалъ, что въ числахъ не мало ошибокъ и требовалъ критического изданія. По сокращенному списку Московской Духовной академіи Торговая Книга была издана во Врем. И. моск. Общ. Ист. и Древ. 1850 кн. VIII. Наиболѣе полное изданіе И. П. Сахарова по двумъ спискамъ въ Запискахъ Отдѣлевія русск. и слав. археологіи И. Арх. Общ. т. I Спб. 1851, отд. III стр. 114—130. Это изданіе тоже крайне неудовлетворительное съ явными опечатками. Сахаровъ былъ совсѣмъ некомпетентенъ для такого изданія и въ предметахъ Торговой Книги понималъ въ полозанѣ XIX в. гораздо менѣе, чѣмъ ея составителя въ концѣ XVI вѣка. Наже мы приведемъ прімыръ, наглядно это показывающій.

фунтъ въ 96 золотниковъ, а денгами вѣсить 6 рублей. Въ гривнѣ малой скаловой 48 золотниковъ, денгами вѣсить 8 рубля. Золотникъ вѣсить 2 алтына съ полуденговою".

Въ виду того особенного значенія, которое ефимки имѣли, какъ матеріаъль для чеканки русской монеты, выдающейся интересъ имѣть отдѣль Торговой Книги „о ефимкахъ". „Ефимки имайте на вѣсъ, какъ чистое серебро. Старый ефимокъ чистотою не придется въ денги: иной тянетъ 14 алтынъ 8 денъги (87 денегъ или $6\frac{2}{3}$ золотниковъ¹), иной 14 алтынъ 5 денегъ (89 денегъ, $7\frac{1}{3}$ золотниковъ), приходитъ ихъ по семи въ гривенку (или по $48:7 = 6\frac{6}{7}$ золотниковъ въ среднемъ въ ефимкѣ), тѣ на Москвѣ 12 ходить въ алтынъ (72 денги) и въ 12 алтынъ съ деньгою (78 денги). А выходять добрые ефимки на Москвѣ въ московки: за всею проторью очистится сѣмимокъ по 12 алтынъ 4 денги (76 денегъ) и по 12 алтынъ 5 денегъ (77 денегъ). Нынѣшніе новые сѣмимки легче старыхъ и нечисты, приходитъ ихъ полуосмь ($7\frac{1}{2}$) въ гривенку, а очищается ефимокъ по 11 алтынъ 4 денги (70 денегъ), а въ тѣхъ полуосмь сѣмимкахъ девятая доля мѣди выходитъ" (проба $\% = 85\frac{1}{2} : 96$) Судя по этимъ свѣдѣніямъ, рыночная цѣна ефимка не была настолько низка, чтобы отъ его перечеканки въ русскую монету получилась очень большая прибыль. Рыночная цѣна ефимка была $72\frac{1}{3}$ денегъ мечевыхъ = $38\frac{1}{4}$ копейныхъ денегъ; слѣдовательно, прибыль составляла на ефимокъ 4 мечевыхъ денги = 2 копейныхъ денги. Если и казна считала поступавшіе въ нее ефимки по рыночной цѣнѣ, тѣ гривенка серебра въ ефимкахъ обходилась въ $7 \times 72\frac{1}{3} = 505\frac{1}{3}$ мечевыхъ денегъ $258\frac{8}{4}$ копейныхъ денегъ. Чеканили изъ той же гривенки 8 рубля. Слѣдовательно, разность составляла на гривенку серебра $92\frac{1}{3}$ мечевыхъ денги = $46\frac{1}{4}$ копейныхъ денегъ; изъ этой разности часть должна была служить на потерю отъ угаря металла при переплавкѣ и на расходы перечеканки; чистой прибыли могло оставаться около 80 копейныхъ денегъ = 60 мечевыхъ денегъ на каждую гривенку серебра, то есть, не особенно много.

Очень интересная свѣдѣнія сообщаетъ Торговая Книга въ главѣ „о золотыхъ". „Золотые имати, какъ чистое золото, а золотой угорскій тянетъ 10 денегъ съ полуденговою ($31\frac{1}{2}$ золотника = $80\frac{10}{25}$ долей, почти

1) Въ скобкахъ мы приводимъ наши перечисленія, идеть рѣчь о мечевыхъ денгахъ.

вполнѣ вѣрно), корабельный тянетъ 8 алтына 8 денги (21 денга = $= 161\frac{2}{3}$ долей, вмѣсто $157\frac{1}{2}$ долей лигитурнаго вѣса ноблей 1411 и 1460 гг. въ 108 тройскихъ грановъ), а португальскій съ крестомъ 17 алтынъ 8 денги = 105 денегъ = $806\frac{2}{5}$ долей). *А изъ золы наѣтъ се-ребро больше съ золота проюжаетъ и борже къ денгамъ. А на товары золото емлите дороже своихъ серебряныхъ денегъ въ десятиро, ино станеть угорской золотой по 17 алтынъ 8 денги, корабельный по рублю и десять денегъ, португальской по 5 рублей 8 алтынъ 2 денги; емли золотникъ по 18 алтынъ 2 денги.*

Повѣримъ эти указанія Торговой Книги. Угорскій золотой вѣ-сить $80\frac{1}{2}$ долей и когда золото въ 10 разъ дороже серебра, какъ полагаетъ Торговая Книга, то онъ должно стоить въ 10 разъ больше серебра, и дѣйствительно цѣна его показывается Торговой Книгою въ 105 денегъ, а такъ какъ въ денгѣ при 8 рублевой монетной стопѣ $7\frac{1}{2}$ долей серебра, то $105 \text{ денегъ} = 105 \times 7\frac{1}{2} = 806\frac{2}{5}$ долей се-ребра = $10 \times 80\frac{1}{2}$. То есть, цѣна угорскаго золотаго или венгер-скаго червонца вычислена очень точно согласно показанному его вѣсу и десятикратному отношенію стоимости золота и серебра. — Корабельный вѣситъ $161\frac{2}{3}$ долей золота и долженъ стоить въ 10 разъ больше долей серебра или $161\frac{2}{3} \times 7\frac{1}{2}$ долей серебра; а $161\frac{2}{3} \times 7\frac{1}{2} = 210$ денегъ мечевыхъ, то есть, равняется одному рублю 10 денгами, какъ правильно вычислена цѣна корабельнаго въ Торговой книгѣ. — Вѣсъ португальскаго золотого показанъ въ 105 денегъ мечевыхъ или $806\frac{2}{5}$ долей золота, слѣдовательно се-ребра онъ долженъ стоить въ 10 разъ больше при принимаемой Торговою Книгою пропорціи, или $8064 : 7\frac{1}{2} = 1050$ денегъ, т. е. 5 рублей 8 алтынъ 2 денги, какъ и вычислено въ Торговой Книгѣ. Всѣ цѣны золотыхъ монетъ въ серебряной монетѣ вычислены очень точно, согласно принятой въ Торговой Книгѣ пропорціи между стоимостью золота и серебра. Но цѣна золотника золота показана въ 18 алтынъ 2 денги, или всего въ 80 денегъ. Между тѣмъ при чеканкѣ изъ гравенки или 48 золотниковъ 600 денегъ (мечевыхъ), золотникъ серебра имѣеть монетную стоимость $600 : 48 = 12\frac{1}{2}$ де-негъ; а если стоимость золотника золота показывается въ 80 де-негъ, то отношеніе между стоимостью золота и серебра выходитъ $80 : 12\frac{1}{2} = 6\frac{2}{5} : 1$. А составители Торговой Книги совершенно ясно говорятъ: золото емлите дороже своихъ серебряныхъ денегъ въ десятиро. Съ этимъ согласуется только цѣна золотника не въ 80 денегъ, а въ 125 денегъ или 20 алтынъ 5 денегъ, а 18 алтынъ и

2 денги показаны по опискѣ переписчика, незамѣченной издателемъ Торговой Книги ¹⁾).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Рубль Михаила Феодоровича.

1613 — 1682.

XVII-ое столѣтіе въ русской денежной исторіи имѣеть тако е-же выдающееся значеніе, какое до него имѣло время Василія Темнаго, приведшее къ гибели первоначального рубля гриненки въ 48 золотниковъ, а послѣ него имѣло время нераамънныхъ бумажныхъ денегъ (ассигнацій и кредитныхъ билетовъ), приведшее въ концѣ XIX в., въ связи съ перемѣнами во внутренней цѣнности серебра, къ гибели серебряного рубля, какъ главнаго основанія нашей денежной системы. Время царей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича и Петра Великаго заполняется опытами эксплоатациіи монетной регалии въ интересахъ казны, опытами, сначала безуспѣшными, а потомъ усپѣшными, исполнявшимися въ самыхъ широкихъ предѣлахъ, въ которыхъ эксплоатациія эта допускалась унаслѣдованною денежной системою. А когда эти предѣлы были достигнуты и больше двигаться

1) Такихъ ошибокъ немало въ Сахаровскомъ (самомъ полномъ) изданіи Торговой Книги. А до какой степени Сахаровъ былъ далекъ отъ пониманія Торговой Книги, не смотря на ея чрезвычайную простоту и ясность, объ этомъ можетъ дать понятіе слѣдующій образчикъ его разсужденій о серебряной и золотой монетѣ. Въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь по московскому митрополиту Ioасаѳу дано было вкладу 30 золотыхъ большихъ по 40 алтынъ, да 10 золотыхъ угorskихъ по 20 алтынъ. «Невольно спрашивается себя, говорить Сахаровъ, на какомъ основаніи тогда производили оцѣнку золотымъ денгамъ и что послужило мѣрою расцѣнки? Съ первого взгляда Сахарову кажется, что у насъ серебро въ XVI столѣтіи цѣнилось дороже золота, потому что золотой стоилъ только 40 алтынъ. Но, продолжаетъ Сахаровъ, археологическая (?) данная разрѣшаетъ этотъ вопросъ только приблизительно. Принимая во вниманіе, что въ то время деньги были въсомъ 15—16 долей и что въ алтынѣ было 6 денегъ, поэтому въ 40 алтынахъ было 240 денегъ, Сахаровъ помноженiemъ 240 на 16 получаетъ 3840 долей = 40 золотниковъ серебра стоимости двойного червонца. При этомъ однако Сахаровъ не замѣчаетъ что онъ смѣшалъ мечевую денежу съ копейкою, что въ алтынѣ было 6 мечевыхъ денегъ, а неполные 16 долей имѣла вѣсъ копейная денежа, что онъ такимъ образомъ вдвое преувеличилъ серебряную стоимость двойного червонца. Но это еще полбѣды—изъ своего вычислѣнія Сахаровъ заключаетъ: «слѣдовательно большой золотой тогда оцѣнивался въ 40 золотниковъ серебра и если въ наше время 40 золотниковъ серебрился 84-й пробы стоять около 8 рублей, то вотъ выводы для сравненія цѣнности металловъ». Какіе выводы? измѣнѣстно, потому что никакъ

на старой почвѣ уже было некуда, то это выразилось въ фактѣ, что изъ серебряной денги, созданной Дмитріемъ Донскимъ, подкрѣпленной Иваномъ III и обереженной Иваномъ Грознымъ, уже никакихъ финансовыхъ выгодъ нельзя было извлекать. Источникъ этихъ выгодъ оказался исчерпаннымъ до дна и истощился. Постепенно уменьшаясь въ вѣсѣ, денга въ концѣ концовъ (подобно многимъ денежнымъ единицамъ древняго и новаго міра) представляла уже такое ничтожное количество серебра, которое въ серебряную монету уже не годилось. Денга въ обоихъ ея видахъ, копейномъ и мечевомъ, должна была превратиться изъ серебряной монеты въ мѣдную, какъ до нея это случилось, напримѣръ, съ древне-римскимъ денаріемъ, или съ старо-французскимъ су (трансформацію солида).

Эта участъ серебряной денги подготавлялась и рѣшилась въ XVII столѣтіи. И тѣмъ не менѣе наша денежная исторія именно этого столѣтія всего менѣе разрабатывалась: гораздо менѣе, чѣмъ столѣтія, ему предшествовавшія и за нимъ слѣдовавшія. Даже нумизматы-любители этимъ столѣтіемъ менѣе интересовались и занимались, чѣмъ другими столѣтіями. Поэтому лучшія коллекціи и каталоги, когда они доходятъ до XVII в., оказываются и болѣе бѣдными, и менѣе освѣдомленными даже въ своемъ собственномъ матеріялѣ. Это очень чувствительный пробѣлъ, тѣмъ болѣе замѣтный, чѣмъ больше сдѣ-

кихъ не сдѣлано и никакого сравненія тоже не сдѣлано. Но всего удивительнѣе окончательное заключеніе: «у насъ золота было мало и поэтому оно въ 1592 г. цѣнилось очень дорого, сдѣвали не вчетверо противъ серебра.» (И. П. Сахаровъ. Кормовая книга Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ Зап. Отд. Рус. и Слав. Арх. I, Спб. 1851, отд. II стр. 46—105). Золото очень дорого, когда оно сдѣвали не вчетверо дороже серебра, хотя можетъ, казаться, что серебро дороже золота, когда большой червонецъ стоитъ только 40 алтынъ.

И это говорить издатель Торговой Книги, который если не другими путями, то хоть изъ Торговой Книги долженъ былъ знать, что въ ней золото въ XVI в. опѣнивается въ десять разъ дороже серебра. Что касается заключенія изъ стоимости двойного червонца въ 40 алтынъ, то очевидно, что изъ одной этой стоимости никакого вывода нельзѧ сдѣлать, пока не принимается во вниманіе и вѣсъ червонца. Принимая его по Торговой Книгѣ въ 80 доляхъ, слѣдовательно, вѣсъ двойного червонца въ 160 доляхъ, мы имѣемъ равенство, что 100 доля золота = 40 алтынъ = 240 денгамъ мечевымъ. Каждая мечевая денга тогда имѣла вѣсъ $7\frac{1}{2}$ / 80 доля, поэтому 240 денегъ содержали немалое количество $1843\frac{1}{2}$ доли серебра. А знаа, что 160 доля золота стоили $1843\frac{1}{2}$ доля серебра, мы раздѣлениемъ втораго числа на первое, выводимъ, что 1 доля золота стоила $11\frac{1}{2}$ доля серебра. То есть при цѣнѣ 40 алтынъ за двойной червонецъ, цѣна эта оказывается настолько высокой, что при ней золото въ $11\frac{1}{2}$ раза дороже серебра.—Приведенное разсужденіе можетъ служить типическими образчикомъ разсужденій по нашей старинной монетной части, особенно какъ они преобладаютъ у Сахарова, у Прозоровскаго, даже у Заблоцкаго-Десятovскаго.

лано для нумизматики XV и XVI столѣтій съ одной стороны, и для нумизматики XVIII и XIX столѣтій—съ другой. Знатоки монетъ XV XVI или XVIII и XIX ст. существуютъ въ обиліи; а знатоковъ монетъ XVII вѣка совсѣмъ нѣтъ, потому что ихъ никогда не было. Въ этомъ отношеніи очень нуженъ сильный поворотъ.

Выше мы приводили слова А. Д. Черткова о томъ, что денги Ивана III держались до Михаила Федоровича; правильно было бы, еслибы эти слова были отнесены къ денгамъ Ивана IV, смѣнившимъ тѣ, которыхъ установилъ Иванъ III. Важно здѣсь то, что Чертковъ смутно зналъ значеніе 1618 г., какъ конца одного періода и начала другого. И въ этомъ отношеніи инстинкты знатока правильно руководили Чертковымъ.

Нами было указано, что денги, установленные въ 1585 г., оставались въ исправности не только въ продолженіи всего царствованія Грознаго, но и при Федорѣ Ioанновичѣ, при Борисѣ Годуновѣ и при Дмитріи Самозванцѣ. Въ эти царствованія не только деньги правильно чеканились, по монетной стопѣ 1585 г., по 8 рубля изъ гривенки серебра, даже начата была чеканка золотыхъ медалей для наградъ. Въ финансовой эксплоатациі монетной регалии не нуждались и къ ней могли не прибѣгать; благодаря этому въесь монетъ могъ безаукирзенно держаться на установленномъ его нормальномъ уровнѣ.

Измѣнилось-ли это положеніе при Василіѣ Шуйскомъ? Мы этого въ точности не знаемъ. Съ одной стороны, до насъ дошли монеты Шуйского неисправнаго вѣса, а при воцареніи Михаила Федоровича, когда въесь денги безспорно сильно понизился, возникъ интересъ, какъ бы въ оправданіе, ссылаясь на „смутное время“, когда-де началось пониженіе вѣса денги. Но съ другой стороны, у насъ имѣются весьма вѣскія данныя, противорѣчащія мысли, что Шуйскій установилъ новую, пониженнюю стопу, вмѣсто старой, установленной въ 1585 г. при Грозномъ.

Дошедши до насъ монеты Шуйского однѣ—правильнаго вѣса, другія—неправильнаго. Мы уже указывали на то, что когда идеть рѣчь о монетахъ столь незначительнаго вѣса, что изъ 4 или даже 2 золотниковъ серебра ихъ чеканится 25, то въесь отдѣльныхъ монетъ совершенно лишеннъ значенія, потому что фабрикація монеты технически не допускаетъ вывѣрки (юстировки) вѣса отдѣльной монеты. Значеніе имѣть только альмарковая повѣрка, только числа монетъ на гривенку. Если, судя по среднему вѣсу всѣхъ дошедшихъ до насъ наличныхъ монетъ, 300 копейныхъ денегъ или 600 мечевыхъ денегъ

не имѣть вѣса гривенки, или 75 копейныхъ денегъ — 150 мечевыхъ денегъ не имѣть вѣса $\frac{1}{4}$ гривенки, тогда это даетъ бесспорное указаніе на уменьшеніе вѣса. Поэтому ссылка на отдѣльные монеты совершенно лишена всякаго значенія. Такая ссылка дѣлалась по поводу монетъ Шуйскаго и потому умѣстно было оговорить, что такой ссылкѣ мы не придаемъ серьезнаго значенія.

По Шуберту¹⁾ въ собраніи Рейхеля 24 монеты Шуйскаго имѣютъ средній вѣсъ 0,71 грам. (т. е. выше нормального вѣса въ 0,685 грам.), 104 монеты собранія Круга обнаруживали вѣсъ 0,60 грам.; наконецъ въ собраніи Шуберта 48 монетъ обнаруживаются средній вѣсъ 0,655 грам.²⁾. Если соединить всѣ эти показанія, то по нимъ 176 монетъ Шуйскаго имѣютъ въ совокупности вѣсъ 110,91 граммовъ, или, въ среднемъ, вѣсъ копейной денги по нимъ оказывается въ 0,63 грам., 92% нормального вѣса. Это очень серьезное показаніе значительного числа монетъ Шуйскаго, которымъ нельзя пренебрегать. Даже, если придилично относиться къ недостающей части вѣса монетъ Шуйскаго и считать ее всецѣло послѣдствіемъ одного только измѣненія монетной стопы, то и тогда измѣненіе можетъ быть допущено лишь очень малое, не превышающее $8\frac{1}{4}$ рублей изъ гривенки вмѣсто 3 рублей 1585 г. А между тѣмъ, совершенно невѣроятно, чтобы при Шуйскомъ могли удовлетвориться такимъ скромнымъ измѣненіемъ, еслибы на него рѣшились въ тогдашнее время. И кромѣ того, такое скромное измѣненіе ничего намъ не объясняетъ, когда мы имѣемъ дѣло съ гораздо болѣе значительнымъ измѣненіемъ, произшедшіемъ въ 1618 г., какъ мы увидимъ.

Такимъ образомъ, приведенное показаніе 176 монетъ Шуйскаго, если не вполнѣ, то почти исправныхъ, составляетъ первый аргументъ противъ мысли, что уже при Шуйскомъ была измѣнена монетная стопа, установленная въ 1535 г.

Этотъ аргументъ, однако, долженъ считаться съ противупоказаніемъ другой группы монетъ Шуйскаго, тоже не незначительной, судя по тому, что у одного Шуберта она состоять изъ 94 экземпляровъ³⁾. Эти 94 монеты въ совокупности имѣютъ вѣсъ 48,11 граммовъ, т. е. ихъ средній вѣсъ не превышаетъ 0,512 грамма, обнаруживая такимъ образомъ весьма сильное измѣненіе монетной стопы. Изъ этихъ

1) Schubert, Monnaies russes p. 23.

2) Schubert, Catalogue №№ 944—9, 751—8, 755—6.

3) Schubert, Catalogue №№ 750, 754, 757.

монеть, однако, нѣкоторыя явно не показательныя: какъ разъ тѣ, которыхъ вѣсь наименѣшій (0,48 гр.), оказываются только съ одной стороны монетами Шуйскаго, а съ другой стороны онъ биты штемпелемъ Дмитрія Самозванца. Такихъ монетъ—одна третъ всей показанной группы и это бросаетъ сильную тѣнь на показаніе остальныхъ маловѣсныхъ монетъ Шуйскаго. Возможно, что при Шуйскомъ если не всегда, то нѣкоторое время „смотрѣніе, чтобы въ денежномъ дворѣ было безо всякихъ хитростей“ ослабѣло. Хотя и строго наказывалось: „воровскихъ денегъ не дѣлать никакихъ, чекановъ не красть и воровски подъ чеканъ не подрѣзыватися“, но не даромъ же угрожали жестокими казнями тѣмъ, которые „дѣлали на царскомъ дворѣ или у себя въ домѣхъ воровствомъ деньги и тѣ воровскіе чеканы продавали на сторону инымъ людямъ“. Повидимому такой грѣхъ при Шуйскомъ былъ: въ обращеніи появились „воровскіе деньги“, дожедшія и до насъ. Но изъ этого, конечно, нельзя заключить что при Шуйскомъ состоялось распоряженіе объ измѣненіи монетной стопы и ея ухудшеніе; особенно же этого нельзя дѣлать, когда это не только не подтверждается никакими иными свѣдѣніями, но напротивъ иными свѣдѣніями опровергается.

Первое свѣдѣніе этого рода мы почерпаемъ въ Торговой Книгѣ. Она, между прочимъ, составлялась въ 1610 г., въ послѣднемъ году правленія Шуйскаго. Она очень хорошо освѣдомлена во всемъ, что она сообщаетъ, и она безукоризненно точна въ своихъ показаніяхъ. Если бы при Шуйскомъ произошло измѣненіе монетной стопы и изъ гринки серебра перестали чеканить три рубля, а стали бы чеканить болѣе, особенно если много болѣе, то это было бы отмѣчено и въ Торговой Книгѣ. А она ни о какой перемѣнѣ этого рода ничего не знаетъ; она знаетъ только трехрублевую монету 1585 г., какъ оставшуюся въ силѣ. Поэтому и мы не вправѣ безъ сильнаго основанія отъ нея уклониться.

Другое важное указаніе мы почерпаемъ изъ того обстоятельства, что до 1615 года мы ни разу не встрѣчаемся съ признаніемъ денегъ трехрублевой монетной стопы 1585 г. старыми. Значить, до 1618 г. эти деньги еще не стали „старыми“ вслѣдствіе ихъ замѣны „новыми“. До 1618 г. никакой замѣны не было, потому что оставалась въ силѣ трехрублевая монетная стопа, а иной стопы еще не было.

Наконецъ, мы располагаемъ для доказательства этого и официальнымъ документомъ той эпохи, очень убѣдительнымъ: документомъ монетнаго двора, относящимся къ 1610 г., то-есть, опять къ послѣднему

году правленія Шуйскаго. До насть дошли обширные отрывки изъ подлинныхъ книгъ московскаго денежнаго двора: „лѣта 7119 (1610) октября съ 1 числа на денежномъ дворѣ у головъ у Василья Осанасьевы сына, да у Данила Исакова, съ товарищи, что взято въ казну серебра у торговыхъ людей, и что съ того серебра взято золотничной пошлины и что изъ тое золотничной пошлины на сливаны угорѣло серебро въ горшкахъ и тому книги“. Отрывки эти чрезвычайно любопытны, показывая, что въ 1610 г., несмотря на смутное время, дѣла шли въ Москвѣ своимъ чередомъ; торговыя люди приносили на денежный дворъ очень значительныя количества серебра для перечеканки въ монету; при этомъ они уплачивали золотничную пошлину, которая поступала въ казну натурою, по золотнику серебра съ каждой гринки серебра, принесенной на монетный дворъ; то и другое серебро передѣльвалось въ монету; та монета, которая получалась изъ 47 золотниковъ каждой гринки за вычетомъ потери (угара) отъ передѣла, выдавалась торговымъ людямъ; а та монета, которая получалась изъ 48-го золотника каждой гринки, тоже за вычетомъ потери (угара) отъ передѣла, поступала въ государственный доходъ казны. Объ этомъ-то мы располагаемъ обстоятельными записями за 4 дня, января 18, марта 16, апрѣля 17 и юля 27. За каждый день мы имѣемъ нѣсколько записей о томъ, сколько кто приносилъ серебра и сколько съ него взято пошлины, а эта пошлина показана не только натурою, т. е., количествомъ серебра, но и по оцѣнкѣ на деньги, сколько начеканено монеты изъ серебра, взятого якъ уплату пошлины¹⁾. За каждый день мы имѣемъ показанные итоги всего доставленнаго серебра и всей взятой пошлины²⁾. Мы имѣемъ возможность повѣрить правильность каждого случая, когда на приносителя начислялась пошлина, можемъ повѣрить итоги каждого дня и въ состояніи изъ дошедшихъ до насть 4 частныхъ итоговъ вывести одинъ

1) Вотъ примѣръ отдѣльной записи: „гennaia въ 18 день взято въ казну серебра у Михаила Левонтиева 1-й вѣсь 21 гринва 6 золотниковъ, 2-й вѣсь 24 гринвы 44 золотника и изъ казны деньги Михайлу отданы. На государя взято золотничной пошлины 46 золотниковъ съ полуденгою, а деньгами въ то число 2 рубль 29 алтынъ полдѣй деньги“.

2) Приводимъ примѣръ итога за день: „и всего въ семь передѣлѣ во взятыи въ казну у торговыхъ людей серебра 349 гринвъ 24 золотника и съ того серебра взято на государя золотничной пошлины 7 гринвъ 18 золотниковъ съ полуволотникомъ, а деньгами въ то число 21 рубль 28 алтынъ съ полуденгою и изъ того числа на сливаны угорѣло серебро въ горшкахъ 2 гринвы 40 золотниковъ, а деньгами въ то число 8 рублей 16 алтынъ 4 деньги, а затѣмъ государю прибыли осталось золотничной пошлины, за сливаною угарью, 18 рублей 11 алтынъ пол-дѣй деньги“.

общій итогъ. Чтобы исчерпать дошедшій до насъ матеріялъ, разсмотриимъ сначала на отдельныхъ записяхъ, что онъ показываютъ, затѣмъ воспользуемся, какъ частными ихъ итогами, такъ и ихъ общимъ результатомъ.

Остановимся сначала на частномъ примѣрѣ, приведенномъ въ примѣчаніи. Торговый человѣкъ Михайло Левонтьевъ принесъ на денежный дворъ въ два пріема всего 46 гривенъ 2 золотника серебра, перечеканенного въ денги, которые „изъ казны Левонтию отданы“. Сколько? По какой монетной стопѣ? Это намъ покажетъ, взятая съ Левонтия золотничья пошлина. По золотнику съ гривенки съ Левонтия съ 46 гривенокъ слѣдовало взять 46 золотниковъ; столько и взято. Но Левонтий принесъ для перечеканки въ монету еще 2 золотника серебра. Въ примѣрѣ показано, что за эти 2 золотника взята полденга. Это очень миниатюрный расчетъ, совершенно точный, насколько такие миниатюрные расчеты допускаютъ совершенную точность. Но этотъ расчетъ сдѣланъ на почвѣ трехрублевой монетной стопы, при которой изъ гривенки или 48 золотниковъ чеканится 800 копейныхъ или 600 мечевыхъ денегъ. Вѣсъ копейной девги при этомъ $\frac{48}{300} = \frac{4}{25}$ золотника; а вѣсъ мечевой девги вдвое меньше, $\frac{48}{600} = \frac{2}{25}$ золотника. Книга денежного двора считается, какъ народъ тогда считалъ, не на копейную девгу, а на мечевую, которую называютъ просто денгою. Она и составляетъ $\frac{2}{25}$ золотника. Полденги поэтому составляютъ $\frac{1}{25}$ золотника. А сколько слѣдовало взять золотничной пошлины съ 2 золотниковъ серебра, принесенныхъ на денежный дворъ? Золотничная пошлина взимается въ размѣрѣ одного золотника съ гривенки или 48 золотниковъ, слѣдовательно, въ размѣрѣ $\frac{1}{48}$; поэтому съ 2 золотниковъ слѣдуетъ взять $\frac{2}{48} = \frac{1}{24}$ золотника. А это составляетъ немного больше полуденги или $\frac{1}{25}$ золотника. Берется полденга или $\frac{1}{25}$ золотника, вместо $\frac{1}{24}$, потому что такими разностями и въ наши дни пренебрегаютъ; но полденги берутъ, свидѣтельствуя этимъ: 1) что расчетъ дѣлается точный даже микроскопически, 2) что расчетъ дѣлается на почвѣ трехрублевой монетной стопы 1585 г., потому что въ 1610 г. другой почвы еще неѣть для казенного расчета. Въ этомъ настѣ еще больше убѣждаетъ то, что сообщается о результатѣ взятой въ казну золотничной пошлины. Взято 46 золотниковъ серебра съ полу-денгою, или 46.⁰⁴ золотниковъ серебра и оно перечеканено въ денги. На какую сумму? На два рубля (200 копейныхъ или 400 мечевыхъ денегъ) 29 алтынъ (87 копейныхъ или 174 мечевыхъ денегъ) и пол-дѣвъ ($1\frac{1}{2}$) деньги (считаются мечевые, составляющія $\frac{8}{4}$ копейной девги).

Всего $287\frac{3}{4}$ копейныхъ денги или $575\frac{1}{2}$ мечевыхъ денегъ. Мы такимъ образомъ имъемъ равенство: 46.₀₄ золотниковъ серебра = $287\frac{3}{4}$ коп. ден. = $575\frac{1}{2}$ мечевыхъ денегъ. Отсюда: 48 золотн. = $\frac{287\frac{3}{4} \times 48}{46 \cdot 04} = 800$ коп. ден. = $\frac{575\frac{1}{2} \times 48}{46 \cdot 04} = 600$ меч. денегъ.

Выводъ ясенъ: чеканка монеты изъ серебра, взятаго въ золотничную пошлину, и оцѣнка этого серебра произведены на почвѣ чеканки изъ гривенки 300 копейныхъ денегъ или 600 мечевыхъ денегъ.

Въ другомъ примѣрѣ на государя взято золотничной пошлины 40 золотниковъ съ полузолотникомъ съ полденгою, или 40.₅₂ золотниковъ, а деньгами въ то число два рубля 17 алтынъ поль-пяты деньги или $258\frac{1}{4}$ копейныхъ = $506\frac{1}{2}$ мечевыхъ денегъ. Отсюда опять изъ гривенки серебра: $\frac{258\frac{1}{4} \times 48}{40 \cdot 52} = 800$ коп. ден. = $\frac{506\frac{1}{2} \times 48}{40 \cdot 52} = 600$ мечев. денегъ.

Третій примѣръ. На государя взято золотничной пошлины гривна 26 золотниковъ или всего $48 + 26 = 74$ золотника серебра. Вышло изъ нихъ 4 рубля 20 алтынъ 5 денегъ или всего $462\frac{1}{2}$ копейныхъ денегъ = 925 мечевыхъ денегъ. Это даетъ на гривенку серебра: $\frac{462\frac{1}{2} \times 48}{74} = 800$ коп. ден. = $\frac{925 \times 48}{74} = 600$ меч. денегъ.

Возьмемъ теперь для примѣра итогъ за весь день и повѣримъ поступленіе золотничной пошлины инымъ путемъ: прямо исходя изъ того, что при трехрублевой монетной стопѣ каждый золотникъ серебра, поступившій въ пошлину, долженъ давать казнѣ $6\frac{1}{4}$ копейныхъ денегъ или $12\frac{1}{2}$ мечевыхъ денегъ¹⁾. Всѣ приносители доставили въ монетный дворъ 849 гривень 24 золотника (съ лишнимъ $4\frac{1}{8}$ пуда серебра), съ которыхъ причиталось въ казну пошлины $849\frac{1}{2}$ золотниковъ серебра. Поступленіе такъ и показано въ 7 гривень 13 золотниковъ съ ползолотникомъ. По $6\frac{1}{4}$ копейныхъ или $12\frac{1}{2}$ мечевыхъ денегъ за золотникъ это составляетъ $2174\frac{3}{8}$ копейныхъ или $4848\frac{3}{4}$ мечевыхъ денегъ. Согласно съ этимъ показано, что взято на государя деньгами 21 рубль 28 алтынъ съ полденгою (вмѣсто $\frac{3}{4}$, потому что четверти отсѣкаются).

Другой итогъ: „во взятыи въ казну у торговыхъ людей серебра 401 гривна 12 золотниковъ“, слѣдовательно, причиталось пошлины $401\frac{1}{4}$ золотникъ серебра; „итого серебра взято на государя 8 гривень 17 золотниковъ 8 денги, т. е., какъ разъ столько, сколько мы вычислили (при этомъ $1\frac{1}{4}$ золотника принята за 8 мечевые денги, потому

¹⁾ Если изъ гривенки или 48 золотниковъ серебра чеканится 300 копейныхъ денегъ или 600 мечевыхъ (т. е. три рубля), то на каждый золотникъ приходится или $300 : 48 = 6\frac{1}{4}$ копейныхъ денегъ, или $600 : 48 = 12\frac{1}{2}$ мечевыхъ денегъ.

что одна мечевая денга = $\frac{2}{25}$ золотника, а $\frac{1}{4} : \frac{2}{25} = \frac{8}{1}$, мечевые денги но $\frac{1}{8}$ отсъчена). По $6\frac{1}{4}$ копейныхъ денегъ или по $12\frac{1}{2}$, мечевыхъ денегъ изъ каждого золотника должно было изъ $401\frac{1}{4}$ золотниковъ получиться для казны $2507\frac{1}{16}$ копейныхъ денегъ или $5015\frac{5}{8}$, мечевыхъ денегъ. Именно это поступление и показано: 25 рублей, 2 алтына, полъ·четверти денги. Чеканка и счетъ производятся по трехрублевой монетной стопѣ 1585 года.

Примѣры эти мы могли бы увеличить, но они всегда даютъ одинаковый результатъ. За четыре дня 1610 г., о которыхъ до насъ дошло свѣдѣніе, мы видимъ, что приносители, торговые люди, доставили на монетный дворъ 1442 гривенки 20 золотниковъ или 18 пудовъ $2\frac{1}{16}$ гривенки серебра, количество, даже въ наши дни, почтеннное. Съ этого количества одинъ налогъ въ пользу казны составлялъ $1442\frac{2}{16}$ золотниковъ или $80\frac{1}{24}$ гривенокъ серебра. И мы видимъ, что гривенка серебра, принадлежащая казнѣ, считается въ 8 рублей, золотникъ серебра за $6\frac{1}{4}$ копейныхъ денегъ или $12\frac{1}{2}$ мечевыхъ. Казна себя не обижала, конечно. Ея интересъ былъ въ томъ, чтобы каждая гривенка серебра, каждый золотникъ, давали возможно больше. Если бы казна могла оцѣнить свою гривенку серебра больше, чѣмъ въ три рубля, это конечно дѣлали бы. Но этого не дѣлали. Почему же? Потому что въ 1610 г. еще не дѣлали изъ гривенки серебра больше 8 рублей, изъ золотника больше $6\frac{1}{4}$ копейныхъ или $12\frac{1}{2}$ мечевыхъ денегъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ подходить къ 1613 г. съ полнымъ убѣжденіемъ, что Чертковъ былъ правъ: до воцаренія Михаила Феодоровича сохраняла силу унаслѣдованная монетная стопа: та, которая была установлена въ 1585 г.

Въ совершенной точности извѣстно, что когда Михаилъ Феодоровичъ воцарился, то государственная казна была найдена въ полномъ разастройствѣ. Этого не скрывали; напротивъ, всякими способами это разглашали и изыскивали средства наполнить ее. Неудивительно, что, находясь въ крайнемъ положеніи, приѣхали къ понижению вѣса монеты, пользуясь тѣмъ, что около 8 лѣтъ монетною регаліею не пользовались, какъ финансовымъ ресурсомъ. Что это дѣйствительно сдѣлали уже въ 1618 г., это мы знаемъ достовѣрно.

До насъ дошли отрывки изъ Приходной Книги денежной казны съ 1 сентября 1618 г. по 12 августа 1614 г.¹⁾. Въ нихъ даются ясныя свѣдѣнія, удостовѣряющія, что съ первого года царствованія Михаила

¹⁾ Русская Историч. Видл. т. IX, особ. стр. 5 и 9.

Феодоровича, по государеву именному приказу чеканили уже не по монетной стопѣ 1585 г., а по новой монетной стопѣ: не по три рубля изъ гривенки серебра, а съ увеличеніемъ этой стопы сразу на цѣлую треть, то есть, по четыре рубля изъ гривенки.

Такихъ указаний до настъ дошло два. Первое выражено въ слѣдующихъ словахъ. „Ноября въ 21 день по государеву именному приказу послано на денежный дворъ Ефиму Телепеневу старыхъ денегъ 1120 рублей; вѣсу въ нихъ было 855 гривенокъ, велѣно ихъ передѣлать для прибыли. И тѣ деньги передѣланы. И того серебра угорѣло 6 гривенокъ 47 золотниковъ, да мастерамъ выпло 28 рубля 27 алтынъ 2 денги, а затѣмъ осталось 1881 рубль 6 алтынъ 2 денги и прибыли у тѣхъ денегъ 261 рубль 6 алтынъ 2 денги“.

Денги 1585 г. стали въ 1618 г. „старыми“ денгами, подобно тому, какъ въ 1585 г. стали „старыми“ старыми деньги Ивана III. При этомъ мы имѣемъ возможность повѣрить вѣсъ старыхъ денегъ, когда ихъ пожелали замѣнить новыми. Перечеканкѣ подлежали старые деньги на 1120 рублей или 112.000 копейныхъ денегъ; а вѣсу въ нихъ было 855 гривенокъ = 1.685.840 долей. Слѣдовательно, средній вѣсъ старой копейной деньги составлять при этомъ $1.685.840 : 112.000 = 14.60$ долей вмѣсто 15.88 долей = $4/25$ золотника нормального вѣса копейной деньги при трехрублевой монетной стопѣ. То-есть, старая копейная денга еще обладала 95% своего нормального вѣса и была очень хорошей сохранности; даже маловѣсныя деньги, появившіяся при Шуйскомъ ей не повредили; 800 копейныхъ денегъ старыхъ, по 14.60 долей, представляли вѣсъ 45 золотниковъ 60 долей вмѣсто 48 золотниковъ, т. е. потеряли лишь $2\frac{1}{8}$ золотниковъ. Чеканка новыхъ денегъ была связана съ потерей металла отъ угара всего 6 гривенокъ 47 золотниковъ или 82.160 долей (немного менѣе 2%). Серебра для новыхъ монетъ оставалось 1.608.680 долей: изъ него изготовлено новыхъ денегъ: уплаченнныхъ мастерамъ 28 рубля 27 алтынъ 2 денги и оставшіеся у казны 1881 рубль 6 алтынъ 2 денги; а всего получилось 1405 рублей 1 копейная денга или всего 140501 копейная денга. Отсюда получается, что одна новая копейная денга имѣла вѣсъ $1.608.680 : 140501 = 11.414$ долей, а такихъ копейныхъ денегъ на гривенку или 4608 долей шло $4608 : 11.414 = 408$. Вѣсъ монетъ настолько чувствительно пониженъ, что на гривенку вмѣсто 800 копейныхъ денегъ или трехъ рублей уже шло болѣе 400 или больше 4 рублей.

Это вполнѣ подтверждается другимъ примѣромъ Приходной Книги. „Августа въ 12 день по государеву именному приказу послана на

денежный дворъ къ Ефиму Телепневу старыхъ денегъ 800 рублей, въсю въ нихъ 257 гривенокъ 24 золотника, а велѣно ихъ передѣлать для прибыли. И тѣ деньги передѣланы. И того серебра угорѣло гривенка 12 золотниковъ, да мастерамъ вышло 17 рублей 18 алтынъ 2 деньги, а затѣмъ осталось 1007 рублей 7 алтынъ и прибыли у старыхъ денегъ у 800 рублей въ 207 рублей 7 алтынъ".

Опять сначала повѣримъ вѣсь старыхъ денегъ на 800 рублей или 80.000 копейныхъ денегъ; ихъ вѣсь показанъ въ $257\frac{1}{2}$ гривенокъ = 12860 золотниковъ = 1.186.580 долей, это даетъ средній вѣсь старой копейной деньги въ 14.714 долей еще больше прежняго. При передѣлѣ угорѣло серебра $1\frac{1}{4}$ гривенки = 60 золотниковъ = 5.760 долей; поэтому для новой монеты осталось серебра $256\frac{1}{4}$ гривенокъ = 12800 золотниковъ = 1.180.800 долей. Новыхъ денегъ начеканено: уплаченныхъ мастерамъ 17 рублей 55 копейныхъ денегъ и образовавшихъ остатокъ 1007 рублей 21 копейная денга, а всего 1024 рубля 76 копейныхъ денегъ, или 102.476 копейныхъ денегъ. Отсюда вѣсь новой копейной деньги составилъ $1.180.800 : 102.476 = 11.52$ долей А на гривенку или 4608 долей такихъ монетъ идетъ $4608:11.52 = 400$. Изъ гривенки начали въ 1618 г. чеканить 400 копейныхъ денегъ или 4 рубля. Съ трехрублевой монетной стопы перешли на четырехрублевую. Сто копейныхъ денегъ, составлявшіе рубль, выражали уже вѣсь 1152 долей = 12 золотниковъ серебра, вместо 16 золотниковъ рубля 1585 — 1612 гг. Копейная денга (бывшая новгородка) уже представляла лишь $\frac{8}{25}$ золотника, а мечевая $\frac{8}{50}$ золотника серебра. Новый рубль составлялъ лишь три четверти старого, Ивана IV.

Приведенные свѣдѣнія несомнѣнно показываютъ, что въ 1618 г. уже чеканили денгу по новой монетной стопѣ. Но можетъ быть это дѣлали лишь въ видѣ опыта, если въ такомъ дѣлѣ возможенъ опытъ? Для решенія этого вопроса мы имѣемъ достаточно данныхъ, подтверждающихъ, что въ 1618 г. не опыты дѣлались, а начиналось новое дѣло, которое неуклонно продолжалось и которое поворотами назадъ уже не сопровождалось.

Какъ известно, Новгородъ въ это время находился въ рукахъ шведовъ; но новгородцы, конечно, знали, что происходитъ въ Москвѣ; они узнали (конечно, по новымъ монетамъ съ уменьшеннымъ вѣсомъ) и обѣ измѣненіи въ Москвѣ монетной стопы. Это свѣдѣніе дошло и до шведовъ, которые, имѣя въ своихъ рукахъ новгородскій денежный дворъ, занялись въ немъ чеканкою русскихъ денегъ по новой монетной стопѣ.

Никакой падобности шведамъ не было чеканить денги, качественно ухудшенныя, или съ „примѣсомъ“. Достаточно было, чтобъ они дѣлали лишь то же самое, что въ Москвѣ дѣлали: чтобъ они чеканили такія же точно монеты, какія въ Москвѣ чеканились (какъ увидимъ, шведы даже чеканили монеты лучшія, болѣе тяжелыя),— и прибыль отъ новой монетной стопы доставалась шведамъ.

Документы объ этомъ хранятся въ Стокгольмскомъ государственномъ архивѣ; но отрывки изъ нихъ опубликованы и у насъ¹⁾. Для насъ адѣль особенное значеніе имѣютъ выдержки изъ „записныхъ книгъ новгородского монетнаго двора 1614—15 г.г.“ Отрывки содержать записи о томъ, что куплено въ 123 (1615 г.) на денежный дворъ *старыхъ* денегъ по приказу боярина и воеводы Ивергора (Эверта Горна) Карлусовича да дьяка Монши Мартыновича. Выдержки эти важны, во первыхъ, какъ новое удостовѣреніе о превращеніи денегъ трехрублевой монетной стопы въ „старыя“ лишь скоро послѣ 1618 г. Во-вторыхъ, выдержки сообщаютъ намъ свѣдѣнія о скupкѣ этихъ старыхъ денгахъ и условіяхъ, на которыхъ эта скупка производилась. И въ третьихъ отрывки удостовѣряютъ, что скупка производилась для перечеканки старыхъ денегъ въ новые, которою занимались шведы, и что шведы при этомъ двигались на весьма нетвердой почвѣ.

„И всего декабря и генваря собрано старыхъ денга 1936 рублевъ 15 алтынъ. Давано по 6 рублевъ на сто рублевъ и въ нихъ прибыли у ста рублевъ по 14 рублевъ . . . Съ сихъ мѣстъ почато на рубль давати по гривне . . . И всего въ марта собрано старыхъ денегъ 988 рублевъ 20 алтынъ и на тѣ деньги давано по 10 рублевъ на сто рублевъ, а дѣланы изо ста по 180 рублевъ и прибыли у нихъ денегъ у ста по 20 рублевъ . . . И всего 123 году з декабря по сентябрь по 1 число куплено старыхъ денегъ 9406 рублевъ 25 алтынъ да 150 ефимковъ“.

Эти свѣдѣнія драгоценны, потому что ими доказывается, что производившаяся въ 1618 г. перемѣна монетной стопы не была опытомъ, экспериментомъ; а была рѣшеннѣемъ дѣломъ, которое систематически осуществлялось и, по своему существу, должно было стать явнымъ, видимымъ и общеизвѣстнымъ. Но шведскія свѣдѣнія важны

1) Они напечатаны К. И. Якубовицъ въ Чтвѣртѣ Моск. Общ. Ист. и Древ. 1890 г. кн. I и II, какъ рядъ замѣтокъ о русскихъ рукописяхъ стокгольмскаго государственного архива, относящихся ко времени шведскаго управления Новгородомъ въ 1611—7 г.г.

и другою своею стороною, которой они удостовѣряютъ, что перемѣна 1618 г. еще была совсѣмъ новая перемѣна, происшедшая не раньше 1618 г. Еслибъ она произошла раньше, то стали-бы извѣстны подробности ея: стало бы извѣстно, что не только произошла перемѣна, не только отстали отъ старой монетной стопы, но *какой новой монетной стопѣ перешли*. А этого шведы не знали, какъ мы сейчасъ пока-жемъ. Для накопленія свѣдѣній этого рода изъ опыта, необходимо болѣе продолжительное время; оно имѣлось бы лишь въ томъ случаѣ, еслибъ перемѣна монетной стопы произошла задолго до 1618 г. Если же въ 1615 г. изъ опыта еще нельзя было знать, въ какихъ предѣлахъ измѣнилась монетная стопа, то это ясное доказательство, что перемѣна не произошла до 1618 г.

Воспользовавшись тѣмъ, что новгородскій денежный дворъ со-стоялъ въ ихъ власти, для извлеченія выгоды отъ чеканки москов-скихъ денегъ по новой монетной (уменьшеннай) монетной стопѣ,— шведы могли осуществить это намѣреніе только посредствомъ куп-ленного серебра. Для достижения этой цѣли въ Москвѣ имѣлись и другіе способы, о которыхъ ниже еще будетъ рѣчь; но для шведовъ, какъ всегда для поддѣлывающихъ монету, другого способа не было. Къ этому способу шведы и прибѣгли. Они стали покупать „старыя“ денги привлекая ихъ „наддачею“, прибавкою къ нарицатель-ной ихъ цѣнѣ, сначала „по шести рублевъ на сто рублевъ“. Это значитъ, что за 100 рублей старыми деньгами шведы пла-тили 106 рублей новыми денгами. „И въ тѣхъ прибыли у ста рублевъ 14 рублевъ“. Это значитъ, что изъ старыхъ денегъ на 100 рублей они дѣлали новыхъ денегъ на 120 рублей, при чмъ 106 рублей составляли ихъ расходъ изготошенія новыхъ денегъ, а остальные 14 рублей на сто составляли „прибыль“ отъ чеканки по новой монетной стопѣ. Любопытно это изложеніе и по его новой ариф-метической почвѣ: расчетъ дѣлается на сто рублей, т. е. процентный, а не на гривенку серебра, какъ его тогда-же дѣлали въ Москвѣ. Для однородности сравненія необходимо поэтому расчетъ процентный перевести въ расчетъ на гривенку серебра. Гривенка старыхъ денегъ (1585—1612 г.г.) представляла три рубля старыхъ; слѣдовательно, одинъ рубль прежній былъ одною третью гривенки; а сто рублей составляли $100/3 = 33\frac{1}{3}$ гривенки серебра. Если шведы за сто рублей старыми деньгами платили 106 рублей новыми деньгами, то эти 106 рублей новыми деньгами они платили за $33\frac{1}{3}$ гривенки серебра старыхъ денегъ. Слѣдовательно, за одну гривенку серебра старыхъ

деньгъ шведы платили $106:38\frac{1}{8}$ = 8,18 рубля, три рубля 18 копейныхъ денегъ новыхъ или 8 рубля, шесть алтынъ. Если изъ ста рублей старыхъ денегъ шведы чеканили 120 рублей новыхъ денегъ, то эти 120 рублей новыхъ денегъ они чеканили изъ $88\frac{1}{8}$ гриненки старыхъ денегъ. Значить изъ одной гриненки старыхъ денегъ они чеканили $120:88\frac{1}{8}$ = 8.60 рубля = 8 рубля 60 копейныхъ денегъ = 360 копейныхъ денегъ = 8 рубля 20 алтынъ.

Это ясно показываетъ, что шведы въ концѣ 1614 и въ началѣ 1615 г. еще не знали, какую новую монетную стопу въ Москвѣ залели вмѣсто трехрублевой, отмѣненной. Шведы только могли видѣть по новымъ денгамъ, чеканеннымъ въ Москвѣ послѣ 1618 г., что ихъ чеканять изъ гриненки порядочно больше 300 копейныхъ денегъ изъ гриненки; но сколько именно, это еще не было достаточно ясно видно. Поэтому шведы дѣйствовали осторожно. Они стали чеканить изъ гриненки не 400 копейныхъ денегъ, какъ чеканили въ Москвѣ, а лишь 360. Это тоже давало 14 процентовъ прибыли.

Но уже въ февралѣ 1615 г. дѣло стало виднѣе. „Съ сихъ мѣстъ почато давати по гринѣ“ (на рубль), на купленныя старыя деньги „давано по 10 рублей на сто рублей, а дѣлано изо ста по 180 рублей и прибыли у тѣхъ денегъ у ста по 20 рублей“. Мы уже теперь знаемъ, что 10%-ная „наддача“ 10 рублей на сто рублей была приплатою (лажемъ) за $38\frac{1}{8}$ гриненки старыхъ денегъ на нарицательную сумму ста рублей. Слѣдовательно возвышение „наддачи“ означало, что за гриненку старыхъ денегъ уже платить $110:38\frac{1}{8}$ = 8.3 рубль = 8 руб. 10 алтынъ. „А дѣланы изо ста по 180 рублей“, слѣдовательно, изъ гриненки дѣлали $180:38\frac{1}{8}$ = 8.9 рубля = 390 копейныхъ денегъ, 8 рубля 80 алтынъ¹).

1) Отрывки изъ актовъ новгородского денежного двора 1615 г. сообщаютъ еще некоторые иные свѣдѣнія, напримѣръ изъ „Книги, что покупывано серебро на денежный дворъ“: „всего въ апрѣле 51 гриненка 28 золотниковъ и всего въ 123 году 8 генваря сентября по 1 число куплено серебра 206 гриненокъ 25 золотниковъ, по 2 алтына 8 денго золотникъ, гриненка по 3 рубли 4 алтына“. Это вѣроятно показывается безъ „наддачи“. Ибо съ наддачею платили за гриненку серебра 3 р. 6 алтынъ и 3 рубли 10 алтынъ. Монетная цѣна гриненки серебра при трехрублевой монетной стопѣ составляла: за золотникъ 2 алтына съ полуденгомъ, три рубля за гриненку. — „123 года, декабря въ 24 день, книги сплавочны, что сплавлено купленныхъ, боярскихъ и всякихъ денегъ; при этомъ въсъ купленныхъ ста рублей старыхъ денегъ показывается въ 82 гриненки 20—23—24 золотниковъ, при нормальномъ вѣсѣ ста рублей по трехрублевой монетной стопѣ въ 38 гриненки 16 золотниковъ, слѣдовательно, по сплавившимся „старымъ“ деньги сохранили 97—98% своего нормального вѣса. Это конечно было бы невозможно, если бы уменьшеніе вѣса монеты началось еще при Шуйскомъ.“

Хотя шведы при этомъ уже энергично занимались чеканкою новой монеты, на значительные суммы, получая уже 20% прибыли и платя за серебро 10% лажа,— тѣмъ не менѣе они все таки до новой монетной стопы, до чеканки 4 рублей изъ гривенки не дошли; они все еще съ точностью не знали, сколько чеканять въ Москвѣ изъ гривенки.

И не одни только шведы не знали, къ какой новой монетной стопѣ московское правительство перешло въ 1613 г. Въ эти первые годы царствования Михаила Феодоровича въ Москвѣ нѣкоторую роль игралъ англичанинъ Меррикъ, бывавшій въ Москвѣ и при Борисѣ Годуновѣ. Онъ принималъ участіе въ переговорахъ, предшествовавшихъ Столбовскому договору, отстаивая русскіе интересы, и поэтому къ его ходатайствамъ и жалобамъ относились не безъ вниманія. Какъ извѣстно, по Столбовскому договору постановлялось: „королю Густаву Адольфу ваять у царя Михаила Феодоровича 20,000 рублей денгами готовыми, добрыми ходячими безобманными серебряными новгородскими; деньги эти отдастъ шведскимъ посламъ великій посолъ короля англійскаго, Джонъ Меррикъ“ ¹⁾). При такомъ положеніи Меррика, естественно, что жалобы его на убытки англичанъ вызывали объясненія. Въ числѣ же этихъ убытковъ онъ указывалъ на то, что деньги русскія стали легче вѣсомъ: прежній рубль равнялся 14 шиллингамъ англійскимъ, а теперь тотъ же рубль стоитъ всего 10 шиллинговъ ²⁾).

Эти указанія важны лишь однимъ: содержащимся въ нихъ удостовѣреніемъ, что и Меррикъ не зналъ, какая монетная стопа установилась въ Москвѣ послѣ 1613 г. и что такое былъ рубль въ годы, слѣдовавшіе непосредственно за 1613 г. Сами-же по себѣ утвержденія Меррика никакой дѣйствительности не соотвѣтствовали. Невѣрно было, что до 1613 г. рубль равнялся 14 шиллингамъ, какъ невѣрно было, что послѣ 1613 г. рубль равнялся 10 шиллингамъ. Такъ какъ шиллингъ съ 1601 г. содержалъ 125.³¹⁹ долей чистаго серебра, то въ 10 шиллингахъ было больше 1258 долей. Утверждалъ (въ порицаніе), что рубль упалъ до 10 шиллинговъ, Меррикъ допускалъ этимъ, что онъ составляетъ 1258 доли серебра. Этому соотвѣтствуетъ копейная денга въ 12.⁵³ долей, а такихъ денегъ на гривенку или 4608 долей идеть $4608 : 12.53 = 368$. Такимъ образомъ, Меррикъ полагалъ, что изъ гри-

1) Соловьевъ. Ист. Рос. IX, 112.

2) Соловьевъ. Ист. Рос. IX, 187

венки чеканять 368 копейныхъ денегъ, когда на дѣлѣ ихъ уже съ 1613 г чеканили 400¹⁾.

Бояре же, которые давали объясненія Меррику, не считали своею задачею просвѣтить его. Они только сказали, что „послѣ царя Федора Ивановича въ московскомъ государствѣ учинилась смута, царская казна разграблена, а служилыхъ людей умножилось и жалованья дать было нечего, государи христіянскіе пограничные помощи не подали: такъ по неволѣ деньги стали дѣлать легче, чтобы государство было чѣмъ построить и служилыхъ людей пожаловать“. Прямо бояре не утверждаютъ, что „деньги стали дѣлать легче“ въ смутное время, „послѣ царя Федора Ивановича“, но какъ будто на это намекаютъ, хотя монетами смутного времени это не подтверждается. Но насколько „деньги стали дѣлать легче“,—объ этомъ бояре умалчиваютъ. Быть можетъ, это знали лишь немногіе, не входившіе въ составъ тѣхъ бояръ, которые давали объясненія Меррику.

Наконецъ, нумизматы находятся не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ какомъ находились шведы, англичане, новгородскіе и московскіе жители, когда дѣло касалось вопроса, какая новая монетная стопа вошла въ силу въ 1613 г. Нумизматы повторяютъ вслѣдъ за однімъ изъ нихъ, Шодуаромъ, что при Михаилѣ Федоровичѣ издано было постановленіе о чеканкѣ изъ фунта серебра 877 копѣекъ. Но откуда

1) Изъ исторіи монеты въ Англіи известно, что единственный періодъ, когда серебряная монета была совершенно разстроена неправильными распоряженіями, охватываетъ немногіе годы между 1543 и 1551 г.г. Къ этому 7-лѣтію никакое сравненіе не можетъ относиться, да и нѣтъ надобности дѣлать сравненія съ исключительнымъ временемъ. Сравненіе же съ временемъ до 1543 г. или послѣ 1551 г. показываетъ совсѣмъ не то, что утверждалъ Меррикъ. Съ 1526 г. до 1543 г. въ Англіи чеканили изъ тройской унціи штандартной пробы ($87\frac{1}{40} = 0\text{--}92$, по нашему $88\frac{1}{5} = 0\text{--}93$) 540 пенсовъ, то-есть, пенсъ содержалъ чистаго серебра $14\frac{1}{400} = 14\text{--}33$ долей; поэтому шиллингъ содержалъ чистаго серебра $12 \times 14\frac{1}{400} = 172\text{--}66$ долей. Такихъ шиллинговъ рубль 1526—1535 г.г. (въ немъ было серебра $1772\frac{1}{8}$ долей) содержалъ $10\frac{1}{4}$; но рубль съ 1535 г., когда онъ уже имѣлъ вѣсъ лишь 1536 долей, содержалъ уже лишь 8.₉₀ такихъ шиллинговъ. Съ 1551 до 1560 г. англійская серебряная монета строилась на почвѣ пенса въ $10\frac{1}{400}$ долей чистаго серебра или шиллинга въ 128.₀₀ долей. Такихъ шиллинговъ рубль 1535—1612 г. содержалъ $11\frac{1}{51}$. Съ 1560 до 1601 г. англійская серебряная монета строилась на почвѣ пенса въ $10\frac{1}{700}$ долей чистаго серебра или шиллинга $129\text{--}40$ долей, а такихъ содержалось уже лишь $11\frac{1}{51}$ въ рубль 1535—1612 г.г. Наконецъ съ 1601 по 1816 г., англійская серебряная монета строилась на почвѣ пенса въ $10\frac{1}{448}$ доли или шиллинга въ $125\text{--}81$ долей чистаго серебра и такихъ шиллинговъ содержалось $12\frac{1}{4}$ въ рубль 1535—1612 г. При 4-рублевой монетной стопѣ съ 1613 г. рубль составлялъ 1152 доли и шиллинговъ въ $125\text{--}81$ долей въ немъ приходилось лишь 9%. Такимъ образомъ ни 14 шиллинговъ на рубль до 1613 г., ни 10 шиллинговъ послѣ 1613 г. не приходилось. Меррикъ не былъ хорошо освѣдомленъ о перемѣнѣ, произошедшей въ рубль послѣ 1613 г. и тенденціозно говорилъ о рубль 1535—1612 г.г.

взято это свѣдѣніе, никто не знаетъ. Оно почерпнуто не изъ какого-либо исторического источника, а изъ области вѣроятныхъ предположеній. Основаніемъ его взята наличность дошедшихъ до насъ монетъ всего царствованія Михаила Федоровича. За все время этого царствованія средній вѣсъ копейной денги принимается въ $10\frac{1}{2}$ долей. А такъ какъ въ фунтѣ 9216 долей, то раздѣленіемъ 9216 на $10\frac{1}{2}$, получено частное 877, какъ то число копѣекъ, которое должно было чеканиться изъ фунта для того, чтобы средній вѣсъ ея былъ $10\frac{1}{2}$ долей. Если изъ фунта чеканили 877 копѣекъ, то изъ полфунта или гривенки чеканили $488\frac{1}{2}$ копѣекъ или 4 р. $38\frac{1}{2}$ копѣекъ. Этотъ результатъ, однако, преувеличенный даже для всего царствованія Михаила Федоровича; для первого же десятилѣтія этого царствованія результатъ чрезмѣрно преувеличенный.

Въ какой мѣрѣ распоряженія объ измѣненіи монетной стопы въ началѣ царствованія Михаила Федоровича были окружены таинственностью, можно заключить и изъ слѣдующаго факта. Въ концѣ XVIII в. президентомъ бергъ коллегіи, Андреемъ Нартовымъ, составлено было для императора Павла Петровича „историческое описание, до монетнаго дѣла принадлежащее“; это описание до 1761 г. написано было однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей XVIII в. по монетной части, Иваномъ Шлаттеромъ, а съ 1761 г. Нартовымъ. Несмотря на свое служебное положеніе, оба эти дѣятели были того матѣнія, что съ 1618 по 1664 г. дѣланы серебрянныя денги по $6\frac{3}{4}$ копѣйки изъ золотника; это составляетъ $6\frac{3}{4} \times 48 = 8$ р. 24 копѣйки изъ гривенки (вмѣсто 4 рублей).

Такимъ образомъ, переходъ къ четырехрублевой монетной стопѣ въ 1618 г. былъ сдѣланъ секретно. Такіе переходы дѣлались неоднократно и въ другихъ странахъ, когда нужда принуждала къ финансовому использованію монетной реформы, но не было мужества открыто дѣлать то, что было неотвратимо. Однако, къ такому образу дѣйствія всегда прибѣгали лишь неумѣлые финансовые дѣятели, поплачивавшіеся неудачею предпринятыхъ ими монетныхъ операций.

Къ этой категоріи принадлежали въ Москвѣ и тѣ дѣятели, которые при Михаилѣ Федоровичѣ руководили монетными операциами. Въ умѣлости и пониманіи дѣла они оказываются далеко позади ихъ предшественниковъ, которые руководили монетнымъ дѣломъ въ 1585 г., раньше—при Иванѣ III или даже еще раньше—при Дмитріѣ Донскомъ. Въ этомъ отношеніи все XVII ст. до Петра Великаго отличается какою-то беспомощностью, сильною охотою дѣлать крупныя перемѣны и печальною участью постигаться неудачею ихъ.

Неудачна была и произведенная въ 1613 г. перемѣна монетной стопы изъ трехрублевой въ четырехрублевую. Перемѣна была очень большая и она должна была бы дать крупный доходъ государственной казнѣ. А между тѣмъ финансовые ея результаты были плачевны и выражались очень скромными суммами ¹⁾.

Говоря о томъ, что „деньги стали дѣлать легче“, дѣятели 1618 г. ссылались на то, что „не новое то дѣло: во многихъ государствахъ то бывало въ воинское время, не только золотые или деньги бывали дороже или легче прежняго, во многихъ государствахъ торговали мѣдными или кожаными деньгами и теперь мѣдными торгаютъ мало не везде“. Но какъ „во многихъ государствахъ“ успѣшно дѣлается понижение вѣса денегъ для выгодъ казны, а особенно какъ это было сдѣлано въ русскомъ государствѣ въ 1585 г. этого бояре, увлекавшіеся мѣдными денгами послѣ 1618 г., не знали. Въ противуположность имъ бояре 1585 г. едва-ли справлялись „во многихъ государствахъ“, а своимъ умомъ дошли до того, что они сдѣлали совершенно правильно и успѣшно.

Повсюду и всегда при желаніи использовать для выгодъ казны пониженіе вѣса денегъ, для этого признавали необходимымъ—„заповѣдать“ (décrier, wiederruffen) тѣ монеты, которыхъ вѣсь желали уменьшить. „Старымъ денгамъ впрокъ ходити не велѣли“, разсказываетъ Воскресенская лѣтопись о 1585 годѣ; „отставиша всякими денгами торговати старыми“, повторяетъ это извѣстіе псковская лѣтопись, прибавляющая: „и бысть людямъ вельми убытокъ въ старыхъ денгахъ“. Убытокъ въ старыхъ денгахъ при пониженіи ихъ вѣса неминуемъ, потому что для того пониженіе и производится, чтобы изъ него проистекала прибыль (для казны) отъ тѣхъ (старыхъ) денегъ (отъ перечеканки ихъ въ новые).

Но заповѣдать старыя деньги по секрету нельзя. Для того, чтобы запретить обращеніе старыхъ денегъ и принудить ихъ сдачу въ денежный дворъ для перечеканки въ новую монету, вся операция должна быть ведена гласно и открыто. Но въ 1618 г. видимо боялись причинить „людямъ вельми убытокъ въ старыхъ денгахъ“. Поэтому перечеканивали секретно тѣ старыя деньги, которыхъ поступали въ государственные доходы. Можетъ быть, надѣялись, что постепенно всѣ старыя

1) Это удостовѣряется изслѣдованіемъ Б. Веселовскаго, Семь запросныхъ и пятинныхъ денегъ въ первые годы царствованія Михаила Феодоровича, Москва 1909, особ. стр. 17—18.

деньги поступать въ государственный доходъ и будуть перечеканены. Но это расчетъ очень недальновидный. Во-первыхъ, это очень замедляетъ реализацію прибыли отъ пониженія вѣса монеты и дѣлаетъ ежегодное поступление ея незначительнымъ. А во-вторыхъ, населеніе въ подобныхъ случаяхъ оказывается обыкновенно хитрѣ, чѣмъ его считаютъ; оно замѣчаетъ скоро, что въ казну поступаютъ монеты старыя, болѣе шага вѣса, а выходить изъ казны монеты новыя, уменьшенного вѣса; во избѣженіе этого неудобства населеніе перестаетъ отдавать казнѣ старыя деньги и для платежей въ казну употребляетъ исключительно новые деньги. Но этимъ дѣло не ограничивается, въ такихъ случаяхъ. Въ населеніи оказываются предпріимчивыя личности, сравнивающія вѣсъ старыхъ и новыхъ денегъ и уразумѣвающія выгоду отъ разности между старымъ и новымъ вѣсомъ денегъ. Это приводить ихъ къ готовности скупить старыя деньги, съ нѣкоторою „наддачею“ (лажемъ) къ ихъ нарицательной цѣнѣ, какъ дѣлали шведы въ Новгородѣ въ 1815 г. Конечно, это дѣлается негласно. Но такъ какъ и правительство дѣйствовало негласно, то оно и этого не могло сдѣлать. Такимъ образомъ, „старыя деньги“ сосредоточивались въ рукахъ предпріимчивыхъ людей, которыхъ ихъ стали отсылать „за рубежъ“, гдѣ перевозили чрезъ рубежъ уже въ видѣ новыхъ денегъ. Прибыль отъ пониженія вѣса монеты при этомъ была, и даже большая, но только не у государственной казны.

Правительство спохватилось не ранѣе 1620 г. Отъ 3 мая 1620 г. разосланы были воеводамъ во всѣ концы страны списки государевой грамоты „слово въ слово отъ царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси“, слѣдующаго содержанія:

Вѣдомо намъ учинилось, что у Архангелскаго города на кораблехъ и въ-ынъхъ украинскихъ городехъ разныхъ государствъ иноzemци гости и торговые люди привозятъ съ собою деньги, а дѣлаютъ ихъ у себя на русской московской чеканѣ, и отдаютъ ихъ русскимъ всякимъ торговымъ людемъ и на старые деньги промѣняваютъ и на товары даютъ. А тѣ ихъ деньги дѣло худы, смѣшаны съ мѣдью мало не вполнѣ, а иные деньги привозятъ стальныхъ, лише посеребрены съ лица, а противъ того выменяютъ въ нашемъ московскомъ государствѣ въ деньгахъ чистое серебро и возать къ себѣ, а въ наши города привозятъ худые мѣшанные деньги. И отъ того нашего московского государства всякимъ людемъ чинятъца многие убытки, а государству оскудѣніе. И мы указали во всѣхъ городехъ всякимъ людемъ заказъ учинить крѣпкимъ, что-бы всякие люди нѣмецкимъ людемъ и всякимъ иноzemцомъ денегъ старово дѣла на товары ихъ и на новые деньги и на ефимки не меняли и не продавали. А у кого будуть старые деньги, и тѣ-бы люди привозили ихъ къ Москве къ денежному дѣлу, а за тѣ старые деньги указали мы давать на Москву изъ наше казны новые деньги съ наддачею. А мимо денежнаго двора московскимъ всякимъ людемъ денегъ иноzem-

цомъ продаивать и на товары мѣнять и ихъ карабелной пристани отиудь возити не вѣдѣли.

И какъ къ тебе ся наша грамота придетъ, и ты-бъ тотчасъ собрахъ къ себѣ посадскихъ и волостныхъ старость и целовалиниковъ и лютчихъ всякихъ людей, которые юдѣять къ Архангелскому городу, и сею нашу грамоту велеть имъ честь всему вслухъ, а вычетче вѣдѣль на посаде и во всехъ станахъ и волостехъ по торшамъ биричемъ кликать по многие дни. И таможенныи головамъ и целовалиникомъ накрепко: у которыхъ торговыхъ людей немецкихъ въ привозе будуть денги ихъ дѣла, а деланы на московской чеканѣ, и у тѣхъ бѣ нѣмецъ тѣ денги таможенныи головамъ, перепечатавъ своими печатми, отдававъ назадъ темъ же людемъ, кто превезетъ, а торговатъ тѣми денгами имъ не вѣдѣть для того что тѣ денги не прямые. А тѣмъ приѣжими немецемъ говорить имяно, что-бъ они впередъ такихъ денегъ на московской чеканѣ не делали и въ наши города не привозили потому что тѣ ихъ денги не згодята ни къ чѣму для того, что въ нихъ примѣшано мѣди мало не вполы, а которые немцы учнутъ такие денги впередъ привозить, и у тѣхъ нѣмецъ тѣ денги велѣть имъ имать на нась. А московскимъ и московскихъ городовъ гостемъ и всякимъ торговымъ людемъ велѣтиказать накрепко, что-бъ они деньги московскаго государства старово дѣла приѣжими нѣмецкими людемъ ни на какие товары однолично не менять, а тѣ старые денги привозить къ намъ въ Москве на Денежную Дворъ, а по нашему указу изъ денежнаго дѣла за тѣ имъ денги дадутъ съ наддачею новаво дѣла денгами. А которые люди учнутъ съ нѣмцами торговатъ менять на московские старые денги, а у нѣмецъ учнутъ имать новые денги, а послѣ про то сыщется, и тѣмъ людемъ отъ нась быть казненыи смертью¹⁾.

Итакъ, неумѣлые способы, употребленные для измѣненія монетной стопы повели за собой то послѣдствіе, что „старыи денги“ (1585—1612 гг.) пошли для перечеканки въ новыя денги (по 4 рубля изъ гривенки) не на московскій Денежный дворъ, а заграницу, и вмѣстѣ съ ними прибыль отъ перечеканки монетъ поступила не въ государственную казну, а въ частныя руки. Для этого совсѣмъ не было необходимо, чтобы новыя денги, сдѣланныя заграницею, непремѣнно были „стальныи“ или смыщаны съ мѣдью на половину. Возможно, конечно, что и такія были, но еслибы такихъ совсѣмъ не было, то утѣшненіе отъ этого было бы не больше. Ихъ и совсѣмъ не нужно было для очень большой прибыли отъ заграничной перечеканки монеты частными предпринимателями въ собственныхъ интересахъ.

Вотъ почему и указъ 8 мая 1620 г. никакой пользы не принесъ, хотя онъ неоднократно повторялся и напоминался не только при Михаилѣ Феодоровичѣ, но и при Алексѣ Михайловичѣ. Содержа много запретовъ, порицаній и даже угрозу смертной казнью, онъ все таки не содержалъ главнаго и единственнаго, что было въ этомъ случаѣ необходимо: запрещенія *всему населенію* торговатъ старыми денгами.

1) Веселовскій, Семь запросныхъ денегъ, прилож. № 74.

Поэтому они, такъ казать, оставались на виду и скучицамъ легко было ихъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ. Кромъ того, одно только обѣщаніе „наддачи“, безъ указанія, въ какомъ размѣрѣ она будетъ производиться, тоже было на руку скучицамъ старыхъ денегъ. Впослѣдствіи обѣ эти ошибки были поняты и исправлены, но—лишь при Петрѣ Великомъ.

Неудача крупной перемѣны, произведенной въ 1613 г. въ монетной стопѣ, имѣла для нея еще другое печальное послѣдствіе: она потеряла устойчивость и очень скоро уже стали стремиться къ новому измѣненію. Обѣ этомъ мы имѣемъ скучное извѣстіе, но достаточно опредѣленное. Судя по документамъ московскаго архива министерства юстиціи уже въ 1626 г. чеканили изъ гривенки по 4 рубля 8 алтынъ 2 денги ¹⁾, то-есть: 425 копейныхъ или 850 мечевыхъ денегъ. Но окончательно остановились на чеканкѣ изъ гривенки 480 копейныхъ или 860 мечевыхъ денегъ. Это мы заключаемъ изъ того, что монетная стопа въ 4½ рубля изъ гривенки продержалась до пачала царствованія Федора Алексѣевича ²⁾. Это мы въ состояніи доказать дошедшими до насть документомъ. Документъ этотъ—„память думному дьяку Ларіону Иванову о принятіи въ стрѣлецкому приказѣ 5696 рублей 16 алтынъ 8 денегъ, составившихся изъ передѣловъ на денежномъ дворѣ Любскихъ ефимковъ“ ³⁾ Данныя этой памяти слѣдующія. Отъ гостя Кальдермана принято 6000 ефимковъ вѣсомъ 10 пудъ 17 фунтовъ 68 золотника (или всего 40.095 золотниковъ), въ сплавкѣ того серебра угорѣло 1 фунтъ 48 золотниковъ (всего 144 золотника), а за угаромъ серебра осталось 10 пудъ 16 фунтовъ 15 золотниковъ (или всего 39951 золотн. = 3.885.296 долей); деньги изъ того серебра противъ указу великаго государя сдѣлано 3587 рублей 9 алтынъ или 358.727 копейныхъ денегъ; слѣдовательно, вѣсъ копейной денги составляетъ $3895.296 : 385.727 = 10.00$ долей, а такихъ копейныхъ денегъ на гривенку или 4808 долей идетъ $4608 : 10.00 = 481$. Далѣе: гостя Семена Сверчкова 1158 ефимковъ съ полуефимкомъ и съ получетью ефимка (или всего $1158 \frac{1}{2}$ ефимковъ), вѣсомъ 1 пудъ 89 фунтовъ 79 золотниковъ (всего 7668 золотника), въ сплавкѣ того серебра угорѣло 27 золотниковъ, а за угаромъ того

1) Веселовский I. с. стр. 16—17.

2) Изъ того, что разность между 425 и 480 копейными деньгами на гривенку пичтожная, правильнѣе заключить, что до 490 коп. деньги дошли уже въ концѣ 1620-хъ годовъ (когда видимо еще колебались), а не въ послѣдующее время.

3) Доп. къ А. И. т. IX № 66, стр. 145.

серебра осталось 1 пудъ 39 фунтовъ 52 золотника (всего 7636 золотниковъ = 788.056 долей; денегъ изъ того серебра противъ указа великаго государя сдѣлано 685 рублей 21 алтынъ 4 денги (или всего 68565 копейныхъ денги. Отсюда опять вѣсъ копейной денги 788.056 : 68.565 = 10₆₆ долей, опять по 481 копейныхъ денегъ изъ гривенки серебра.

Еще два приносителя. Гостей-же Володиміра Воронина да Гаврила Щетієва 2569 ефимковъ съ полуефимкомъ, вѣсомъ 4 пуда 18 фунтовъ 48 золотниковъ; въ сплавкѣ того серебра угорѣло 68 золотника; а за угаромъ того серебра осталось 4 пуда 17 фунтовъ 81 золотникъ (или 17.078 золотника = 1.639.008 долей); денегъ изъ того серебра противъ указа великаго государя сдѣлано 1588 рубля 2 денги (или 158.801 копейная денга). Это опять даетъ вѣсъ копейной денги въ 10₆₆ долей по 481 копейныхъ денегъ изъ гривенки.

Общий результатъ выраженъ въ нашемъ документѣ такъ. „Прислано на денежный дворъ въ денежный передѣль ефимковъ любскихъ, которые взяты изъ доимки на гостяхъ за поталпъ, который проданъ изъ хлѣбнаго приказа, 9778 ефимковъ съ полуефимкомъ и съ полу-четью ефимка, вѣсомъ 16 пудъ 35 фунтовъ 94 золотника; въ сплавѣ у того серебра угорѣло 2 фунта 42 золотника, а за угаромъ того серебра 16 пудъ 88 фунта 52 золотника и изъ того серебра противъ указа великаго государя сдѣлано денегъ 5805 рублей 81 алтынъ“. Итакъ, 9728⁵/₈ ефимковъ имѣли вѣсъ 64894 золотниковъ, а за угаромъ 284 золотниковъ осталось серебра 64.660 золотниковъ = 6.207.360 долей, изъ котораго сдѣлано 580.598 копейныхъ денегъ. Отсюда слѣдуетъ, что изъ гривенки или 4608 долей чеканили $\frac{580.598}{6.207.360} \times 4608 = 431$ копейныхъ денегъ.

Изложенный документъ относится къ 1680 году и на его основаніи можно думать, что приблизительно съ 1680 до 1680 г., впродолженіи 50 лѣтъ, монетная стопа, какъ она выражалась въ вѣсѣ копейной и мечевой денги, уже не измѣнялась. Изъ того, что указъ 1620 г. повторялся даже при Алексѣѣ Михайловичѣ и что въ немъ продолжали напоминать населенію о томъ, что запрещается отдавать старыя денги (1585—1612 г.г.) иностраннымъ торговымъ людямъ, позволительно заключить, что населеніе не очень точно исполняло даже этотъ приказъ, а правительство лучшаго способа привлечения старыхъ денегъ на московскій денежный дворъ не въ состояніи было придумать ¹⁾.

1) Независимо отъ повторенія указа 1620 г. правительство должно было запи-

Оно должно было поэтому ограничиться тою прибылью отъ монетной чеканки, которую оно получало отъ перечеканки въ русскую монету ефимковъ, поступавшихъ въ казенный доходъ отъ таможенныхъ пошлий и отъ продажи царскихъ „заповѣдныхъ“ товаровъ, то есть, отъ казенныхъ монополій. Прибыль отъ этой перечеканки считалась очень значительною. Какие преувеличенніе взгляды по этому предмету были распространены въ Москвѣ, объ этомъ можно судить по Котошихину. Онъ сообщаетъ¹⁾, что казна будто бы получала ефимки по 4 гривны и по 14 алтынъ ефимокъ, слѣдовательно, по 40—42 копѣйши, и „изъ тѣхъ ефимковъ, или изъ серебра, въ серебряныхъ денгахъ царю выдается прибыль великая, потому что ефимки и серебро приходять дешевою цѣнною, а въ дѣлѣ московскихъ денегъ выходить изъ ефимка по 20 по одному алтыну по 2 денги, и отъ всякаго ефимка прибыли царю по 7 алтынъ по 2 денги и по 8 алтынъ“. Эти показанія Котошихина болѣе чѣмъ сомнительны, и едва ли заслуживаютъ довѣрія. Они сомнительны съ обоихъ своихъ концовъ: и при показаніи покупной цѣнны ефимковъ, и при показаніи, сколько изъ нихъ вычеканивается русской монеты. Мы только что видѣли изъ офиціального документа, что даже еще въ 1680 г. изъ гривенки серебра чеканили не больше 482 копейныхъ денегъ; а Котошихинъ показываетъ, въ дѣлѣ выходить московскихъ денегъ изъ ефимка „по 20 по 1 алтыну и по 2 денги“, то есть, по 64 копейныхъ денги изъ одного ефимка, а на гривенку считали не меньше 7 ефимковъ (считали и больше), слѣдовательно, по Котошихину выходить, что изъ гривенки чеканили $7 \times 64 = 448$ копейныхъ денегъ. Это явно преувеличено. Этимъ Котошихинъ только неправильно истолковывалъ фактъ, на которомъ мы ниже еще остановимся и который относится лишь къ 1658—76 г.г. И явно преуменьшаетъ Котошихинъ покупную цѣнну ефимковъ. Цѣна ефимка въ 40—42 копейныхъ денегъ или 80—84 мечевыхъ денги въ новой монетной стопѣ (по 482 коп. ден. изъ гривенки) соотвѣтствуетъ въ трехрублевой монетной стопѣ цѣнѣ 28—29 копейныхъ денегъ или 56—58 мечевыхъ денегъ. А мы видѣли, что по Торговой Книгѣ цѣна ефимка при трехрублевой монетной стопѣ въ концѣ XVI в. была 72—78 мечевыхъ денегъ. То есть, Котошихинъ желаетъ настъ увѣрить, что въ половинѣ XVII в. ефимокъ стоилъ на 15—16 мечевыхъ денегъ или 8

щаться и другими указами противъ „худыхъ воровскихъ“ денегъ. См. напр. А. А. Э. IV № 7 царская грамота отъ 10 июля 1646 г.

1) Котошихинъ. О Россіи, стр. 80, 81.

копѣекъ дешевле, чѣмъ за 40—50 лѣть. Ниже нами будутъ приведены официальные данные той эпохи, показывающія, что за тѣ ефимки, которые казна выпускала „съ признаками“ (отштемпелеванными) за 64 копѣекъ, казна сама при ихъ покупкѣ платила не менѣе 50 копѣекъ или по 8 рубля 50 копѣекъ за гриненку серебра.

Мы разсмотрѣли дошедшія до насъ положительныя свѣдѣнія, на основаніи о которыхъ должно составиться наше представлѣніе о перемѣнѣ, произшедшей въ монетной стопѣ въ 1618 г. Изъ изложеныхъ свѣдѣній необходимо заключить, что собственно въ 1618 г. отъ трехрублевой монетной стопы перешли къ четырехрублевой, но въ виду неудовлетворительныхъ результатовъ уже въ концѣ 1620-хъ годовъ сдѣлали дальнѣйшій переходъ отъ чеканки изъ гриненки 400 копейныхъ денегъ къ чеканкѣ больше 482 копейныхъ денегъ. Свѣдѣнія 1680 г. показываютъ, что чеканили изъ гриненки или изъ 48 золотниковъ 481 копейныхъ денегъ. Это составляеть на золотникъ $8\frac{47}{48}$, т. е. почти 9 копейныхъ денегъ. Вотъ почему Нартовъ, въ вышеупомянутой запискѣ, написанной для императора Павла Петровича, исходя изъ 9 копѣекъ на золотникъ, показываетъ монетную стопу въ 4 р. 82 коп. на гриненку или 8 р. 64 коп. на фунтъ. Эта послѣдняя сумма впослѣдствіи стала общеупотребительной въ монетномъ дѣлопроизводствѣ.

При монетной стопѣ въ 4 рубля 82 копейн. денегъ, вѣсъ копейной денги понизился до $\frac{8}{27}$ золотника = $10\frac{2}{3}$ долей, а вѣсъ мечевой денги понизился до $\frac{8}{54}$ золотника = $5\frac{1}{3}$ долей. Серебряный рубль содержалъ уже лишь $11\frac{1}{9}$ золотниковъ серебра. Онъ составлялъ лишь $\frac{8}{4}$ рубля 1585—1612 гг., 60% рубля Ивана III и его сына и менѣе одной четверти (28%) первоначального рубля XIV вѣка.

Монеты Михаила Феодоровича чеканились сначала по 400 копейныхъ денегъ изъ гриненки, потомъ по 425 и наконецъ по 482. Можно поэтому принять, что въ среднемъ ихъ чеканили по 420 копейныхъ денегъ изъ гриненки и, следовательно, ихъ средній вѣсъ долженъ быть немнога менѣе 11 долей = 0.488 грамма. Мы видѣли, что нумизматы, слѣдя за Шодуаромъ и принимая средній вѣсъ копѣекъ Михаила Феодоровича въ $10\frac{1}{2}$ долей = 0.487 грамма, изъ этого заключили, что въ царствованіе Михаила Феодоровича чеканили изъ фунта 877 копѣекъ или изъ гриненки $488\frac{1}{2}$ копѣекъ. Посмотримъ, какъ этому соотвѣтствуетъ вѣсъ наличныхъ монетъ, до насъ дошедшихъ. Въ коллекціи Шуберта 411 копѣекъ имѣютъ средній вѣсъ 0.48 гр., что больше соотвѣтствуетъ выведенной нами нормѣ (0.488), чѣмъ нормѣ

нумизматовъ (0.467); 201 копѣйки коллекціи Круга обнаруживаются вѣсъ 0.51, что соотвѣтствуетъ чеканкѣ 400 копѣекъ изъ гриненки (204.760 : 400 = 0.512 гр. = 11.52 долей) и совсѣмъ не соотвѣтствуетъ чеканкѣ 488 $\frac{1}{2}$ копѣекъ изъ гриненки; наконецъ 29 монетъ коллекціи Рейхеля даютъ средній вѣсъ 0.50 гр., т. е. опять не подтверждаютъ того вѣса, который соотвѣтствуетъ чеканкѣ 877 копѣекъ изъ фунта. Видимо Кругъ и Рейхель, разыскивая для своихъ коллекцій болѣе тяжелыя монеты, этимъ самымъ отдавали предпочтеніе ваземплярамъ, чеканеннымъ въ 1618 — 1625 гг. Если, принимая въ соображеніе число монетъ каждой изъ трехъ коллекцій, вывести изъ нихъ общій средній вѣсъ, то онъ составляеть 0.489 грамма = 11 долей. Этотъ вѣсъ и должно признать вѣсомъ копейной денги Михаила Феодоровича. Мечевая денга, конечно, имѣеть меньшій вѣсъ 5 $\frac{1}{2}$ долей.

Въ коллекціяхъ встрѣчаются двухкопѣечные монеты Михаила Феодоровича (серебряные гропши).

Въ царствованіе Алексія Михайловича нормальныи вѣсъ копѣйки долженъ быть принять, по монетной стопѣ 482 копѣйки изъ гриненки, вѣсъ 10 $\frac{2}{5}$ долей = 0.474 грамма. Копѣйки Алексія Михайловича встрѣчаются не часто, а мечевые денги составляютъ рѣдкость. Въ коллекціи Шуберта 23 копѣйки имѣютъ вѣсъ 0.44 грамма; въ коллекціи Рейхеля 12 копѣекъ имѣютъ вѣсъ 0.49 грамма; наконецъ, въ коллекціи Круга 22 копѣйки имѣютъ вѣсъ 0.49 грамма. Общій средній вѣсъ составляютъ 0.47 грамма = 10 $\frac{1}{2}$ долей. Замѣтимъ, что не только безъ всякихъ основаній, но вопреки прямому показанію вѣса наличныхъ монетъ, въ нашей нумизматикѣ принято считать копѣйки Алексія Михайловича 10 дольными и повторять, будто при Алексіѣ Михайловичѣ состоялось распоряженіе о чеканкѣ изъ фунта 921 $\frac{1}{8}$ копѣекъ или изъ гриненки 460 $\frac{1}{5}$ копѣекъ. Ни изъ какихъ документовъ и ни изъ какихъ монетъ этого не видно.

Для времени съ 1664 г. мы встрѣчаемъ въ первый разъ, въ за пискѣ, составленной Нартовымъ для императора Павла Петровича, свѣдѣніе, что съ 1664 г. по 1681 г. или въ 17 лѣтъ начеканено по 9 копѣекъ изъ золотника всего монетъ на 991.851 рубль. Это составляетъ въ среднемъ по 58.815 рублей въ годъ, то есть, очень мало, и вполнѣ объясняетъ сравнительную рѣдкость копейныхъ и мечевыхъ денегъ Алексія Михайловича въ нумизматическихъ коллекціяхъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Неудачные монетные эксперименты.

1654 — 1662.

Царь Алексей Михайловичъ пренебрегалъ чеканкою старинной русской монеты Дмитрія Донского и Ивана III, потому что его соvѣтники носились съ широкими планами значительныхъ перемѣнъ въ русской монетной системѣ. Хотя царская казна пользовалась репутациею необыкновенного богатства, но на дѣлѣ войны очень ее истощили и открытие новыхъ финансовыхъ ресурсовъ шло очень туго. На большую пользу отъ новаго пониженія вѣса копейной и мечевой денги, особенно столь-же значительного, какое произведено было въ 1618 г., не могли расчитывать въ виду неудачнаго опыта первой половины XVII в. А между тѣмъ, русское финансовое положеніе особенно обострилось около половины 1660-хъ годовъ. Въ виду этого, царю Алексѣю Михайловичу предлагались разные новые, болѣе рѣшительные, чѣмъ старые, проекты по монетной части. Повидимому, однако, основанія, на которыхъ эти проекты были построены, были не по душѣ царю и онъ сначала не соглашался на нихъ. Но въ 1656 г. казны недостало ратнымъ людямъ на жалованье¹⁾, то-есть, положеніе было уже совсѣмъ крайнее, особенно во время войны, много лѣтъ уже продолжавшейся. Царь Алексей Михайловичъ силою обстоятельствъ вынужденъ быть дать свое согласіе на предлагавшіяся ему мѣры.

Эти мѣры у насъ принято рассматривать и излагать не въ томъ видѣ, въ которомъ онъ были предложены ихъ авторами, приняты государемъ и осуществлены въ дошедшемъ до насъ указѣ, а искусственно ихъ разрывая и лишая ихъ той связи, которая была между ними, дѣлала ихъ средствами для одной и той же цѣли, и которая объясняетъ, почему неудача одинаково на нихъ отразилась, приведя къ необходимости отъ нихъ отказаться.

Мѣры были двоякія: одна заключались въ установленіи на своеобразныхъ основаніяхъ новыхъ мѣдныхъ денегъ, другія заключались въ новыхъ серебряныхъ монетахъ крупныхъ достоинствъ, въ рубль, четверть рубля и новой единицы, составлявшей немного больше

1) Соловьевъ, Ист. России XI^а, стр. 234.

пополам. Обыкновенно принято эти двоякаго рода мѣры обосаблять и только въ основаніяхъ, на которыхъ учреждались новые мѣдныя денги, признавать фискальную цѣль, служить способомъ для устраненія финансовыхъ затрудненій. Въ основаніяхъ-же, на которыхъ учреждались новые серебряные монеты, не принято усматривать ничего фискального, хотя означенныя основанія никогда не подвергались разсмотрѣнію и поэтому остаются необъясненнымъ, почему опять установленія новыхъ серебряныхъ монетъ при Алексѣѣ Михайловичѣ оказался очень кратковременнымъ, весьма скоро быть оставленъ и уже до Петра Великаго не возобновлялся.

Указанное обособленіе новыхъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ должно быть признано неправильнымъ, потому что оно даетъ ошибочное представленіе о предметѣ, противорѣчить его существу и не согласно съ историческою дѣйствительностью.

Въ одномъ и томъ-же указѣ отъ 8 марта 1656 г. дѣлалось распоряженіе „о сборѣ государственныхъ доходовъ новою серебряною и мѣдною монетою“¹⁾. Въ этомъ документѣ объявлялось, что „по государеву указу сдѣланы ефимки рублевые, да ефимки-же съ признаками и четвертины, полполтинники, и мѣдные пополтинники, и алтынники, и грошевики, и мелкія копѣйки и денги“. Такимъ образомъ въ указѣ оба вида монеты, серебряные и мѣдные, поставлены рядомъ, серебряные даже во главѣ и, очевидно, никакого нѣть повода ихъ раздѣлять и обособлять. Затѣмъ идеть описание новыхъ монетъ. На рублевикахъ царское имя, человѣкъ на конѣ, а на другой сторонѣ орель двуглавый, а надъ главою надпись: лѣтъ 7162 (1654), а въ подножіи подпись рубль. Да серебряные-же ефимки, на нихъ начеканено копеечнымъ чеканомъ да цифирными словами цѣна имъ, противъ государева указу, по 21 алтыну 2 денги ефимокъ. Серебряные-же четвертины по полуполтинѣ: на нихъ человѣкъ на конѣ по сторонамъ надпись „полполтинны“, а на другой сторонѣ царское имя. На мѣдныхъ пополтинникахъ—царское имя и человѣкъ на конѣ, а на другой сторонѣ орель въ клеймѣ, наверху лѣтъ 7162 (1654) и въ подножіи „пополтинникъ“. На мѣдныхъ алтынникахъ и грошевикахъ—человѣкъ на конѣ и надпись: „алтынникъ“ или „четыре денги“, а на другой сторонѣ царское имя. На мѣдныхъ копѣйкахъ и на денгахъ признаки тѣжь, что на серебряныхъ копѣйкахъ и денгахъ.

1) А. А. Э. IV. № 90, стр. 180. Другая копія этого указа, отъ 8 апрѣля 1657 г., въ П. П. С. З. I. № 204 и повтореніе этого списка въ С. Г. Г. и Д. IV № 9.

За этимъ описаніемъ новыхъ монетъ слѣдуютъ общиа опредѣленія, имѣвшія цѣлью дать новымъ монетамъ свойство или силу законныхъ денегъ. Такихъ опредѣленій лишь два, да и тѣ съ ограничіями. Одно изъ нихъ касается приема новыхъ монетъ въ платежи казнѣ; другое касается законности платежей, производимыхъ новою монетою частными лицами другъ другу. Первое опредѣленіе гласило такъ: „имати на Москвѣ и въ городѣхъ въ государеву казну у всякихъ чиновъ людей за государевы долговыя деньги и за товары, которые имали въ нынѣшнемъ 164 (1656) г., и за кабацкое питье, и за таможенные и мытные всякия пошлины ефимками и четвертинами¹⁾ и мѣдными, полтинниками и алтынниками и грошевиками, и мелкими копейками и денгами, по государеву указу, то той-же цѣнѣ, почему даваны изъ государевой казны“. Но изъ этого правила сейчасть-же дѣлается исключеніе. „А за прошлые государевы долговые деньги имать въ государеву казну мелкими серебряными денгами“, т. е. копейными и мечевыми. Второе опредѣленіе выражено такъ: „также указать государь торговыхъ и всякихъ чиновъ людемъ за всякие товары, и за хлѣбные и за сѣстные запасы, и за дрова и за лѣсъ; у государевыхъ служилыхъ и у всякихъ чиновъ людей имати серебряными ефимками и четвертинами, и мѣдными полтинниками и алтынниками, и грошевиками, и копейками и денгами“. Но и это распоряженіе подвергалось очень любопытному ограниченію: оно не распространялось на Сибирь. Сибирь доставляла тогда устроенной для этого особой „соболиной казнѣ“ очень много дорогихъ мѣховъ и можно было опасаться ихъ обезцѣненія на мѣдные деньги. Поэтому указывалось: „а торговымъ и служилымъ и всякихъ чиновъ людямъ межь себя въ Сибири указали есмѧ торговати мѣлкими серебряными денгами и ефимками и четвертинами серебряными-же, а мѣдными ефимками и грошевиками и копѣйными и мѣлкими денгами въ Сибири торговати не велѣмъ, чтобы тѣхъ мѣдныхъ ефимковъ и алтынниковъ и грошевиковъ и копѣекъ и мѣлкихъ мѣдныхъ денегъ въ Сибирскихъ городѣхъ не было“. — Засимъ слѣдовали угрозы наказаніями за ослушаніе.

Нетрудно замѣтить коренную неполноту изложенного указа: ни въ описательной части, ни въ диспозитивной части ничего не говорится о вѣсѣ новыхъ монетъ. На это обстоятельство до сихъ поръ не

1) Любопытно, что въ обоихъ спискахъ указа (3 марта 1656 въ А. Е. Э. IV № 90 и 8 апреля 1657 П. С. З. № 204) новая серебряная рублевая монета совсѣмъ не упоминается, когда идетъ рѣчь объ обязательности приема новыхъ монетъ.

было обращаемо вниманія, потому что въ мѣдной монетѣ 1656 г. усматривали подобіе кредитныхъ денегъ¹⁾). На дѣлѣ, однако, мѣдные деньги 1656 г. (да и никакія мѣдные деньги) ничего общаго съ кредитомъ не имѣютъ. Кредитъ бытъ бы, еслибы правительство обязывалось бы обезпечивать цѣну мѣдныхъ денегъ размѣромъ ихъ на серебро. Но ничего подобнаго не было и не бываетъ. Если въ мѣдныхъ денгахъ 1656 г. мѣдь оцѣнивалась очень высоко, то кредитъ при этомъ не игралъ никакой роли, а играло роль только монопольное (регальное) положеніе казны, какъ единственной производительницы монеты; со всякою монополіею связанъ расчетъ на то, что предмету ея можетъ быть дана та или иная высокая, или еще болѣе высокая цѣна. Конечно, при этомъ расчетъ возможны увлеченія, которые не оправдываются даже монопольностью положенія. Но это уже не касается существа дѣла и не оправдываетъ отожествленія мѣдныхъ денегъ съ бумажными деньгами. Поэтому никакого опыта, похожаго на опыты съ бумажными денгами, мѣдные монеты 1656 г. не представляли.

Но дѣйствительно единственный въ своемъ родѣ опытъ денежной политики представляли монеты 1656 г. тѣмъ, что при ихъ устаревлении никакой рѣчи не было объ ихъ вѣсѣ. Вѣсъ онѣ, конечно, имѣли, потому что онѣ были изъ серебра и мѣди, которыхъ не бываетъ безъ вѣса. Но ихъ вѣсъ бытъ только фактическій, а не положенный по закону: вѣсъ какъ бы случайный, который сегодня—одинъ, но завтра можетъ оказаться другой, послѣ завтра третій и т. д. Это не могло не имѣть послѣдствій, очень неудобныхъ для монетъ.

Даже при полной увѣренности, что вѣсъ новыхъ монетъ 1656 г. не будетъ измѣняться, фактическій ихъ вѣсъ бытъ такой, который предвѣщалъ новымъ монетамъ очень неопределеннную судьбу.

Прежнія серебряные денги, копейныя и мечевыя, не были упразднены, а остались и сохранили силу даже прямо по указу 1656 г. Осталась въ силѣ серебряная копѣйка въ $10\frac{1}{2}$ доли и серебряная денга въ $5\frac{1}{2}$ доли, а съ ними серебряный рубль въ 100 копейныхъ или 200 мечевыхъ денгъ, представлявшій $1066\frac{2}{3}$ долей = $11\frac{1}{9}$ золотниковъ серебра. Но рядомъ съ этимъ счетнымъ серебрянымъ рублемъ въ 1656 г. появился новый серебряный рубль *уже въ видѣ реальной*

1) Такъ, Соловьевъ, Ист. Рос. XI², стр. 299, XII², стр. 343, считаетъ, что мѣдными денгами 1656 г. дѣлается „первая попытка помочь разстроенному состоянію финансъ выпускъмъ своего рода государственныхъ кредитныхъ билетовъ“.

монеты съ опредѣленнымъ рисункомъ и надписями, но съ неопределѣннымъ вѣсомъ. Какой-же былъ его фактическій вѣсъ? Нумизматы считаютъ его рѣдкостью и полагаютъ что его очень мало чеканили, употребляя для этого, безъ переплавки, иноземные ефимки, на которыхъ еще сохранились слѣды первоначального иноземнаго ефимочнаго рисунка самыхъ разнообразныхъ странъ. Судя по тѣмъ немногимъ экземплярамъ, вѣсъ которыхъ показанъ въ нумизматическихъ каталогахъ, вѣсъ новой рублевой монеты составлялъ 640 долей = $6\frac{2}{3}$ золотниковъ¹). Это не случайный вѣсъ, а средній вѣсъ, ефимка, какъ его тогда покупала казна. Съ XVI в. и въ продолженіи всего XVII в., даже въ началѣ XVIII в. таможня предписывалось покупать ефимки по 7 на гриненку, по 14 ефимковъ на фунтъ. Но такие тяжелые ефимки встрѣчались рѣдко и предписаніе имѣло только смыслъ указанія, чтобы выбирались только самые тяжелые ефимки различныхъ странъ (немецкихъ, нидерландскихъ, романскихъ), которыхъ на гриненку идетъ 7, въ смыслѣ предѣла, отъ которого запрещается далеко уклоняться. Выше мы приводили за 1680 г. свѣдѣнія объ очень большой партии изъ 9728 $\frac{1}{8}$ ефимковъ вѣсомъ 16 пудовъ 85 фунтовъ 94 золотника. Это достаточно прочная почва для сужденія о томъ, какіе ефимки, т. е. крупныя иноземныя серебряныя монеты, покупала казна и сколько ихъ шло на гриненку и на фунтъ. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что вѣсъ ефимка составлялъ 640 долей = $6\frac{2}{3}$ золотниковъ = 28.438 граммовъ. Такихъ ефимковъ на гриненку идетъ $7\frac{2}{5}$, на фунтъ 14.4. Этому-то среднему вѣсу ефимка равняется фактический вѣсъ новой рублевой монеты 1656 г.

Это результатъ очень важный, потому что этимъ-же вѣсомъ отмѣчается рубль, установленный Петромъ Великимъ въ 1704 г. и сохранившій свой лигатурный вѣсъ $6\frac{2}{3}$, золотниковъ до Анны Ioannовны. Нашъ результатъ показываетъ, что Петровскій рубль 1704 г. пытался установить уже царь Алексѣй Михайловичъ, но пытался, какъ увидѣмъ, неудачно. Попытка дѣлалась въ 1656 г. для той-же цѣли, для которой она была повторена Петромъ Великимъ. Цѣль была фискальная: доставленіе казнѣ выгода отъ разности между рублемъ въ $11\frac{1}{9}$ золотниковъ и рублемъ въ $6\frac{2}{3}$ золотниковъ серебра. Ни для какой иной цѣли такія измѣненія не производятся. Изъ 1000 фунтовъ се-

1) Reichel № 715; Schubert Catalogue №№ 865—869; у Рейхеля, вѣроятно опечаткою показано 6 золот. 4 доли вмѣсто 6 золот. 64 доли: вѣсъ 5 экземпляровъ Шуберта 142 грамма, или средній вѣсъ 28.₄ граммовъ.

ребра можно начеканить лишь 8640 рублей по $11\frac{1}{9}$ золотниковъ и 14400 рублей по $6\frac{2}{3}$ золотниковъ, или на 5760 рублей больше при послѣдней монетной стопѣ. И когда въ деньгахъ нуждаются, то ихъ добываются и посредствомъ такихъ измѣненій, если иныхъ источниковъ не находять.

Въ этихъ средствахъ нуждался и царь Алексѣй Михайловичъ и естественно, что его совѣтники указали ему и на рубль въ $6\frac{2}{3}$ золотника. Но для этого надобно было отказаться отъ всякаго иного рубля, какъ и поступилъ Петръ Великій. Царя Алексѣя Михайловича видимо на это нельзя было склонить. Уменьшился рубль при его отцѣ и сильно, на одну четверть; а царь видимо не желалъ, чтобы при немъ рубль опять не только уменьшился, но даже еще сильнѣе, чѣмъ въ 1618 г. На это онъ не далъ согласія, а пожелалъ остататься при рубль въ $11\frac{1}{9}$ золотниковъ, на которомъ строились серебряная копѣйка и серебряная денга.

Но въ такомъ случаѣ ничего не могло выйти изъ опыта новой рублевой монеты въ $6\frac{2}{3}$ золотниковъ. Нельзя же было заставить населеніе считаться съ двумя серебряными рублями, совмѣстно обращающимися, изъ которыхъ одинъ на $1\frac{1}{3}$ больше другого. Сдѣлать обязательными оба серебряныхъ рубля значило потребовать отъ населенія, чтобы оно перестало сознавать и чувствовать различіе между большимъ и меньшимъ, даже когда различіе совершенно явно и осознательно. Поэтому новую рублевую монету чеканили очень мало и очень недолго, а въ указѣ 1656 г., въ которомъ она описывается, она не упоминается между монетами, приемъ которыхъ обязательенъ.

Этихъ объясненій нашей нумизматикѣ недостаетъ для того, чтобы ея указанія на первое установление рублевой монеты при Алексѣѣ Михайловичѣ были правильны.

Другія двѣ новыя серебряные монеты, установленныя въ 1656 г., представляются обыкновенно, какъ нѣкотораго рода курьезы, которые остается только вѣнчаниемъ образомъ описать и отвернуться отъ нихъ.

„Ефимки съ признаками“ или „серебряные ефимки“ были тѣмъ же самыми ефимками, на которыхъ предполагалось надчеканывать рублевый чеканъ, но на которыхъ вмѣсто этого чекана накладывался простой штемпель для отличія ихъ отъ нештемпелеванного ефимка. „Ефимокъ съ признаками“ имѣлъ „признакъ“ (штемпель), свидѣтельствовавшій, что ефимокъ былъ въ казнѣ и изъ нея вышелъ. Ефимки привозились изъ заграницы и казна добивалась, чтобы всѣ поступали въ казну. Для этого отличный способъ заключался въ наложеніи

штемпеля или „признаковъ“ на каждый ефимокъ поступавшій въ казну, съ тѣмъ, чтобы изъ казны онъ вышелъ по установленной ценѣ, указываемой штемпелемъ (64 копѣйки). Это обеспечивало казнѣ прибыль отъ продажи ефимка и, слѣдовательно, имѣло прямой фискальный интересъ.

Четвертины были тѣ-же ефимки, разрѣзанные на четыре части и тоже отштемпелеванные.

Помимо фискального интереса, однако, обѣ эти новыя монеты 1656 г. указываютъ, что въ странѣ смутно чувствовалось, что она выросла изъ старой системы монетъ, въ видѣ серебряной копейной и мечевой денги или серебряной полуденги. Это выражалось въ томъ, что въ нѣкоторые годы (уже въ концѣ XVI в., но чаще въ XVII в.) изрѣдка появлялась серебряная монета въ видѣ двухкопѣчника или гроша, или серебряная монета въ видѣ алтына, т. е. серебряные монеты съ двукратнымъ или троекратнымъ вѣсомъ копейной денги. Страна развивалась и въ ней возникала потребность не только въ серебряной рублевой монетѣ, но и въ серебряныхъ монетахъ тѣхъ различныхъ достоинствъ (какъ полтинникъ, четвертакъ, гравенникъ и т. д.), которыхъ началъ чеканить Пётръ Великій.

Смутнымъ предчувствіемъ этого были и „ефимки съ признаками“ и четвертины 1656 г. Но именно, потому что никакой ясной мысли въ ихъ основаніи не было, они были недолговѣчны и неудачны.

Однако, они имѣли еще одинъ смыслъ. Никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что „ефимки съ признакомъ“ имѣютъ толькоже вѣсъ 640 долей = $6\frac{2}{3}$ золотниковъ = 28.⁴⁸⁸ граммовъ, который имѣть серебряная рублевая монета, какъ Алексея Михайловича, такъ и Петра Великаго ¹⁾. Сдѣлать изъ каждого такого ефимка рубль было невозможно; на это не соглашался царь и это дѣйствительно было неосуществимо безъ пожертвованія рублемъ въ $11\frac{1}{9}$ золотниковъ. Но продавать эти ефимки по ихъ стоимости на копѣйки тоже не желали. Въ серебряной копѣйкѣ было $10\frac{2}{3}$ долей, а въ ефимкѣ 640 долей. Слѣдовательно, ефимокъ собственно стоилъ $640 : 10\frac{2}{3} = 58\frac{2}{11}$ копѣйки. Чтобы увеличить прибыль казны, увеличили стоимость ефимка до 64

1) Только каталогъ Шуберта содержитъ вѣсовые показанія о 24 ефимкахъ съ признаками (№№ 872—895). Ихъ соединенный вѣсъ 675.₁₇ граммовъ; средний вѣсъ 28.₁₈ грам. = 638 доли = 6 зол. 57 долей. Любопытно чрезвычайное разнообразіе этихъ монетъ: между ними встрѣчаются талеры голландскіе, гельдернскіе, брабантскіе, брауншвейгскіе, прусскіе, шлезвигскіе, испанскіе эскудо и т. д., хотя официально они всѣ назывались „любекскими“ (дюбекскими) ефимками.

копѣекъ. Если 640 долей серебра стоять 64 копѣйки, то 1 копѣйка въ ефимкѣ съ признаками представляеть 11 долей ровно; отсюда разговоры объ 11-дольной денгѣ, хотя копейная денга, какъ реальная серебряная монета, имѣла вѣсъ $10^{\frac{1}{2}}$ долей. Сто такихъ копѣекъ или рубль въ ефимкахъ съ признаками или въ четвертяхъ уже представляли 1000 долей или $10^{\frac{5}{12}}$ золотниковъ серебра, вмѣсто $1166^{\frac{2}{3}}$ долей = $11^{\frac{1}{9}}$ золотниковъ въ серебряной копейной монетѣ. А казна при этомъ наживала лишнихъ $5^{\frac{8}{11}}$ копѣекъ на каждомъ ефимкѣ. Этого могли достигнуть и не штемпелюя ефимковъ, какъ потомъ показалъ опытъ. Оттого ефимки съ признаками и четверти были оставлены.

Обратимся теперь къ новой мѣдной монетѣ 1656 г.

Русское населеніе давно знало мѣдную монету: съ XIII ст., благодаря татарамъ. Когда потомъ началась чеканка серебряной денги, то уже въ первой половинѣ XV в., въ великихъ и удѣльныхъ княжествахъ чеканили довольно тяжелую мѣдную монету, цуло, которая дошла и до насъ. Но удивительно, что въ письменныхъ источникахъ объ ней не упоминается. Чеканилась она и въ XVI ст. Какое было ея отношеніе къ серебряной денгѣ, неизвѣстно.

Послѣ 1618 г. видимо уже интересовались мѣдною монетою, какъ финансовымъ ресурсомъ. Это ясно изъ упоминаній о ней въ разсужденіяхъ бояръ, переговаривавшихся съ англійскимъ посломъ Меррикомъ. Бояре имѣли очень преувеличенное и совершенно неправильное представление о значеніи мѣдной монеты въ Западной Европѣ. Ихъ видимо очень прельщала мысль о заимствованіи этого ресурса и его введеніи въ Россіи¹⁾.

Въ печальное время, предшествовавшее 1656 г., видимо, часто перебиралась мысль и объ мѣдныхъ деньгахъ. Изъ того, что на новыхъ монетахъ 1656 г. повторяется штемпель 1654 г., ясно видно, что два года прошло прежде, чѣмъ удалось уговорить царя Алексѣя Михайловича и получить его согласіе на изданіе указа 1656 г.

То, что происходило въ Москвѣ и въ Новгородѣ за 200 лѣтъ передъ 1656 г., при Василіи Темномъ, ясно показало, что населеніе

1) Возможно, что отъ англичанъ они слышали, что когда въ 1613 г. въ Англіи была допущена мѣдная монета, то чеканка ея была Карломъ I пожалована сначала лорду Гартигтону, а потомъ, въ 1622 г. герцогу Леннуку и маркизу Гамильтону. Она была очень непопулярна въ Англіи. Яковъ I тоже дѣлалъ такихъ пожалованій. Между 1648—1679 въ Англіи допускалось обращеніе мѣдной монеты, выпущенной частными лицами въ видѣ торговыхъ марокъ (tradesmen's token), хотя съ 1672 казна начала выпускъ настоящей мѣдной монеты.

не только не безучастно, но напротив очень ясно и толково умѣть разбираться въ особенностяхъ различныхъ денегъ, чутко и правильно вступается за свои интересы и умѣть ихъ отстоять. Это въ 1656 г. было забыто и упущено изъ виду.

Этимъ только можно объяснить, что населенію было предъявлено чудовищное требованіе, чтобы оно забыло о различіи между серебромъ и мѣдью и ихъ уравнило. Мѣдные копѣйки и денги стали чеканиться съ тѣмъ-же вѣсомъ, какой имѣли серебряные монеты тѣхъ-же наименованій. Это мы видимъ на мѣдныхъ копѣйкахъ Алексѣя Михайловича, которая до насъ дошли ¹⁾. Но любопытно, что мѣдные полтинники легковѣснѣ. Въ 100 мѣдныхъ копѣйкахъ столько-же металла, сколько въ 100 серебряныхъ копѣйкахъ. Такимъ образомъ счетный рубль серебряный и мѣдный счетный рубль ничѣмъ не отличались другъ отъ друга по вѣсу металла. Средній вѣсъ мѣдного полтинника $17\frac{1}{4}$ граммовъ = $888\frac{1}{3}$ долей; слѣдовательно, въ двухъ мѣдныхъ полтинникахъ было мѣди $776\frac{3}{4}$ долей. Такимъ образомъ, оказывалось два мѣдныхъ рубля: въ копѣйкахъ онъ содержалъ 1066 долей мѣди, а въ полтинникахъ только 777 долей мѣди, почти на 80% меньше; можетъ быть, это сдѣлано было для того, чтобы мѣдные копѣйки предпочитались. А возможно и то, что до насъ дошло слишкомъ мало мѣдныхъ полтинниковъ, чтобы наше представленіе объ ихъ вѣсѣ могло быть правильное. Во всякомъ случаѣ должно думать, что чеканкѣ мѣдныхъ полтинниковъ видимо не придавали большого значенія, такъ какъ монета столь крупнаго достоинства была для населенія очень непривычной.

Прибыль отъ мѣдной монеты опредѣлялась разницей между цѣнною серебра и мѣди въ монетѣ и на рынкѣ, съ одной стороны, и суммою, на которую производилась чеканка мѣдной монеты и другой. Цѣна серебра въ монетѣ, съ которой уравнивалась цѣна мѣдной монеты, составляла въ монетѣ 9 копѣекъ за золотникъ; поэтому за фунтъ 8 р. 64 копѣйки, а за пудъ 845 рублей 60 копѣекъ; на эту-же высоту сразу поднималась цѣна мѣди въ мѣдной монетѣ. Сколько же стоилъ пудъ мѣди на рынкѣ? Объ этомъ точныхъ свѣдѣній нѣть. Мейербергъ сообщаетъ, что казна могла за 1 рубль 60 копѣекъ серебромъ

1) Рейхель показываетъ ихъ вѣсъ въ 11 долей, но какъ всегда онъ округляетъ и преувеличиваетъ свое показаніе, да и него и мало мѣдныхъ копѣекъ. У Шуберта показанъ (№ 914 - 928) вѣсъ 59 мѣдныхъ копѣекъ въ 27.46 граммовъ, слѣдовательно средній вѣсъ 0.46 грам. = $10\frac{1}{3}$ долей.

купить столько мѣди, сколько было нужно, чтобы начеканить мѣдной монеты на 100 рублей. Рыночная же цѣна серебра была $7\frac{1}{2}$ копѣек за золотникъ (ефимокъ въ $6\frac{2}{3}$ золотника за 50 копѣйныхъ денегъ). Отсюда заключають, что серебро было дороже мѣди въ 100: $1.6 = 62\frac{1}{2}$ раза, и если рыночная цѣна фунта серебра была $7\frac{1}{2} \times 96 = 7$ рублей 20 копѣекъ и пудъ серебра стоилъ 288 рублей, а мѣдь была въ $62\frac{1}{2}$ раза дешевле, то значитъ рыночная цѣна мѣди была 4 р. 60 коп. Этотъ расчетъ¹⁾ невѣренъ, потому что онъ исходить изъ покупной цѣны серебра, которая здѣсь совершенно ни при чемъ, такъ какъ рѣчь идетъ не объ ней, а объ покупной цѣнѣ мѣди. Изъ пуда серебра или мѣди казна чеканила не 288 рублей (которая она уплачивала при покупкѣ пуда серебра), а 845 рублей 60 копѣекъ. И если мѣдь по показанію Мейерберга была въ $62\frac{1}{2}$ раза дешевле монетной, а не рыночной, стоимости серебра, то за пудъ мѣди надо было уплатить $845.6 : 62\frac{1}{2} = 5$ рублей 58 копѣекъ. А это порядочно преувеличеннная цѣна, потому что современникъ той эпохи, тоже тогда случившійся въ Москвѣ, шведскій торговыѣ человѣкъ, Кильбургеръ, показываетъ цѣну пуда мѣди въ 5 рублей, кажется тоже преувеличено. И эту цѣну мы считаемъ не вѣроятною, по слѣдующему соображенію. Когда неурядица съ мѣдными денгами окончилась, то 26 июня 1668 г. выпѣль указъ²⁾: „Великій государь указалъ и бояре приговорили, мѣдныя денги сливать, а не сливъ денгами никому у себя не держать. А похочеть кто принести въ государеву казну (мѣдныя денги), и денги принимать въ Москвѣ 1 июня съ 1 числа двѣ недѣли, а въ городѣхъ мѣсяцъ, а давать за мѣдныя денги за рубль серебряныхъ по дѣнъ денги“. Значитъ, кто приносилъ мѣдными денгами рубль, тотъ получалъ серебряными денгами одну копейку. Такъ какъ изъ пуда мѣди чеканили 845 рублей 60 копѣекъ, то, значитъ, тотъ, кто приносилъ мѣдными денгами пудъ ихъ, тотъ получалъ изъ казны серебромъ 8 руб. 45.6 копѣекъ. Жестоко уже было, что для этого обмѣна былъ назначенъ чрезвычайно короткій срокъ: двѣ недѣли въ Москвѣ и четыре недѣли въ областяхъ. Присыпывать же казнѣ сверхъ того еще явное банкротство и нежеланіе уплатить даже рыночную стоимость мѣди, нѣть никакого основанія. Напротивъ, въ назначеннй въ 1668 г. выкупной цѣнѣ мы видимъ

1) Этотъ расчетъ дѣлаетъ Брикнеръ въ своей монографіи *Finanzgeschichtliche Studien Kupfergeldkrisen*. Спб. 1867. Это лучшее изслѣдованіе по предмету, очень основательное, хотя и въсмѣло легкомѣрное.

2) П. П. С. З. I № 849.

указаниe, что казна на рынкѣ покупала мѣдь по 3 рубля 45.^е копѣйки за пудъ и по этой-же цѣнѣ его обратно выкупала, что она въ монетѣ увеличила цѣну мѣди во сто разъ и отъ этого отходила, когда сдѣланная ошибка была усмотрѣна и надо было публично сознаться, что казна не въ состояніи исполнить обѣщанія, данного въ 1656 г. — принимать въ казну мѣдные деньги по той-же цѣнѣ, по которой онѣ изъ казны выданы.

Итакъ, намѣреніе было увеличить цѣну мѣди въ монетѣ противъ ея рыночной цѣнѣ во сто разъ. Съ вопросомъ обѣ осуществимости такого намѣренія въ тѣснѣйшей связи находится вопросъ: на какую же сумму предполагалось выпустить мѣдной монеты и ея дѣйствительно выпущено. На этотъ вопросъ официального отвѣта нѣть, а Мейербергъ сообщаетъ, что тогда было выпущено мѣдной монеты на 20.000.000 рублей. Эту сумму мы тоже считаемъ невѣроятною и разборъ ея очень необходимъ, особенно потому, что онѣ, котати, выясняетъ, почему могло пройти два года прежде, чѣмъ стали замѣтаться печальные послѣдствія выпуска мѣдной монеты на изложенныхъ основаніяхъ.

Мы уже указали на то, что по всѣмъ вѣроятіямъ мѣдная монета чеканилась, главнымъ образомъ, въ копѣйкахъ и полукопѣйкахъ (денгахъ), остальная же достоинства были нѣкотораго рода гарнитурою. Вѣдь, мѣдные деньги назначались, главнымъ образомъ, для удовлетворенія ратныхъ людей, для народа, въ глубь котораго онѣ должны были проникнуть; а для этого требовалось, чтобы онѣ были въ привычныхъ для населенія достоинствахъ копейной и мечевой деньги, штемпелями которыхъ онѣ и чеканились.

Но для скорой чеканки монетъ такихъ мелкихъ достоинствъ въ огромныхъ массахъ техника чеканки того времени, какъ она у насть тогда практиковалась, совсѣмъ не была приготовлена. Въ Западной Европѣ тогдашняго времени въ чеканкѣ монеты дѣлались очень важные успѣхи; но къ намъ они еще не проникли до Петра Великаго. Чеканка у насть производилась ручнымъ способомъ, какъ ее описываетъ Котошихинъ и какъ она производилась не только въ XVI ст., по и въ Новгородѣ, вѣроятно, уже съ 1447 г., съ того времени, какъ тамъ былъ устроенъ монетный дворъ. Эта чеканка чрезвычайно замедлялась большими числомъ монетъ очень мелкихъ достоинствъ, которыхъ приходилось чеканить, даже когда всѣ монеты, вмѣстѣ взятыя, составляли небольшія суммы. Для 1000 рублей въ копейныхъ и мечевыхъ денгахъ нужно было начеканить 100.000 копейныхъ мо-

иеть или 200.000 монеть мечевыхъ денегъ. Чтобы начеканить на 100.000 рублей, необходимо было изготовить 10.000.000 монетъ въ копѣйкахъ или 20.000.000 монетъ въ мечевыхъ денгахъ. Для 200.000 рублей нужно было начеканить вдвое болѣе. Эту работу должны были исполнить только три монетные дворы: въ Москвѣ, въ Новгородѣ и въ Псковѣ. Естественно, что съ Ивана Грознаго стали мало чеканить мечевыхъ денегъ: работа чеканки каждой мечевой денги была такая же, какъ работа чеканки каждой копѣйки; но для мечевыхъ денегъ приходилось этой работы сдѣлать вдвое больше. Оттого мечевые денги чеканились все въ меньшемъ числѣ, а при Алексѣѣ Михайловичѣ уже почти совсѣмъ не чеканились. Для новыхъ монетъ 1656 г. предъявлены были чеканкѣ необычайно широкія требованія. Изъ того, что на крупныхъ монетахъ поставленъ 1654 г., ясно, что къ выпуску ихъ исподволь подготавливались. Но едвали даже въ два или полтора года между 1654 и 1656 г., когда начался выпускъ мѣдной монеты въ видѣ копѣекъ и мечевыхъ денегъ, было возможно очень много ихъ приготовить. И во всякомъ случаѣ выпускъ былъ неосуществимъ въ предѣлахъ суммы 20.000.000 рублей, о которой говорить Мейербергъ, относя эту сумму именно къ одной только мѣдной монетѣ. Вѣдь въ копейныхъ денгахъ на эту сумму нужно было начеканить *два миллиарда* монетъ. Даже считая съ 1654 г., вся драма мѣдныхъ денегъ разыгралась въ 9 лѣтъ. Слѣдовательно, на каждый годъ пришлось начеканить по 272%, миллионовъ монетъ, или въ 10 разъ больше, чѣмъ приходилось работы на монетные дворы, даже если считать, что при такихъ условіяхъ они ежегодно чеканили монетъ на 200.000 рублей. Мы полагаемъ поэтому, что не только сумма (20.000.000 рублей) выпущенной по показанію Мейерберга (даже лишь впродолженіи одного луструма, то есть, пяти лѣтъ) мѣдной монеты совершенно фантастическая; но даже въ десять разъ меньшей суммы было больше, чѣмъ достаточно для произведенія того дѣйствія, какое оказали мѣдные деньги въ 1658—1663 г.г.

Это же намъ объясняетъ, почему въ 1656 и 1657 гг. мѣдные деньги еще не оказали *сильнаго дѣйствія*. Кромѣ того, народъ состоять не изъ однихъ только людей, которые, какъ солома, сразу вспыхиваютъ; онъ многое можетъ перетерпѣвать: между прочимъ и предъявленное требованіе не дѣлать различія между серебромъ и мѣдью, особенно когда потери отъ этого требованія еще не могутъ быть чрезмѣрными, вслѣдствіе медленности, которая была неминуема въ чеканкѣ мѣдной монеты и которая противодѣйствовала скорому и сильному дѣйствію

мѣдной монеты въ первые годы ея выпуска. Конечно, кто имѣлъ серебряные монеты, уже съ самаго начала ихъ пряталъ и не желалъ ихъ отдавать за равныя имъ мѣдныя. Это очищало мѣсто для мѣдныхъ монетъ, которыхъ вслѣдствіе медленности чеканки еще не могло быть много въ обращеніи. Вотъ почему въ 1656 и 1657 гг. дѣйствіе мѣдныхъ денегъ еще не обнаружилось видимымъ образомъ.

Казна себѣ предоставила право въ уплату старыхъ долговъ (на-примѣръ, недоимокъ по податямъ или за проданные казною „заповѣдные“ товары) требовать серебряные, а не мѣдныя деньги; но казна взяла это право только себѣ, какъ привилегію¹⁾; населенію это право не было предоставлено: безсвѣтнымъ людямъ этимъ было предоставлено уплачивать только часть своихъ долговъ. Это, конечно, не могло не деморализовать очень многихъ въ населеніи. Вслѣдствіе этого деморализація, какъ чума, широко распространялась въ населеніи и особенно выразилась въ эпидемическомъ развитіи стремленія чеканить фальшивыя мѣдныя деньги. Всѣ классы населенія приняли участіе въ этомъ стремленіи. Это удостовѣряется указомъ 1668 г., подробно перечисляющимъ участниковъ въ изготошеніи и распространеніи фальшивыхъ мѣдныхъ денегъ²⁾. Если при этомъ неудобно было назвать бояръ, то пропускъ восполненъ очевидцами эпохи: Патрикомъ Гордономъ, Мейербергомъ, Котошихиномъ, а громче очевидцевъ обвиняла бояръ народная молва. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ населеніе уже не въ силахъ было перетерпѣвать увеличивающееся зло. Отъ отрицательного отношенія къ мѣднымъ денгамъ, населеніе перешло къ дѣятельному, къ борьбѣ съ ними, очень мирной сначала, но тѣмъ болѣе сильной. „Крестьяне не почали въ города возить сѣна и дровъ и сѣѣсныхъ запасовъ и почала быть отъ тѣхъ денегъ на всяkie запасы дороже великая“... „Въ государствѣ серебрянымъ денгамъ учала быть скудость, а на мѣдныя было все дорого и многіе помирали зъ голоду“³⁾. Мѣдныя деньги стремительно стали понижаться въ цѣнѣ. Какъ известно, въ Москвѣ въ юнѣ 1668 г. дошло до страшнаго бунта. „А за тѣ деньги казнено въ тѣ годы смертною казнью больши 7000

1) Впрочемъ этимъ не удовлетворились и уже въ 1656 г. потребовали, чтобы казнѣ и текущіе доходы уплачивались на $\frac{1}{8}$ серебромъ и только на $\frac{1}{8}$ мѣдью. А. Э. И. № 93, стр. 133.

2) П. П. С. З. I, № 344.

3) Котошихинъ, стр. 82.

человѣкъ, да которымъ отсѣкали руки и ноги и чинено наказаніе и ссыланіи въ ссылки больши 15000 человѣкъ, московскихъ и городовыхъ, и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей¹). Конечно, не вслѣдствіе этого мѣдныхъ денги въ половинѣ 1668 г. не только отставлены, но даже запрещены и выкуплены по рыночной цѣнѣ мѣди. Къ этому пришлось прибѣгнуть, потому что мѣдные денги потеряли всякую цѣну и приносили одинъ только вредъ казнѣ и населенію. Казны онѣ не только не обогатили, но едва-ли въ какой бы то ни было моментъ своего существованія были сколько-нибудь полезны. Всего вѣроятнѣе, что бояре, по совѣту которыхъ онѣ были установлены, не вѣдали, что творятъ²).

Отъ широкихъ новыхъ мѣропріятій, по монетной части, предложенныхъ царю Алексѣю Михаиловичу его совѣтниками, осталось очень мало. Мы видѣли, что хотя съ 1668 г. возобновлена была чеканка серебряныхъ копейныхъ и мечевыхъ денегъ, но ихъ до 1680 г. (включительно) чеканилось ежегодно лишь на скромную сумму 58.815 рублей. Казнѣ стало невыгодно чеканить серебряные копейные и мечевые деньги; потому что расходы ихъ чеканки, какъ выше объяснено, отъ очень большого числа монетъ, которыхъ нужно было чеканить, даже для незначительныхъ суммъ, были больше; а прибыли было меньше, чѣмъ при выпускѣ новой монеты въ видѣ „ефимковъ съ признаками“, или даже при простой продажѣ изъ казны ефимковъ, хотя бы и не штемпелеванными. Какъ мы сейчасъ покажемъ, казна покупала ефимки по 50 копѣекъ, а продавала ихъ по 64 копѣйки. Считая, какъ тогда было принято, по 7 ефимковъ на гривенку, казна покупала серебро по 8 руб. 50 копѣекъ за гривенку. Когда она перечеканивала это серебро въ копейные деньги, она изъ гривенки пачеканивала ихъ на 4 рубля 32 копейные деньги и изъ этой суммы нѣ-которая часть должна была служить для покрытия значительныхъ расходовъ на чеканку 482 серебряныхъ монетъ. Когда-же казна просто перепродаивала ефимки, то она за 7 ефимковъ по 64 копѣйки выручала 4 рубля 48 копѣекъ и никакихъ расходовъ на чеканку не имѣла.

1) Которыхъ и нѣ, стр. 86. Эти числа повторяють Соловьевъ XI², стр. 230.

2) Любопытный примѣръ благоразумнаго установленія мѣдныхъ денегъ показала Франція, гдѣ впервые стали чеканить монету изъ чистой мѣди (de cuivre fin) въ 1575 г. При этомъ было опредѣлено, что частные лица могутъ ими производить платежи, не превышающія 20 су (Le Blanc, *Traité historique des monnaies de France, Paris 1690, p. 337*) 20 су составляли одинъ ливръ и въ 1575 г. на русскую монету равнялись 10.₂ копейнымъ деньгамъ этой эпохи.

По всемъ вѣроятностямъ это уже хорошо знали въ началѣ царствованія Алексѣя Михаиловича. Это должно заключить изъ распоряженій, которыя даются таможнямъ о покупкѣ значительныхъ суммъ ефимковъ, изъ стремленія сосредоточивать въ государской казнѣ по возможности всѣ ефимки, привозимые иноzemными торговыми людьми. Для этого была даже учреждена особая Ефимочная Палата. Подъ ефимкомъ понималась всякая иноzemная монета крупнаго достоинства, вѣсомъ не менѣе 6 $\frac{1}{2}$ золотниковъ (по 7 на гравенку въ 48 золотниковъ). Такъ какъ, однако, это было требованіе неосуществимое, то довольствовались, въ среднемъ, вѣсомъ въ 6 $\frac{2}{3}$ золотниковъ = 640 долей.

Въ наказѣ о таможенныхъ сборахъ, данномъ въ іюнѣ 1649 г.¹⁾, между прочимъ, говорится: „у которыхъ приѣзжихъ нѣмецъ будуть въ привозѣ ефимки, и тѣ ефимки покупать на государя, а мимо государевой казны ефимковъ никому покупать не велѣть“. Въ тоже время дается порученіе: „на государя купити-бѣ ефимковъ тысячъ до 80 и до 40, или сколько купить можно“. Казна не довольствовалась покупкою наличныхъ ефимковъ, но покупала ихъ на срокъ, выдавая впередъ денги подъ кабалы за будущіе ефимки, которые ей должны были быть доставлены. Въ томъ же документѣ говорится: „а въ прошломъ 155 (1647) году были челомъ государю Голанцы и Анбурцы гости и торговыя люди, чтобы государь ихъ пожаловалъ, велѣль у Архангельскаго города ефимкомъ цѣну учинить, какъ на Москвѣ въ государеву казну емлють... и государь пожаловалъ велѣль.. ефимки.. покупать любскіе по полтинѣ, крыжовыя по 16 алтынъ (48 копѣекъ) въ вѣсъ, противъ государева прежняго указа любскихъ по 14, а крестовыхъ по 15 ефимковъ на фунтъ. А будетъ кто у города (Архангельска) деньги возметъ, а похочеть заплатить ефимки на Москвѣ зимою, и тѣмъ людемъ давать за любскіе по 16 алтынъ по 2 денги (по 49 копѣекъ), а за крыжовыя по 15 алтынъ по 4 денги (47 копѣекъ)“. Буквальное повтореніе такихъ же распоряженій встрѣчаемъ въ такомъ же наказѣ отъ 1654 г. и поаднѣйшихъ лѣтъ. Порученія о покупкѣ ефимокъ простираются на суммы, все болѣе возрастающія²⁾.

1) Доп. къ А. И. III, № 55 стр. 189, № 115 стр. 410 и др.

2) Какія неудобныя послѣдствія иногда проис текали отъ покупки ефимковъ на срокъ, показываетъ нижеслѣдующій примѣръ относящейся къ 1654 г.

Въ 160 г. (1652 г.) по государеву цареву указу у Архангельскаго города отдалъ пѣтъ государевой казны рускимъ и нѣмецкимъ торговымъ людямъ въ ефимки 12168 рублей и на тѣхъ людяхъ взяли залоги, чтобы имъ за тѣ деньги заплатить 25889 ефим-

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Монетные преобразования Петра Великого.

1698—1724.

Петровской большой перемѣнѣ, произведенной въ русской монетной системѣ, предшествуетъ незначительное, сравнительно, измѣненіе, произведенное въ 1682 г. царевною Софьею. Что перемѣна сдѣлана, на это указываетъ Нартовъ въ запискѣ, на которую мы неоднократно ссылались. Но Нартовъ указываетъ на 1681 годъ, какъ на время, когда перемѣна произведена, а съ этимъ не согласуются сообщаемыя имъ же съ 1681 г. погодныя свѣдѣнія о суммахъ, на которыхъ чеканились монеты. Въ 1681 г. ихъ начеканено лишь на 170.817 рублей, тогда какъ въ слѣдующіе три года эти суммы составляютъ: въ 1682 году на 812.661 рубль, въ 1688 году на 242.707 рублей и въ 1684 году на 214.720 рублей; въ 8 года на 770.088 рублей, или въ среднемъ ежегодно по 258.696 рублей. Такъ какъ измѣненіе монетной стопы всегда

ковъ съ четью любскихъ въ вѣсъ по 14 ефимковъ въ фунтъ цѣною по 15 алтынъ по 4 денги ефимковъ (по 47 копѣекъ). Въ 161 г. (1658 г.) велико за ефимки собрать сполна, а скопокъ (отстрочекъ) въ ефимочномъ платежѣ русскимъ и иѣмѣцкимъ людямъ отнюдь не давать, чтобы тѣхъ ефимковъ впередъ ни на комъ въ домикѣ никакъ не было... И въ нынѣшнемъ во 162 г. (1654 г.) гость Юрьевъ подалъ расписъ: собралъ онъ тѣхъ ефимковъ за 10893 рубля долговыхъ 23176 ефимковъ съ полуефимковъ и съ полутретью ефимка любскаго безъ полуутреты денги, въ вѣсъ по 14 ефимковъ фунтъ, цѣною по 15 алтынъ по 4 денги ефимокъ. Да въ тоже число тѣхъ долговыхъ ефимковъ взято на Москву у иноземца у Томаса Келдермана за 200 рублей 425 ефимковъ любскихъ. А данныхъ тѣхъ долговыхъ ефимковъ по записямъ на русскихъ, на торговыхъ, и розныхъ чиновъ на людяхъ 1075 рублей, а за тѣ денги взяли на заемщиковъ 2287 ефимковъ съ полуефимкомъ и съ третью любскихъ безъ тѣхъ денегъ въ вѣсъ по 14 ефимковъ въ фунтъ цѣною по 15 алтынъ по 4 денги ефимокъ. А тѣ ефимки остались въ домикѣ не выбраны, потому что русские многіе люди заемщики и ихъ порушники у Архангелскаго города на ярмаркѣ не были и тѣхъ ефимковъ собрать было не на комъ; а которые заемщики были у Архангелскаго города на ярмаркѣ сказывали, что ефимковъ купцы не добыли, потому что къ Архангелскому городу въ привозѣ изъ моря у иноземцевъ ефимковъ предъ прежними годами гораздо было мало, а вмѣсто тѣхъ долговыхъ ефимковъ давали они заемщики деньги по полтинѣ за ефимокъ. И гость Федоръ Юрьевъ (таможенный сборщикъ) за долговые ефимки по той цѣнѣ деньги взяты не смѣлъ, потому что въ заемныхъ ихъ записехъ написано: будеть ефимковъ на срокъ во 161 г. (1656) августа въ 15 день не заплottaсть и имъ заемщикомъ [и поручикомъ] ихъ платить въ государеву казну за тѣ ефимки за неотдачу по 20 алтынъ за ефимокъ.... И государь царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ указалъ... по темъ записямъ ефимки выбрать безъ поиоровки, чтобы въ домикѣ ни на комъ не осталось.

Изъ наказа Таможенному гостю 29 мая 1654 г.

Доп. А. И. III, № 116, стр. 427—429.

ведеть за собою усиление чеканокъ, то годы усиленія чеканки ясно указываютъ на время, когда фактически измѣнена монетная стопа. Въ слѣдующіе 5 лѣтъ 1685—89 гг. чеканка простиралась на 856.887 рублей или среднимъ ежегодно опять лишь на 171.277 рублей. Наконецъ въ 4 года съ 1690 по 1698 г. чеканки составляли вмѣстѣ 872.874 рубля или по 218.219 рублей въ годъ ¹⁾.

Перемѣна, произведенная царевной Софьей, заключалась въ уменьшениіи вѣса рубля и копѣйки на $1/7$, или $14^{2/7}\%$. Изъ гривенки серебра чеканили уже 504 копѣйки (вмѣсто 482 копѣекъ), или изъ фунта 10 рублей 8 копѣекъ; изъ золотника $10^{1/2}$ копѣекъ (вмѣсто 9). Серебряная копѣйка упала съ $1/9$ золотника до $4^{2/9}$ золотника = $9^{1/7}$ долей (вмѣсто $10^{2/9}$). Мечевая денга, на которую все таки еще продолжался денежный счетъ не только въ народѣ, но и во всѣхъ официальныхъ документахъ (въ нихъ все еще всѣ денежныя суммы выражаются въ рубляхъ въ 200 мечевыхъ денегъ, въ алтынахъ въ 6 мечевыхъ денегъ и, наконецъ, въ денгахъ, означающихъ всегда только мечевые деньги, а о копейныхъ никогда не упоминается, какъ еслибы ихъ не было),—эта мечевая денга уже представляеть лишь $1/21$ золотника = $4^{1/7}$ долей серебра. Серебряный рубль уже означалъ лишь $9^{11/21}$ золотниковъ (вмѣсто $11^{1/9}$). Серебряные мечевые деньги чеканила не только Софья, но даже Петръ Великій ²⁾.

Насколько извѣстіе Нартова касается чеканки по 5 р. 4 к. изъ гривенки или 10 р. 8 к. изъ фунта, оно подтверждается „экстрактомъ“, приложенномъ къ Донесенію изъ комиссіи по монетному дѣлу въ правительствующій сенатъ отъ 5 сентября 1780 г.; въ этомъ документѣ, между прочимъ, говорится, что до 1696 года (1698) дѣлана монета, а пробою была серебряная противъ ефимка и свыше гораздо и выходило оныхъ по 1008 копѣекъ изъ фунта ³⁾.

По этой монетной стопѣ началь чеканить и Петръ Великій. Выше приведены данные, показывающія, что суммы, на которыхъ простиралась чеканка монетъ въ первые годы царствованія Петра, до 1698 г. не уклонялись сильно отъ уровня 200.000 рублей въ годъ. Съ 1694 г. это измѣняется. Чеканки простирались въ 4 года до 1697 включи-

1) Горный Журналъ 1882 г., часть IV, стр. 313, 314.

2) Рейхель №№ 768—9, вѣсъ ихъ показанъ въ 5 долей, Петровскія №№ 876—879 съ вѣсомъ въ 6 долей. По Шуберту Monnaies p. 43 (105) такія же показанія.

3) Вел. Кн. Георгія Михайловича Монеты царств. Анны Ioannovны докум. № 17.

тельно на 1.791.000 рублей или, въ среднемъ, по 447.750 рублей въ годъ. Въ нихъ уже ясно отражается вліяніе Азовскихъ походовъ; расходы по нимъ покрывались монетою, которой чеканка была усиlena, но производилась по монетной стопѣ 1682 г. Чеканка 1698 г. производилась лишь на сумму 471.610 рублей, т. е. на сумму, мало отличающуюся отъ предшествующихъ 4 лѣтъ. Поэтому трудно сказать категорически, что большая перемѣна произошла въ 1698 г. Но съ 1699 г. она уже видна и на суммахъ чеканки.

Перемѣны, произведенныя въ монетной части Петромъ, располагаются въ три періода: отъ 1698 до 1711 г. производятся разлічныя перемѣны, но на почвѣ чеканки изъ серебра, котораго проба не установлена, какъ это бывало и въ предшествующія эпохи, 2) съ 1711 до 1718 гг. идутъ приготовленія къ установленію пробы монетъ, 3) паконецъ въ 1718 — 24 гг. монетныя преобразованія Петра получаются тользаконченный видъ, въ которомъ онъ переходятъ къ преемникамъ Петра.

Разсмотрѣніе перемѣнъ, произведенныхъ въ каждомъ изъ этихъ періодовъ, должно заключаться въ разборѣ слѣдующихъ задачъ: 1) когда произошла каждая перемѣна, 2) въ чёмъ она заключалась, при чёмъ особенно важно выясненіе двухъ вопросовъ: а) въ какомъ порядкѣ шло усложненіе депежной системы введеніемъ новыхъ денежныхъ единицъ въ видѣ монетъ разлічныхъ достоинствъ? б) какъ поставилъ Петръ въ своей монетной системѣ золотую и мѣдную монету?

Первые Петровскія распоряженія объ измѣненіи монетной системы до насъ не дошли и поэтому на основаніи ихъ, нельзя съ точностью указать, когда начались монетныя преобразованія: когда произошла даже одна только перемѣна въ монетной стопѣ, когда вмѣсто чеканки 10 рублей 8 копѣекъ изъ фунта начали чеканить по 14 рублей 40 копѣекъ изъ фунта (когда вмѣсто чеканки изъ золотника серебра $10\frac{1}{2}$ копѣекъ стали чеканить изъ золотника 15 копѣекъ?). Въ только-что приведенномъ официальномъ документѣ отъ 5 сентября 1730 г. категорически говорится, что до 7206 г. (1698) выходило монетъ по 10 рублей 8 копѣекъ изъ фунта. Нартовъ, съ своей стороны, не упоминаетъ ни о какой перемѣнѣ ни подъ 1698, ни подъ 1699 г., ни подъ 1700 г., а лишь подъ 1701 г. категорически говорить, „и въ которомъ (1701) году зачаты дѣлать по 15 копѣекъ изъ золотника“. На стопѣ Нартова оказываются историки и современники Петра изъ иностранцевъ. Главнымъ образомъ историки повторяютъ мнѣ-

ниe Перри, что послѣ Нарвскаго пораженія Петръ произвелъ перемѣнъ въ денежнѣй системѣ ¹⁾). Но это мнѣніе ошибочное и указаніе Наргова неправильное. Противоположное ему указаніе приведенаго документа 1730 г. подтверждается другими очень вѣскими аргументами. Прежде всего оно подтверждается указаніемъ самого Петра. Въ указѣ отъ 18 мая 1701 г., между прочимъ, говорится: „государь... указалъ, по *прежнему* своему великаго государя указу *стираю передѣла* деньги, *которые дѣланы по 206 з.* (1698), *нынѣ* и впредь въ расходъ не давать“ ²⁾. Такимъ образомъ, указу 1701 г. предшествовалъ другой указъ Петра, который предписалъ передѣлать монеты, а монеты предшествовавшаго передѣла (монетной стопы 1682 г.) признать „старыми“; такими „старыми“ признаны совершенно ясно монеты, *чеканившіеся до 7.206 з.* или до 1698 г. Если этотъ предшествовавшій указъ до насъ не дошелъ, то до насъ дошли монеты, на его основаніи выпущенные: не только монеты такихъ наименованій, какія и прежде были или бывали, но и такія, *какихъ прежде совсѣмъ не было и не бывало*. До насъ дошли полтинники 1699 г. ³⁾; этотъ фактъ рѣшаетъ вопросъ. Но онъ еще подтверждается значительнымъ измѣненіемъ, произошедшемъ съ 1698 г. въ суммахъ, на которыхъ простирались чеканки и которыхъ мы будемъ приводить ниже.

Источники, которыхъ характеризуютъ перемѣну, произведенную Петромъ въ монетной системѣ, говорятъ обѣ ней, что она состояла въ чеканкѣ по 15 копѣекъ изъ золотника „серебра *неуставной* пробы“. Констатируются, слѣдовательно, два признака: 1) монетная стопа, 2) качество серебра, изъ которого изготавливается новая монета. Но двойственность этой характеристики опредѣляется лишь тѣмъ, что она исходитъ отъ дѣятелей XVIII в. Старина отъ Дмитрія Донскаго до конца XVII в. не анала характеристики русской монеты по ея пробѣ. И сами дѣятели XVIII в. даютъ эту характеристику отрицательно, а не положительно: монета, которую начали чеканить съ 1698 г., не даетъ никакого повода къ характеристикѣ ея по пробѣ; въ этомъ отношеніи она еще не отличается отъ монетъ предыдущихъ эпохъ, которыхъ

1) *Perry. Der jetzige Staat von Russland etc.*, Leipzig, 1717, S. S. 398, 399. Мнѣніе Перри повторилъ *Schlötzer. Münz-Geld-und Bergwerksgeschichte Russlands* Stuttgart, 1791, S. 34, а за Шлѣцеромъ повторяютъ тоже новѣйшіе историки.

2) П. П. С. З. IV. № 1855.

3) Каталогъ Шуберта №№ 1206, 1207; Рейхеля № 691. Эту монету въ 1699 г. показываетъ и Х. Х. Гиль. Табл. русск. монетъ двухъ послѣд. столѣтій; Слб. 1898, стр. 12, столбецъ $1/2$ рубля, годъ 1699.

всъ были „неустановичной“ пробы. Проба конечно, у монеты всегда была; но она не была установленная, потому что устанавливать, какую угодно, пробу еще не умѣли. Отдѣлять мѣдь отъ серебра умѣли, но не особенно тщательно; стремились къ тому, чтобы въ монетѣ было поменьше мѣди и поэтому считали русскую денгу почти изъ чистаго серебра; но позднѣйшими химическими анализами монетъ это не подтверждено. По официальной справкѣ Доношенія канцеляріи монетнаго управлѣнія въ кабинетъ ея величества отъ 16 іюля 1734 г. (справка эта потомъ многократно повторялась въ указахъ XVIII ст.), проба допетровскихъ денегъ опредѣлена $85\frac{1}{6}$ -я, то-есть на 1 фунтъ лигатурнаго серебра приходится $85\frac{1}{6}$ золотниковъ чистаго серебра (0.903) при $105\frac{1}{6}$ золотникахъ мѣди ¹).

Такимъ образомъ, въ отношеніи пробы, монеты, которыхъ Петръ началъ чеканить съ 1698 г., еще не отличались отъ монетъ предыдущихъ эпохъ. Не отличаетъ ихъ отъ предыдущихъ эпохъ и то обстоятельство, что указъ о началѣ ихъ чеканки до настъ не дошелъ. И наконецъ, не отличаетъ ихъ отъ предыдущихъ эпохъ и то, что все, официальное извѣстное намъ обѣихъ, ограничивается монетной стопою, по которой онѣ чеканились: указаніемъ, сколько ихъ чеканилось изъ золотника серебра, а стало-быть и изъ гриненки въ 48 золотниковъ, или изъ фунта въ 96 золотниковъ.

Сказать, что изъ золотника серебра будуть чеканить 15 копейныхъ денегъ, значило сказать, что изъ гриненки будуть чеканить $15 \times 48 = 720$ копейныхъ денги, а изъ фунта—вдвое болѣе или 1440 копѣекъ; это составляетъ 7 рублей 20 копѣекъ изъ гриненки или 14 руб-

1) В. е. Кн. Георгіа Михайловича, Монеты царствованія императрицы Анны Иоанновны, документы. № 110. Въ XIX ст. результаты анализовъ старинныхъ денегъ опубликовывались два раза: Рейхелемъ и гр. И. И. Толстымъ. Рейхелевскіе результаты слѣдующіе:

Оказалось, что денга

Василія Дмитріевича	была	87-я	пробы
Ивана III	...	$93\frac{1}{6}$,
Ивана IV	...	$92\frac{1}{2}$,
Тверскія	...	$92-93\frac{1}{2}$,
Рязанскія	...	$78\frac{1}{2}-92$,
Другія удѣльныя	...	61—82	,
Еще	•	96	,

По анализу гр. И. И. Толстого новгородской денги до покоренія средняя проба оказалась почти 90-я (отъ $93\frac{1}{2}$ до $79\frac{1}{2}$ я). Монеты Великаго Новгорода, стр. 64. Фоллайдорфъ считалъ пробу старинныхъ денегъ 82-ю, но это показаніе не подтверждено никакими анализами.

лей 40 копѣекъ изъ фунта. Отъ этого лигатурнаго вѣса Петръ уже не отходилъ и онъ оставался въ силѣ до Анны Ioannovны.

Откуда онъ взялся? На это легко отвѣтить: 7 рублей 20 копѣекъ составляютъ $7\frac{1}{2}$ (7 $\frac{1}{2}$) рублей. Столько ефимковъ приходилось на гриненку, когда казна въ XVII ст. покупала на рынке самые тяжелые ефимки. Вѣсъ рубля подсказаи вѣсомъ ефимковъ. Что это были за ефимки, какихъ странъ, какого времени? На это отвѣта не можетъ быть, потому что никакою страною и никакимъ временемъ въ частности не интересовались. Интересовались иноzemпою монетою крупнаго достоинства и ее безразлично называли „ефимкомъ“, все равно, была ли монета нѣмецкая, или голландская, или испанская. Во второй половинѣ XVII в. обстоятельства такъ сложились, что тѣ иноzemныя серебряныя монеты крупныхъ достоинствъ, которыя притекали въ Россию и безразлично назывались ефимками, имѣли въ среднемъ вѣсъ $6\frac{1}{2}$ золотниковъ, то есть, что ихъ приходилось на гриненку $7\frac{1}{2}$, а на фунтъ 14.¹). Это подсказало вѣсъ рубля, когда въ 1654 г. его пожелали слѣдѣть русскою монетою крупнаго достоинства. И тоже самое повторилось въ 1698 г., когда опять пожелали имѣть рубль въ видѣ большой русской серебряной монеты. Ничего другого, что подсказывало бы вѣсъ рубля, не было; а вѣсъ вѣ $6\frac{1}{2}$ золотниковъ, такъ сказать, мозолилъ глаза, внушался опытомъ, очень продолжительнымъ: его и взяли въ 1698 г. также, какъ въ 1654 г.

Въ 1654 г. взяли и ввели, строя сверху внизъ, не беспокоясь о фундаментѣ, или даже не обращая вниманія на то, что фундаментъ, представляемый копѣйкою, былъ для совсѣмъ другого рубля. Въ 1698 г. поступили иначе: постройку начали снизу, чтобы ввести ее, какъ слѣдуетъ, снизу вверхъ. Поэтому начали не съ рубля и не съ того, что столько-то рублей будетъ идти на фунтъ (хотя и это знали), а начали съ золотника и съ числа копѣекъ или копейныхъ денегъ, которыхъ должно идти на золотникъ серебра.

Это была очень большая перемѣна и необходимо прежде всего разобраться въ данныхъ о томъ, насколько велика была эта перемѣна въ самомъ фундаментѣ, на которомъ предстояло воздвигнуть новую монетную систему. Пока, идетъ рѣчь только о счетномъ рублѣ, то-есть,

1) Всего ближе къ этому среднему вѣсу былъ вѣсъ бургундскихъ талеровъ, называвшихся альбертовскими или львиными (Albert, Löwenthaler). Шлѣцеръ в. с. стр. 30 показываетъ ихъ лигатурный вѣсъ въ 584 голландскихъ ассовъ = $6\frac{1}{2}$ золотниковъ; проба ихъ была $83\frac{1}{2}$ цв. Впослѣдствіи эти альбертовскіе ефимки были и официаль но признаны типическими.

о денежной единице, состоящей по казенному счету изъ 100 копѣекъ, а по народному, еще продолжающему, счету изъ 200 (мечевыхъ) денегъ. До чего-же онѣ были доведены въ 1698 г.? Если изъ 48 золотниковъ или 4608 долей чеканять 720 копѣекъ, то копѣйка имѣть вѣсъ $1/16$ золотника = $6^{2}/6$ долей, а денга или полукопѣйка вдвое меньше = $1/30$ золотника = $3^{1}/6$ доли серебра. Сто такихъ копѣекъ или 200 такихъ денегъ имѣть съ 1698 г. вѣсъ $6^{2}/3$ золотника и образуютъ тогдашній счетный рубль; сравнительно съ нимъ составляли счетный рубль:

Царевны Софии съ 1682 г.	$9^{11}/21$	золотниковъ.
Михаила Федоровича и Алексѣя Михаиловича	$11^{1}/6$:
Ивана IV	16	:
Ивана III	$18^{6}/15$:

Счетный рубль 1698 г. составляетъ уже только немного болѣе $1/3$ счетнаго рубля Ивана III ($18/30 = 36\%$ его), порядочно меньше половины ($5/12 = 41^{2}/4\%$) счетнаго рубля Ивана IV; порядочно больше половины ($3/5 = 60\%$) счетнаго рубля Михаила Федоровича и Алексѣя Михаиловича и немного меньше трехъ четвертей (70%) счетнаго рубля царевны Софіи. По широтѣ размаха, перемѣна 1698 г. равняется перемѣнѣ, произведенной при Михаилѣ Федоровичѣ въ 1613 и 1680 гг. Отъ перемѣнѣ, произведенныхъ въ XVII ст., съ 1613 до 1698 г., рубль Ивана III уменьшился на 64% , почти на двѣ трети, отъ одного только уменьшения вѣса мелкой серебряной монеты, копѣйки и денги. Если сравнить перемѣну, происшедшую въ рубль въ XVII ст., со включеніемъ Петровской, съ перемѣною, происшедшую при Василіи Темномъ, считая послѣднюю въ томъ видѣ, какъ ее санкционировалъ Иванъ III, то эти двѣ перемѣны находятся къ первоначальному рублю, въ видѣ рублевой гривенки, т. е. въ 48 золотниковъ, въ отношеніи $1:2.6:7.2$ то-есть, изъ той-же гривенки, которая первоначально была однѣмъ рублемъ, при Василіи Темномъ и Иванѣ III стало 2.6 рублей, а въ 1698 году 7.2 рублей. Отношеніе-же $7.2:2.6 = 2.77$ ясно показываетъ, что XVII столѣtie сильно измѣнило рубль, чѣмъ даже то, что произошло при Василіи Темномъ. Для того, чтобы перемѣна 1698 г. была такая-же, какъ при Василіи Темномъ и Иванѣ III, изъ гривенки должно было бы въ 1698 г. чеканиться не 7.2 рубля, а лишь 6.72 рубля. Пять гривенокъ серебра составляли съ начала XIV до половины XV в. пять рублей, при Василіи Темномъ и Иванѣ III уже 18 рублей, а съ 1698 г. уже 36 рублей.

Перемѣна монетной стопы означаетъ перечеканку монеты; а для

этого необходимо, чтобы „старая“ монета, то-есть, монеты прежнихъ стопъ, притекала въ казну и въ ней задерживалась. Для этого и былъ изданъ приведенный выше указъ 18 мая 1701 г. Онъ предписываетъ двоякое: 1) „старого передѣла денегъ, которые дѣланы по 206 г., нынѣ и впредь въ расходъ не давать, а передѣлавъ отсыпать; 2) всего московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ указъ сказать, чтобы они старыя денги для передѣла вновь несли на денежный дворъ и имъ на тѣ денги къ тому числу, сколько ихъ принято, наддачи будеть дано по гривнѣ на рубль, а за работу никому ничего отъ тѣхъ людей не имать“.

Такимъ образомъ, постановка нового „передѣла“ или перечеканки монетъ, начавшейся съ 1698 г., существенно отличалась отъ предыдущихъ постановокъ XVII в. Не только воспрещено расходование старыхъ монетъ, но ихъ выкупъ обеспеченъ уплатою 10%-наго лажа („наддачи“) на ихъ нарицательную стоимость ¹⁾). Еще существеннѣе новый передѣлъ 1698 г. отличался другою своею стороною: введеніемъ новыхъ номиналовъ или достоинствъ серебряной монеты, крупныхъ и мелкихъ.

Прежніе номиналы въ видѣ серебряной копейной и мечевой денги и полушки (полуденги мечевой) отжили свой вѣкъ. Мечевая денга и ея половинка уже очень мало чеканились съ XVI вѣка, поэтому что ея чеканка обходилась очень дорого. А когда количество серебра, копейной и мечевой денгою представляемое ($1/15$ и $1/30$ золотника съ 1698 г.), стало почти ничтожнымъ, то чеканка ихъ могла имѣть лишь значеніе офиціального удостовѣренія, что связь съ прошлымъ не порывается окончательно. А что такому удостовѣренію придавали пѣкоторый смыслъ, это ясно видно изъ чеканки копейной денги, которая въ видѣ серебряной денги Петромъ продолжается до 1717 г. Чеканка монеты — область весьма консервативная, въ которой приходится очень много считаться съ народными привычками. И къ нимъ Петръ относится весьма внимательно. Это ясно видно, какъ въ осторожности, такъ и въ той постепенности, съ которой вводятся новые серебряные монеты Петра, представляющія новые номиналы, монеты новыхъ достоинствъ. Прежде всего очень характернымъ фактомъ является то, что главнымъ образомъ съ 1698 г. чеканятся копѣйки изъ того-же высокопробного серебра, въ которомъ еще никакой перемѣны не сдѣлано. Это офиціально удостовѣряется документомъ, изъ

1) Lord Withworth, Account of Russia in 1710 pp. 76—77 говорить о приплатѣ въ 15%; Куракинъ говорить о 12% (Архивъ кн. Куракина I 265).

котораго выше заимствованы свѣдѣнія о пробѣ старинныхъ серебряныхъ денегъ. Съ 1699 г. появляются гравенники въ 10 копѣекъ, совершенно новый номиналъ; но въ высшей степени характеренъ и тотъ фактъ, что съ 1701 г. появляется серебряная монета, которая въ XVIII и XIX вв. была извѣстна, какъ пятакъ, но у Петра называется иначе; надпись на ней ея номинала гласить: „десять денегъ“. Московская маловѣсная денга, родившаяся при Василии Темномъ, продолжаетъ жить въ этой монетѣ и даетъ народу возможность оставаться при привычномъ денежномъ счетѣ, возникшемъ въ половинѣ XV вѣка. Эта монета чеканится въ 1701, 1702 и 1704 гг.; ея чеканка возобновляется въ 1713 и 1714 гг. Съ 1699 г., какъ выше было указано, появляется и полтинникъ. Копѣйки чеканятся непрерывно: это ясно изъ того, что онѣ дошли до нась съ указаніемъ на нихъ года ихъ чеканки за каждый годъ съ 1698 до 1717 г.; гравенники въ десять копѣекъ до нась дошли за каждый годъ отъ 1701 до 1709 г. Петровскіе серебряные алтыны до нась дошли отъ 1704 и 1710—14 гг. Полуполтины (будущіе четвертаки, очень старинная денежная единица, которую уже знала древнійшія Русь во время Святослава, и которая сопровождала также старинный рубль) появляются въ 1701 г. и чеканятся каждый годъ до 1707 г., а потомъ въ 1710 и 1713 гг. Наконецъ, Петровскіе рубли появляются въ 1704 г. и чеканятся въ 1705, 1707, 1710, 1712 и 1714 гг. Все это монеты, которая уподобляются старымъ тѣмъ, что онѣ всѣ—„неустановичной“ пробы. Онѣ чеканятся изъ одинакового серебра и на одномъ общемъ основаніи, которое ихъ объединяетъ въ систему: въ каждой изъ нихъ копѣйка = $1/15$ золотника серебра. Это подтверждается ихъ вѣсомъ; но само собою разумѣется не вѣсомъ каждой отдельной монеты, даже крупныхъ достоинствъ, а нѣкотораго ихъ числа, хотя бы и не большого (10—15) для крупныхъ достоинствъ. Юстировка (или вывѣрка вѣса каждой отдельной монеты) еще долго не удавалась монетнымъ дворамъ въ XVIII ст. Естественно, что и иностранцы, говоря о русской монетѣ, указывали на ея разновѣсность¹). Но это касается только отдельныхъ монетъ; въ массѣ, хотя бы и не большой, средній вѣсъ скорѣе былъ больше, чѣмъ менѣе требованій монетной стопы.

Но изложеннымъ не исчерпывалась новая монетная система Петра въ томъ ея первоначальномъ видѣ, въ которомъ она уже съ 1699 г. постепенно слагалась изъ значительнаго уже числа серебряныхъ мо-

1) Напр., lord Withworth, An account of Russia as it was in 1710, 1756, p. 82.

неть мелкихъ и крупныхъ достоинствъ. По существу она отличалась от старой монетной системы тѣмъ, что не только число монетъ мелкихъ увеличивалось алтынною и десятиденежною монетою, но появились сверхъ нихъ двѣ крупныя монеты: полтинникъ и рубль. Но алтынъ и рубль пытались чеканить уже и предшественники Петра; введеніе ихъ, да и другихъ номиналовъ, было не принципиальнымъ измѣненіемъ старой монетной системы, а лишь ея развитіемъ и дополненіемъ. Но старая монетная система, построенная на *серебряной* денгѣ, неминуемо должна была подвергнуться принципиальному измѣненію вслѣдствіе того, что эта коренная ея основа отжила свой вѣкъ. Основою монетной системы предшественниковъ Петра была съ Василія Темнаго *московская маховѣская денга* (по рисунку на ней мечевая съ 1585 г.). И вотъ она то съ 1698 г. стала такою незначительною, что объ ней, а тѣмъ болѣе объ ея половинкѣ, полушкѣ, какъ о серебряной монетѣ, чеканка которой продолжается, уже не могло быть рѣчи. Въ 1698—1717 г.г. Петръ еще полагалъ, что въ этой роли наименьшей *серебрной* монеты мечевую денгу можетъ замѣнить копейная денга или копѣйка. Но это лишь доказываетъ, какъ крѣпко Петръ стоялъ на исторической почвѣ и очень медленно отъ нея отрывался. Только въ 1717 г. онъ убѣдился, что и копѣйка, какъ наименьшая серебряная монета, стала невозможна. И вотъ разставаясь съ (мечевою) денгою, исключая ее изъ системы серебряныхъ монетъ, Петръ очень своеобразно отнесся къ ней. Съ одной стороны, онъ всетаки какъ-бы оставилъ ее, строя на ней, а не на копѣйкѣ, другія двѣ новыя наименовія серебряныхъ монеты. Народъ зналъ алтынъ, какъ монету въ шесть денегъ, и чеканкою серебряного алтына Петръ оставлялъ населенію возможность продолжать старыи денежный счетъ. Чеканкою же серебряной монеты въ 10 денегъ Петръ прямо показывалъ, что онъ не желаетъ насильно искоренять этотъ счетъ.

Но вмѣсто серебряной (мечевой) денги и полушки все таки было необходимо создать что-нибудь новое. Это ставилъ себѣ задачею указъ 11 марта 1700 г. о дѣланіи *мѣдныхъ денегъ, полушекъ и полуполушекъ*¹⁾. После несчастнаго опыта 1656—1663 г. съ мѣдными деньгами официально признавалось возможнымъ возобновленіе чеканки ихъ уже лишь въ видѣ „денежекъ“ и частей денежки (полушки и бывшей четверетцы). „Великій государь указалъ дѣлать мѣдныя денежки, и полушки, и полуполушки, для тою, (что) во многихъ низовыхъ и

1) II. II. С. З. IV № 1776.

иныхъ городѣхъ, за скудостю денежекъ, на размѣну въ мелкихъ торгахъ, пересыкаютъ серебряныхъ копѣекъ на двое и на троє и торгуютъ ими вмѣсто денежекъ на размѣнѣ; а въ Калугѣ и въ иныхъ городахъ, вмѣсто серебряныхъ денежекъ торгуютъ-же кожаными и иными жеребьями. И для соблюденія серебряныхъ копѣекъ, чтобы въ городахъ, за уменіемъ серебряныхъ копѣекъ и денегъ, не сѣкли и кожаными и иными жеребьями не торговали: нынѣ и впредь на Москвѣ и въ городѣхъ, и въ уѣздѣхъ, и въ селѣхъ, и въ деревняхъ по всякимъ торжкамъ, и на перевозѣхъ, ходить и торговать и въ пошлинный сборъ имать . . . безъ всякаго прекословія мѣдными денежками и полушками". — За этимъ слѣдуютъ обстоятельныя описанія новыхъ мѣдныхъ монетъ и указаніе способа сдѣлать ихъ общеизвѣстными. Запрещая дальнѣйшее обращеніе прежнихъ „сѣченыхъ копѣекъ", указъ предписываетъ изъятіе ихъ изъ обращенія и обмѣнъ ихъ на мѣдную монету, а равно размѣнъ серебряныхъ копѣекъ на „ту монету: и на копѣйку по двѣ денежки, по четыре полушки, по осьми полуполушекъ, а буде гдѣ есть серебряная печатная денежка, а не сѣченая, и тѣмъ ходить и торговать ими по прежнему съ мѣдними за едино". Указъ кончается угрозами государевой опалы и великихъ наказаній за его нарушеніе.

Изъ этого указа ¹⁾ мы узнаемъ, какъ населеніе изворачивалось, когда для него или очень мало, или совсѣмъ не чеканили мечевыхъ денегъ или полушекъ: оно разсѣкало копейную денгу на двѣ или четыре части и „сѣченая денги" замѣняли недостававшія монеты. Такъ поступали и въ другихъ странахъ, напр. въ Англіи ²⁾ въ началѣ XI ст., да и въ домонгольской Руси: клады съ куфическими монетами очень часто состоятъ въ значительной долѣ изъ ломанныхъ монетъ, которыхъ наши нумизматы-оріенталисты всегда объясняли намѣреннымъ разсѣченіемъ монетъ. „Кожанныя и иныя жеребья" тоже служили для этого, замѣняя всякаго рода марки (напримѣръ, въ Англіи пѣть олова), которыхъ выпускались богатыми людьми въ однородныхъ обстоятельствахъ. Само собою разумѣется, что коренная причина, побудившая къ выпуску мѣдной монеты въ 1700 г., была та-же, которая вызывала всю Петровскую перемѣну въ монетной части съ 1698 г. и

1) Ему предшествовалъ указъ 1 июня 1680 г., тоже запрещавшій сѣченія копѣекъ („въ Смоленскѣ на кружечномъ дворѣ собирается тѣхъ сѣченыхъ денегъ рублей по сту и по 200 и больше") П. П. С. З. № 825.

2) Andrew. A numismatic history of Henry I (Numismatic chronicle 1901.) р. 5, 10, 12. Ломанные монеты вышли изъ употребленія при Эдуардѣ I.

которая заключалась въ фискальной нуждѣ. Но приступъ къ чеканкѣ мѣдной монеты въ 1700 г. дѣлался подъ болѣе благовиднымъ предлогомъ. Для выпуска мѣдной монеты въ 1700 г. ссылались на то, что правительство чеканило для населения мало монетъ наименѣшихъ достоинствъ и принуждало населеніе довольствоваться „сѣченными денгами“. Удовлетвореніе же этой потребности серебряною монетою стало затруднительнымъ. Когда копѣйка представляла уже только $1/16$ золотника серебра, то денежка должна была бы въ серебрѣ представлять $1/80$ золотника, полуушка $1/160$ золотника, а полуполушка $1/120$ золотника $= 1/5$ доли. Такія серебряныя монеты физически невозможны.

Изъ этого слѣдуетъ, что включеніе мѣдныхъ денегъ въ монетную систему было неминуемо и безъ всякаго фискального мотива. Но неминуема была только мѣдная монета, въ видѣ частей копейки (денежки, полушки и полуполушки), о которыхъ только и говорить указъ 1700 г. Но фискальный мотивъ введенія мѣдной монеты въ денежную систему обнаруживается нумизматическимъ фактомъ, что до насъ дошли мѣдныя копѣйки, которая, начиная съ 1704 г., чеканились ежегодно, безъ перерыва, до 1719 г. Объ этихъ мѣдныхъ копѣйкахъ указъ 1700 г. умалчиваетъ и никакого иного распоряженія объ нихъ мы не знаемъ¹⁾. До 1718 г. онъ какъ бы конкурируютъ съ серебряными копѣйками, а съ 1718 г. серебряныя копѣйки окончательно исчезаютъ и мѣдныя копѣйки остаются единственными копѣйками. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что странное положеніе мѣдной копѣйки въ первыя 14 лѣтъ ея существованія довольно ясно указываетъ на фискальныя ея основы.

Новая мѣдная монета дѣлалась въ 1700 и 1701 г.г. по 12 р. 80 коп. изъ пуда, въ 1702 и 1708 г.г. по 15 рублей 40 коп. съ пуда, а съ 1704 по 1717 г. по 20 рублей изъ пуда²⁾. По свѣдѣніямъ Миниха съ 1704 г. до 1717 мѣдныхъ монетъ начеканено на $2\frac{1}{5}$ миллиона рублей, или въ среднемъ ежегодно на 157.140 рублей.

Общему, консервативному, характеру первого периода Петровскихъ преобразованій монетной системы соответствуетъ постановка въ ней золотой монеты. Мы уже упоминали, что съ Ивана Грознаго входитъ

1) Только коротенький (въ три строчки) указъ 28 марта 1712 г. (П. П. С. З. IV № 2509) о нихъ говорить: „сенатъ приговорили на мѣдныхъ денежныхъ дворахъ мѣдныя копѣйки дѣлать по прежнему“. О серебряныхъ копѣйкахъ до 1718 г. см. Eichel № 795—875; Schubert Catal. № 1421—1507.

2) Эти свѣдѣнія приводятъ Storch и Рашнер, не указывая ихъ источника; они взяты у Шлѣцера, Münz-Geld-Bergwerksgeschichte р. 81, который ссылается на сообщенный ему изъ Петербурга документъ Миниха. Свѣдѣнія Шлѣцера подтверждаютъ Нартовъ (Горный Журналъ 1832 г.; III стр. 241).

въ обычай раздача золотыхъ медалей за военные услуги и для этого служить сначала иноземныя болѣе или менѣе значительныя золотыя монеты (которыя прикрепляются къ шапкѣ или къ рукаву), а потомъ подраженія червонцамъ, чеканка которыхъ начинаяется и въ Москвѣ. До насъ дошли такіе червонцы Феодора Ioannovica, Бориса Годунова, Василія Шуйскаго, Михаила Феодоровича и Алексія Михайловича, Феодора Алексіевича и Ioanna Алексіевича вмѣстѣ съ Петромъ и Софьею. Такія золотыя монеты, служившия медалями для наградъ, чеканились не только въ видѣ червонцевъ, но въ видѣ получервонцевъ и даже четвертей червонцевъ, а также въ видѣ золотыхъ и даже позолоченныхъ копейныхъ и мечевыхъ денегъ. Червонцы имѣли приблизительно вѣсъ венгерскихъ (угорскихъ) ¹⁾.

Къ этой категоріи монетъ, служащихъ медалями, принадлежать и первые червонцы, которые Петъ I чеканилъ въ 1701—4, въ 1706, 1707 и 1711 гг. (въ остальные годы съ 1698 по 1711 г. золотыхъ монетъ совсѣмъ не чеканили). Что червонцы этого периода еще не составляютъ монетъ и совершенно одинаковы съ червонцами предшественниковъ Петра, ясно изъ того, что они нарицательной цѣны еще совсѣмъ не имѣютъ и составляютъ одинъ изъ предметовъ казенной (царской) торговли. Какъ извѣстно, уже новоторговыемъ уставомъ 1665 г. предписывалось: „имать съ продажныхъ заморскихъ товаровъ въ государеву казну въ таможнѣ у Архангельского города пошлины золотыми и ефимками, съ вѣсчихъ товаровъ по 10 денегъ съ рубля (5%), а не съ вѣсчихъ по 8 денегъ (4%) съ рубля. А принимать за пошлину золотые угорскіе по рублю золотой, а ефимки по полтинѣ въ довѣсъ” ²⁾. Вѣсъ ефимковъ и золотыхъ при этомъ тщательно былъ указанъ: „чтобъ въ денежное дѣло годились, ефимки полнаго вѣса чтобы были по 14 ефимковъ въ фунтѣ и тѣ примать съ довѣсомъ, а цѣною по полтинѣ ефимокъ; а золотые добрые угорскаго вѣса, которые вѣсомъ будутъ противъ московской гирьки, каковая послана съ Москвы въ 198 (1685 году): во 100 золотыхъ по 88 золотника, а цѣною

1) См. напр. въ каталогѣ Рейхеля — червонцы: Феодора Ioannovica 78 долей (№ 487), Василія Шуйскаго (80 долей, № 592), Михаила Феодоровича (60 долей № 688), Алексія Михайловича (№ 673), Феодора Алексіевича (80 долей № 743), Ioanna, Петра и Софы (78 долей №№ 774,775). Получервонцы: Михаила Феодоровича (41 доля № 639), Ioanna, Петра и Софы (40 долей № 774). Четверти червонца: Алексія Михайловича (20 долей №№ 674—6), Ioanna Петра и Софы (21 доля № 774). Золотыя копейныя и мечевые деньги: №№ 640 (Михаила Феодоровича), 677 и 679 (Алексія Михайловича) и т. д.

2) П. II. С. 3. I № 408 ст. 48, 50.

по рублю золотой¹⁾). Такимъ образомъ уже въ 1685 г. была разослана по таможнямъ образцовая гирька (эксагій) для повѣрки вѣса червонцевъ, которыхъ сто штукъ должны были имѣть вѣсъ 83 золотниковъ; или червонецъ долженъ быть имѣть вѣсъ 79.⁶⁸ долей = 0.⁶⁸ золотника. На фунтъ ихъ приходилось 96 : 0.⁶⁸ = 115^{15/68} и стоилъ казнѣ этиотъ фунтъ червонцевъ 115 р. 67^{1/2} копѣекъ. А сама казна въ 1701—11 гг. чеканила изъ фунта 118 червонцевъ и ихъ продавала по 2 рубля 25 копѣекъ (по свѣдѣніямъ монетнаго двора). Фискальное значеніе этой чеканки очевидно.

Погодныя свѣдѣнія о суммахъ, на которыхъ простиралась чеканка монетъ въ разсмотрѣнномъ періодѣ до настѣ дошли въ слѣдующемъ видѣ:

въ 1699 году на	671.861	въ 1706 году на	645.492
• 1700 • •	1,992.877	• 1707 • •	507.596
• 1701 • •	2,559.886	• 1708 • •	758.958
• 1702 • •	4,533.194	• 1709 • •	1,271.426
• 1703 • •	2,613.223	• 1710 • •	1,482.827
• 1704 • •	1,428.374	• 1711(до 20августа)	573.648
• 1705 • •	700.444		
			19,784.805

Въ первыя шесть лѣтъ монетнаго преобразованія чеканка монетъ очень сильно увеличилась и простиралась во всѣ эти шесть лѣтъ, вмѣстѣ взятныя (съ 1699 по 1704 г.), почти на 18,800.000 р. или почти по 2,800.000 рублей въ годъ. Въ слѣдующія же 6^{1/2} лѣтъ съ 1705 по 20 августа 1711 г. (до предполагаемаго установленія пробы монетъ), начеканено новыхъ монетъ въ 2^{1/8} раза менѣе, на 5,985.000 р., или ежегодно лишь на 918.100 рублей. Во всѣ 12^{1/2} лѣтъ съ 1699 по 20 августа 1711 г. чеканки простирались на 19^{3/4} миллионовъ рублей. Но даже когда чеканка такъ сильно ослабѣла, она все таки вдвое превышала усиленныя чеканки для азовскихъ походовъ, а до-Петровскія чеканки превышала во много разъ.

О томъ, какъ велика была прибыль отъ монетныхъ операций 1698—1711 г., господствуютъ очень преувеличеннія представленія; главнымъ образомъ эти представленія распространяли иностранцы, служившіе Петру, несомнѣнно пострадавшіе отъ Петровскихъ монетныхъ операций и поэтому распространявшіе обѣ нихъ всякия небылицы, между прочимъ, и ту, что прибыль казны тогда доходила чуть ли не до 100%¹⁾. Мы тѣперь въ состояніи имѣть обѣ этомъ предметъ

1) П. П. С. З. III № 1687 (мая 1699 г.) и IV № 1795 (2 июня 1700 г.).

2) Этому съ голоса Перри вѣрить даже Шлецеръ главнымъ образомъ потому, что «флімокъ», содержащій тѣ же 6^{1/2} золотниковъ серебра, какъ и Петровскій рубль

правильныхъ представленія, благодаря новымъ свѣдѣніямъ, которыхъ П. Н. Милюковъ нашелъ въ Государственномъ Архивѣ и напечаталъ въ своемъ труда „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в.“ Къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія не охватываютъ всего $12\frac{1}{2}$ лѣтнаго периода, о которомъ выше приведены данные Нартова, а только время съ 1701 до 1709 г. Соединяя вмѣстѣ монетные передѣлы Большой Казны и Приказа военнаго и морскаго, П. Н. Милюковъ получаетъ слѣдующія суммы чеканокъ и прибыль отъ нихъ¹⁾.

	Чеканки:	Прибыль:
въ 1701 году	2.550.886 руб.	791.729 руб.
• 1702 •	4 986.348 •	1.296.978 •
• 1703 •	2.627.022 •	738.647 •
• 1704 •	1.448.873 •	396.801 •
• 1705 •	861.244 •	312.807 •
• 1706 •	765.712 •	228.684 •
• 1707 •	580.000 •	161.820 •
• 1708 •	675.631 •	158.589 •
• 1709 •	1.323.103 •	358.987 •
	15.822.318 руб.	4 439.522 руб.

Прибыль составляетъ лишь 28% суммы чеканокъ: она оказывается въ 4 раза меньше, чѣмъ ее считали. Очень любопытныя данные, приводимыя П. Н. Милюковымъ, о томъ, сколько было въ 1701—9 гг. перечеканено „старыхъ денегъ“. За всѣ 9 лѣтъ ихъ сплавлено только на 6.842.680 рублей и изъ нихъ начеканено на 9.076.117 рублей или лишь 57% суммы всѣхъ новыхъ монетъ за то-же время. Это намъ объясняетъ, почему самъ Петръ и его преемники до Екатерины II такъ усиленно хлопотали объ привлечениіи въ казну „старыхъ денегъ“ (времени до 1698 г.): народъ не удовлетворялся „наддачею“ или лажемъ въ 10—15%, который на нихъ платила казна до 1711 г.

При взиманіи таможенныхъ пошлинъ, зачитывался за пошлини. Но Шледеръ упомянулъ изъ виду, что сами таможенные пошлины тогда васчитывались только за $4\frac{1}{2}\%$ для того, чтобы можно было принимать ефимокъ за пошлину; достаточно ихъ считать въ 9% (что тоже очень мало) и тогда ефимокъ по цѣнѣ уравнивается съ рублемъ и все „прибыль“ на ефимкахъ учитывается; конечно, реальная прибыль не отъ такихъ зачетовъ зависитъ. Какъ хитроумно тогда вычислялась таможенная пошлина, уплачивавшаяся ефимками, объ этомъ интересныя свѣдѣнія сообщаетъ Margreger's Moskowitischer Kaufmann Luebek 1705, ss. 118—119.

1) П. Н. Милюковъ въ Гос. хов. стр. 203. Любопытно, что если изъ итога чеканокъ показываемыхъ Нартовыхъ, исключить суммы за тѣ годы, о которыхъ П. Н. Милюковъ не даетъ свѣдѣній, то итогъ Нартовскихъ суммъ чеканокъ 1701—9 гг. составляетъ 15.013.592, то-есть меньше итога суммъ П. Н. Милюкова, можетъ быть потому что Нартовскія суммы касаются только серебряныхъ чеканокъ, оставляя въ сторонѣ золотыхъ и мѣдныхъ.

Приведенные выше данные показывают, что уже съ 1707 г. монетная операция Петра стала сильно ослабывать, а нужда въ деньгахъ не только не ослабывала, но сильно возрастала. Въ 1711 г. Петръ объяснялъ Сенату, что „деньги суть артерія войны“ ¹⁾ и уже задумывалъ планъ новой монетной операции. Прямо опять уменьшить въсъ только что перечеканенной старой монеты и снова ее перечеканить, Петръ не рѣшался. Опять однако показалъ, что рядомъ, со „старыми деньгами“ въ монетной операции очень большую роль, лишь немногимъ меньшую, чѣмъ роль старыхъ денегъ, играетъ новое серебро, купленное и серебро (ефимки), поступавшее въ таможенные пошлины или въ уплату за проданные казенные товары. Поэтому Петръ задумалъ *увеличить прибыль по монетной операции отъ будущихъ чеканокъ* (независимо отъ перечеканки старой монеты). Для этого лигатурный въсъ монеты оставленъ прежний: изъ фунта лигатурного серебра по прежнему предполагалось продолжать чеканить монету на 14 рублей 40 копѣекъ. Но въ 96 золотникахъ лигатурного фунта серебра число золотниковъ чистаго серебра предполагалось уменьшить. Прежде (до 1618 г.) въ 96 золотникахъ лигатурного фунта приходилось чистаго серебра 88, до 90 и даже 92 золотниковъ. Но въ XVII в. это количество сильно уменьшилось и въ концѣ XVII в. оно уже не превышало 84 золотника (нѣкоторые говорятъ, даже чище 82 золотника). Иностранны, служившіе Петру и сердившіеся на него за то, что уменьшеніе въса монеты сократило ихъ содержаніе, клеветали на Петровскую серебряную монету, которая чеканилась съ 1698 г., и увѣряли, что она не только уменьшеннаго въса, но и ухудшеннай пробы; это никакими позднѣйшими анализами монетъ не подтверждено. Но въ 1711 г. та же горькая необходимость, которая до этого времени принуждала къ эксплуатациі монетной регалии только посредствомъ уменьшенія въса монеты, въ первый разъ принудила Петра обратиться къ мысли объ эксплуатациі той-же регалии посредствомъ ухудшенія качества монеты, ея пробы, то-есть, посредствомъ уменьшенія количества содержавшагося въ ней чистаго серебра. Оставляя лигатурный въсъ прежнимъ, Петръ очевидно задумалъ замѣнить мѣдью то количество чистаго серебра, на которое уменьшалось содержаніе его въ монетѣ.

Какъ велико было при этомъ ухудшеніе, предполагавшееся въ монетѣ, мы въ точности не знаемъ, потому что мы знаемъ въ точ-

1) Указъ 28 апреля П. П. С. З. III № 2351.

ности только пробу, которую Петръ чрезъ нѣсколько лѣтъ установилъ, но въ точности не знаемъ той пробы, которая предшествовала „установичной“ или установленной Петромъ. Примемъ эту прежнюю пробу за 84-ую: она тогда считалась въ Европѣ хорошею и очень была распространена (кромѣ Англіи, гдѣ со времени англо-саксовъ оставалась и остается въ силѣ 88-я). При 84-ой пробѣ въ фунтѣ лигатурного серебра содержится 84 золотника = 8064 долей чистаго серебра. Слѣдовательно, при чеканкѣ до 1711 года 14 рублей 40 копѣекъ изъ лигатурного фунта серебра 84-ой пробы, рубль имѣлъ лигатурный вѣсъ $6\frac{2}{3}$ золотниковъ = 640 долей, а чистаго серебра въ немъ было $5\frac{1}{6}$ золотниковъ = 560 долей. А при предполагавшейся новой 70-ой пробѣ, въ лигатурномъ фунтѣ серебра было уже чистаго серебра лишь 70 золотниковъ = 6720 долей, или на $1\frac{1}{6}$ = $16\frac{2}{3}$ % меньше. Поэтому, если изъ такого фунта лигатурного серебра чеканили тѣ же 14 рублей 40 копѣекъ, то на рубль при прежнемъ лигатурномъ вѣсѣ въ $6\frac{2}{3}$ золотниковъ уже приходилось чистаго серебра лишь $4\frac{1}{12}$ золотниковъ = $466\frac{2}{3}$ долей. Рубль, задуманный около 1711 г., уже былъ лишь $\frac{5}{6}$ рубля, чеканившагося съ 1704 г.; или 5 рублей, чеканившихся съ 1704 г., равнялись 6 рублямъ новымъ; 100 рублей, чеканившихся съ 1704 г., равнялись 120 рублямъ новымъ¹⁾.

Въ этомъ заключался смыслъ установления Петромъ пробы русской монеты. Проба не была новостью въ русской монетѣ; но новостью было установление и использование ея въ интересахъ казны. И въ этой новости заключался смыслъ второго периода въ истории того преобразованія, которому Петръ желалъ подвергнуть и потомъ подвергнуть русскую монету.

Если считать, что 84-ая пробы была присуща монетамъ всего XVII в., то рубль царевны Софьи, остававшійся въ силѣ въ 1682—97 гг., содержалъ чистаго серебра $8\frac{1}{3}$ золотниковъ = 800 долей, а Петровскій рубль 84-й пробы составлялъ $\frac{7}{12}$ этого рубля. Рубль Алексѣя Михайловича и Михаила Феодоровича (по 8 рублей 64 коп. на лигатурный фунтъ) содержалъ чистаго серебра $9\frac{1}{2}$ золотниковъ = $933\frac{1}{3}$ долей. Петровскій рубль, содержащий чистаго серебра: съ 1704 года $5\frac{1}{6}$ золотниковъ, а при 70-ой пробѣ при уже лишь $4\frac{1}{12}$ золотниковъ, составлялъ при 70-й пробѣ $\frac{7}{10}$ рубля Софьи, а сравнительно съ рублемъ Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича Петровскій

1) Отсюда толки Шлѣпера о старомъ и новомъ рублѣ Петра Великаго, хотя ему не удалось разобраться, въ чёмъ собственно было различіе между ними.

рубль 1704 г. составлять лишь $\frac{21}{35}$ его, при 70-й же пробѣ онъ составлять уже ровно половину этого рубля. Въ XVI ст., судя по анализу можноть этого вѣка, пробу ихъ можно считать 88-ю; поэтому рубль Ивана Грознаго, имѣвшій лигатурный вѣсъ 16 золотниковъ, содержалъ чистаго серебра $14\frac{2}{3}$ золотниковъ, а рубль Ивана III при лигатурномъ вѣсѣ въ $18\frac{6}{18}$ золотниковъ содержалъ чистаго серебра $16\frac{12}{18}$ золотниковъ. Сравнительно съ ними, по содержанію чистаго серебра рубль Петра составлять: съ 1704 года $\frac{2}{5}$ рубля Ивана IV и $\frac{1}{3}$ рубля Ивана III, а при 70-й пробѣ $\frac{1}{3}$ рубля Ивана IV и немного больше $\frac{1}{4}$ (28,7%) рубля Ивана III.

Для того, чтобы правильно разсудить, насколько велико было фискальное значеніе установлѣнія пробы серебряной монеты въ 1711 году, очень важное значеніе имѣть правильное представлѣніе о томъ, какъ велики были выгоды казны отъ чеканки серебряной монеты въ томъ-же 1711 году до установлѣнія пробы. Для этого необходимо знать, по какимъ цѣнамъ казна тогда покупала серебро. Данныя обѣ этомъ сообщаѣтъ указъ 12 мая 1711 г. Серебро „плавленое, самое добroe по 18 рублей, ефимки и старыя денги по 12 рублей, левковое серебро по 8 рублей по 16 алтынъ по 4 денги (8 руб. 50 коп. за фунтъ), а которое серебро ниже ефимка и выше левка 5 золотниками по 10 рублей“¹⁾). Ограничимся только разсмотрѣніемъ цѣны чистаго серебра по 18 рублей за фунтъ и цѣны ефимковъ и „старыхъ денегъ“ (чеканенныхъ до 1698 г.) по 12 рублей за фунтъ. Приведенные цѣны показываютъ, что въ 1711 г. подъ вліяніемъ Петровскихъ монетныхъ преобразованій цѣна серебра сильно возвысилась и казна покупала серебро довольно дорого.

Если казна за чистое серебро въ слиткахъ платила 18 рублей за фунтъ, то серебро 84-й пробы, изъ которой она чеканила монету, ей обходилось въ $\frac{84}{96} \times 18 = 11$ рублей $87\frac{1}{2}$ копѣекъ; а такъ какъ она чеканила изъ фунта 84-й пробы 14 рублей 40 копѣекъ, то на расходы чеканки и на прибыль у нея оставалось $14.40 - 11.375 = 8$ рубль $2\frac{1}{2}$ копѣекъ или $26\frac{1}{2}\%$ на израсходованныя 11 руб. $87\frac{1}{2}$ копѣекъ.

Если, далѣе, казна платила 12 рублей за фунтъ серебра въ ефимкахъ, которыхъ она считала 14 на фунтъ, то значить ефимокъ при покупкѣ его по вольной цѣнѣ обходился казнѣ въ $85\frac{5}{7}$ копѣекъ, а совсѣмъ не въ 50 копѣекъ, какъ считали въ таможняхъ; даже если принять во вниманіе, что фактически на фунтъ выходило 14.4 ефим-

1) П. П. С. З. IV № 2971.

ковъ, то казнъ ефимокъ обходился при его покупкѣ въ $88\frac{1}{8}$ копѣекъ; а такъ какъ ефимокъ перечеканивался въ рубль, то на расходы и на прибыль казнъ оставалось въ этомъ случаѣ уже лишь $16\frac{3}{8}$ копѣекъ или 20% на израсходованныя $88\frac{1}{8}$ копѣекъ.

Но особенно любопытна цѣна 12 рублей за фунтъ серебра въ старыхъ денгахъ. По указу 18 мая 1701 г. „наддача“ къ нарицательной цѣнѣ старыхъ денегъ была „по гривнѣ на рубль“. Слѣдовательно, за 6 рублей денгами Ивана Грознаго или Бориса Годунова, чеканившихъ по 6 рублей изъ фунта серебра 88-й пробы, уплачивали съ 1701 г. денгами 1698 года 6 рублей 60 копѣекъ; а по указу 12 июня 1711 г. за тотъ-же фунтъ серебра въ старыхъ денгахъ Ивана Грознаго и Бориса Годунова уплачивали уже 12 рублей. Слѣдовательно, „наддача“ составляла не гривну, а цѣлый рубль, на рубль; за 6 рублей Грознаго или Годунова уплачивали 12 рублей Петра Великаго 84-й пробы; вмѣсто 10% лажь былъ 100%. На это вліяла проба лишь въ пропорціи $88:84$ или $22:21$, а главнымъ образомъ вліяла перемѣна въ монетной стопѣ. Грозный и Годуновъ изъ фунта серебра 88-й пробы чеканили 6 рублей, а Петръ изъ фунта серебра 84-й пробы чеканилъ 14 рублей 40 копѣекъ. Уплачивая маловѣсными денгами за деньги крупнаго вѣса, Петръ конечно долженъ былъ согласиться на большую наддачу. И Петръ на это не могъ скупиться. По внутренней цѣнѣ фунтъ монетъ Грознаго или Годунова въ денгахъ Петра стоилъ въ сложной пропорціи перемѣна въ пробѣ и монетной стопѣ: перемѣна въ пробѣ была въ пропорціи $88:84$, то-есть, по пробѣ 84-й денегъ Грознаго выходило изъ фунта $6 \times \frac{88}{84} = 6\frac{2}{7}$ рубля или 6 рублей $28\frac{4}{7}$ копѣекъ; перемѣна-же въ монетной стопѣ была въ пропорціи $14.4:6 = 2.4$, то-есть, Петръ чеканилъ изъ фунта въ 2.4 раза больше рублей, чѣмъ Грозный. Слѣдовательно, чтобы перевести фунтъ денегъ Грознаго въ фунтъ денегъ Петра, необходимо выведенныя $6\frac{2}{7}$ рубля взять 2.4 раза; $6\frac{2}{7} \times 2.4 = 15$ рублей $8\frac{4}{7}$ копѣекъ выражаютъ стоимость фунта монетъ Грознаго въ Петровскихъ денгахъ, чеканившихся съ 1698 г. И также точно, когда Петръ чеканилъ по 14 рублей 40 копѣекъ изъ фунта серебра 84-й пробы, то изъ фунта серебра 88-й пробы онъ получалъ больше въ $\frac{88}{84}$ раза, а $14.40 \times \frac{88}{84} = 15$ рублей $8\frac{4}{7}$ копѣекъ. Но изъ нихъ Петръ уплачивалъ за купленныя деньги Грознаго и Годунова лишь 12 рублей; остальныя 8 руб. $8\frac{4}{7}$ копѣекъ, которыхъ недоуплачивались продавцамъ старыхъ денегъ, составляли прибыль казны. Номинальная цѣна фунта старыхъ денегъ Грознаго и Годунова была 6 рублей; цѣна,

по которой ихъ покупалъ Петръ, была 12 рублей. Потеря продавцевъ старыхъ денегъ (8 руб. 8 $\frac{1}{7}$ коп.) была 51.43% на 6-рублевую нарицательную стоимость старыхъ денегъ Грознаго и Годунова. А прибыль казны (тѣ-же 8 р. 8 $\frac{1}{7}$) составляетъ 25 $\frac{5}{7}$ % на израсходованные для покупки старыхъ денегъ 12 рублей. Изъ этой прибыли 2 рубля 40 коп., или 20% составляетъ разность между 14 руб. 40, которыхъ казна чеканила изъ фунта лигатурнаго серебра 84-й пробы, и 12 рублями, которые казна израсходовала на покупку старыхъ денегъ; остальная же 68 $\frac{4}{7}$ копѣйки или добавочные 5 $\frac{5}{7}$ % на тѣ-же 12 рублей, казна имѣла отъ того, что въ этомъ случаѣ казна, въ денгахъ Грознаго и Годунова, покупала серебро 88-й пробы, изъ которого она могла начеканить своей монеты не на 14 р. 40 к., а на 15 р. 08 $\frac{4}{7}$ коп., или больше на тѣ-же 68 $\frac{4}{7}$ копѣйки.

Конечно, на старыя денги Михаила Феодоровича или Алексѣя Михайловича, чеканившіяся по 8 руб. 64 коп. изъ фунта 84-й пробы наддacha была меныше, а именно $12 - 8.64 = 3.36$ рубля или 88 $\frac{4}{5}$ % нарицательной цѣны монетъ этой эпохи. На монеты, которыхъ чеканились съ 1682 по 1698 г. по 10 рублей 8 коп. изъ фунта 84-й пробы, наддacha была еще меныше или $12 - 10.08 = 1.92$ рубля или 19% нарицательной стоимости покупаемыхъ монетъ. О невысокомъ лажѣ въ 10% или даже 15% уже не было помину. Прибыль же казны на старыхъ монетахъ XVII в. была $14.40 - 12 = 2$ руб. 40 коп. или 20% на израсходованные 12 рублей.

Указомъ 19 июня 1711 г. назначается новая цѣна на золото: „а золото на Москвѣ и на ярманкахъ покупать по рублю по 26 алтынъ по 4 денги и по рублю по 23 алтына по 2 денги за золотникъ“, смотря по золоту ¹⁾ (по 1 руб. 80 коп.—1 руб. 70 коп.). Эта цѣна золота—тоже значительно повышена сравнительно съ выше приведенною рублевою цѣною червонцевъ, которыхъ идеть 100 на 88 золотника. Считая червонцы въ 93-ю пробу, 100 ихъ содержать $80\frac{18}{32}$ золотниковъ чистаго золота (при лигатурномъ вѣсѣ одного червонца въ 0.88 золотн.), или одинъ золотникъ чистаго золота считается въ 1 руб. 24 к. Эта цѣна повышена до 1 руб. 80—1 руб. 70 коп., если относить эти цѣны къ чистому золоту. Но и въ такомъ случаѣ эта цѣна совсѣмъ не высокая. Ибо при цѣнѣ 1 руб. 75 коп. за золотникъ чистаго золота и при

1) Тамъ же № 2378. Любопытно, что въ этомъ, какъ и въ предшествующемъ указѣ, счѣть все еще идеть на мечевую денгу, а объ счѣть на копѣйку еще нѣтъ и помину.

цѣнѣ 18 рублей за фунтъ чистаго серебра, слѣдовательно за золотникъ чистаго серебра $18\frac{1}{2}/24$ копѣекъ, золото дороже серебра въ 12. $\frac{1}{2}$ раза, тогда какъ въ западной Европѣ тогда считали золото въ 15 $\frac{1}{2}$ раза дороже серебра ¹⁾). Золото слишкомъ низко цѣнилось въ Россіи и поѣтому еще не могло въ ней обращаться въ видѣ монеты.

Серебро было еще очень дорого въ Россіи: это было препятствіемъ къ тому, чтобы и золото въ ней могло цѣниться достаточно высоко. И это же препятствовало высокой доходности монетной регаліи. Естественно, что мысль о пробѣ, какъ о способѣ поднять эту доходность сильно занимала Петра.

Какъ нерѣшительно, однако, Петръ дѣйствовалъ въ дѣлѣ у становленія пробы серебряной монеты видно изъ весьма продолжительнаго периода времени, на который затянулось это дѣло. Въ 1711 г. указъ 11 мая опредѣляетъ: „на денежномъ и монетномъ дворахъ мелкихъ серебряныхъ денегъ, которая нынѣ дѣлаются, впредь не дѣлать; а дѣлать вмѣсто тѣхъ мелкихъ денегъ монеты: рублевики, полтинники, полуполтинники, гривенники, пятикопѣшники, алтынники и вѣсомъ тѣмъ же, какія дѣлаются нынѣ. А которая мелкія деньги до сего указа сдѣланы и тѣмъ быть и ходить свободно“ ²⁾). Очень трудно изъ этого указа разобрать, чеканка какихъ мелкихъ денегъ временно пріостанавливается, такъ какъ имъ предписывается продолженіе чеканокъ по прежнему, слѣдовательно, безъ пробы, серебряныхъ монетъ не только крупныхъ достоинствъ (рублевиковъ и полтинниковъ) но и мелкихъ новыхъ достоинствъ: гривенниковъ, пятикопѣшниковъ и даже алтынниковъ. И едва ли дѣло подвигается ближе къ цѣли указомъ 16 августа 1711 г.: „дѣлать мелкія деньги по прежнему, изъ золотника по пяти алтынъ и пробою противъ левка“ ³⁾). Это первое упоминаніе о пробѣ; но оно относится только къ мелкимъ деньгамъ, а какія деньги считаются мелкими, (только-ли старыя), не объяснено.

Очевидно, что примѣненіе пробы только къ мелкимъ деньгамъ, если къ нимъ согласно съ указомъ 11 мая 1711 г. не относить гривенниковъ, пятикопѣшниковъ и алтынниковъ, очень ограниченное. И сама

1) Soettbeeg Edelmetallproduction p. 129 Въ указѣ 21 июня 1711 г. (№ 2883) цѣна 1 р. 80 к. подтверждена за золотникъ „доброго“ золота китайскаго. Новое подтвержденіе этихъ цѣнъ въ указѣ 3 июля 1711 г. (№ 2893), при чемъ указана и цѣна „мѣді дощатой“ въ 6 рублей съ полтиною, каковая цѣна совпадаетъ съ цѣною, которую показываетъ и Magregger, Der moskowitische Kaufmann, Lübeck 1705.

2) Тамъ же, № 2859.

3) Тамъ же № 2416.

проба указана ссылкою на пробу левка, который считался 62-ю¹). Но 62-ая проба совсѣмъ не дѣлаетъ монету низкопробною: при ней въ монетѣ содержится чистаго серебра почти на $\frac{2}{3}$ ея вѣса. Но всего замѣчательнѣе, что чрезъ два мѣсяца по установленію 62-ой пробы, она уже не удовлетворяла Петра. Указомъ 16 октября 1711 г. она была отмѣнена и вмѣсто нея назначена 70-я. Новый этотъ указъ опредѣляется: „мелкія серебряныя денги... дѣлать до указа, приводя пробою, чтобы въ тѣхъ денгахъ было чистаго серебра въ фунтѣ 70 золотниковъ“¹). Опять въ указѣ идетъ рѣчь *только* о мелкихъ, неизвѣстно какихъ именно, денгахъ. О рубляхъ, полтинникахъ и полуполтинникахъ совсѣмъ еще не упоминается въ 1711 г., когда рѣчь идетъ о пробѣ.

Такимъ образомъ Петръ очень нерѣшительно подходилъ въ новому сильному измѣненію, которымъ несомнѣнно было бы установление 70-й пробы для крупной серебряной монеты, имъ же учрежденной еще незадолго предъ тѣмъ. Это опять показываетъ, что Петръ совсѣмъ не былъ такимъ охотникомъ до поспѣшныхъ насильственныхъ ломокъ существующаго; у него была смѣлость и на такія ломки, но онъ обращался къ нимъ совсѣмъ не поспѣшно, а, напротивъ, очень осторожно и медленно: по крайней мѣрѣ въ монетномъ дѣлѣ это очень явственно видно, какъ на періодѣ до 1711 г., такъ и на періодѣ съ 1711 по 1718 г. Въ лицѣ Петра Россія „просвѣщалась“ въ монетномъ дѣлѣ, то-есть начинала сознательно разбираться въ такихъ подробностяхъ монетнаго дѣла, которыхъ прежде и не подозрѣвали, хотя въ теченіи всего XVII ст. съ ними приходили уже даже въ близкое соприкосновеніе. Къ числу этихъ подробностей принадлежало, напримѣръ, очень важное различіе между двумя видами финансовой эксплоатации монетной регаліи, какъ ресурсомъ экстраординарнымъ и какъ ресурсомъ ординарнымъ. Въ качествѣ экстраординарного ресурса монетная регалія можетъ служить лишь отъ времени до времени, чрезъ болѣе или менѣе продолжительные промежутки, когда измѣняется монетная стопа (лигатурный или валовой вѣсъ монеты), или когда измѣняется содержаніе (вѣсъ) чистаго серебра въ монетѣ,

1) „Левковое“ серебро, какъ низкопробное, упоминается уже въ указѣ 13 февраля 1700 г. о торговлѣ вещами изъ серебра. Въ указѣ 11 декабря 1711 г. (№ 2460) повторены сѣдующія опредѣленія о пробѣ: „серебру учинить 8 пробы: первую, плавленному чистому серебру, въ которой бы ни мало примѣсу не было; вторую противъ ефимка, въ которомъ бы было чистаго серебра 82 золотника; третью, левковому, чтобы было чистаго же серебра по 62 золотника въ фунтѣ.“

1) П. П. С. З. IV, № 2444.

ся проба: когда для этой перемѣны должна быть подвергнута перечеканкѣ вся обращающаяся въ странѣ старая монета и успѣхъ операціи зависить отъ того, насколько успѣшно идеть эта перечеканка, а не только отъ того, какъ идеть чеканка по новой стопѣ или по новой пробѣ монеты изъ нового серебра, прежде не состоявшаго въ обращеніи въ видѣ монеты. Совсѣмъ иное дѣло монетная регалія въ качествѣ ординарнаго финансового ресурса, которымъ она можетъ служить изъ года въ годъ въ зависимости отъ того, болѣе-ли менѣе значительны суммы, на которыхъ ежегодно чеканится новая монета изъ нового серебра, покупаемаго или (какъ было въ Россіи въ XVII и XVIII, отчасти даже въ XIX ст.) поступающаго въ казну, какъ таможенные пошлины или отъ продажи предметовъ казенныхъ монополій. Въ качествѣ ординарнаго источника ежегоднаго дохода монетная регалія болѣе или менѣе производительна въ зависимости отъ цѣны золота и серебра и въ зависимости отъ пробы, опредѣляющихъ норму прибыли казны отъ чеканки монеты¹).

Опыта, который выяснялъ бы разнообразныя подробности много-

1) Пусть, напримѣръ, монетная стопа выражается въ чеканкѣ изъ фунта серебра 14 рублей 40 копѣекъ, какъ было при Петрѣ. Очевидно, что для того, чтобы отъ чеканки монеты казна получала прибыль, необходимы два условия: чтобы цѣна фунта чистаго серебра не была больше 14 рублей 40 копѣекъ и чтобы монета не чеканилась изъ чистаго серебра. Если для упрощенія оставить въ сторонѣ расходы чеканки и взять крайній случай, что и стоимость фунта чистаго серебра тоже 14 рублей 40 коп., то очевидно, что отъ чеканки монеты можетъ быть прибыль казнѣ лишь тогда, когда на чеканку фунта серебряной монеты расходуется меньше фунта чистаго серебра, напр. не всѣ 96 золотниковъ фунта, а лишь 95 золотниковъ; тогда оставшій 1 золотникъ чистаго серебра отъ каждого купленнаго фунта серебра составляетъ прибыль казны, а нормою прибыли будеть отношеніе этого остатка къ расходуемымъ 95 золотникамъ, а это же отношеніе опредѣляетъ и пробу. Возьмемъ другой случай, болѣе близкій къ тому положенію, въ которомъ находилась чеканка монеты въ 1711 году. Монетная стопа = 14 $\frac{2}{5}$ рублей, а цѣна фунта чистаго серебра = 13 рублей. Очевидно, что при этомъ казна могла имѣть прибыль въ 14 $\frac{2}{5}$ — 13 = 1 $\frac{2}{5}$ рублей или 12 $\frac{4}{15}$ % на израсходованные 13 рублей, даже еслибы она чеканила рубли изъ чистаго серебра. Но казна не желала довольствоваться нормою прибыли въ 12 $\frac{4}{15}$ %. Положимъ, что она хотѣла получить 50% на свою затрату на серебро для чеканки фунта монеты на 14 рублей 40 копѣекъ. Этому требованію должна соотвѣтствовать цѣна серебра, которая опредѣляется изъ равенства 14 $\frac{2}{5}$ — X = $\frac{1}{2}$ X, откуда X = 9 $\frac{2}{5}$ рублей, или иначе: требовалось, чтобы на чеканку фунта монеты на 14 рублей 40 копѣекъ было израсходовано чистаго серебра лишь такое число золотниковъ, которое стоять 9 $\frac{2}{5}$ рублей или 9 рублей 60 коп., потому что при этомъ условіи прибыль составляетъ 14 $\frac{2}{5}$ — 9 $\frac{2}{5}$ = 4 $\frac{4}{5}$ или 4 рубля 80 копѣекъ, составляющіе 50% на затраченные для фунта монеты 9 рублей 60 копѣекъ. Но тогда отношеніемъ 9 рублей 60 копѣекъ (или цѣны чистаго серебра, затрачиваемаго на фунтъ монеты въ 14 рублей 40 копѣекъ) къ 18 рублеймъ (или цѣлому фунту чистаго серебра въ 96 золотниковъ) опредѣляется проба монеты, которой чеканка даетъ казнѣ 50% прибыли. Отношеніе это 9 $\frac{2}{5}$: 18 = 70 $\frac{4}{5}$ % : 96. Слѣдовательно, такая монета должна быть 70-й (съ дробью) пробы.

численныхъ вопросовъ, вызываемыхъ новою сложною денежною системою, созданною Петромъ Великимъ, въ его распоряженіи еще не было. Поэтому естественно, что онъ медлилъ. Даже на установление различія между высокопробной и низкопробной (размѣнною) серебряною монетою онъ въ 1711 г. рѣшился замѣчательно осторожно, оставшись при прежней („неустановичной“) пробѣ для новыхъ серебряныхъ монетъ крупныхъ и мелкихъ достоинствъ и допустивъ для старыхъ серебряныхъ монетъ 70-ую пробу, т. е., такую высокую пробу, при которой мелкія монеты совсѣмъ не были низкопробными.

Въ такомъ положеніи прошло все семилѣтіе съ 1711 по 1718 г. Чеканка серебряной монеты очень сильно замедлилась. Такъ, рубли чеканились только въ 1712 и 1714 г.г., а въ 1711, 1718 и 1715—17 г.г. не чеканились. Полтины чеканились только въ 1712 г.; полуполтины только въ 1718 г.; гривенники, пятикопѣчники — только въ 1718 и 1714 г.г.; алтыны только въ 1711—14 г.г.¹⁾. Поэтому суммы, на которыхъ простиралась чеканка серебряной монеты, еще сильно уменьшились, чѣмъ даже въ 1705—11 годахъ, когда она въ 2 $\frac{1}{2}$ раза была меньше, чѣмъ въ предшедшіе 6 лѣтъ съ 1699 до 1704 г. Какъ выше показано, въ эти 6 лѣтъ чеканка простиралась на сумму 18.799.400 р. или ежегодно по 2.800.000 рублей; въ слѣдующія 6 $\frac{1}{2}$ лѣтъ съ 1705 г. до августа 1711 г. она простиралась на 5.985.890 рублей или ежегодно лишь по 918.000 рублей. Наконецъ въ 6 $\frac{1}{2}$ лѣтъ съ августа 1711 г. до конца 1717 г. она не превышала 8.578.548 рублей или ежегодно уже лишь по 550.548 рублей.

Въ 1718 г., видимо, обстоятельства уже не допускали нерѣшительности. Нартовъ утверждаетъ, что монеты 70-й пробы чеканились уже въ 1711, 1715 и 1717 г.г., а также что въ 1718 г. дѣланы пятикопѣчники, алтынники и круглые копѣйки изъ серебра 88-й пробы по 7 $\frac{5}{96}$ копѣйки изъ золотника, но ихъ сдѣлано въ 1718 г. лишь на 842 руб. 51 коп., а въ 1714 г. уже на 87.750 руб. 71 коп. Незначительность этой суммы только подтверждаетъ, что очень явно выступать съ 88-ю пробою еще не рѣшались. Вѣроятно и показаніе о чеканкѣ монетъ 70-й пробы въ 1711, 1715 и 1717 г.г. относится только къ старымъ достоинствамъ монетъ и основывается на указѣ 26 октября 1711 г. Совсѣмъ иной духъ обнаруживается въ лаконическомъ указѣ 14 февраля 1718 г. „Рублевики, полтинники и гривенники дѣлать изъ серебра противъ 70-й пробы; алтынники и копѣйки дѣлать

1) По Х. Х. Гилю.

сь мѣдью противъ 38-й пробы, а двухрублевики дѣлать изъ золота противъ 75 пробы и чтобы не было въ серебряныхъ деньгахъ серебра вышеписанной пробы выше или ниже у фунта одного золотника, а въ золотой матеріи противъ пробы у фунта же ниже или выше пол-золотника подошасеніемъ за то казни, и велѣть мастеровыми людямъ во всемъ въ той работѣ бытъ послушными¹⁾). Повидимому этому указу предшествовало однородное устное приказаніе, о которомъ упоминаетъ и предшествовавшій приведенному указу 14 февраля 1718 г. другой указъ 24 января 1718 г.: „мелкихъ денегъ не чеканить, а дѣлать тисненныя, а именно: копѣйки и алтынники противъ пробы съ мѣдью, какъ состоялся указъ въ Петербургѣ и адѣсь подтверждены въ бытіе наше на денежномъ дворѣ, а гривенники, полтинники и рублевики дѣлать изъ чистаго серебра противъ пробы“. Эти указы дополняются еще указомъ 9 апрѣля 1719 г.: „Великій го-сударь указаць публиковать въ народъ, дабы нового россейскаго дѣла тисненныя золотые и серебряныя рублевики, полтинники и другія мел-кія монеты, которыя велѣно чеканить по указу, состоявшемуся въ 1718 г. февраля въ 7 числѣ, въ народѣ ходили по назначенныхъ на онымъ подписямъ *обыкновенными деньгами* безъ всякаго спору“¹⁾.

Въ первый разъ въ 1719 г. появляется у насъ опредѣленіе за-кона, что такое въ Россіи деньги, „обыкновенныя деньги“. Это, во-первыхъ, не только серебряныя, но и золотыя; мѣдные пропущены, но ихъ должно подразумѣвать, потому что въ указахъ 1718 г. придется констатировать и другіе существенные признаки, которыхъ нельзя не подразумѣвать. Такъ, совсѣмъ не упоминается монетная стопа, по ко-торой чеканится серебряная и золотая монета: сколько той и другой монеты чеканится изъ лигатурнаго фунта серебра и золота указанныхъ пробъ. Очевидно, подразумѣвать нужно, что для серебряной монеты сохранило силу опредѣленіе о ея чеканкѣ по 15 копѣекъ изъ лига-турнаго золотника, или $15 \times 96 = 14$ рублей 40 копѣекъ изъ фунта лигатурнаго серебра; для золотой монеты подразумѣвается то число (100) новыхъ золотыхъ монетъ, которое на монетномъ дворѣ чеканится изъ лигатурнаго фунта золота, и которое подтверждается позднѣй-шими указами. И также точно во всѣхъ другихъ случаяхъ пропу-сковъ: умолчаніе указа не означаетъ отмѣны.

Итакъ, съ 1718 г. мы имѣемъ, если не биметаллизмъ, то па-

1) П. П. С. З. В № 3164

2) П. С. З. В № 3148, 3164 и 3347.

раллельную систему обращенія золотой и серебряной монеты. Но это сдѣлано еще весьма неумѣло. Новые золотые двухрублевики чеканились въ числѣ 100 штукъ изъ фунта лигатурнаго золота 75-й пробы, или 100 штукъ изъ 75 золотниковъ чистаго золота, слѣдовательно, въ каждомъ золотомъ двухрублевикѣ содержалось чистаго золота $\frac{3}{4}$ золотника, а въ немъ каждый изъ его двухъ золотыхъ рублей представлялъ по $\frac{3}{8}$ золотника чистаго золота. А въ Петровскомъ серебряномъ рубль 70-й пробы, какъ мы выше выяснили, содержалось чистаго серебра $\frac{481}{48}$ золотника. Слѣдовательно, отношеніе золотого рубля къ серебряному рублю было, какъ $\frac{8}{8} : \frac{481}{48} = 1:12\frac{26}{27}$ или почти 1: 18. Золото цѣнилось Петромъ слишкомъ дешево, гораздо дешевле, чѣмъ тогда оно цѣнилось въ Лондонѣ и въ Гамбургѣ, гдѣ за золото платили болѣе дорогую цѣну¹⁾; естественно, что въ такомъ случаѣ ему предстояло въ будущемъ только на бумагѣ быть русскою монетою. Мы увидимъ, что такъ оно и было.

Петровскіе указы 1718 г. содержать и другія любопытныя особенности. Для крупной серебряной монеты окончательно принята 70-ая пробы; но съ одной стороны, изъ числа крупныхъ серебряныхъ монетъ исключенъ полуполтинникъ; а съ другой стороны въ обоихъ указахъ 1718 г., отъ 24 января и 14 февраля, повторяется, что изъ серебра 70-й пробы чеканятся и гривенники. Петръ пожелалъ дать народу мелкую монету полнoprобную, не отличающуюся по пробѣ отъ рублевой и полтиничной монеты. И вообще Петръ какъ будто стѣсняется, когда идетъ рѣчь о новой постановкѣ монетныхъ достоинствъ, предназначенныхъ для народа. Совсѣмъ упразднить серебряные копѣйки и серебряные алтыны Петръ какъ будто не рѣшается и, оставляя ихъ, даетъ имъ 38-ю пробу. А между тѣмъ на дѣлѣ, фактически, какъ разъ съ 1718 г. совсѣмъ прекращается чеканка копѣекъ и алтыновъ, какъ серебряной монеты какой бы то ни было пробы. Чеканятся уже съ 1718 г. одни только мѣдные алтыны и копѣйки, также какъ денежки, полушки и полуполушки.

Этимъ въ 1718 г. прекращаетъ свое существованіе старинная русская денежная система, насколько она выражалась въ мелкихъ серебряныхъ монетахъ. Какъ выше объяснено, при чеканкѣ изъ фунта серебра 70-й пробы 14 рублей 40 копѣекъ, рубль содержалъ чистаго серебра $\frac{481}{48}$ золотника = 466 $\frac{2}{3}$ долей. Слѣдовательно, копѣйка, какъ

1) Отношеніе въ 1711—20 г. г. было въ среднемъ 1: 15. Soettbeer Edelmetall-production, S. 129.

сотая часть этого рубля, представляла уже лишь $7/144$ золотника = $4^2/3$ доли чистого серебра. При чеканкѣ изъ фунта серебра 38-й пробы мелкой серебряной монеты на 14 рублей 40 копѣекъ, мелкая монета на одинъ рубль представляла уже лишь $2^{28}/36$ золотника = $258^{1/3}$ доли; и каждая копейка въ мелкой монетѣ представляла $19/720$ золотника = $2^8/15$ доли чистого серебра. ¹⁾ Конечно, о чеканкѣ подобной серебряной монеты, даже низкопробной, не могло быть рѣчи: она и задумана была съ лигатурнымъ вѣсомъ $6^2/5$ долей, или сотой части лигатурного вѣса рубля (640 долей); на $6^2/5$ долей лигатурного вѣса копѣйки вѣсъ содержащагося въ ней чистого серебра $2^8/15$ долей и составляетъ $88/95$. На практикѣ такая монета оказалась неосуществимою и ее совсѣмъ не чеканили. А въ этомъ и выражалось, что копѣйка, какъ серебряная монета, отжила свой вѣкъ; постепенно уменьшаясь, она, такъ сказать, вся израсходовалась и истѣла. Продолжать свое существованіе она уже могла, лишь какъ мѣдная монета.

Чеканка серебряной монеты, не очень значительная уже въ 7-лѣтіе съ 1711 по 1717 г. (всего на 8.578.548 рублей), въ слѣдующее 7-лѣтіе съ 1718 по 1724 г. простирилось до 4.892.440 руб., то есть, въ среднемъ она ежегодно достигала лишь 698.920 руб., противъ 511.220 руб. въ предшедшее 7-лѣтіе. Новые петровскіе рубли и полтинники 70-й пробы чеканились съ 1718 г. ежегодно до смерти Петра; гривенники же чеканились только четыре года въ 1718, 1719, 1720 и 1723 гг. ²⁾.

Какъ показываютъ приведенные суммы чеканокъ серебряныхъ монетъ въ 1718—24 годахъ, Петръ Великій не извлекъ много фискальныхъ выгодъ отъ установленія 70-й пробы для крупной серебряной монеты. На новую перечеканку всей монеты онъ не соглашался, хотя подвергалъ большої опасности болѣе высокопробную серебряную монету, чеканенную до 1718 г., принуждая ее обращаться рядомъ съ 70-пробною. А для того, чтобы извлекать много финансовыхъ выгодъ только отъ чеканки новой серебряной монеты по 70-ой пробѣ, необходимо было имѣть очень большія оборотныя средства для очень большихъ покупокъ серебра. Средствъ же этихъ въ распоряженіи Петра не имѣлось.

Была и другая причина замедленія серебряныхъ чеканокъ, гораздо болѣе важная. Выше мы объясняли, что собственно побудило

1) Даже въ наши дни наименьшая низкопробная серебряная монета, пятачекъ, содержитъ чистого серебра $10^{1/8}$ долей, а лигатурный ея вѣсъ $20^{1/4}$ долей.

2) Х. Гиль признаетъ только гривенники 1718—20 гг., серебряные копѣйки только 1718, 1714, 1718 гг.; серебряные алтыны только 1704 и 1718 г.; но онъ очень строгъ и сильно расходится съ другимъ нумизматами.

Петра Великаго къ установленію 70-ї пробы: онъ желалъ получать отъ монетной регаліи большую прибыль, значительно превышавшую ту, которую онъ прежде получалъ. Говоря о „прибыли отъ монетной операциі“, мы выражались языкомъ XIX и XX вв., болѣе понятнымъ современному читателю. Но въ XVIII и предшествующихъ столѣтіяхъ эта „прибыль“ называлась иначе, да и была совсѣмъ иное. Мы видѣли, что когда устанавлялась 70-ая проба, то Петръ расчитывалъ на то, что при покупкахъ казною серебра по вольной (рыночной) цѣнѣ онъ можетъ покупать по 18 рублей за фунтъ чистаго серебра, или по $18\frac{18}{24}$ копѣекъ за золотникъ. А при монетной стопѣ въ 14 рублей 40 копѣекъ изъ фунта серебра 70-ї пробы, на каждый изъ 70 золотниковъ чистаго серебра пробы приходится $14,40 : 70 = 20\frac{4}{7}$ копѣеки; 96 золотниковъ или фунтъ чистаго серебра въ монетѣ (монетная цѣна фунта чистаго серебра) составляетъ $20\frac{4}{7} \times 96 = 19$ рублей $74\frac{6}{7}$ копѣеки. Слѣдовательно, въ основѣ всего этого расчета лежало, что фунтъ чистаго серебра, какъ предметъ вольной продажи, имѣть рыночную цѣну 18 рублей; а тотъ-же фунтъ чистаго серебра въ монетѣ получаетъ монетную цѣну (mint price) 19 рублей $74\frac{6}{7}$. Разность между этими двумя цѣнами $19\frac{74}{7} - 18 = 6\frac{74}{7}$ мы называли прибылью, доходящею въ нашемъ примѣрѣ до $51\frac{68}{84}$ % на расходуемые 18 рублей. Дѣйствительно-ли эта разность составляетъ только прибыль на затраченный капиталъ? Казна покупаетъ фунтъ или 96 золотниковъ чистаго серебра за 18 рублей; но въ каждомъ изъ этихъ 18 рублей содержится только $4\frac{1}{36}$ золотниковъ чистаго серебра ¹⁾, а во всѣхъ 18 рубляхъ содержится чистаго серебра $18 \times 4\frac{1}{36} = 68\frac{7}{36}$ золотниковъ чистаго серебра. Казна обмѣниваетъ 96 золотниковъ чистаго серебра на $68\frac{7}{36}$ золотниковъ чистаго серебра, то есть, не даетъ $32\frac{25}{36}$ золотниковъ чистаго серебра. На какомъ основаніи? Почему люди соглашаются отдавать большее за меньшее? Поэтому что они отдаютъ серебро-матерьялъ за серебро-издѣліе. Серебро въ ложкахъ дороже серебра въ кускахъ (слиткахъ) той же чистоты. А серебро въ художественномъ произведеніи Бенвенуто Челлини гораздо дороже серебра матерьяла, изъ которого изготовлено это произведеніе. Обладатель произведенія Бенвенуто Челлини находится въ положеніи монополиста и можетъ за него требовать очень высокую цѣну. А монета

1) Изъ 70 золотниковъ чистаго серебра казна чеканитъ 14 рублей 40 копѣекъ 70-ї пробы или $14\frac{2}{3}$ рублей; слѣдовательно, на каждый рубль приходится $70 : 14\frac{2}{3} = 4\frac{1}{36}$ золотниковъ чистаго серебра.

тоже производится (чеканится) государством на почвѣ монополіи, на которой оно можетъ въ силу своей регаліи требовать, какую оно желаетъ, цѣну за свое произведение.

Когда на почвѣ монополіи предъявляется требование очень высокой цѣны, то всякий понимаетъ, что идетъ рѣчь не только о цѣнѣ: монопольная цѣна не можетъ быть отожествляема съ вольною цѣнною. Подъ видомъ цѣны на почвѣ монополіи предъявляется требование, которое имѣется возможность поддержать принужденіемъ. Такое требование уплаты, опирающееся на возможное принужденіе, даже когда оно имѣть вѣнчній видъ цѣны, на дѣлѣ составляетъ налогъ, какъ и принято думать въ такихъ случаяхъ. Поэтому, въ XVIII и предшествовавшихъ столѣтіяхъ не принято было говорить о „прибыли отъ монетной операциі“, когда шла рѣчь о разности между монетною цѣнною серебра (цѣнною серебра въ монетѣ) и рыночною (вольною) цѣнною серебра (въ слиткахъ). Говорили о монетной пошлине (droit de la monnaie, Schlagschatz), о налогѣ на серебро, или золото, или мѣдь, изъ котораго чеканится монета.

Но для того, чтобы этотъ налогъ быть возможенъ, а особенно для его высокой доходности необходимо одно условіе: чтобы владѣльцы серебра-матеріала предпочитали имѣть его въ видѣ монеты, чтобы имъ это было настоятельно необходимо, очень настоятельно, такъ настоятельно, что они готовы уступить свое серебро-матеріалъ по самой дешевой цѣнѣ, лишь бы имѣть монету, хотя бы и по дорогой цѣнѣ. А если такой настоятельности нѣть? Тогда, очевидно, государство должно будетъ пойти на уступки. Его монопольное положеніе уже не полновластное. И оно можетъ оказаться даже совсѣмъ не властнымъ, когда въ странѣ достаточно начеканенной монеты, или потому что въ предшедшее время монетъ было начеканено достаточно, или потому что измѣняется взглядъ на назначеніе монетной регаліи.

Въ теченіи очень многихъ вѣковъ государства полагали, что назначеніе монетной регаліи—служить источникомъ выгоды для фиска, для казны. Только очень немногія государства (какъ Голландія, Англія) лишь рѣдко раздѣляли этотъ взглядъ. И хотя въ XVIII в. еще почти всѣ государства его раздѣляли, но его несостоятельность уже стала теоретическою аксиомою; а въ XIX столѣтія эта несостоятельность стала и практическою аксиомою. Монетная регалія осталась; но она для серебра и золота въ XIX ст. стала бездоходною, а для XX в. бездоходною стала регалія чеканки золотой монеты. Назначеніе

монетной регалии измѣнилось: она служить уже не интересамъ фиска, а интересамъ народного хозяйства; она нужна для поддержанія порядка въ денежномъ отношеніи, а не для выгодъ казны.

Вотъ для этой перемѣны намѣчались основанія уже при Петре Великомъ, въ послѣдніе годы его царствованія. Уже при Петре Великомъ повидимому были люди, которые, если не сознавали, то предчувствовали эту перемѣну. А такъ какъ указы, по которымъ мы это узнаемъ, издавалъ Петре, то и онъ, видимо, останавливалъ свое вниманіе и на новой сторонѣ предмета. Мы это заключаемъ изъ сенатскаго указа 29 іюля 1728 г.¹⁾, оглашающемъ распоряженіе, сдѣланное Петромъ 7 апрѣля 1728 г., «объ отдать всѣмъ на денежные дворы, кто похочеть, серебра и золота въ передѣль», т. е. для перечеканки въ монету; при этомъ обѣ 18 рублейхъ за фунтъ чистаго серебра уже нѣтъ и помину. Цѣна серебра назначена новая: въ пудъ серебра разныхъ пробъ различная, но всѣ цѣны объединяются, конечно, тѣмъ, что пудъ чистаго серебра назначенъ въ 768 рублей 8 копѣекъ; слѣдовательно, фунтъ чистаго серебра назначенъ (вместо 18 рублей) въ 19 рублей 20¹/₅ копѣекъ; золотникъ чистаго серебра при этомъ выходитъ въ 20¹/₄₀ копѣекъ. Такъ какъ монетная стопа осталась прежняя, 14 рублей 40 копѣекъ за фунтъ серебра 70-й пробы, то неизмѣнилась монетная цѣна фунта чистаго серебра 19 рублей 74⁶/₇ копѣекъ. Въ такомъ случаѣ оказывается, что разность между цѣною фунта чистаго серебра въ монетѣ и вольною цѣною серебра составляетъ уже лишь 19.⁷⁴/₇ — 19.²⁰/₅ = 0.⁵³/₃₅, 58²³/₃₅ копѣекъ, или лишь 2.⁷²% на уплачиваемые казною 19 рублей 20¹/₅ копѣекъ. За покрытиемъ расходовъ чеканки и содержанія учрежденій по монетной части едва-ли что-нибудь оставалось для казенаго дохода отъ этихъ 2.⁷²%.

Монетная цѣна золотника чистаго серебра составляла 20⁴/₇ копѣекъ, а вольная цѣна выходила 20¹/₂₀ копѣекъ; разность составляла на золотникъ лишь 7⁹/₁₄₀, немного больше полукопѣекъ. Мы ниже увидимъ, что преемники Петра еще долго (до 1808 г.) не въ состояніи были удержаться на этой высотѣ. Отречься отъ фискальной эксплоатациіи серебряной чеканки они еще не могли.

Въ томъ же указѣ 29 іюля 1728 г. за фунтъ чистаго золота назначена цѣна въ 249 рублей 60 копѣекъ, слѣдовательно, за золотникъ чистаго золота 2 рубля 60 копѣекъ; а такъ какъ золотнику чистаго серебра назначена цѣна въ 20 копѣекъ, то значить золото

1) П. II. С. 3. VII № 4278.

еще считалось лишь въ 18 разъ дороже серебра. Но въ Гамбургѣ, т.-е. центральномъ рынкеѣ той эпохи, оно въ 1728 г. было въ 15 $\frac{1}{6}$ разъ дороже серебра. Въ Россію привозить золото было убыточно и его чеканка могла идти только очень медленно.

Такимъ образомъ, на почвѣ чеканки серебряной монеты доходъ казны отъ денежной регалии могъ быть только скучный. Оставалось воизлагать всѣ надежды на мѣдную монету.

А мѣдная монета имѣла въ системѣ Петра наименѣе опредѣленное положеніе, почти контрабандное, потому что открыто показывать, что съ нею связывали большія фискальныя требованія, Петръ не рѣшался. Мѣдная монета и осталась слабѣйшою частью монетной системы Петра Великаго.

Какъ относились къ этому предмету ближайшіе совѣтники Петра и самъ онъ въ послѣдній періодъ его жизни, объ этомъ можно судить по указу 28 февраля 1721 г., состоявшемуся въ сенатѣ на до-кладные пункты Бергъ-Коллегіи¹⁾. Бергъ-Коллегія была, между прочимъ, того мнѣнія, что „нѣсть полезно нынѣ много (мѣдныхъ) денегъ дѣлать, по-неже отъ того въ государствѣ уже многія суммы обрѣтаются, и хотя кажется якобы сіе на денежномъ дворѣ великую прибыль чинить, однакожъ коммерціи великой ущербъ содѣлывается, когда пропорція мѣдной монеты противъ серебряной монеты гораздо болѣе будетъ, умалчивая, что мѣдные деньги великими суммами тяжело возить... Полезно есть копѣйки и полушки изъ мѣди чеканить, токмо-жъ бы ихъ неизлишно, но по опредѣленной пропорціи противъ серебреныхъ дѣлать, а именно 10 часть мѣдныхъ... Не худо бы было алтынники отставить, а вмѣсто ихъ пятикопѣчники по 70 пробѣ дѣлать, ибо такие отъ фальшивыхъ скорѣе отличить, нежели нынѣшняго дѣла, которая по 38-й пробѣ дѣлаются“. Бергъ-Коллегія, очевидно, боялась излишества въ чеканкѣ мѣдной и низкопробной монеты. На приведенные ея пожеланія Петръ положилъ слѣдующую резолюцію: „мѣдныхъ денегъ не дѣлать, а дѣлать только полушки и то противъ серебреныхъ десятую часть“. То-есть, искренно и прямо Петръ не желалъ отвѣтить на вопросъ Бергъ-Коллегіи, которая, видимо, знала, что уже задумываются мѣдные пятикопѣчники и напоминала Петру,

1) П. С. З. VI № 3748. До 1719 г. особаго учрежденія, вѣдавшаго монетную часть, не было, а она поручалась отдѣльнымъ лицамъ. (Покупки золота и серебра уже съ Алексеемъ Михайловичемъ вѣдала Ефимочная Палата, которую съ 1711 г. смынила Купецкая Палата). Съ 1719 г. все дѣло (съ монетными дворами и купецкою палатою) вѣдала Камеръ-Коллегія, а съ 1720 г. Бергъ-Коллегія, а въ ней Монетная Контрора.

что самъ онъ началъ чеканить пятикопѣчники въ видѣ серебряной десятиденежной монеты. Конечно, еслибъ онъ оставилъ эту монету въ ея первоначальномъ видѣ и еслибъ ей дана была 70-я проба, какъ гравенникамъ, то дано было-бы обезпеченіе противъ ея неумѣренного выпуска. Но связывать себя такимъ обезпеченіемъ Петръ не желалъ. Положеніе государственного казначейства было слишкомъ тяжелое, чтобы Петръ могъ давать обѣщанія, за исполненіе которыхъ онъ не въ состояніи былъ поручиться. А положеніе государственного казначейства, вѣроятно, было очень тяжелое, если приходилось издавать указъ 9 февраля 1728 г.: „давать приказнымъ людямъ и имъ подобнымъ въ жалованье вмѣсто денегъ сибирскими и прочими казенными товарами кромѣ служилыхъ людей и мастеровыхъ“ ¹⁾). Естественно, что скоро послѣ этого изданъ былъ указъ 28 июня 1728 г. о томъ, чтобы начеканено было мѣдныхъ пятикопѣчниковъ на 500,000 р., „а если возможно, то и больше, въ которыхъ бы въсомъ было противъ нынѣшнихъ пяти копѣекъ вполы“, то-есть не по 20, а по 40 рублей изъ пуда. Очень скоро, однако, Петръ указомъ 20 декабря 1728 ограничилъ выпускъ этой, предписавъ его дѣлать только изъ наличной мѣди, „а вновь (мѣди) не покупать и не подряжать“ ²⁾). Этимъ выпускъ мѣдныхъ пятикопѣчниковъ 1728 г. былъ ограниченъ предѣломъ суммы 500,000 рублей, а слова первого указа „а если возможно, то и больше“, ослаблены.

Для того, чтобы свести всѣ Петровскія чеканки въ одинъ общий итогъ, необходимо принять во вниманіе, что Петръ Великій чеканилъ свои серебряные монеты по тремъ разнличнымъ монетнымъ стопамъ. Сначала съ 1690 г. по 1698 г. онъ чеканилъ по стопѣ царевны Софьи, по 5 руб. 04 копѣйки изъ гравенки серебра „неустановичной“ пробы, которую мы считали 84-ю; по этой стопѣ въ 9 лѣтъ начеканено на 8.185.475 рублей. Потомъ, съ 1699 до 1710 г. Петръ чеканилъ по 14 рублей 40 копѣекъ изъ фунта серебра той-же „неустановичной“, или 84-ї, пробы и по этой стопѣ начеканилъ въ 12 лѣтъ на 19.161.155 рублей. Съ 1711 по 1717 г. начеканено 4.240.491 рублей, но остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ въ точности, чеканили-ли въ это время по стопѣ 1699—1710 гг., или по стопѣ 1717—1724 гг. Наконецъ, съ 1718 по 1724 г. Петръ чеканилъ по 14 рублей 40 коп. изъ фунта серебра 70-ой пробы и по этой стопѣ начеканилъ 4.921.172 рубля. Та-

1) П. П. С. З. VII № 4161.

2) П. П. С. З. VII №№ 4258 и 4393.

кимъ образомъ, „рубли“ Петра Великаго были очень различные въ различныхъ части его продолжительного царствованія: сначала рубль означалъ $8\frac{1}{8}$ золотника чистаго серебра, потомъ уже только $5\frac{6}{8}$ золотниковъ чистаго серебра, потомъ онъ или оставался $5\frac{6}{8}$ золотниковъ, или измѣнился въ $4\frac{81}{32}$ золотниковъ, наконецъ о послѣднемъ періодѣ мы уже въ точности знаемъ, что тогда рубль означалъ $4\frac{31}{32}$ золотниковъ чистаго серебра. Очевидно, что это дѣлаетъ приведенные суммы чеканокъ числами различныхъ наименованій, которыхъ нельзя складывать. Сначала ихъ нужно привести къ одному наименованію, сдѣлать однородными, выражющими *одинаковые* рубли, и только тогда изъ нихъ посредствомъ сложенія можетъ быть полученъ правильный итогъ. Для этого необходимо каждую изъ четырехъ приведенныхъ суммъ чеканокъ выразить въ количествахъ чистаго серебра, которыя уже легко выразить въ рубляхъ любой монетной стопы. Всего удобнѣе для этого брать монетную стопу 1718 г., остававшуюся въ силѣ до Екатерины II. Тогда всѣ чеканки, Петровскія и его преемниковъ до Екатерины II, выражаются въ однородныхъ числахъ. Такъ какъ для 1711—1717 гг. мы не знаемъ въ точности, производились-ли чеканки по стопѣ, дѣйствовавшей до 1711 г., или по стопѣ, дѣйствовавшей съ 1718 г., то ихъ необходимо перечислить по той и другой монетной стопѣ. Отсюда—два нижеслѣдующіе свода, въ которыхъ сгруппированы результаты написанныхъ перечисленій: въ I сводѣ для 1711—17 гг. принята стопа 1699—1710 гг., и во II сводѣ для 1711—17 гг. принятая стопа 1718—24 гг.

Число лѣтъ.	Наряднаго суммы чеканокъ изъ рубль, наимѣдіо періода.	Монетная стопа, выраж. въ стопѣ, пуда чист. серебра.	Чистаго серебра.		Рублей 1718 г. по $4\frac{31}{32}$ золотниковъ чистаго серебра.	
			Пудовъ.	Гривенокъ.	Чеканки всего періода.	Среднія годовыя.
Сводъ I. Періоды.						
1690—1698 . . .	9	3.135.485	460% р.	6.804... 29.107...	544.355 2.328.612	5.375.505 22.995.060
1699—1710 . . .	12	19.161.155	658% .	6.441... 5.387...	515.937 4.240.491	1.916.865 605.785
1711—1717 . . .	7	4.240.491	658% .	6.229... 5.897...	429.417 3.886.650	722.994 4.921.172
1718—1724 . . .	7	4.921.172	790 .	6.229... 47.509...	498.346 3.800.730	703.025 1.072.350
1690—1724 . . .	35	—	—	46.583... 37.582.228	36.380.694	1.096.591
Сводъ II. Періоды.						
1690—1698 . . .	9	3.135.485	460% р.	6.804... 29.107...	544.355 2.328.612	5.375.505 22.995.060
1699—1710 . . .	12	19.161.155	658% .	6.441... 5.387...	515.937 4.240.491	1.916.865 605.785
1711—1717 . . .	7	4.240.491	790 .	6.229... 5.897...	429.417 3.886.650	722.994 4.921.172
1718—1724 . . .	7	4.921.172	790 .	6.229... 47.509...	498.346 3.800.730	703.025 1.072.350
1690—1724 . . .	35	—	—	46.583... 37.582.228	36.380.694	1.096.591

Показанія свода I мы считаемъ болѣе вѣроятными; а по нимъ общий итогъ чеканокъ серебряной монеты при Петрѣ Великомъ въ 35 лѣтъ достигалъ 38.880.694 рублей 1718 г. (по $481/2$ золотника чистаго серебра въ каждомъ). Изъ нашего свода видно, что 60% всѣхъ Петровскихъ чеканокъ серебряной монеты относятся къ 1799—1710 гг., когда среднимъ числомъ серебряныя чеканки простирались на сумму до 2 миллионовъ рублей въ годъ. Въ остальные періоды чеканка была почти втрое слабѣе.

Чеканки золотой монеты при Петрѣ Великомъ не превышали 706.236 рублей.

Наконецъ, чеканки мѣдной монеты при Петрѣ Великомъ тоже держались еще въ умѣренныхъ предѣлахъ и за все царствованіе простирались на 4.354.142 рубля.

Общий итогъ всѣхъ чеканокъ монеты, серебряной, золотой и мѣдной, при Петрѣ Великомъ достигалъ 48.441.072 рублей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Петровскій рубль при его преемникахъ.

1726—1762.

Время ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго объединяется тѣмъ, что до Екатерины II въ существѣ сохраняется денежная система Петра. Измѣненія, которыя въ нее желаютъ внести, или не удаются, или не имѣютъ существеннаго значенія и Петровскій рубль оставляютъ неприкословеннымъ. Но та часть денежной системы Петра, которая была слабѣйшею уже при немъ, еще болѣе ухудшается при Екатеринѣ I, при Петрѣ II и при Елизавѣтѣ; разстройство обращенія мѣдной монеты становится хроническимъ явленіемъ всей указанной эпохи, которая кончается тѣмъ, что изъ за этого разстройства ухудшается и серебряный рубль Петра Великаго.

Большая опасность угрожала денежной системѣ Петра отъ „новой инвенціи“ Меньшикова, которую желали осуществить указомъ 25 мая 1726 г.¹⁾ „Инвенція“ или изобрѣтеніе Меньшикова заключалось въ томъ, чтобы превратить всѣ (крупныя и мелкія) русскія серебряныя монеты не просто въ низкопробныя, а въ очень низкопро-

1) П. П. С. З., VII № 4890.

бныя. Такъ какъ эта затѣя не осуществилась, то на ней не стоитъ останавливаться ¹⁾.

Болѣе серьезное значеніе для серебряной монеты имѣть то, что сдѣлано при Аннѣ Ioannovnѣ указами 22 января и 23 марта 1731 г. Установля въ 1718 г. для крупной серебряной монеты 70-ую пробу, Петръ Великій уклонился отъ перечеканки крупной и мелкой серебряной монеты, которая до 1711 и до 1718 г. чеканилась по болѣе высокой пробѣ. Это было очень невыгодно для страны, потому что худшая монета вытѣсняла лучшую за границу. Повидимому, это уразумѣли при Аннѣ Ioannovnѣ и, кажется, по почину Остермана, въ видахъ объединенія обращавшейся серебряной монеты предполагалось произвести общую перечеканку этой монеты. Но такъ какъ ничего не было сдѣлано для того, чтобы заинтересовать населеніе въ этой перечеканкѣ, то ей подверглась только старая монета, поступавшая въ казну. При этомъ содержаніе чистаго серебра въ Петровскомъ рублѣ не было измѣнено, по проба его изъ 70-й превращена въ 77-ую. Указомъ 23 марта 1731 г. повелѣно „рублевики, полтинники и гравенники дѣлать изъ пуда по 633 рубля по 60 копѣекъ, а изъ фунта по 15 рублей по 84 копѣйки въ 77-ую пробу“ ²⁾. Петру Великій чеканиль 14 рублей 40 копѣекъ изъ фунта или 96 золотниковъ лигатурнаго серебра 70-й пробы, или тѣ-же 14 рублей 40 копѣекъ чеканились изъ 70 золотниковъ чистаго серебра. Поэтому лигатурный вѣсъ его рубля былъ $96:14.4 = 6\frac{2}{3}$ золотника, а содержаніе чистаго серебра въ его рублѣ было $70:14.4 = 4\frac{81}{36}$ золотниковъ. По указу 23 марта 1731 г. изъ фунта лигатурнаго серебра 77-й пробы чеканили 15 руб. 84 коп. или тѣ-же 15 рублей 84 коп. чеканили изъ 77 золот. чистаго серебра. Слѣдовательно, лигатурный вѣсъ рубля Анны Ioannovnѣ былъ $96:15.84 = 6\frac{2}{33}$ золотника, а содержаніе чистаго серебра въ немъ какъ и при Петрѣ, осталось $77:15.84 = 4\frac{81}{36}$ золотниковъ. Содержаніе чистаго серебра въ рублѣ осталось прежнее, $4\frac{81}{36}$ золотниковъ, потому что рубль основывается на одной и той-же монетной цѣнѣ

1) Документы обѣй ней собраны въ изданіи Великаго Князя Георгія Михайловича Монеты Екатерины I и Петра II. Спб. 1904. См. также Сборникъ И. Рус. Историч. Общ., т. 53 (документы Верховнаго Тайного Совѣта). При Екатеринѣ I чеканили не только рубли, полтинники, четверти и гравенники, но серебряные алтыны и гроши (двукопѣечники). При Петрѣ II чеканили только рубли и полтинны, а изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ въ 1729 г. чеканеніа копѣйка. (По Х. Г. Гиллю).

2) П. И. С. З. VII №№ 5607 и 5816.

золотника чистаго серебра въ 20 $\frac{4}{7}$, копѣекъ (14.4 : 70 = 15.84 : 77 = 20 $\frac{4}{7}$) ¹⁾, а слѣдовательно и фунта чистаго серебра (20 $\frac{4}{7}$ × 96 = 19 рублей 74 $\frac{6}{7}$, копѣйки). Измѣнился только валовой (лигатурный) вѣсъ рубля, уменьшившійся съ 6 $\frac{2}{3}$ до 6 $\frac{2}{33}$ золотниковъ, то-есть на 1 $\frac{1}{11}$, отъ сопрѣвнаго уменьшенія лигатуры (мѣди) въ рублѣ.

Но перечеканка серебряной монеты 1781 г. имѣла и фискальное значеніе. Это явствуетъ изъ цѣны серебра, назначеннай указомъ 28 марта: „по 18 копѣекъ чистаго золотникъ“. А чеканила казна изъ золотника чистаго серебра 20 $\frac{4}{7}$, копѣекъ. Разность въ 20 $\frac{4}{7}$ — 18 = 2 $\frac{4}{7}$, копѣйки составляетъ 14 $\frac{3}{7}\%$ на расходуемыя 18 копѣекъ и должна была служить для расходовъ чеканки и прибыли казны. Это не было большою прибылью, но не свидѣтельствовало также объ отреченіи отъ нея, даже когда монетная операція клонилась къ улучшенію монетной системы.

Такимъ образомъ, серебряный рубль Петра Великаго, нѣсколько обновленный, продолжалъ существовать, оставаясь съ тѣмъ-же содержаніемъ чистаго серебра, которое было установлено въ 1718 г. Въ такомъ видѣ онъ просуществовалъ царствованія Анны Ioannovны и Elisavety Петровны. Мелкія серебряныя монеты при Annѣ Ioannovнѣ были такой-же пробы, какъ и крупныя; а при Elisavetѣ ихъ проба была въ 1741 — 6 годахъ 72-я, а съ 1746 г. опять 77-я.

Казна покупала серебро при Екатеринѣ I, Петрѣ II и Annѣ Ioannovнѣ по 18 копѣекъ за золотникъ чистаго ²⁾). Но даже уже въ началѣ царствованія Annы Ioannovны было трудно получать серебро по этой цѣнѣ; указомъ 8 іюля 1741 г. цѣна была повышена до 19 копѣекъ за золотникъ чистаго серебра; но секретно уже въ 1732 г. разрѣшено было платить даже 19 $\frac{1}{2}$ копѣекъ ³⁾.

Чеканка серебряной монеты въ царствованія Екатерины I и Петра II (въ 5 лѣтъ) простиралась до 5.157.670 Петровскихъ рублей; въ царствованіе Annы Ioannovны она въ 10 $\frac{2}{3}$ л. составляла 20.094.975 Петровскихъ рублей; въ царствованіе императрицы Elisavety она доходила до 32.817.799 рублей ⁴⁾.

За оба царствованія императрицъ Annы Ioannovны и Elisavety

1) Всѣдѣствіе этого-же 20 $\frac{4}{7}$ × 70 = 14 руб. 40 коп., а 20 $\frac{4}{7}$ × 77 = 15 руб. 84 коп.

2) П. II. С. З. № 4829, 5428, 5456, 5677, 5726, 6763 (7 іюля 1733 г.)

3) Тамъ-же № 8395, 9187, 9751.

4) Но изданіемъ В. ел. К. Георгія Михаиловича: Монеты царствованій Екатерины I и Петра II. Спб. 1904 г.; Монеты царствованія и-цы Annы Ioannovны. Спб. 1901 г.; Монеты царствова. императрицы Elisavety. Спб. 1896 г.

Петровны мы имъемъ уже данные о чеканенныхъ монетахъ по ихъ достоинствамъ. Сводя ихъ въ общіе итоги, мы изъ нихъ видимъ, что въ означенные два царствованія начеканено:

рублей	44.730.215	рублей.
поптинъ	4.005.843	.
полупоптинъ	1.787.704	.
гравенниковъ	1.988.068	.
пятикопѣчниковъ	506.144	.
	52.412.774	рублей.

Въ серебряной монетѣ до-Петровской Руси не замѣтно было, кому она служить, состоятельнымъ или бѣднымъ: она была копѣчная, полукопѣчная и еще меньшая, и была какъ-бы прямо расчтана на населеніе, въ которомъ еще не произошло видимаго разслоенія на болѣе и менѣе состоятельныхъ. На дѣлѣ это разслоеніе, конечно, уже очень давно произошло въ до-Петровской Руси; но оно не находило себѣ видимаго выраженія въ денежной системѣ. Съ Петра Великаго это измѣняется. Серебряные деньги становятся деньгами болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія; для бѣдныхъ служать мѣдныя деньги. А болѣе состоятельнымъ нужны рубли, гораздо меньше нужны поптины и полупоптины и очень мало нужны гравенники и пятачки. Оттого 85% всѣхъ монетъ приходится на рублевики, только 11% на поптины и четвертаки и лишь 4% на гравенники и пятачки.

Къ приведеннымъ суммамъ серебряныхъ чеканокъ необходимо еще прибавить: на чеканки 1741—42 г. (Иоанна Антоновича) 1.111.387 рублей и Петра III на 648.000 рублей. Слѣдовательно, общій итогъ серебряныхъ чеканокъ отъ смерти Петра Великаго до Екатерины II достигъ 59.324.881 Петровскихъ рублей 1718 г.

Чеканки серебряной монеты Петра Великаго за 85 лѣтъ съ 1690 до конца 1724 г. простирались на сумму 88.380.694 рублей 1718 г. а его преемниковъ до Екатерины II на 59.324.881 такихъ-же рублей; тѣ и другіе въ 70 лѣтъ на 97.805.525 Петровскихъ рублей. Сбрасываясь съ нихъ 47.6 миллионовъ рублей (почти половину) на перечеканки и упливъ заграницу, находимъ, что въ первой половинѣ XVIII в. монетный капиталъ Россіи увеличился на 50 миллионовъ тогдашихъ рублей. По монетной цѣнѣ той эпохи (790 рублей за пудъ чистаго серебра) это составляетъ 68.800 пудовъ серебра = 2,582.000 фунтовъ = 5.084.600 гравенокъ серебра или рублей XIV столѣтія въ 70 лѣтъ. Это даетъ на средній годъ 72.850 гравенокъ серебра или рублей XIV столѣтія. Какъ ни бѣдна была древняя (допетровская) Русь, но она

за одну рублевую эпоху, съ началъ XIV столѣтія до конца XVII столѣтія, въ теченіи 400 лѣтъ хлопотала о серебрѣ, старалась его имѣть и добивалась его. Слѣдовательно, нѣкоторый запасъ его она успѣла накопить. Какъ великъ могъ быть этотъ запасъ, унаследованный отъ до-Петровской Руси? Объ этомъ мы можемъ судить только по даннымъ о первыхъ 70 годахъ Петровской Россіи. Допуская, что это накопленіешло въ до Петровской Руси гораздо-гораздо (почти втрое) медленнѣе, чѣмъ въ Петровской, въ самомъ ея началѣ, мы принимаемъ, что въ среднемъ ежегодно монетный капиталъ могъ увеличиваться на 25.000 гривенокъ. Въ такомъ случаѣ весь запасъ серебра, который могъ накопиться въ древней Руси въ 4 столѣтія до конца XVII в., не превышалъ 10.000.000 гривенокъ или рублей XIV вѣка. Это не похоже на преувеличенную сумму, особенно если принять во вниманіе, что иностранцы, бывавшіе въ XVI и XVII вв. въ московскомъ государствѣ, не замѣчали въ немъ особенной скудости серебра. А въ деньгахъ первой половины XVIII вѣка 10.000.000 гривенокъ серебра составляли около 100.000.000 Петровскихъ рублей серебромъ. Въ эту сумму мы и принимаемъ монетный капиталъ, унаследованный отъ древней Руси. Съ прибавленіемъ 50.000.000 Петровскихъ рублей, образовавшихся въ первой половинѣ XVIII вѣка, весь монетный капиталъ Россіи ко времени вступленія на престоль Екатерины II могъ составлять по меньшей мѣрѣ 150.000.000 Петровскихъ рублей.

Мы говоримъ: по меньшей мѣрѣ, потому что наша оцѣнка унаследованнаго отъ до-Петровской Руси монетнаго капитала скорѣе преуменьшена, чѣмъ преувеличена. Возможно, что сумма въ 200.000.000 Петровскихъ рублей или 20.000.000 гривенокъ серебра была-бы ближе къ истинѣ. Даже если считать, что монетный капиталъ Россіи ко времени воцаренія Екатерины II составлялъ 200.000.000 Петровскихъ рублей или 20.000.000 гривенокъ-рублей XIV вѣка (250.000 пудовъ серебра), то это очень мало сравнительно съ той огромной массою серебра, которая была привезена въ Европу изъ Америки и ею поглощена съ конца XV вѣка до половины XVIII вѣка. За 258 года съ 1493 по 1745 г. Европою поглощено 4.790.550 пудовъ серебра ¹⁾ (388.244.000 гривенокъ); въ этой массѣ русскіе 250.000 пудовъ составляютъ 5%. Сравнительно съ другими странами Россія и при обла-

1) И. И. Кауфманъ, Свѣдѣнія о производствѣ золота и серебра на земномъ шарѣ 1493—1892. Спб. 1894 (Временникъ Центр. Статист. Комитета, 1894 г. № 23).

даній монетнымъ капиталомъ въ 250.000 пудовъ серебра продолжала быть очень небогатою серебромъ. Отъ того серебро цѣнилось въ Россіи еще весьма дорого и это обстоятельство было сильнымъ препятствиемъ для проникновенія золота въ Россію. А золото, какъ разъ въ XVIII очень вадорожало противъ прежнихъ вѣковъ: оно уже стоило съ лишнимъ въ 15 разъ дороже серебра. Къ этому у насть никакъ не могли приоровиться.

При Екатеринѣ I и Петрѣ II въ 1725—29 гг. непрерывно чеканились золотые (Андреевскіе) двухрублевики по 100 штукъ изъ фунта 75-й пробы, то есть, съ лигатурнымъ вѣсомъ въ $\frac{24}{25}$ золотника, на которые приходилось $\frac{3}{4}$ золотника чистаго золота; золотникъ чистаго золота въ этой монетѣ стоилъ 2 р. $66\frac{2}{3}$ копѣйки, а такъ какъ золотникъ чистаго серебра въ серебряной монетѣ стоилъ $20\frac{4}{7}$ копѣйки, то при этихъ монетныхъ цѣнахъ золота и серебра золото было дороже серебра, какъ при Петрѣ Великомъ, въ $266\frac{2}{3} : 20\frac{4}{7} = 12\frac{28}{27}$ разъ. Съ 1718 до октября 1728 г. Андреевскихъ двухрублевиковъ было начеканено лишь 384.338 монетъ на 668.676 рублей ¹⁾). Въ 1729 г. чеканка ихъ прекратилась, потому что они были очень убыточны для казны (при 18 копѣйкахъ за золотникъ чистаго серебра, золотникъ чистаго золота стоилъ не менѣе 2 р. 70 коп.). Поэтому по воцаренію Анны Иоанновны золотая монета чеканилась только въ видѣ червонцевъ, еще не имѣвшихъ нарицательной цѣны, установленной закономъ. Чеканка эта производилась на небольшія суммы, только для нуждъ двора да и то лишь въ 1780, 1788 и 1789 гг. Но уже съ самаго начала царствованія Анны Иоанновны понято было, что золото слишкомъ дешево цѣнится въ русской монетѣ. Поэтому указомъ 28 декабря 1780 г. повелѣно „дѣлать россійскіе червонцы пробою и вѣсомъ противъ голландскихъ, какъ и напередъ сего по 718 г., также и въ 729 г. дѣланы и тѣмъ вновь сдѣланы и прежнимъ русскимъ той же доброты и вѣсу въ народѣ ходить и въ казну принимать по 2 рубля 20 копѣекъ ²⁾). Этимъ указомъ червонцы въ первый разъ сдѣланы настоящею монетою и деньгами. Ихъ чеканили 118 штукъ изъ фунта золота 98-й пробы; поэтому ихъ лигатурный вѣсъ былъ $78\frac{4}{5}$ долей, а чистаго золота въ нихъ содержалось $75\frac{39}{40}$ долей. А такъ какъ ихъ нарицательная цѣна была 2 рубля 20 копѣекъ, то зо-

1) Велик. К. И. Георгія Михайловича, Монеты Екат. I и Петра II, докум. № 10, и монеты Анны Иоанновны, докум. № 17.

2) И. И. С. З. VIII, № 5680.

лотникъ чистаго золота въ нихъ стоилъ 2 рубля $79\frac{18}{98}$ копѣекъ, а содержаніе чистаго золота золотого рубля въ червонцѣ уменьшилось до $34\frac{254}{889}$ долей (противъ 38 долей въ рубль адреевскаго золотого двухрублевика). А такъ какъ золотникъ чистаго серебра въ монетѣ оставался 20% , копѣекъ, то отношеніе цѣнъ золота и серебра въ русской монетѣ измѣнялось въ $279\frac{18}{98} : 20\% = 18\frac{63}{98} : 1$; то-есть, оно возышалось, но все еще было слишкомъ благопріятно для серебра. Это тѣмъ болѣе странно, что указъ 23 марта 1781 г., установившій новую 77-ую пробу для серебряной монеты, опредѣляя цѣну серебра для покупки его въ 18 копѣекъ за золотникъ чистаго, въ тоже время назначилъ для покупокъ золота цѣну въ 2 р. 52 коп. за золотникъ чистаго; а эти двѣ цѣны исходить изъ того, что золото дороже серебра въ $252 : 18 = 14$ разъ. Изъ одного, дошедшаго до насъ докumenta той эпохи ясно видно, что тогда вполнѣ понимали опасность, угрожавшую русской золотой монетѣ отъ слишкомъ низкой оцѣнки золота: что отъ этой причины „изъ Россіи золотую монету и въ достали вывезутъ“ ¹⁾.

При Елизаветѣ Петровнѣ тоже много интересовались болѣе правильною постановкою золотой монеты, но дѣло впередъ очень мало подвинули. Сначала, съ 1742 до 1749 г. чеканили только червонцы по 118 штукъ изъ фунта 93-й пробы стоимостью въ 2 р. 20 коп. Потомъ указомъ 7 юля 1749 пробы червонцевъ повышена въ $94\frac{2}{3}$ -ю ²⁾; но въ 1753 г. чеканка этихъ червонцевъ совсѣмъ прекращена, а 2 мая 1794 г. ихъ нарицательная цѣна повышена до 2 рублей 80 копѣекъ ³⁾. Отъ этого золотой рубль въ червонцѣ представлялъ уже лишь $32\frac{216}{1557} = 32.8\%$ долей, то-есть, отношеніе цѣнъ золота и серебра въ русской монетѣ поднялось до $82\frac{216}{1557} : 4\frac{81}{36} = 1 : 14.18$. Тѣмъ-же указомъ 2 мая 1754 г. цѣна, по которой казна покупала золото, повышена до 2 руб. 60 коп. за золотникъ чистаго. А такъ какъ тогда казна покупала серебро по 19 копѣекъ за золотникъ чистаго, то въ этихъ цѣнахъ мы опять встрѣчаемся съ пропорціею $19 : 260 = 1 : 13\frac{18}{19}$, то-есть, особенно твердо не придерживаются взгляда, по которому признавалось необходимымъ возвысить оцѣнку золота. Это вполнѣ подтверждается указомъ 12 ноября 1755 г., установляющимъ новую

1) В. К. Георгія Михайловича. Монеты Аввы Ioannovны, докум. № (экстрактъ, приложенный къ донесенію 5 сентября 1730 г. въ Сенатъ изъ Комиссіи по монетному дѣлу).

2) П. П. С. З. XIII, №№ 9644, 9648.

3) Тамъ-же, № 10219.

золотую монету въ видѣ имперіаловъ и полуимперіаловъ ¹⁾. Новое название монеты было передѣлкою и приспособленіемъ къ русскому императорскому титулу названія золотой-же монеты, давно уже существовавшей во Франціи и въ Англіи, *роалл* и *полу-роалл*. Установленію новой золотой монеты придавалось особое значеніе. „Понеже, говорилось въ указѣ, въ нашей имперіи ходячія серебряные и мѣдные монеты... нынѣ благополучно въ безопасности и пользѣ нашихъ подданныхъ установлены, того ради мы наше матернее попеченіе и далѣѣ простирать намѣрились, дабы ходячія наши и золотыя монеты также добрымъ порядкомъ къ пользѣ коммерціи установлены были, и не токмо противъ нашихъ серебряныхъ монетъ, но и противъ чужестранныхъ такихъ-же монетъ *исправную пропорцію имѣти*“. Для этого предписывалось дѣлать отнынѣ имперіалы и полуимперіалы въ 10 и 5 рублей 88-й пробы, имперіалы съ лигатурнымъ вѣсомъ въ 3 золотника 85 долей, а полуимперіалы съ лигатурнымъ вѣсомъ въ одинъ золотникъ и 90 долей; червонцамъ опять устанавлилась цѣна въ 2 рубля 25 копѣекъ; андреевскіе же золотые двухрублевики совсѣмъ демонетизировались („отнынѣ въ народѣ никакого хожденія не имѣть и оные въ народѣ не выпускать“); но особымъ указомъ ²⁾ установлены новые золотые рублевики и двухрублевики, 88-й пробы, вѣсомъ рублевики 36 долей, а двухрублевики 78 доли. Особенностью этихъ монетъ является то, что они не построены на одномъ и томъ-же золотомъ рубльѣ. Имперіаль имѣеть лигатурный вѣсъ 873 доли, а чистаго золота въ немъ $34\frac{11}{12}$ долей и, слѣдовательно, въ немъ каждому рублю соотвѣтствуютъ $37\frac{1}{2}$ долей золота 88-й пробы, а чистаго золота $34\frac{28}{120}$ доли. Въ полуимперіалѣ лигатурнаго вѣса 186 долей, а чистаго золота въ немъ $170\frac{1}{2}$ долей; слѣдовательно, рублю въ немъ соотвѣтствуетъ $37\frac{1}{5}$ долей, а чистаго золота $34\frac{1}{1}$ долей. Въ золотомъ двухрублевикѣ лигатурнаго вѣса 78 доли, а чистаго золота $66\frac{11}{12}$ долей. Слѣдовательно, одному золотому рублю въ немъ соотвѣтствовало $86\frac{1}{2}$ долей золота 88-й пробы и $88\frac{11}{24}$ доли чистаго золота. Наконецъ въ золотомъ рублевикѣ лигатурный вѣсъ 36 долей, а чистаго золота въ немъ 33 доли. Но этотъ недостатокъ не очень важный. Гораздо важнѣе было то, что если считать золотой рубль по полуимперіалу, занимающему среднее положеніе между новыми золотыми монетами,

1) П. П. С. З. XIII, № 10483. Срв. В. К. Георгія Михайловича. Монеты Елизаветы Петровны, документы №№ 206, 207, 208 и 209.

2) П. П. С. З. XIV, № 10576, 21 июня 1755 г.

то въ немъ содержится 84.1 долей чистаго золота, а въ серебряномъ рублѣ того-же времени было $486\frac{2}{3}$ долей чистаго серебра, слѣдовательно, отношеніе между оцѣнкою золота и серебра въ новой золотой монетѣ было 1 : 18.88, то-есть, опять возвращалось къ отношенію при Аннѣ Ioannovnѣ.

Такъ какъ на открытомъ рынкѣ золото тогда было болѣе чѣмъ въ 15 разъ дороже серебра, то конечно на почвѣ отношенія 1 : $18\frac{2}{3}$ или даже 1 : 14.1 упроченіе золотой монеты въ Россіи было еще невозможно.

Чеканка золотой монеты при Екатеринѣ I и Петрѣ II въ 5 лѣтъ не превышала 145.558 рублей. При Аннѣ Ioannovnѣ она еще болѣе уменьшилась и за 10 лѣтъ не превышала 176.652 рублей. Такъ какъ при Петрѣ Великомъ чеканки золотой монеты простирались на сумму 706.286 рублей, то въ общемъ итогѣ отъ Петра I до Елизаветы золотыя чеканки не превышали 1.028.426 рублей. Не смотря на всѣ старанія увеличить эти чеканки, онѣ и при Елизаветѣ не очень сильно увеличились и достигали лишь 1.524.142 рублей ¹⁾). Слѣдовательно, всего до Екатерины II золотыя чеканки въ Россіи не превышали 2.552.687 рублей.

Въ теченіи всего рассматриваемаго времени обращеніе мѣдной монеты было хронически разстроено. Это принято объяснять неумѣренною фискальною эксплоатациею чеканки мѣдной монеты. Но это едва-ли вполнѣ правильно даже въ примѣненіи къ 5-лѣтію царствованій Екатерины I и Петра II и вполнѣ правильно только въ примѣненіи къ послѣднему 5-лѣтію царствованія Елизаветы Петровны; но въ остальныя 25 лѣтъ рассматриваемаго периода не только никакой неумѣренной чеканки мѣдной монеты не было, но были непрерывныя и настоятельныя заботы о приведеніи въ порядокъ обращенія мѣдной монеты, — заботы, которыя, однако, большою успѣшностью не отличались. Отчасти это объясняется тѣмъ, что правильное устройство обращенія мѣдной монеты тогда было очень трудною задачею. Какъ мы видѣли, для народа чеканили очень мало серебряной мелкой монеты (едва-ли даже на $2\frac{1}{2}$ миллиона рублей за все время отъ смерти Петра до смерти Елизаветы). Серебро еще было очень дорого; цѣны на все

1) Въ томъ числѣ было: червонцевъ на 480.168 рублей, имперіаловъ на 523.700 рублей, полуимперіаловъ на 324.190 рублей, двухрублевиковъ на 14.1246 рублей, рублейниковъ на 44.868 рублей и полтинниковъ на 10.500 рублей. По изданию В. е. л. К. Георгія Михаиловича, Монеты имп. Елизаветы.

покупное, хотя и сильно возвышенные противъ уровня предъидущихъ стоятъ, все таки находились подъ гнетомъ этой высокой стоимости серебра. Неудивительно, что Посошковы, Аврамовы и другіе, впервые пытавшіеся обобщать явленія русской экономической жизни, были поклонниками мѣдной монеты не въ интересахъ только фиска. Мѣдной монетѣ предстояло еще довольно продолжительное время играть замѣтную роль въ денежномъ обращеніи Россіи.

При Екатеринѣ I и Петре II усердно чеканили мѣдную монету по 40 рублей изъ пуда и начеканили ея на 3.988.830 рублей въ то время, когда серебряной монеты было начеканено на 5.157.670 рублей. При Петре Великомъ чеканка мѣди составляла немного болѣе $\frac{1}{10}$ суммы серебряныхъ чеканокъ; а при ближайшихъ его двухъ преемникахъ чеканки мѣди составляли уже болѣе $\frac{8}{4}$ чеканокъ серебра; относительно, чеканка мѣди увеличилась почти въ 7 разъ, но абсолютно увеличеніе еще не было значительное. Такъ какъ техника чеканки мѣди была еще очень несовершенная, то это при очень высокой цѣнѣ мѣди въ монетѣ вызвало опять сильное распространеніе фальшивой мѣдной монеты, чеканившейся и въ Россіи, и заграницею; говорить, что при воцареніи Анны Ioannovны въ Россіи обращалось столько-же фальшивой мѣдной монеты, сколько было выпущено казною. Чеканились: полушки, копѣйки, гропи (2 копѣйки), а всего больше—пятикопѣечники, прямо расчитанные на фискальное использование народной потребности въ мелкой монетѣ. Императрица Анна Ioannovna понизила до 10 рублей цѣну мѣди въ монетѣ и чеканила только полушки и денежки, да и тѣхъ въ 1782 и 1788 гг. не чеканили. За все время царствованія Анны Ioannovны мѣдной монеты, которой много старой было изъято изъ обращенія, новой начеканено лишь на 2,986.482 рубля. При Елизаветѣ Петровнѣ борьба съ излишествомъ въ мѣдной монетѣ сначала тоже велась энергично. До 1754 г. мѣдная монета чеканилась по 10 рублей изъ пуда и чеканились только полушки и денежки. Съ 1755 до 1757 г. чеканились только копѣйки даже лишь по 8 рублей изъ пуда мѣди. Но съ 1757 г. потребность въ средствахъ для покрытия чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ вызвала „необходимость“ для покрытия этихъ расходовъ обратиться къ чеканкѣ не только полушекъ, денежекъ и копѣекъ, но и двукопѣечниковъ и пятикопѣечниковъ изъ мѣди по 16 рублей пудъ. Всего было начеканено при Елизаветѣ до 1757 г.: по 10 рублей изъ пуда на 8.071.695 рублей и по 8 рублей изъ пуда на 1.072.669 рублей, всего на 4.144.364. Съ 1757-же года по 16 рублей изъ пуда было начеканено на 10.977.849

рублей. Такимъ образомъ, при одной только Елисаветѣ было начеканено мѣдной монеты на 15,121.718 рублей, тогда какъ предъ нею при Петрѣ Великомъ, Екатеринѣ I, Петрѣ II и Аннѣ было начеканено въ 40 лѣтъ лишь на 10.628.954 рубля. Чеканки Елисаветы въ 5 — 6 лѣтъ съ 1756 г. превышали чеканки въ 40 лѣтъ съ 1701 по 1740 г.

Выпускъ мѣдной монеты въ короткое время 5—6 лѣтъ съ 1757 г. на огромную для той эпохи сумму, почти 11.000.000 рублей, былъ первымъ случаемъ такой значительной эксплоатации монетной регалии для нуждъ казны, да еще въ наихудшемъ ея видѣ. Вѣдь едва-ли даже при Алексѣѣ Михайловичѣ, за столѣтіе передъ тѣмъ, чеканка мѣдной монеты для казенныхъ нуждъ простидалась на сумму, даже вдвое меньшую. Естественно, что поэтому уже въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы очень сильно были озабочены вопросомъ обѣ изъятіи изъ обращенія мѣдной монеты, выпускавшейся съ 1757 года. Главный дѣятель по этой части въ ту эпоху былъ графъ П. И. Шуваловъ. Уже въ 1760 г. Шуваловъ придумалъ хитрый планъ увеличить средства государственного казначейства для значительныхъ военныхъ расходовъ того времени посредствомъ чеканки мѣдной монеты не по 16, а по 32 рубля изъ пуда мѣди и посредствомъ выпуска новой мѣдной монеты на 32 миллиона рублей (считая въ томъ числѣ часть для замѣны мѣдной монеты, чеканенной по 16 руб. изъ пуда). Выпущенія этимъ способомъ мѣдныхъ деньги Шуваловъ предполагалъ изъять изъ обращенія въ теченіе 21 года выкупомъ ихъ на серебро. Для этого онъ предполагалъ часть мѣдныхъ денегъ употребить для ссудъ помѣщикамъ, а проценты и погашеніе этихъ ссудъ должны были уплачиваться серебромъ. Кромѣ того Шуваловъ для полученія серебра предлагалъ новую перечеканку серебряной монеты по новой ухудшеннѣй монетной стопѣ. Шуваловъ полагалъ, что его планъ „приведетъ въ состояніе продолжать войну превосходящими силами и преуспѣвать въ войнѣ воюющихъ неистощимымъ богатствомъ“ ¹⁾.

Предположенія гр. П. И. Шувалова при императрицѣ Елисаветѣ не осуществились; но императору Петру III они понравились и 17 января 1762 г. онъ надписалъ „быть по сему“ на сенатскомъ докладѣ

1) В. ел. кн. Георгія Михайловича. Монеты царств. имп. Елисаветы Петровны, документы №№ 323, 327, 328, 331, 334, 335.

объ этихъ предположеніяхъ¹⁾). Осуществленіе, однако, получила только перечеканка мѣдной монеты, по которой было приступлено къ исполнительнымъ дѣйствіямъ при Петрѣ III; по перечеканкѣ же серебряной монеты ничего не успѣли сдѣлать при Петрѣ III.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Рубль Екатерины II.

1764—1796.

Вступивъ на престолъ, Екатерина II отмѣнила распоряженіе Петра III по мѣдной монетѣ и опять возстановила чеканку по 16 рублей изъ пуда мѣди. Предположеніе же Шувалова объ измѣненіи серебряной монеты были приведены въ связь съ новыми мѣрами по золотой монетѣ и осуществлены въ 1764 г.

Это дѣлаетъ необходимымъ разсмотрѣніе измѣненій, предложеныхъ Шуваловымъ по серебряной монетѣ, въ связи съ тѣми перемѣнами въ серебряной монетѣ, которыхъ предшествовали Шуваловскимъ проектамъ.

Петръ Великій началъ въ 1704 г. чеканку серебрянаго рубля по 14 рублей 40 копѣекъ изъ фунта или по 15 копѣекъ изъ золотника лигатурнаго серебра, которое считалось „неустановичной“ пробы, но котораго пробы была на дѣлѣ не выше 84-ой. При 84-ой пробѣ первые рубли Петра Великаго чеканились на основѣ оцѣнки золотника чистаго серебра по $14\frac{40}{40} : 84 = 17\frac{1}{7}$, копѣекъ, а фунта чистаго серебра въ $96 \times 17\frac{1}{7} = 16$ рублей $45\frac{5}{7}$ копѣекъ. Содержаніе чистаго серебра въ рублѣ при этомъ было 55% золотниковъ, при лигатурномъ вѣсѣ рубля въ $6\frac{2}{3}\%$ золотниковъ. Это положеніе Петръ Великій самъ измѣнилъ въ 1718 г., произведя уменьшеніе пробы до 70-й, съ оставленіемъ прежней оцѣнки фунта лигатурнаго серебра. Уравнявъ цѣну лигатурнаго фунта серебра 70-й пробы съ цѣнною лигатурнаго фунта серебра 84-й и строя эту цѣну въ томъ и другомъ случаѣ въ 14 рублей 40 копѣекъ за фунтъ или по 15 копѣекъ за золотникъ, — Петръ Великій этимъ въ 1718 г. возвысилъ монетную цѣну чистаго серебра: золотника до $14\frac{40}{40} : 70 = 20\frac{4}{7}$, копѣекъ, а фунта до $20\frac{4}{7} \times 96 = 19$ руб.

1) Вел. ка. Георгія Михайловича. Монеты Петра III. документы № 2.

лей 74%, копѣйки. Возвышеніе на 20% было первымъ измѣненіемъ, произведеннымъ самимъ Петромъ Великимъ въ серебряномъ рублѣ, который онъ началъ чеканить какъ крупную монету, въ 1704 году. Сохраняя прежній лигатурный вѣсъ 6½ золотниковъ, Петровскій рубль съ 1718 г. уже содержалъ чистаго серебра лишь 4½/32 золотниковъ, вмѣсто 5½ золотниковъ, содержавшихся въ серебряномъ рублѣ 1704 г., или уменьшеніе сдѣлано на 1/6. По содержанію чистаго серебра Петровскій рубль 1718 г. составлялъ 5/6 рубля 1704 года.

Этотъ Петровскій рубль 1718 г. уже въ послѣдствіи не измѣнялся до Екатерины II. Императрица Анна, измѣнивъ пробу рубля въ 77-ю, оставила его содержаніе чистаго серебра безъ измѣненія въ 4½/32 золотника; она только убавила содержавшуюся въ Петровскомъ рублѣ 1718 г. лигатуру (мѣдь) и этимъ уменьшила лигатурный вѣсъ рубля на 1/11. Неизлишне напомнить при этомъ, что измѣнять пробу монетъ можно двоякимъ путемъ: 1) измѣненія отношеніе между содержаніемъ чистаго металла и лигатурой въ монетѣ, но не измѣненія цѣны чистаго металла въ монетѣ, 2) измѣненія отношеніе между содержаніемъ чистаго металла и лигатурой въ монетѣ при одновременномъ измѣненіи цѣны чистаго металла въ монетѣ. Только первого рода измѣненія пробы не измѣняютъ существенно монету и дѣлаются для ея улучшенія; къ ихъ категоріи принадлежало измѣненіе Анны Ioannovны. Напротивъ, измѣненія пробы второй категоріи прямо ухудшаютъ монету и производятся всегда для того, чтобы посредствомъ ухудшенія монеты извлекать изъ чеканки ея фискальныя выгоды.

Къ этой категоріи принадлежала и Шуваловская перемѣна въ серебряномъ рублѣ. Шуваловъ предложилъ—чеканить рубль изъ серебра 72 пробы съ тѣмъ, чтобы лигатурный фунтъ серебра этой пробы получилъ монетную цѣну 17 р. 06½, копѣекъ, или чтобы золотникъ серебра 72-й пробы въ монетѣ стоилъ 17½, копѣйки (вмѣсто 15 копѣекъ при Петрѣ и 16½ копѣекъ съ Анной Ioannovны). Это значитъ, что Шуваловъ предлагалъ, чтобы золотникъ чистаго серебра въ монетѣ стоилъ $1706\frac{1}{2} : 72 = 28\frac{19}{27}$ копѣекъ (вмѣсто 20½, копѣекъ съ 1718 г., не измѣнившихся и при Аннѣ Ioannovнѣ). Фунтъ чистаго серебра въ монетѣ, съ 1718 г. стоявшій безъ измѣненія 19 рублей 74½, копѣйки, по мысли Шувалова, долженъ былъ уже стоить $28\frac{19}{27} \times 96 = 22$ рубля 75½, копѣйки.

Какія выгody Шуваловъ ожидалъ отъ этой перемѣны, мы знаемъ

по собственному расчету Шувалова, до насть дошедшему¹⁾. „Когда чистое серебро, покупаемое по 19 $\frac{1}{2}$ копѣекъ передѣлать въ монету 72-й пробы по 17 р. 6 $\frac{2}{3}$ к. изъ фунта, то выйдетъ изъ пуда такого серебра 910 р. 22 $\frac{2}{3}$ к. Изъ онаго числа должно вычитать покупную цѣну серебра, по 19 $\frac{1}{2}$ к. за золотникъ, 748 р. 80 к. За прибавляемую мѣдь для привода въ указанную 72-ю пробу, 18 фунт. 32 золотника, по 6 рублей пудъ, 2 рубля. За угаръ по приводѣ въ указанную пробу, а именно, по половинѣ золотника чистаго серебра у каждого лигатурнаго фунта, что учинить 26 $\frac{2}{3}$ золотника по передѣльной цѣнѣ на 6 рублей 82 коп. За передѣлъ съ угаромъ по 14 рублей съ лигатурнаго пуда 18 руб. 66 $\frac{1}{2}$ коп. Всего русходовъ 775 руб. 78 $\frac{1}{2}$ коп. Затѣмъ остается прибыли 184 руб. 48 $\frac{3}{4}$ коп. Учинить на 100 р. по 14 $\frac{3}{4}$ %“. По этому „расчисленію“ прибыль выведена не совсѣмъ точно, потому что она взята по отношенію къ 910 руб. 22 $\frac{2}{3}$ коп., которые казна должна чеканить изъ пуда чистаго серебра; тогда какъ прибыль правильно взять по отношенію къ покупной цѣнѣ, которую казна должна израсходовать на пудъ чистаго серебра, въ данномъ случаѣ 748 руб. 80 коп. Если израсходовать 780 р. 80 к. на покупку пуда чистаго серебра, казна изъ него чеканить монетъ на 910 р. 22 $\frac{2}{3}$ к., то получается разность въ 161 руб. 42 $\frac{3}{4}$ коп., составляющія 21.55% на израсходованные 748 руб. 80 коп. Изъ этой разности на расходы чеканки идутъ 26 руб. 99 коп., а остальные 184 р. 48 $\frac{3}{4}$ к. или 17.95% на израсходованные 748 р. 80 к. составляютъ чистую прибыль казны; расходовъ чеканки приходится 8.60% на покупную цѣну серебра.

Шуваловъ предлагалъ также пріохотить частныхъ людей къ перечеканкѣ серебряной монеты тѣмъ, чтобы имъ была обѣщана половина казенной прибыли отъ этой перечеканки.

Шуваловскія предположенія были приведены въ связи съ выяснившимся необходимостью построить, наконецъ, цѣны золотой монеты, то есть, имперіаловъ и полуимперіаловъ на правильно взятомъ отношеніи между стоимостью золота и серебра. Мы уже указывали на то, что въ первой половинѣ XVIII в. золото въ Западной Европѣ было съ лишнимъ въ 15 разъ дороже серебра. У насъ только въ началѣ царствованія Екатерины II съ этимъ фактомъ ознакомились. Въ Шуваловскомъ новомъ серебряномъ рублѣ содержалось чистаго серебра 4 $\frac{7}{82}$ золотника = 405 долей. Слѣдовательно, если золотую монету

1) Вел. Кн. Георгія Михайловича монеты царствов. импер. Елизаветы I докум. № 828 („расчисленіе“ помѣщено 17 января 1761 г.), стр 248.

желали чеканить считая чистое золото въ 15 разъ дороже серебра. то золотой рубль въ монетѣ долженъ быть представлять $405 : 15 = 27$ долей = $\frac{9}{12}$ золотника чистаго золота. Поэтому въ пятирублевой золотой монетѣ должно было содержаться $5 \times 27 = 185$ долей = $\frac{45}{12}$ золотника чистаго золота, а въ десятирублевой золотой монетѣ должно было содержаться 270 долей = $\frac{45}{12}$ золотника чистаго золота. При 88-й пробѣ лигатурный вѣсъ имперіала долженъ быть составить $2\frac{18}{12}$ золотника = $294\frac{6}{11}$ долей, а лигатурный вѣсъ полуимперіала составлять $1\frac{12}{12}$ золотника = $147\frac{8}{11}$ долей. Эти опредѣленія осуществлены указомъ 30 марта 1764 г. ¹⁾). Указъ этотъ важенъ главнымъ образомъ тѣмъ, что въ немъ отношеніе между цѣнами золота и серебра въ русской монетѣ впервые ясно устанавливается *въ законѣ*. Конечно, во всякой странѣ, въ которой чеканятся изъ обоихъ драгоцѣнныхъ металловъ монеты съ установленными ихъ нарицательными цѣнами, въ въ этихъ же цѣнахъ выражается и опредѣленное отношеніе между ними. Но въ теченіи многихъ вѣковъ, и въ числѣ ихъ въ XVIII ст., не придавали еще значеніе тому, чтобы это отношеніе получило выраженіе въ законѣ. Кажется, самый ранній законъ, въ которомъ впервые отношеніе между стоимостью золота и серебра въ монетѣ было ясно и опредѣленно установлено, былъ Екатерининскій указъ 30 марта 1764 г. Когда Екатерина II рассматривала представленный ей 18 декабря 1763 г. сенатомъ докладъ объ измѣненіяхъ, которыя должны быть сдѣланы въ монетѣ, то императрица положила пространную собственноручную резолюцію, въ которой, между прочимъ говорилось: „принявъ въ разсужденіе, что золотая имперіальная и полуимперіальная монета понынѣ дѣлана была не въ такой противъ серебряной пропорціи, какъ то во всей Европѣ есть въ употреблениі, и что посему и ону неотмѣнно въ ту же пропорцію установить должно, а именно, какъ одинъ противъ пятьнадцати“, императрица повелѣвала чеканить такъ золотыя монеты, чтобы „внутрення ихъ доброта состояла точно въ пятьнадцатеро противъ передѣльной цѣны серебра“ ²⁾. Эти слова резолюціи государыни буквально повторены въ указѣ 30 марта 1764 г.

Слѣдуетъ-ли изъ установлѣнія этимъ указомъ пропорціи 1:15, что Екатерина II въ 1764 г. установила въ Россіи биметаллизмъ? Отнюдь нѣтъ. Ибо, съ одной стороны, одной только пропорціей для биметал-

1) П. П. С. З. XVI № 12116.

2) Всѣ К. Георгія Михайловича, Монеты Екатерины II т. I докум. № 74.

лизма еще мало. А съ другой стороны, мы и до Екатерины II имѣли не только то, что даетъ биметаллизмъ, но больше. Въ Россіи въ то время всякий имѣль право производить платежи на неограниченную сумму не только золотою и серебряною, но и мѣдною монетою. Мы имѣли треметаллизмъ, такъ сказать. А для биметаллизма недоставало права свободной чеканки частными лицами на неограниченную сумму золотой и серебряной монеты. Это право было монополіею казны въ интересахъ фиска. Частныя лица должны были *продавать* золото и серебро казнѣ по установленной покупной цѣнѣ, а казна уже *отъ себя* перечеканивала купленное золото по передѣльной (монетной) цѣнѣ. Поэтому ни о какомъ биметаллизмѣ до XIX в. нигдѣ никакой рѣчи не можетъ быть.

При Екатеринѣ II создалось многое, что впослѣдствіи очень долго держалось. Но едва-ли многія изъ созданій той эпохи держались такъ долго, какъ серебряный рубль въ 405 долей = 4 золотника 21 доля чистаго серебра и золотой рубль въ 27 долей чистаго золота, какъ пятая часть полуимперіала въ 185 долей чистаго золота или десятая часть имперіала въ 270 долей чистаго золота. Серебряный рубль въ 405 долей или 4 золотника 21 доля еще продолжаетъ жить въ наши дни. А содержаніе чистаго золота продолжало до конца 1885 года оставаться въ имперіалѣ и полуимперіалѣ такимъ, какимъ оно было установлено указомъ 80 марта 1764 г.: 270 долей въ имперіалѣ и 170 долей въ полуимперіалѣ.

Это значитъ другими словами, что съ 1764 г. казна уже не пользовалась въ Россіи измѣненіями чистаго серебра или золота въ монетѣ для извлеченія финансовыхъ выгодъ изъ измѣненій. Поэтому и монеты могли уже не измѣняться въ своемъ существѣ. Исторія ихъ, насколько она выражалась въ перемѣнахъ, въ монетахъ-же про-исходившихъ, какъ бы пріостановилась. Но исторія денегъ въ Россіи не прекратилась въ 1764 г., а только измѣнила свое направленіе, и насколько она выражала движеніе по новому руслу, она именно этимъ фактомъ косвенно отражалась на монетѣ и на ея положеніи въ денежной системѣ Россіи.

Съ 1769 г. начинается исторія бумажныхъ денегъ въ Россіи. Рядомъ съ монетной регаліею въ половинѣ XVIII въ Россіи возникла новая регалія, въ видѣ монополіи выпуска бумажныхъ денегъ, параллельной монополіи чеканки звонкой монеты. Обѣ эти монополіи составили новую, болѣе сложную, чѣмъ старая монетная регалія, *денежную* регалію. Этюю-то новую регаліею весьма разносторонне воспользовались.

зовалась Екатерина II. Всего нагляднѣе нижеслѣдующія суммы показываютъ, какъ воспользовались новою, осложненною, денежною реформою въ $84\frac{1}{2}$ -лѣтнєе царствованіе Екатерины II съ 28 июня 1762 г. до 6 ноября 1796 г.

Начеканено монеты:

золотой	16.052.398 ¹⁾
серебряной	70.942.614 ²⁾
	<hr/>
мѣдной	79.968.040
выпущено ассигнацій	157.703.840
	<hr/>
	824.663.632

Установленіе чеканки рубля въ 4 золотника 21 долю чистаго серебра было вмѣстѣ съ тѣмъ перечеканкою серебряной монеты, которая чеканилась до Екатерины II. Насколько старая монета поступала въ казенные доходы, ея перечеканка по новой монетной стопѣ сама собою подразумѣвается. Но прияты были прямые мѣры для ея привлеченія на монетные дворы къ перечеканкѣ по новой монетной стопѣ. Для этого указъ 27 января 1768 г. опредѣлилъ, что на монетныхъ дворахъ, серебряную монету будутъ принимать „съ наддачею сверхъ $19\frac{1}{2}$ за золотникъ на каждый рубль по 10% прибыли“ ³⁾. Слѣдовательно, напримѣръ, тотъ, кто приносилъ Петровскій рубль 1718 г. содержащий чистаго серебра $4\frac{81}{96}$ золотника, получалъ за него $4\frac{81}{96} \times 19\frac{1}{2} = 94.79$ копѣйки и „наддачи“ еще 10 копѣекъ, или всего приноситель Петровскаго рубля 1718 г. за него получалъ 1 рубль 4.79 копѣйки новою монетою. А сама казна чеканила съ 1768 г. новую монету, считая по $28\frac{19}{27}$ копѣйки изъ золотника чистаго серебра. Петровскій рубль въ 1718 г. въ $4\frac{81}{96}$ золотниковъ чистаго серебра казна

1) Въ томъ числѣ: имперіаловъ на 11.121.290 рублей, полуимперіаловъ на 4.669 300 рублей и червонцевъ на 261.748 рублей. Чеканились еще золотые рублевики и полтиники, но не какъ монеты, а какъ марки для карточной игры императрицы.

2) Въ томъ числѣ начеканено:

рублей	58.490.540
полтина	1.876.125
25 копѣйниковъ	3.982.666
20	4.902.982
15	8.435.812
10	8.754.679
	<hr/>
	70.942.614

Свѣдѣнія заимствованы изъ издаванія В. К. Георгія Михайловича, Монеты царств. имп. Екатерины II, Спб. 1894 г., I 335—341, съ отнесеніемъ 1796 г. къ Екатеринѣ II.

3) П. П. С. З. XVI, № 11741.

перечеканивала въ 1 рубль 15.23 копѣйки. Отдавая изъ нихъ 1 р. 04.79 к. приносителю Петровскаго рубля 1718 г., казна еще сохраняла 10.44 коп. на рубль. Если принимался Петровскій рубль 1704 г., содергавшій чистаго серебра, какъ мы до сихъ поръ считали, 5 $\frac{5}{6}$ золотника, то казна за него уплачивала 5 $\frac{5}{6}$ \times 19 $\frac{1}{2}$ = 1 рубль 18 $\frac{3}{4}$ копѣйки и „наддачи“ 10 копѣекъ, а всего 1 руб. 28 $\frac{3}{4}$ копѣйки. Сама-же казна его перечеканивала въ 28 $\frac{19}{27}$ \times 5 $\frac{5}{6}$ = 1 рубль 88 $\frac{2}{5}$ копѣйки, изъ которыхъ она уплачивала за принесенный рубль 1 руб. 28 $\frac{3}{4}$ коп. и ей оставалось чистой прибыли 15 копѣекъ на рубль. Конечно, Петровскихъ рублей 1704 г. приносили, вѣроятно, не много, потому что много ихъ ушло за границу, а еще больше было перечеканено при Аннѣ Ioannovnѣ и Елисаветѣ Петровнѣ. Но рубли Анны Ioannovны и Елисаветы Петровны содергали чистаго серебра 4 $\frac{81}{96}$ золотника, какъ рубли 1718 г., и ихъ, конечно, шло много въ перечеканку съ 1768 г. И если сумма всѣхъ чеканокъ серебряной монеты при Екатеринѣ II (въ 84 $\frac{1}{2}$ года всего на 70.942.614 руб. или въ среднемъ ежегодно на 2.114.800 рублей) кажется большою, то на дѣлѣ едва-ли ее можно считать очень значительною. Казна тогда продолжала получать таможенные пошлины ефимками или русской монетою и вѣроятно не менѣе, а болѣе половины всѣхъ чеканокъ производилось на серебро изъ этого источника¹⁾ и изъ купленного серебра. Въ составѣ новыхъ чеканенныхъ Екатеринѣ II могло быть, поэтому, совсѣмъ новыхъ чеканокъ казеннаго и купленного серебра до 40—45 миллионовъ рублей. Выше мы видѣли, что запасъ серебряной монеты въ странѣ ко времени воцаренія Екатеринѣ II могъ достигать 150—200 миллионовъ Петровскихъ рублей 1718 г. (по 790 рублей изъ пуда чистаго серебра), или 175—280 миллионовъ Екатерининскихъ рублей (по 910 рублей изъ пуда чистаго серебра). Отъ прибавленія новыхъ 40—45 миллионовъ рублей за Екатерининское время запасъ могъ бы достигать 215—275 миллионовъ рублей, еслибъ въ послѣдней части царствованія Екатеринѣ II не начался сильный упливъ звонкой монеты изъ Россіи подъ вліяніемъ все усилившагося пониженія ассигнацій. Но это явилось уже, такъ сказать, окончательнымъ результатомъ, который лишь постепенно

1) Storch, Hist.-statist. Gemälde d. Bass. Reichs, Supplementband ad V, VI, VII содергитъ между прочимъ таблицу, въ которой показаны поступления по таможеннымъ пошлинамъ, въ томъ числѣ и ефимками, которые показаны вѣсомъ. Мы подвели ихъ итогъ за Екатерининское время съ 1768 по 1796 г. Всего оказывается 42.418 пудовъ однихъ ефимковъ, по 910 рублей за пудъ, на 38.600.000 рублей.

могъ выясниться. Отчасти это выражается въ постепенномъ ходѣ уменьшения чеканки серебряной монеты, составлявшихъ

въ 10-лѣтіе 1762—71 гг.	24.359.676	рублей.
• • 1772—81 •	21.421.128	•
• • 1782—91 •	17.237.783	•
• 5-лѣтіе 1792—96 •	7.924.046	•
70.942.613 рублей.		

Но хотя чеканки серебряной монеты все болѣе и болѣе уменьшались, онъ тѣмъ не менѣе составили замѣтный итогъ и свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ еще играли роль фискального ресурса.

Перечеканка золотой монеты не играла роли финансаго ресурса, потому что по указу 27 января 1763 г. монетный дворъ долженъ быть за приносимую старую золотую монету „за вычетомъ задѣльныхъ и угара отдавать (новую) золотую монету со всемъ прибылью, сколько оной быть можетъ“, т. е. уплачивая за золото по монетной цѣнѣ (считая золотой рубль = 27 долямъ чистаго золота или золотникъ чистаго золота = 3 рубля 55/, копѣйки).

Огромное значеніе при Екатеринѣ II получила чеканка мѣдной монеты, которой выпущено почти на 80.000.000 рублей.¹⁾ Со смерти Петра Великаго до Екатерины II всего было начеканено мѣдной монеты 22.046.000 рублей въ 37 лѣтъ и даже если прибавить 4.354.000 руб., на которые Петръ Великій выпустилъ мѣдной монеты, то получается итогъ лишь въ 26.400.000 рублей или лишь $1/8$ той чудовищной суммы, которую начеканила Екатерина II. Это увеличеніе въ 3 раза знаменуетъ, конечно, большую финансовую нужду, которая принуждала къ тому, чтобы не очень разборчиво относиться къ средствамъ для удовлетворенія настоятельныхъ и значительныхъ требованій обстоятельствъ. Но преувеличенное значеніе мѣдной монеты при Екатеринѣ II повидимому близко было связано съ тою выдающеюся ролью, которую тогда же стали играть ассигнаціи. Конечно, Екатерина II от-

1) По над. В. д. К. и. Георгія Михайловича, Монеты Екатерины II. Въ составъ показанного итога (нами выведенного) входятъ слѣдующія слагаемыя. Начеканено:

въ Спб. и Москвѣ	8.906.868	рублей.
• Екатеринбургѣ	58.904.906	•
• Крыму	51.151	•
• Ачинскомъ	4 371.060	•
• Колывани	6.788.182	•
и еще	997.877	•
Всего	79.965.039	рублей.

лично понимала, что въ качествѣ финансового ресурса, новая денежнага регалия, возникшая въ возможности выпусковъ ассигнацій, гораздо сильнѣе и важнѣе для казенныхъ нуждъ при производствѣ большихъ чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ, чѣмъ монетная регалия. Даже въ смыслѣ экстраординарного ресурса, доступного только, какъ исключение, въ чрезвычайные періоды для значительныхъ расходовъ по войнѣ, никакая перечеканка серебряной и золотой монеты и никакая чеканка мѣдной монеты не въ состояніи давать поступлениія въ казну, начисляющіяся въ сотняхъ миллионовъ рублей. Только ассигнаціи годились для этого. Но во время Екатерины II этого изъ опыта еще не знали. Поэтому многіе изъ сотрудниковъ Екатерины II еще очень боялись большихъ выпусксовъ ассигнацій и отставали умѣренность ¹⁾, особенно когда ассигнаціи стали понижаться въ цѣнѣ и серебряная монета вмѣстѣ съ золотою стала въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины II упывать заграницу. А между тѣмъ именно въ это десятилѣтіе чрезвычайные расходы предъявляли увеличенныя требованія денегъ. Для удовлетворенія этихъ-то требованій приводили въ сочетаніе увеличенные выпуски ассигнацій съ увеличенными чеканками мѣдной монеты; тѣхъ и другихъ произведено при Екатеринѣ на сумму свыше 285 миллионовъ рублей.

Въ этомъ итогѣ преобладали ассигнаціи, потому что ихъ легче было выпускать: они вѣдь почти ничего не стоили казнѣ и почти на всю свою сумму представляли своего рода прибыль казны отъ операціи.

Очень неудобно было, что онѣ падали въ цѣнѣ и вызывали дороговизну; но понижались въ цѣнѣ и вызывали дороговизну всѣ новые монеты, возникавшія отъ перечеканокъ и новыхъ чеканокъ на почвѣ пониженія монетной стопы. И если паденіе ассигнацій вызывало другое неудобство въ видѣ исчезновенія изъ обращенія золотой и серебряной монеты,—то именно этотъ фактъ какъ бы оправдывалъ

1) О ходѣ ассигнаціонныхъ выпусксовъ при Екатеринѣ II можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

Періоды.	Число лѣтъ.	Сколько выпущено.	Состояло въ концѣ періода.
1769—74	6	20.010.000	20.000.000
1775—80	6	4.500.000	24.500.000
1781—86	6	21.872.000	48.172.000
1787—96	10	111.581.640	157.708.640
	28	157.703.640	

усиленную чеканку мѣдной монеты: нельзя же было оставлять страну безъ всякой звонкой монеты.

Въ концѣ царствованія Екатерины II, однако, начало обнаруживаться, что паденіе ассигнацій начинаетъ пагубно отражаться и на мѣдной монетѣ, которой чеканка не только переставала давать казнѣ „прибыль“, но становилась даже убыточной, вызывала потери казны. Мѣдная монета чеканилась по 16 рублей изъ пуда ¹⁾). Прибыль же отъ нея зависѣла отъ рыночной цѣны мѣди. Дороговизна, вызванная паденіемъ ассигнацій, коснулась, конечно, и мѣди, вызывала повышеніе и ея цѣны. Когда цѣна возвысилась до 10 рублей за пудъ, то расходъ казны на чеканку мѣдной монеты, составляя $10/16 = 5/8$ монетной цѣны мѣди, а прибыль казны проистекала отъ остальныхъ $3/8 = 38\frac{1}{4}\%$ той-же монетной цѣны мѣди. Народъ считалъ мѣдную монету въ одной цѣнѣ съ ассигнаціями; ассигнаціонный рубль стоилъ 100 копѣекъ мѣдными деньгами и наоборотъ. Когда ассигнаціи стали падать, то съ ними стала падать въ народной оцѣнкѣ и мѣдная монета противъ серебра. Когда ассигнаціонный рубль понизился на 40%, то на эти 40% понизилась и стоимость мѣдной монеты, то есть, изъ ея цѣны изчезли не только тѣ $38\frac{1}{4}\%$, которые должны были составить казенную прибыль отъ чеканки мѣдной монеты, но еще больше, а именно еще $1\frac{3}{4}\%$, составившіе прямой убытокъ казны отъ чеканки мѣдной монеты ¹⁾). Въ концѣ царствованія Екатерины II это впервые явно обнаружилось въ 1795 г.. за годъ до ея смерти и было однимъ изъ наслѣдій, оставлявшихся будущему.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Серебряный рубль и упадокъ ассигнацій.

1797—1853.

Екатерина II пользовалась ассигнаціями въ самомъ ихъ началѣ. Поэтому и потому, что она ими усиленнѣе воспользовалась лишь въ

1) При Екатеринѣ II мѣдная монета чеканилась въ видѣ полушекъ, денежекъ, копѣекъ, гривенниковъ (въ 2 копѣекъ) и пятикопѣечниковъ. Въ 1763—81 г.г. чеканилась еще особая сибирская монета по 25 руб. изъ пуда, тѣхъ же достоинствъ, но съ прибавленіемъ мѣдныхъ гривенниковъ (десятникопѣечниковъ).

1) Stor ch. Cours d'économie politique. Pétersbourg 1815. Tome VI, note XIII pp. 84 sq. et tabl. № VII; II. A. Погорѣль, Материалы для истории денежныхъ знаковъ въ Россіи, Спб. 1868, стр. 18—21.

послѣдніе 10 лѣтъ своей жизни, да и всего воспользовалась ими на сумму менѣе 160 миллионовъ рублей, она еще въ состояніи была почувствовать ихъ неудобства въ болѣе слабой степени, чѣмъ ея преемники. Это сильно измѣнилось въ слѣдующія 15 лѣтъ. Павелъ и Александръ I унаслѣдовали ассигнаціи не только уже сильно ослабленными (въ 1796 году 100 рублей серебромъ уже стоили 142 рубля ассигнаціями), но вытѣснявшими серебряную и золотую монету изъ обращенія. А нужды для расходовъ по войнамъ тогда въ Россіи, какъ повсюду, были очень велики, достигая такой высоты, какой они никогда прежде не достигали. И все таки какими бы то ни было измѣненіями въ монетной стопѣ, по которой чеканились серебряные и золотые монеты, ровно ничего не было бы достигнуто. О серебряной и золотой монетѣ послѣ того, какъ ассигнаціи ее вытѣснили изъ обращенія, совсѣмъ забыли бы, если бы волею-неволею не приходилось обѣй ней вспоминать при платежахъ заграницу, а еще болѣе — тогда, когда вслѣдствіе происшедшаго новаго сильнаго паденія ассигнацій не менѣе сильно возвышалась лажа на монету. Только это значеніе золотая и серебряная монеты еще сохранили въ Россіи въ концѣ XVIII вѣка. Она превратилась въ нѣкотораго рода барометръ, указывающій на то, въ какомъ состояніи находится денежная атмосфера страны. Этотъ-то барометръ пришелъ въ сильное движеніе въ годъ смерти Екатерины II. Поэтому противъ его слишкомъ откровенныхъ показаній пришлось принять рѣшительную мѣру. Чрезъ 3 мѣсяца послѣ восшеренія императора Павла изданъ былъ указъ 20 января 1797 г., признавшій за благо „вмѣсто существующей до сего серебряной монеты 72-й пробы, содержащей въ рубль внутренняго достоинства 86 $\frac{1}{2}$ штиверовъ, повелѣть бить монету превосходнѣйшую, а именно 88 $\frac{1}{3}$ пробы, содержащую въ рубль внутренняго достоинства 50 штиверовъ и съ долями и соразмѣрно тому прочія серебряные монеты“ ¹⁾). Это значило, что восстанавливается рубль Петра Великаго 1704 г., по 14 рублей 41 $\frac{1}{4}$ коп. за фунтъ серебра 88 $\frac{1}{3}$ пробы ²⁾). Или иначе говоря, казна понижала монетную цѣну фунта чистаго съ 22 рублей 76 коп. (по этой цѣнѣ рубль чеканился съ 1764 г.) до 16 рублей 60 копѣекъ. Этотъ указъ, однако, былъ неосуществимъ, потому что не существовало такого дешеваго серебра для его осуществленія. Насколько указу при-

1) П. П. С. З. XXIV № 17748.

2) См. Фоллендорфъ, Соврем. состояніе монетнаго дѣла въ Россіи и въ Запад. Европѣ, Спб. 1883.

давали практическое значение, можно судить по тому, что через мѣсяцъ послѣ его изданія, 26 февраля 1797 г., былъ изданъ другой указъ¹⁾, назначившій цѣну ефимка (который былъ тождествененъ съ Петровскимъ рублемъ 1704 г.) въ 2 руб. 50 коп., конечно, ассигнаціями. Неудивительно, поэтому, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ 8 октября 1797 г. указъ о возстановлѣніи Петровскаго рубля 1704 г. былъ отмѣненъ и опять возстановленъ рубль Екатерины II, содержащий чистаго серебра 4 золотника 21 долю = 405 долей = 4⁷/₂₂ золотника²⁾. Но проба въ немъ сохранена Павловская, 83¹/₅-я; то есть, монетная цѣна чистаго серебра оставлена Екатерининская: по 23¹⁹/₂₇ копѣекъ за золотникъ или 22 рубля 75⁵/₉ копѣекъ за фунтъ³⁾; но Екатерининскій рубль перестроился на фунтъ лигатурнаго серебра 83¹/₅-й пробы, въ 19 рублей 74²⁶/₈₁ копѣекъ, или лигатурный вѣсъ рубля уменьшенъ до 466¹⁴/₂₆ долей = 4¹⁸/₅₀ золотника.

Технически это, можетъ быть, было и правильно; но финансовой выгоды это никакой не могло принести никому, ни казнѣ, ни странѣ; особенно тогда, когда изъ за ассигнацій никакая серебряная монета не могла оставаться въ странѣ. Въ качествѣ финансового ресурса монополія чеканки золотой и серебряной монеты для одной только казенной „прибыли“ потеряла свое прежнее значение. Какъ выше было указано, эта прибыль въ сущности была налогомъ (droit de monnaie, Schlagschatz) на золото и серебро въ монетѣ. И вотъ этотъ налогъ потерялъ доходность и долженъ была сойти съ исторической сцены. По случайному совпаденію, это въ одно и тоже время произошло у насъ и въ западной Европѣ. Повсюду монетная регалія измѣняла свой характеръ: государственное монопольное право чеканки монеты изъ финансового ресурса превращалось въ условіе благоустройства монетной части, допускаемое только въ интересахъ народнаго хозяйства, отнюдь не въ интересахъ фиска. Но въ западной Европѣ эта пере-

1) П. П. С. З. XXIV № 17842.

2) Тамъ же № 18178.

3) Цѣна въ 2 р. 50 к. ассигнаціями за ефимокъ, который былъ 83¹/₅-й пробы имѣлъ лигатурный вѣсъ 6²/₃ золотника, чистаго серебра содержалъ 5²⁶/₁₀₈ золотниковыхъ соотвѣтствовала цѣнѣ рубля въ 405 долей чистаго серебра въ 1 рубль 82¹/₄ копѣекъ ассигнаціями, то есть, ассигнаціонный рубль считался въ таможнѣ въ 55 копѣекъ серебромъ. Указъ 13 октября 1797 г. (№ 18202), маскировалъ этотъ фактъ тѣмъ, что переназначалъ цѣну ефимка въ 1 рубль 40 копѣекъ; но эта цѣна выражена въ русской серебряной монетѣ, а не въ ассигнаціяхъ; по содержанию чистаго серебра (5²⁶/₁₀₈ золотниковыхъ) ефимокъ стоилъ на русскую серебряную монету, содержащую въ рублѣ 4 золотника 21 долю, 1 рубль 37 копѣекъ, которые и округлены до 1 руб. 40 коп.

мъна въ началѣ XIX вѣка происходила подъ вліяніемъ успѣховъ культуры, политической и гражданской, во имя требованій экономической науки. А у насъ ту-же перемѣну вызвали: паденіе ассигнацій и потеря страною монетнаго запаса, который она очень медленно накапливала впродолженіи полутысячелѣтія исторіи рубля съ начала XIV до конца XVIII столѣтія. Въ началѣ царствованія Александра I и у насъ много интересовались Адамомъ Смитомъ; а такъ какъ въ то-же время хорошо понимали, что при упавшихъ въ цѣнѣ ассигнаціяхъ сколько-нибудь замѣтная прибыль казны отъ чеканки золотой и серебряной монеты стала невозможна,—то этой прибылью пожертвовали во имя начала свободной чеканки въ интересахъ народнаго хозяйства.

Начало свободной чеканки заключается въ предоставлениі вся-кому права приносить на государственный монетный дворъ на не-ограниченную сумму или только золото, или только серебро, или оба металла, для даровой или платной перечеканки въ монету по установленной закономъ нарицательной цѣнѣ монеты, безъ всякихъ иныхъ вычетовъ въ пользу казны. Въ зависимости отъ того, въ какъ видѣ законодательство отдѣльныхъ странъ усвоиваетъ себѣ начало свободной чеканки, и въ зависимости отъ того, допускаетъ ли законъ производство платежей на неограниченную сумму только въ золотой монетѣ, или только въ серебряной, или-же какъ золотою, такъ и серебряною монетою,—строится монетная система страны, какъ система золотого или серебряного монометаллизма, или биметаллизма. Это то начало свободной чеканки, чуждое прошлымъ вѣкамъ монетной исторіи, впервые было признано французскимъ законодательствомъ въ 1798 г. въ видѣ предоставлениія каждому права приносить на не-ограниченную сумму на государственный монетный дворъ, какъ золото, такъ и серебро для ихъ перечеканки въ монету по нарица-тельнымъ цѣнамъ въ серебрѣ и въ золотѣ на почвѣ установленного закономъ отношенія между этими цѣнами ¹⁾.

1) Во Франціи франкомъ названа была серебряная монета, содержащая $4\frac{1}{2}$ грамма чистаго серебра, а такъ какъ законъ признавалъ въ то-же время, что золото дороже серебра въ $15\frac{1}{2}$ разъ, то этимъ опредѣлился золотой франкъ въ видѣ $4\frac{1}{2} \cdot 15\frac{1}{2} = \frac{9}{16}$ грамма чистаго золота; отсюда французская золотая 20-франковая монета содержитъ чистаго золота $\frac{9}{16} \times 20 = 5\frac{5}{8}$ граммовъ — 180 $\frac{5}{8}$ долей. Этимъ и началось свободной чеканки золотой и серебряной монеты на неограниченную сумму, при правѣ производства платежей на неограниченную же сумму, какъ золотою, такъ и серебряною монетою, установленъ въ Франціи биметаллизмъ.

Въ Россіи раньше, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, Екатерининскій указъ 30 марта 1764 г. сдѣлалъ отношеніе между цѣнами золота и серебра въ русской монетѣ ясно установленнымъ по закону; для этого золото признано въ 15 разъ дороже серебра. Но биметаллизма этимъ не было установлено, потому что право чеканить золотую и серебряную монету казна сохраняла за собою для извлечения прибыли отъ разности между цѣнною золота и серебра въ монетѣ и покупною цѣнною золота и серебра. Это измѣнилось въ началѣ царствованія Александра I. Указомъ 28 декабря 1803 г. опредѣляется: „желая предоставить *каждому, кто пожелаетъ или надобность находить, ближайшій и удобнѣйшій способъ вымѣнивать на ходячую монету имѣющееся у него золото или серебро въ слиткахъ, въ дѣлѣ или не въ дѣлѣ, или же въ лому, выжигѣ и монетѣ, разумѣя кромѣ россійской монеты, созволяемъ, чтобы *есликъ* таковой, россійскій или иностранній, имѣлъ свободу *оное приносить на монетный дворъ*, получая за то, по приведеніи въ указанную пробу, за вычетомъ угаря и передѣльныхъ на расходы денегъ, *настоящее достоинство* прнесенного отъ него золота или серебра *по передѣльной цѣнѣ* россійскаю золотою или серебряною монетою“¹⁾). Для большей ясности къ указу приложена „таблица“, указывающая, сколько выдается золотою или серебряною монетою разныхъ достоинствъ въ зависимости отъ пробы приносимаго золота или серебра. По этой таблицѣ, напримѣръ, приноситель фунта чистаго золота (96-й пробы) получаетъ монетою 388 рублей 59 $\frac{1}{2}$ копѣекъ. Такъ какъ въ имперіальной монетѣ золотой рубль = 27 доли чистаго золота, то въ фунтѣ чистаго золота, содержащемъ 9216 долей, законъ даетъ этому фунту теоретическую цѣну 9216 : 27 = 341 рубль 33 $\frac{1}{8}$ копѣекъ, или лишь на 2 рубля 78 $\frac{5}{6}$ копѣекъ больше, чѣмъ назначено для выдачи приносителямъ. За пудъ чистаго серебра приносителямъ выдается 887 рублей 65 копѣекъ вмѣсто 910 рублей 22 $\frac{1}{2}$ копѣекъ или меньше на 22 рубля 57 $\frac{1}{2}$ копѣекъ. Эти небольшія недоплаты очевидно покрываютъ расходы на угаръ, опробованіе и т. п.*

Едва-ли тогда кому бы то ни было приходило на мысль—установить въ Россіи биметаллизмъ, который тогда не могъ имѣть практическаго значенія, когда въ Россіи никакая звонкая монета не въ состояніи была оставаться, вытѣсняемая за границу умножавшимися и обесцѣнившимися ассигнаціями. Начало свободной чеканки вводилось, какъ улучшеніе и укращеніе монетнаго законодательства

на бумагѣ. На самомъ дѣлѣ оно очень скоро полутило совсѣмъ другое значеніе, котораго при его установлѣніи никто не могъ предвидѣть. Оно оказалось первымъ шагомъ въ дѣлѣ созданія новыхъ условій, благодаря которымъ серебряный рубль въ состояніи былъ не только бороться съ неблагопріятными для него условіями, но въ концѣ концовъ даже совсѣмъ ихъ поборѣть.

Конечно, чеканка монеты, золотой и серебряной, продолжалась, но золотая и серебряная монета никакого практическаго значенія для народнаго и государственного хозяйства не имѣла уже при Павлѣ и Александрѣ I до 1810 г., когда никакихъ мѣръ противъ ассигнацій не предпринимали и ассигнаціи успѣшно вытесняли изъ обращенія золотую и серебряную монету. Въ какихъ числахъ выражалась чеканка новой монеты, не только серебряной и золотой, но и мѣдной, а также, какъ велики были новые выпуски ассигнацій при Павлѣ и при Александрѣ I до 1810 г., видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Сѣльчано .коинъ:	при Павлѣ	при Александрѣ I	Итого
	1797—1800	1801—1810	1797—1810
Золотой	2.054.597	6.576.114	8.630.811
Серебряной	10.018.471	24.353.268	34.371.739
Всего	12.073.068	30.929.382	42.012.450
Мѣдной	4 828.910	11.711.081	16.539.941
Всего монеты . .	16.901.978	42.640.413	59.542.891
Новыхъ ассигнацій . .	54.985.895	366.684.545	421.670.240
Итого	71.887.873	409.824.958	481.212.631

Сильное преобладаніе того значенія, которое въ эту эпоху получили ассигнаціи, очевидно изъ этихъ данныхъ, да и общезвестно: наши числа только наглядно иллюстрируютъ этотъ фактъ. Конечно, числа наростили до указанныхъ размѣровъ постепенно и по мѣрѣ наростанія суммы выпущенныхъ ассигнацій ихъ цѣна падала все ниже и ниже, особенно съ 1807 г. А когда въ 1810 г. сумма новыхъ ассигнацій выпущенныхъ при Павлѣ и при Александрѣ I до этого времени, наросла до 421.670.240 рублей и присоединившись къ ассигнаціямъ, которыя на 157.703.640 рублей были выпущены при Екатеринѣ, дала общий итогъ ихъ, состоявшихъ въ обращеніи на чудовищную для того времени сумму 579.378.880 рублей, то наконецъ разразился кризисъ; рубль ассигнаціями въ декабрѣ 1810 и въ январѣ 1811 г. уже стоилъ только $1/6$ части своей цѣны или бумажный рубль равнялся серебряному двугривенному.

Сильное паденіе ассигнацій до незначительной части ихъ нари-

цательной цѣны не осталось безъ крупнаго вліянія и послѣдствій, притомъ двоякаго рода: съ одной стороны, внизу, въ населеніи, а съ другой — вверху, въ правительственныхъ кругахъ. Особенно любопытны явленія, въ которыхъ выразилось, какъ населеніе реагировало на упадокъ ассигнацій. Въ сущности реагированіе населенія началось уже задолго до 1810 г., въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, подъ вліяніемъ неумѣренныхъ чеканокъ мѣдной монеты. На эти чеканки населеніе отвѣчало уравненіемъ ассигнацій и мѣдной монеты, то есть — распространеніемъ на мѣдную монету того пониженія, которому подвергались ассигнаціи. Это повело за собою, какъ послѣдствіе, что мѣдь, какъ товаръ, могла стоить на ассигнаціи дороже, чѣмъ мѣдь въ монетѣ, только потому, что мѣдь въ монетѣ падала также сильно, какъ ассигнаціи. Когда правительство начало чеканить мѣдную монету по 16 рублей изъ пуда, то оно исходило изъ того, что эти 16 рублей ничѣмъ не должны отличаться отъ *серебряныхъ* 16 рублей. Но когда пудъ мѣди въ штыкахъ возвысился до 16 рублей ассигнаціями, потерявшими половину своей цѣны и, следовательно, составлявшими лишь 8 рублей серебромъ, то никакой прибыли казна уже не могла получить отъ чеканки мѣдной монеты. А всякое дальнѣйшее пониженіе ассигнацій дѣлало чеканку мѣдной монеты все болѣе и болѣе убыточною и даже вело за собою вывозъ мѣдной монеты, какъ товара, заграницу. Это было неминуемое послѣдствіе бытowego *факта*, что населеніе смотрѣть на мѣдную монету, какъ на ассигнаціи, а на ассигнаціи, какъ на мѣдную монету. Подобные бытовые факты не могутъ не возникать, когда населеніе не можетъ не реагировать на такія необыкновенные явленія, какимъ несомнѣнно былъ уже выпускъ мѣдной монеты при Екатеринѣ II почти на 80.000.000 рублей (тогда какъ отъ начала чеканки мѣдной монеты Петромъ Великимъ до возвращенія Екатерины II ея было выпущено лишь на 26.400.000 рублей ¹⁾). А когда, послѣ Екатерины II, мѣсто огромныхъ выпусковъ мѣдной монеты заняли еще болѣе значитель-

1) Мѣдной монеты начеканено:

При Петрѣ Великомъ	4.854.142
• Екатеринѣ I и Петрѣ II	3.988.390
• Аннѣ Ioannovnѣ	2.936.482
• Елизавѣтѣ	15.121.713
До Екатерины II	26.400.667
При	79.965.089
• Павлѣ и Алекс. I до 1810 г.	16.589.941

ные выпуски ассигнаций, то единственная область, въ которой население только и можетъ реагировать на подобныя вліянія, обозначилась еще яснѣ и опредѣленѣе. Такою областью является та, въ которой властно одно только население и въ которой никакая сила не можетъ его побороть: область *оупники* того, что населенію приходится принимать. Въ *этой* области русское население въ состояніи было обнаружить свою силу и найти выходъ изъ большихъ затрудненій уже при Василіѣ Темномъ. Въ *этой же* области оно быстро покончило съ мѣдными деньгами при Алексѣѣ Михайловичѣ; въ ней-же население нашло способъ реагировать противъ мѣдныхъ денегъ Екатерины II. И въ *этой же* области населеніе *ршило судьбу ассигнаций* послѣ того, какъ онѣ подверглись очень сильному кризису въ концѣ 1810 г. По существу, упадокъ ассигнаций былъ лишь повтореніемъ того, что произошло при Василіѣ Темномъ почти за 870 лѣтъ до 1810 г.: подобно тому, какъ тогда „денга“ изъ $1/16$ полуфунта серебра превратилась въ $1/16$ того-же полуфунта серебра, такъ въ 1810 году бумажный рубль (ассигнациями) который долженъ быть составлять $5/17$ полуфунта серебра, уменьшился въ пять разъ и сталъ цѣнностью въ $1/16$ полуфунта серебра. Въ половинѣ XV вѣка „денга“ стала маловѣсною тѣ уменьшения въ $2^{2/3}$ раза ($576 : 216 = 2^{2/3}$); а въ началѣ XIX вѣка сталъ малосильнымъ бумажный рубль отъ уменьшения въ пять разъ. Естественно, что населеніе реагировало на это паденіе въ половинѣ XV в. и въ началѣ XIX в. совершенно одинаково. Подобно тому, какъ въ половинѣ XV в. оно *избралось* въ большой рубль, въ гривенку серебра, и *фиксировалось на маловѣсной московской „ходячей“ денги*, стало считать только на эту *маловѣсную московскую денгу*, а потомъ цѣлко держалось за эту *счетъ* до Петра Великаго и даже еще при немъ, — такъ точно населеніе потомъ, въ началѣ XIX вѣка, *избралось* и въ рубль, даже уменьшенній до 4 золотниковъ 21 доли чистаго серебра, или до $4/21$ фунта серебра, признало этотъ рубль лишь идеальной величиною „цѣлковаго“ и *стали считать на малоцѣнныи „ассигнационный рубль“*; эта новая, созданная населеніемъ, денежная единица, получила народную оцѣнку въ одну четверть идеального „цѣлковаго“, то-есть, въ $1/21$ фунта чистаго серебра, и счетъ по равенству: 4 рубля ассигнациями = одному рублю серебромъ *млубоко вошелъ въ народные праы* и крѣпко держался въ теченіи всей первой половины XIX в.

Возникновеніе этой новой денежной единицы было однимъ изъ послѣдствій кризиса конца 1810 г.; мы ниже еще остановимся на обстоятельствахъ, вслѣдствіе которыхъ новая денежная единица укоре-

нилась и долго держалась. Въ значительной степени это обусловливалось воздействиемъ, которое на правительство оказало непрерывное паденіе ассигнацій еще до наступленія кризиса. Въ началѣ 1807 г. ассигнаціи сохраняли еще $\frac{2}{3}$ своей цѣнны, а въ 1808 и 1809 гг. они потеряли половину и этого остатка и къ 1810 г. уже стоили лишь $\frac{1}{8}$ своей цѣнны. Угрожавшая опасность отъ дальнѣйшаго пониженія была уже достаточно явная, да и произшедшее до этого паденіе слишкомъ чувствительно отразилось на уменьшениіи покупной силы казны, насколько эта сила зависѣла отъ государственныхъ доходовъ, поступавшихъ въ обезцѣненныхъ ассигнаціяхъ. Необходимость большихъ финансовыхъ реформъ достаточно выяснилась уже въ 1809 г. и среди этихъ реформъ видное мѣсто занимали мѣры по борьбѣ съ упадкомъ ассигнацій. Не останавливаясь на подробностяхъ этихъ реформъ и мѣропріятій¹⁾, мы должны здѣсь отмѣтить, что несмотря на паденіе ассигнацій, въ правительстенныхъ кругахъ тогда не было страха за судьбу ассигнацій, а напротивъ господствовала вѣра въ то, что ассигнаціи могутъ не только поправиться, но даже вполнѣ восстановиться вплоть до уравненія въ цѣнѣ съ серебряною монетою. Именно поэтому большое значеніе придавалось „новому устройству монетной системы“, которому и посвящены были два манифеста среди многочисленныхъ законодательныхъ актовъ 1810 года.

Манифестъ 20 июня 1810 г. „о новомъ устройствѣ монетной системы“²⁾ представляетъ первую попытку обобщенія основныхъ началъ нашего монетнаго законодательства и установленія принциповъ, на которыхъ строится монетная система въ Россіи, или (точнѣе) первую попытку построенія такой системы для Россіи. Но въ смыслѣ обобщенія тѣхъ правовыхъ фактовъ, которые сохраняли силу, попытку 1810 г. едва ли можно считать удачною. Да и новаго въ ней было очень немногого, а то, что было ново, отличалось сбивчивостью и малою жизнеспособностью. Пробѣловъ-же и недочетовъ оставалось въ монетномъ законодательствѣ 1810 г. едва-ли многимъ меныше, чѣмъ было до того. Большое значеніе тогда, какъ и впослѣдствіе, придавалось тому, что новое законодательство 1810 г., давало будто бы, ясное опредѣленіе русской монетной единицѣ (Währung, валюте). Манифестъ

1) Больѣе обстоятельный свѣдѣнія объ нихъ читатель можетъ найти въ нашихъ книгахъ: «Кредитные билеты, ихъ упадокъ и восстановленіе», Спб. 1888, стр. 196—207, и «Изъ истории бумажныхъ денегъ въ Россіи», Спб. 1900, стр. 22—36.

2) П. П. С. З. XXXI № 24261.

20 июня даетъ это опредѣленіе въ § 1 слѣдующими словами: „Главною непремѣнною и законною мѣрою (монетною единицею) всѣхъ монетъ обращающихся въ государствѣ, устанавливается *серебряный рубль настоящаго достоинства*, а именно: въсомъ во стѣ рубляхъ пять фунтовъ и шесть золотниковъ лигатурнаго серебра 88 $\frac{1}{3}$ -й пробы“. Опредѣленіе этому придавалось очень большое значеніе особенно потому, что имъ русская монетная система объявлялась *системою серебряного монометаллизма*. Что дѣйствительно таково было намѣреніе законо-дателя въ 1810 г., въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, потому что этотъ смыслъ только и можетъ имѣть, какъ приведенное опредѣленіе манифеста, такъ и другія, въ немъ содержащіяся. Указывая на то, что въ русской монетной системѣ рублемъ называется то количество *серебра*, которое составляетъ одну сотую часть пяти фунтовъ и шести золотниковъ лигатурнаго серебра 88 $\frac{1}{3}$ -й пробы (т. е. признавая рублемъ то количество чистаго серебра, которое было установлено Екатериной II, при той его прѣбѣ, которая была установлена Павломъ), манифестъ 20 июня 1810 г. объявляетъ этотъ серебряный рубль законною мѣрою (монетною единицею)¹⁾ *всѣхъ монетъ, обращающихся въ государствѣ*. То-есть, всѣ монеты, обращающіяся въ Россіи, имѣть цѣну, которая измѣряется, а потому и выражается въ рубляхъ „настоящаго достоинства“, представляемаго 4 золотниками 21 долею чистаго серебра въ каждомъ рублѣ. Для устраненія всяаго сомнѣнія за этимъ опредѣленіемъ манифеста идеть другое: „всѣ прочія серебряныя монеты прежнихъ пробъ и вѣса, такъ какъ и монеты золотыя, оставляются въ свободномъ обращеніи по сравнительному ихъ достоинству къ *настоящему серебряному рублю*“. Это опредѣленіе особенно любопытно тѣмъ, что оно ставить золотую монету на одну доску съ серебряною монетою „прежнихъ пробъ и вѣса“, которые объявляются имѣющими лишь свободное, а не обязательное обращеніе, и лишь свободную, а не обязательную цѣну, такую цѣну, которая на рынкѣ устанавливается „по сравнительному достоинству къ *настоящему серебряному рублю*“. Неудовлетворяясь пренебреженіемъ, которое выражено золотой монетѣ въ § 2 манифеста, манифестъ идеть еще дальше и въ § 3 совсѣмъ исключаетъ золотую монету изъ перечисленія русскихъ металлическихъ монетъ: „*rossijskaya metallicheskaya moneta*, впредь издаваемая, имѣть будетъ *три* слѣдующія раздѣленія: 1) монета банковая или торговая, *серебряный рубль* и полтина, 2) монета *серебряная*, размѣнная

1) Скобки въ манифестѣ.

въ 20, 10 и 5 копѣекъ, 3) монета *мѣдная*, размѣнная въ 2 копѣйки, въ 1 копѣйку и въ $1/2$ копѣйки или въ одну деньгу". Это очень рѣшительное опредѣленіе, несомнѣнно указывающее на то, что законодатель такъ категорически желалъ установленія въ Россіи *серебрянно* монометаллизма, что для этого даже готовъ былъ пожертвовать чеканкою золотой монеты и не включилъ ея въ число монетъ, которыхъ „впредь“ будуть выдаваемы. А это едва-ли даже требовалось для самаго рѣшительнаго серебрянаго монометаллизма. И это не соотвѣтствовало дѣйствительности: въ томъ-же 1810 г., какъ до него и послѣ него, продолжали чеканить червонцы для заграничныхъ платежей, а съ 1817 года возобновлена чеканка полуимперіаловъ.—Очень ясно и департаментъ экономіи государственного совѣта при предварительномъ обсужденіи основаній новаго устройства монетной системы тоже категорически высказался принципіально за серебряный монометаллизмъ. Департаментъ экономіи полагалъ, что „во всякой доброй монетной системѣ должна быть *одна* монетная единица“.. „Поелику двѣ монетные единицы въ правильной монетной системѣ существовать *не могутъ* и поелику золото по малому у насъ очаго количеству *нельзя* признать монетною единицею, то золотую монету оставить въ настоящемъ ея *относительномъ къ серебру достоинству и свободномъ обращеніи, какъ предметъ торговли*, коего цѣна опредѣляется количествомъ и потребностью... Истинно-же монетною единицею въ Россіи признать *серебряный рубль*"¹⁾). Эти сужденія, какъ и приведенные выдержки изъ манифеста 20 іюня 1810 г., устраняютъ всякія сомнѣнія относительно того, какія намѣренія имѣлъ законодатель въ 1810 г. при „новомъ устройствѣ монетной системы“. Новое устройство заключалось въ *серебряномъ монометаллизмѣ*.

Не если это намѣреніе—внѣ всякого сомнѣнія, то его осуществленіе, какъ оно выражалось въ законоположеніяхъ о монетѣ 1810 г. и непосредственно слѣдовавшихъ за ними годовъ, было еще очень несовершенно. Очень опасно было исключеніе золотой монеты изъ числа монетъ, которыхъ „впредь“ будуть выдаваемы. А еслибъ онѣ „впредь“ все-таки чеканились бы? Государственный совѣтъ желалъ ихъ поставить, „какъ предметъ торговли“, который можетъ быть оставленъ „въ свободномъ обращеніи“ и котораго „цѣна опредѣляется количествомъ и потребностью“. Еслибъ это намѣреніе государственного со-

1) Архивъ Госуд. Сов., изд. Госуд. Канцеляріи, т. IV, часть 1, 545, 547.

въта осуществилось бы въ определеніи, что впредь золотая монета будетъ чеканиться только съ надписью на ней ея названія (червонецъ, имперіаль, полуимперіаль), но безъ означенія на ней какой бы то ни было нарицательной суммы (десять рублей, пять рублей),—то это была бы ясная постановка золотой монеты въ системѣ серебрянаго монометаллизма. Но это было упущено, а съ 1817 г. вовсю влена была чеканка золотой монеты съ надписью на ней старой цѣны: пять рублей. Этого было достаточно для того, чтобы въ теченіе всего XIX ст. надпись на полуимперіалѣ многими понималась въ смыслѣ пяти золотыхъ рублей, какъ еслибы рядомъ съ серебрянымъ рублемъ, какъ монетной единицею, существовалъ золотой рубль, особою монетною единицею. А государственный совѣтъ желалъ установить, что „дѣвъ монетныя единицы въ правильной монетной системѣ существовать не могутъ“. Значитъ, наша монетная система не была правильна? Указанное обязательство не было единственнымъ, вносившимъ недоумѣніе въ нашу монетную систему серебрянаго монометаллизма. Мы видѣли, что указъ 28 декабря 1808 г. провозгласилъ у насъ начало свободной чеканки серебряной и золотой монеты. Для системы серебрянаго монометаллизма это было слишкомъ много; достаточно было бы начала свободной чеканки только серебряной монеты, особенно при предположеніи, что золотая монета впредь не будетъ чеканиться. Манифестъ 29 августа 1810 г.¹⁾, „о новой серебряной и мѣдной монетѣ“ съ этимъ какъ будто вполнѣ согласуется. Онъ вводить у насъ новое начало даровой чеканки серебряной монеты и для этого постановляеть: „всѣ расходы при дѣлѣ серебряной монеты пріемлются насчетъ казны; цѣна серебра отъ передѣла его въ монету ничѣмъ не увеличивается въ сравненіи съ цѣною его въ слиткахъ“. Говорится только о серебрѣ; о золотѣ умалчивается. Соответственно этому въ слѣдующей статьѣ начало свободной чеканки формулируется какъ будто въ примѣненіи только къ серебру. Говорится: „на сѣмъ основаніи принимаемо будетъ отъ всѣхъ вольно-приносящихъ серебро въ слиткахъ или въ дѣлѣ, и въ то же самое время, по содержанію пробы и вѣса, возвращаемо имъ будетъ въ серебряной монетѣ банковой или размѣнной, безъ всякаго за передѣла вычета“. Все, какъ будто, въ духѣ серебрянаго монометаллизма. Но вслѣдъ за приведенными словами въ томъ-же § 4 цитируемаго манифеста говорится: „тоже самое правило распространяется и на пе-

1) П. П. С. З. XXXI № 24834.

редѣль золота, которое также безъ вычета возвращаємо будетъ въ монетѣ". А слѣдующій § 5, учреждающій „для удобности таковыхъ частныхъ передѣловъ" пробирныя палатки въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ, уже безразлично говоритьъ, что онъ открываютъ, „дабы приносимое въ нихъ золото и серебро въ слиткахъ или въ дѣлѣ возвращаємо было съ вѣрностью и безъ малѣйшаго умендленія". Очевидно, въ то время еще не очень ясно понимали значеніе, которое для той или другой монетной системы (серебряного или золотого монометаллизма) имѣть начало неограниченной чеканки того или другого драгоценнаго металла, или ихъ обоихъ. А еще менѣе въ то время понимали значеніе, которое для различныхъ монетныхъ системъ имѣть начало допущенія платежей на неограниченную сумму тою или иною монетою или разными видами монеты. Вслѣдствіе этого оба манифеста 1810 года, 20 июня и 29 августа, совершенно умалчивають объ этомъ предметѣ, то-есть, допускаютъ, что платежи на неограниченную сумму могутъ быть производимы не только серебряною (и, конечно, золотою) монетою, но и мѣдною. Ограничение мѣдныхъ платежей тремя рублями у насть вошло въ законъ лишь чрезъ 50 лѣтъ; а до этого насть серебряный монометаллизмъ хромалъ не только изъ-за золота, но и изъ-за мѣди.

Недоумѣніе внесено было также въ монетную систему раздѣленіемъ серебряной монеты на банковую и размѣнную. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи это раздѣленіе коренилось въ томъ, что банковую называлась высокопробная серебряная монета, а размѣнная монета была низкопробная. Но у насть оба манифеста 1810 г. никакой низкопробной серебряной монеты не допускали; ея ни до 1810, ни въ теченіи 57 лѣтъ послѣ 1810 г. въ Россіи совсѣмъ не было. Манифестъ 29 августа 1810 г. различалъ серебряные монеты крупныхъ достоинствъ (въ рубль и полтину) отъ серебряной монеты мелкихъ достоинствъ лишь тѣмъ, что первая была 83½-й пробы, а вторая—72-й. Но это различіе было уничтожено указомъ 21 августа 1818 г.¹⁾. Поэтому различіе между банковой и размѣнной монетою, какъ лишенное существеннаго основанія, у насть въ жизни не привилось.

Въ видахъ уменьшенія убыточности чеканки для казны мѣдной монеты манифестъ 29 августа 1810 г. возвысилъ (съ 16 рублей) до 24 рублей цѣну пуда мѣди въ монетѣ. Но эти 24 рубля были рубли ассигнаціями и иными въ 1810 г. быть не могли. А по народной оцѣнкѣ

1) П. П. С. З., XXXII, № 25437.

24 рубля ассигнаций послѣ 1810 г. шли уже за 6 цѣлковыхъ; а пудъ мѣди въ штыкахъ стоилъ болыше 6 цѣлковыхъ. Поэтому и новая постановка мѣдной монеты не много могла измѣнить въ положеніи дѣла.

Всего важнѣе было то, что ближайшаго практическаго значенія новыя монетныя законоположенія 1810 г. имѣть не могли. Для того, чтобы эти законоположенія могли имѣть практическое значеніе, необходимо было, чтобы въ обращеніи могла опять появиться золотая и серебряная монета. А чтобы то ни было сдѣлать въ этомъ направлениі, правительство совершенно лишено было всякой возможности.

Мало того: уже при Сперанскомъ въ 1811 году, а еще болѣе послѣ того, какъ онъ впалъ въ немилость и въ началѣ 1812 года былъ высланъ изъ Петербурга, выяснилось, что единственная мѣра, которой правительство въ состояніи сдѣлать что-нибудь существенное для возвышенія цѣны ассигнацій, заключалась въ предоставлениі имъ принудительного курса. До этого времени ассигнаціи отличались тѣмъ, что для населенія не была обязательна ихъ нарицательная цѣна и не быть обязательенъ даже ихъ приемъ. Опѣ получили широкое распространеніе *только въ силу обычая*, опиравшагося на то, что ими можно было производить платежи въ казну и что онъ были удобнѣе тяжеловѣсной мѣдной монеты. Въ манифестѣ 2 февраля 1810 г.²⁾, которымъ объявлялось, что „новый выпускъ ассигнацій отнынѣ пресекается“, указывалось и на то, что „ассигнаціи сохранили свободный и обширный ихъ ходъ“, т. е. лишены были всякой обязательности. Поэтому были мѣстности (особенно въ западной полосѣ Имперіи) и были обороты, въ которыхъ ассигнаціями пользовались мало. Могло поэтому казаться, что предоставлениѳ обязательности ассигнаціямъ, „расширивъ ихъ ходъ“, увеличить спросъ на нихъ и будетъ содѣйствовать подъему ихъ курса или противодѣйствовать ихъ паденію. Такъ думали въ то время повсюду въ Европѣ; не могли не думать такъ и у насъ. Но обязательность могла быть предоставлена ассигнаціямъ лишь ограниченная. Можно было сдѣлать обязательнымъ приемъ ассигнацій при производствѣ платежей, чтобы платежъ ими не могъ быть „отринутъ“. Но невозможно было сдѣлать обязательной ихъ нарицательную цѣну. Въ 1812 г. уже для всѣхъ стало очевиднымъ фактомъ, что нарицательная цѣна ассигнацій потеряла всякое практическое значеніе; въ народѣ и въ казну онъ принимались, считая 4 рубля ассигнаціями за одинъ рубль серебромъ.

2) П. П. С. З. XXXI, № 24116.

Около этого равенства могли происходить колебания. Но самое равенство никъимъ не упускалось изъ виду; оно стало незыблемою основою всѣхъ денежныхъ расчетовъ, въ которой никакой законъ ничего измѣнить не могъ. Мирясь съ этимъ фактомъ, манифестъ 9 апрѣля 1812 г. предписывая, чтобы всѣ счеты и платежи, въ казну, изъ казны и между частными лицами „основывались на ассигнацияхъ“, въ то-же время предоставилъ „контракты, закладныя, купчія крѣпости, векселя, заемныя письма и всякаго рода обязательства и сдѣлки, между частными лицами на волю ихъ заключать и писать на ассигнации или серебро по добровольному согласію; но платежъ по онымъ не можетъ быть отринутъ ассигнаціемъ по промыну на серебро въ день платежа“. Обязательнымъ сдѣланъ ходячій промынъ на серебро: биржевой курсъ, гдѣ есть биржа, а гдѣ ея нѣтъ всѣ иные способы „промына“.

Это постановлѣніе министромъ финансовъ того времени считалось чѣмъ-то въ родѣ привилегіи, предоставленной ассигнаціямъ, преимуществомъ, которое дано ассигнаціямъ и которое онъ имѣли предъ серебряною монетою. Въ силу этого министерство финансовъ считало себя не только въ правѣ, но и *обязаннымъ* требовать, чтобы всѣ платежи въ казну, налоги, подати, пошлины, откупные взносы и всякаго рода суммы по договорамъ и сдѣлкамъ съ казною — вносились *непремѣнно ассигнациями, но отнюдь не монетою*; и не только министерство финансовъ, но и всякое другое вѣдомство (напримѣръ, почтовое) имѣло ту-же обязанность. Уклоненіе отъ этого, то-есть, допущеніе платежа не ассигнаціями, а серебряною монетою, считалось допустимымъ не иначе, какъ въ силу особаго распоряженія комитета министровъ или государственного совѣта, удостоеннаго Высочайшаго утвержденія. Если какое-нибудь вѣдомство не такъ строго понимало манифестъ 9 апрѣля 1812 г. „о введеніи повсемѣстнаго единообразнаго обращенія ассигнацій“, то министерство финансовъ чрезъ сепать внушало ему правильную точку зренія на соблюденіе этого манифеста. Въ самомъ-же министерствѣ финансовъ даже было заведено особое дѣло „о неприниманіи въ государственные доходы золотой и серебряной монеты“¹⁾.

Такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ, сверху и снизу, обстоятельства такъ складывались, чтобы вмѣсто денежнаго счета на серебряный рубль („дѣлковый“) или *разный* ему ассигнаціонный рубль,

1) См. объ этомъ нашу книгу „Изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи“, Спб. 1909 г. стр. 46—49.

въ употреблениѣ входилъ новый денежный счетъ. Сверху, въ интересахъ охраны ассигнацій признавалось необходимымъ санкционировать ходячій курсъ ассигнацій; а снизу населеніе, въ интересахъ противодѣйствія новымъ сильнымъ колебаніямъ ассигнацій, тоже предпочитало мириться съ ихъ ходячимъ курсомъ, но такимъ, который былъ поближе къ нынѣшнему уровню, до котораго понизились ассигнаціи (совершенно такъ, какъ населеніе поступило при Василіи Темномъ). На этой-то почвѣ складывался денежный счетъ на ассигнаціонный рубль („рубль ассигнаціями“) въ одну четверть, какъ серебрянаго рубля, такъ и нарицательнаго достоинства ассигнацій. Исходя изъ разнличныхъ побужденій, стремясь къ различнымъ цѣлямъ и заботясь о различныхъ интересахъ, правительство сверху и населеніе снизу приходили другъ другу навстрѣчу, тѣмъ, что они одинаково благопрѣятствовали новому денежному счету, который тогда началъ распространяться — одновременно — по силѣ обычая и по силѣ закона.

Совпаденіе это, однако, было только вѣнчаніе; оно могло способствовать успешному распространенію нового денежнаго счета „на ассигнаціи“; но въ основѣ его все таки лежали противоположные интересы. Правительство должно было желать возвышенія курса ассигнацій, потому что война и ея расходы еще продолжались, продолжались и выпуски ассигнацій для этихъ расходовъ; отъ возвышенія курса ассигнацій зависѣло увеличеніе покупной силы казны, производительность государственного бюджета, даютъ-ли рубли государственныхъ доходовъ больше или меныше. А въ интересахъ государственного кредита финансовое управлѣніе не могло не мечтать объ уравненіи ассигнаціоннаго рубля съ серебрянымъ: о какомъ-же маломальски сносномъ состояніи государственного кредита можетъ быть рѣчь, когда государственные бумажныи деньги теряютъ три четверти своей цѣнны? Такимъ образомъ, для правительства „счетъ на ассигнаціи“ былъ счетомъ, который долженъ быть вести къ возвышенію ассигнацій. А для населенія тотъ-же „счетъ на ассигнаціи“ имѣлъ совершенно противоположный смыслъ, потому что интересы населенія были совершенно противоположны: всѣ слои населенія, высшіе, нынѣшніе и средніе, всѣ боялись возвышенія ассигнацій, какъ нового кризиса, еще болѣе страшнаго, чѣмъ тотъ, который страна пережила, когда ассигнаціи упали до одной пятой своей цѣнны. Ниже по другому поводу намъ придется привести отзывы нѣкоторыхъ современниковъ той эпохи, показывающіе, какъ тогда всѣ считали сильное возвышеніе цѣнны ассигнацій очень опаснымъ для страны новымъ кризисомъ. Въ

населеніи, во всѣхъ его слояхъ, всего напряженіе ощущалась потребность въ устойчивости курса ассигнацій, чтобы ихъ цѣна возможно менѣе сильно измѣнялась, а если она установилась на уровне 25% нарицательной цѣны ассигнації, то чтобы она возможно меньше отклонялась въ ту или другую сторону отъ этого уровня.

При такой противоположности интересовъ, только снаружи прикрытыхъ общимъ сочувствіемъ новому денежному счету „на ассигнації“, — окончательный результатъ долженъ быть зависѣть отъ того, у какой стороны окажется больше силы для защиты своихъ интересовъ. Больше сильъ этихъ оказалось внизу и интересы населенія восторжествовали. Но вверху этого долго не замѣчали и даже не сознавали; а когда стали замѣчать, то повели безуспѣшную борьбу, въ которой приходилось дѣлать въ теченіи долгаго времени уступку за уступкою и въ концѣ концовъ совсѣмъ сложить оружіе.

Новый денежный счетъ входилъ въ обыкновеніе, когда отечественная война была въ разгарѣ и, слѣдовательно, продолжались выпуски ассигнацій. Хотя эти выпуски производились секретно, но посвященные объ нихъ знали и очень боялись дальнѣйшаго ихъ упадка: напримѣръ, „Аракчеевъ опасался, что ассигнаціи упадутъ до гривенника“¹⁾). Такихъ боязливыхъ, вѣроятно, было тогда не мало. Но случилось то, чего никто не могъ предвидѣть и что люди могли бы считать чудомъ. Ассигнаціи колебались въ цѣнѣ; но колебались не только внизъ, но и вверхъ; новаго-же упадка ихъ не произошло вплоть до окончанія наполеоновскихъ войнъ, когда уже не могло быть повода бояться упадка.

Это было дѣйствіе новаго денежнаго счета „на ассигнації“, на ассигнаціонный рубль въ одну четверть „цѣлковаго“. Денежный счетъ не такая простая и невинная вещь, какъ можетъ казаться, и заключается онъ не въ однихъ только ариѳметическихъ дѣйствіяхъ. Денеж-

1) Богдановичъ. Исторія Александра I, т. VI, стр. 143, примѣчаніе. Австро-імперація ассигнаціи въ декабрѣ 1810 г. упали до 10%⁸ % ихъ нарицательного достоинства. Для того, чтобы судить о дѣйствіи, выпусковъ нашихъ ассигнацій въ различные періоды на ихъ курсъ, полезно имѣть въ виду, что при Екатеринѣ II и Павлѣ выпущено ассигнацій на 216.689.335 рублей. При императорѣ же Александрѣ I выпущено:

въ 1801— 4 г.г. въ 4 года	47.969.215 рублей
• 1805—10 • • 6 лѣтъ	318.720.839 •
• 1811—16 • • 6 •	256.621.111 •
16 лѣтъ	623.3.0.665 рублей

а съ выпущенными до Александра I 836.000.000 руб.

ный счетъ всегда заключается прежде всего въ оцѣнкѣ: въ данномъ случаѣ онъ заключался въ *переоценкѣ нарицательной стоимости ассигнационнаго рубля* въ 25 копѣекъ серебромъ. Слѣдовательно, по новому денежному счету вся масса обращавшихся въ 1810 г. ассигнацій на 579.373.880 рублей, въ этой суммѣ имѣла только выраженіе ея нарицательной стоимости; дѣйствительная же ея стоимость по новому денежному счету была въ 4 раза меньше и не превышала 144.848.470 рублей серебромъ. А при такой, болѣе скромной, ихъ оцѣнкѣ ассигнаціи могли сохранить свою новую, также скромную, оцѣнку, даже когда ихъ масса опять нѣсколько увеличивалась. Ибо по новой оцѣнкѣ, по новому денежному счету, увеличенія отъ новыхъ выпусковъ были въ 4 раза меньше, чѣмъ могло казаться по нарицательнымъ суммамъ выпусковъ. Такъ въ 1812 г. произведено новыхъ выпусковъ ассигнацій на $64\frac{1}{2}$ миллионовъ рублей нарицательныхъ, которые по новому денежному счету составляли лишь 16.11 миллионовъ рублей серебромъ. Въ 1813 г. нарицательная сумма новыхъ выпусковъ составляла 108.44 миллиона, которые по новой оцѣнкѣ не превышали 25 $\frac{1}{2}$ милл. рублей. Въ 1814 г. даже нарицательная сумма выпусковъ составляла уже 48.44 милл. руб.; дѣйствительная же сумма по новой оцѣнкѣ была лишь 12.44 милл. рублей. Наконецъ въ 1815 г. выпущено новыхъ ассигнацій на 27.44 милл. рублей нарицательныхъ, которые по новой оцѣнкѣ составляли лишь 6.44 милл. рублей серебромъ. При новомъ денежномъ счетѣ оказывалось, что ассигнацій состоять въ обращеніи гораздо меньше, чѣмъ официально считалось, и ихъ увеличеніе, пока продолжалась война, тоже выражалось въ значительно меньшихъ суммахъ, чѣмъ официально считали. А такъ какъ и оцѣнка ассигнацій, по новому денежному счету, въ $1\frac{1}{4}$ цѣлковаго, была тоже скромная, то она могла не подвергаться сильнымъ измѣненіямъ, даже пока продолжалась война и для нея производились новые выпуски ассигнацій.

Это было естественное послѣдствіе того, что новый денежный счетъ былъ *не только* счетомъ „на ассигнаціи“, но одновременно и счетомъ *на серебро*. Въ этомъ и заключалось существо нового денежнаго счета: это былъ счетъ не на нарицательное (бумажное) достоинство ассигнаціи, которое *потеряло всякое значеніе и никакъ не принималось во вниманіе*, а на ассигнацію *по установленной обычаемъ оцѣнкѣ ея на серебро*. А такъ какъ эта оцѣнка не превышала $1\frac{1}{4}$ нарицательной стоимости ассигнацій, то она вліяла *уменьшающимъ* образомъ на всякую сумму, выраженную въ ассигнаціяхъ по ихъ нарицательной цѣнѣ,

сокращая ее на $\frac{3}{4}$. Въ этомъ направлениі она вліяла также на суммы обращавшихся ассигнацій и на суммы новыхъ ихъ выпускъ. А этимъ она ослабляла дѣйствіе и значение означенныхъ суммъ въ четыре раза. Извѣстныхъ она ихъ превращала въ незначительныя, какъ бы разоблачая ихъ внутреннее безсиліе, насколько оно было имъ присуще, и приводя въ извѣстность незначительную силу, у нихъ остававшуюся, которой онъ уже не въ состояніи были производить дурныхъ дѣйствій.

Но указанное вліяніе, сравнительная устойчивость цѣны ассигнацій во время отечественной войны, было не единственнымъ дѣйствіемъ новаго денежнаго счета. Еще болѣе замѣчательно было другое его дѣйствіе.

Наденіе ассигнацій на $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ ихъ цѣны было достаточно для того, чтобы онъ вытѣснили изъ обращенія звонкую монету, серебряную и золотую. И пока ассигнаціи сохраняли не только $\frac{3}{4}$ или $\frac{2}{3}$, но даже половину или даже лишь $\frac{2}{5}$ ихъ нарицательной цѣны, этого при очень значительной суммѣ, на которую онъ были выпущены, и при сильныхъ колебаніяхъ ихъ курса было достаточно, чтобы препятствовать звонкой монетѣ вновь проникать во внутреннее обращеніе. Эти условія самымъ кореннымъ образомъ измѣнились, когда ассигнаціи во время отечественной войны окончательно потеряли $\frac{3}{4}$ ихъ нарицательной стоимости, а новый денежный счетъ фиксировалъ ихъ цѣну на уровне послѣдней четверти, сдѣлавъ ее дѣйствительную ихъ стоимостью, и замкнувъ ихъ колебанія въ узкіе предѣлы. Когда, еще во время отечественной войны, ассигнацій оказалось въ обращеніи, по новому денежному счету, сначала лишь на сумму около 145 милл. рублей серебромъ, а потомъ 160, 180 и до конца войны чувствительно менѣе 200 миллионовъ рублей, а курсъ ассигнацій довольно твердо установился на обычномъ уровне 25 копѣекъ серебромъ, то очевидно возвратъ золотой и серебряной монеты приходилъ въ тѣснѣйшую зависимость отъ того, въ какомъ соотношеніи находилась сумма состоявшихъ въ обращеніи ассигнацій, по новому денежному счету, къ суммѣ звонкой монеты, серебряной и золотой, которую онъ вытѣснили изъ обращенія до окончательного упадка ассигнацій, или до кризиса въ концѣ 1810 г.?

Выше мы на основаніи данныхъ о чеканкахъ исчисляли, что къ концу царствованія Екатерины II, въ обращеніи могло состоять одной серебряной монеты отъ 215 до 275 миллионовъ рублей. Съ прибавлениемъ половины чеканокъ при императорѣ Павлѣ и при Александрѣ I

до 1810 г., а также золотой монеты, можно полагать, что запасъ серебряной и золотой монеты, который ассигнаціі вытѣснили изъ обращенія, могъ простираяться отъ 250 до 800 милл. рублей. Этотъ запасъ значительнѣйшою частью ушелъ заграницу, а нѣкоторою частью скрылся въ странѣ, но пока ассигнаціі были въ силѣ, не могъ обнаруживаться. Но когда ассигнаціі стали бессильными, тогда ихъ оказалось гораздо меньше, чѣмъ было той монеты, которая ими была вытѣснена. Монетъ какъ бы очистилось большое свободное мѣсто и она снова могла начать обратный притокъ въ страну или выйти изъ мѣста, въ которымъ она спряталась.

Это дѣйствительно произошло уже во время отечественной войны и это тоже не могло бы произойти безъ новаго денежнаго счета. Ибо только благодаря ему могло стать ощутительнымъ, что мѣсто, которое занималъ болѣе значительный запасъ звонкой монеты (по нашему исчислению отъ 250 до 800 миллионовъ рублей), заняли ассигнаціі, сначала лишь на 145 милл. рублей серебромъ, а потомъ лишь постепенно увеличивавшіяся на сравнительно небольшія суммы.

О возвратѣ монеты, начавшемся еще во время отечественной войны, мы знаемъ по тому факту, что уже во время войны въ различныхъ частяхъ страны оказалась монета, которою населеніе желало производить платежи въ казну. А по окончаніи войны монета оказалась повсюду, не только въ мѣстностяхъ западной окраины, но и въ губерніяхъ коренной Россіи, центральныхъ, восточныхъ и южныхъ. Повсюду населеніе желало платить подати и налоги серебряною монетою. Этотъ фактъ сталъ бы менѣе извѣстенъ, еслибы онъ не подалъ повода къ любопытному противодѣйствію финансового управлѣнія. Выше упоминалось, что финансовое управлѣніе считало себя блюстителемъ строгого исполненія манифеста 9 апрѣля 1812 г. о повсемѣстномъ обращеніи ассигнацій. Оно поэтому смотрѣло на появленіе серебряной монеты, какъ на незаконное вторженіе серебряной монеты въ закрытую для нея область и сначала повела борьбу противъ этого вторженія, считая его недопустимымъ. Но въ 1818 г. оно само признало, что должно сдѣлать населенію нѣкоторую уступку и допустить, чтобы хоть нѣкоторые платежи казнѣ производились серебряною монетою. Въ представленіи, которое по этому поводу министръ финансовъ дѣлалъ въ государственный совѣтъ, говорилось, между прочимъ: .наконецъ появилось у насть въ обращеніи знатное количество звонкой монеты не только въ главныхъ городахъ, какъ-то, въ Петербургѣ,

Москвѣ, Одессѣ и проч., но и въ самыхъ отдаленныхъ великороссій-
скихъ губерніяхъ, гдѣ прежде, какъ извѣстно, она была весьма рѣдка
и однѣ ассигнаціі служили средствомъ обращенія¹⁾). Это-же самое
удостовѣряютъ данныя объ усилившейся чеканкѣ монеты. Въ цар-
ствованіе императора Александра I, въ 1801—10 г.г. за всѣ 10 лѣтъ
серебряной монеты было начеканено на 24.858.289 рублей, а въ одно
только пятилѣтіе 1811—15 г.г. было начеканено серебряной монеты
почти столько же, на 24.255.000 рублей, а въ слѣдующее пятилѣтіе
1816—1820 г.г. почти вдвое больше, на 45.616.000 рублей; или въ деся-
тилѣтіе съ 1811 до 1820 г. начеканено было серебряной монеты на
69.871.000 рублей, или почти столько-же, сколько было начеканено въ
продолжительное 85-лѣтнєе царствованіе Екатерины II. Золотой монеты
въ 1801—10 г.г. было начеканено на 6.576.114 руб., а въ 1811—15 г.г.
на 11.185.985 рублей, а въ 1816—20 г.г. даже на 17.170.508 рублей,
или всего въ 10 лѣтіе 1811—20 г.г. на 24.858.289 рублей, не очень
многимъ меньше, чѣмъ въ Россіи было начеканено золотой монеты
отъ начала ея чеканки Петромъ Великимъ до 1810 г. (27.284.875 руб.).
Всего-же въ 1811—20 г.г. образовался новый запасъ серебряной и зо-
лотой монеты почти на 100 миллионовъ рублей (на 98.227.448 рубля).
Такая усиленная чеканка серебряной и золотой монеты и скорое обра-
зованіе замѣтнаго запаса ея были бы невозможны, еслибъ въ 1808 г.
не было признано, а въ 1810 г. подтверждено, начало свободной чеканки
серебряной и золотой монеты. Къ образовавшемуся въ 1811—20 г.г.
новому запасу, конечно, присоединилась нѣкоторая часть золотой и
серебряной монетъ, которая исчезла изъ обращенія, но оставалась въ са-
мой странѣ, а при благопріятныхъ условіяхъ опять могла обнаружиться.
А обстоятельства тогда очень благопрітствовали появлению серебра и
золота въ Россіи, потому что балансъ международныхъ платежей въ
1811—20 г.г. складывался необычайно выгодно для Россіи. Сначала,
пока продолжалась отечественная война, это коренилось въ необы-
чайномъ положеніи, занятомъ Россіею во время такъ называемой
континентальной системы, когда Россія стала главнымъ складочнымъ
мѣстомъ колоніальныхъ и англійскихъ товаровъ; товары эти свози-
лись въ русскіе порты, сѣверные (преимущественно Архангельскій) и
южные, чтобы чрезъ русскія сухопутныя границы проникать въ Прус-
сію, Австрію, Германію и далѣе вплоть до Франціі. Естественно, что
это вызывало большой притокъ иностранныхъ капиталовъ въ Россіи и

1) Архивъ Гос. Сов., изд. Гос. Канц. IV, 583.

дѣялъ для нея балансъ глатежей весьма благопріятнымъ¹⁾). Когда окончились Наполеоновскія войны, то возникла другая причина, по которой опять балансъ виѣшнихъ платежей сдѣлался для Россіи чрезвычайно благопріятнымъ. Въ Западной Европѣ, вслѣдствіе большаго неурожаевъ, настало голодное время; цѣны на хлѣбъ поднялись очень высоко; спросъ на русскій хлѣбъ весьма усилился и русскій хлѣбный отпускъ впервые сталъ принимать обширные размѣры.

Все это были обстоятельства, благопріятствовавшія тому, чтобы усиленно чеканившаяся въ 1811—20 годахъ серебряная и золотая монета оставалась въ Россіи. Впрочемъ происходившій тогда сильный притокъ серебра въ Россію былъ общепрѣстѣннымъ фактомъ и объ немъ упоминаетъ и Тукъ въ своей знаменитой „Исторіи цѣнъ“²⁾.

Такимъ образомъ, виѣ всяко сомнѣнія, что уже во время отечественной войны началось, а по окончаніи наполеоновскихъ войнъ энергически продолжалось, возстановленіе металлическаго обращенія въ Россіи въ 1811—20 годахъ. Но этотъ фактъ былъ совершенно исключительный, не укладывавшійся ни въ какую изъ господствовавшихъ экономическихъ теорій, проистекавшій отъ сильнаго упадка ассигнацій и нуждавшійся въ опорѣ на этотъ упадокъ, исчезновеніе и ослабленіе котораго было бы гибельно и для возстановлявшагося обращенія серебряной и золотой монеты.

Совмѣстное обращеніе этой монеты и ассигнацій, потерявшихъ около $\frac{3}{4}$ своей нарицательной стоимости, было равносильно тому, какъ еслибы произведена была девальвація ассигнацій на $\frac{3}{4}$ ихъ на-

1) Любопытно, что какъ разъ во время вторженія Наполеона въ Россію этотъ балансъ особенно улучшился и вызвалъ такое возвышеніе вексельныхъ курсовъ, которое представляется совершенно исключительный примѣръ, какого нигдѣ больше никогда не видѣли. Какъ разъ предъ вторженіемъ Наполеона въ Россію иностранный спросъ на товары русскаго экспорта очень усилился - это вызвало усиленное сосредоточеніе въ русскихъ портахъ колоніальныхъ и англійскихъ товаровъ. Иностранные торговцы расчитывали, что продажа этихъ товаровъ въ Россію и сособѣніе съ нею страны, они оплатятъ вывезенные изъ Россіи предметы ея отпуска. Но вторженіе Наполеона въ Россію разстроило эти расчеты: русскія сухопутныя границы оказались закрытыми и чрезъ нихъ ничего провозить нельзѧ было; а сбыть въ Россіи тоже разстроился вслѣдствіе вторженія. Такимъ образомъ товарами оплатить русскій отпускъ было невозможно; вексельный курсъ на Лондонъ оттого повысился съ 13 пенсовъ за рубль до $23\frac{1}{2}$ пенсовъ или на 88%, а вексельный курсъ на Гамбургъ поднялся съ 11 шиллинговъ banco до 17 шиллинговъ или на $54\frac{1}{2}\%$. Несмотря на привозъ золота и серебра на много миллионовъ, вексельный курсъ продолжалъ подниматься. Это слова современника той эпохи. J a c o b, Ueber Russlands Papiergeeld, Halle 1817, SS. 46—49.

2) T o o k e, A history of prices, vol. II p. 143.

рицательного достоинства. Если народное обыкновение фиксировало цѣнность ассигнацій, принимая ихъ въ $\frac{1}{4}$ серебромъ, то этимъ самымъ населеніе выражало согласіе на девальвацію еще раньше, чѣмъ его объ этомъ спрашивали. Населеніе дажешло дальше этого: оно ваяло на себя, какъ починъ по снабженію страны новымъ запасомъ золотой и серебряной монеты, такъ и всѣ расходы по образованію этого запаса, не требуя для этого никакихъ пожертвованій отъ бюджетныхъ избытокъ или государственныхъ заемовъ.

Но для обезпеченія странѣ образовывавшагося нового запаса звонкой монеты было настоятельно необходимо, чтобы и правительство примирилось съ упадкомъ ассигнацій и согласилось на денежную реформу. Реформа эта не требовала отъ правительства никакихъ денежнѣхъ средствъ, а единственno лишь освященія совершившагося факта. О девальваціи тогда не принято было говорить; вмѣсто нея принято было говорить о „фиксациі курса“ ассигнацій, понимая подъ „фиксациею“ законодательное признаніе, что ассигнаціонный рубль сохранилъ лишь $\frac{1}{4}$ своего нарицательного достоинства, или около того. Фиксация дала бы возможность обмѣнить всю массу ассигнацій на новые бумажные деньги, которыхъ нарицательная сумма могла быть въ четыре раза меньше и которыхъ размѣръ на звонкую монету легко было бы поддерживать, а этимъ устойчивость ихъ курса была бы вполнѣ обезпечена.

По окончаніи наполеоновскихъ войнъ эти мысли не только носились въ воздухѣ, но открыто выражались. Съ большою ясностью и полнотою, подкрѣпляемою сильною аргументаціею въ ихъ защиту, ихъ высказалъ харьковскій профессоръ политической экономіи Якобъ¹⁾. Изъ русскихъ дѣятелей той эпохи открыто стоялъ за нихъ Н. И. Тургеневъ. Свое сочувствіе девальваціи Н. И. Тургеневъ уже въ 1818 г. ясно выражалъ въ своемъ „Опытѣ теоріи налоговъ“, аргументируя за несправедливость оплаты ассигнацій звонкою монетою по ихъ нарицательной цѣнѣ²⁾.

Но денежной реформѣ въ смыслѣ „фиксациі курса“ ассигнацій не сочувствовалъ тогдашній министръ финансовъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Императоръ Александръ I былъ противъ девальваціи ассигнацій. Поэтому естественно, что немедленно по восстановленіи мира министръ финансовъ возобновилъ свои предположенія о воз-

1) Iacob. Ueber Russlands Papiergele, Halle 1817, особ. pp. 57 — 94.

2) Н. И. Тургеневъ, Опытѣ теоріи налоговъ, 2-е изд., Спб. 1819, стр. 318 — 20

вышениі ассигнацій и ихъ уравненіі съ серебромъ; обь этихъ предположеніяхъ онъ переписывался со Сперанскимъ, совѣтуясь съ нимъ о возвраchenіі къ планамъ и мыслямъ 1810 г. ¹⁾.

Къ осуществленію этихъ предположеній было приступлено очень скоро на основаніи манифеста 10 апрѣля 1817 г. ²⁾. По этому манифесту предполагается извлекать ассигнаціи изъ обращенія постепенно до того времени, „пока онъ не приблизится къ достоинству звонкой монеты“; для этого ежегодно назначаются особы суммы не менѣе 30 милл. рублей, а „для скорѣйшаго уменьшенія количества ассигнацій въ обращеніи имѣютъ быть открываемы займы; извлекаемы же ассигнаціи должны быть публично сожигаемы“.

Такимъ образомъ, правительство давало вопросу обь дальнѣйшей роли ассигнацій въ денежнѣмъ обращеніи страны направленіе, прямо противоположное тому, въ которомъ толькъ-же вопросъ рѣшался въ народномъ хозяйствѣ. И правительство дѣйствовало не менѣе энергично, чѣмъ шло развитіе дѣла помимо его вліяній. Съ 1818 г. началось, главнымъ образомъ на средства, полученные отъ вѣнѣніи заемовъ, изъятіе ассигнацій, и ихъ изъято и уничтожено: въ 1818 г. на 88.028.875 р., въ 1819 году на 80.229.080 рублей, въ 1820 году на 85.614.105 рублей, въ 1821 году на 87.242.410 рублей и въ 1822 году на 44.968.280 рублей; всего въ пять лѣтъ на 286.077.650 рублей. Къ этому итогу прибавилась еще сумма 4.146.040 рублей, составившая прибыль, оказавшуюся вслѣдствіе объявленнаго въ 1819 г. обмѣна ассигнацій прежняго образца на новый образецъ, при чемъ обнаружилось, что нѣкоторая часть ассигнацій потерялась и не явилась къ обмѣну. Всего для изъятій изъ обращенія имѣлось 240.228.690 рублей и этимъ ограничилось уменьшеніе ассигнацій на основаніи манифеста 16 апрѣля 1817 г.

Это уменьшеніе сопровождалось всеобщимъ порицаніемъ не потому, что сожалѣли обь уничтожаемыхъ ассигнаціяхъ, а потому что не сочувствовали цѣли уничтоженія, не вѣрили въ возможность ся достижения, сожалѣли о расходуемыхъ средствахъ. Результаты уничтоженія ассигнацій, дѣйствительно, совсѣмъ не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Ассигнаціонный рубль, стоявшій при началѣ этихъ опе-

1) Сперанскій тогда былъ губернаторомъ въ Пензѣ; о перепискѣ съ нимъ Гурьевъ въ 1816 г. см. Корфъ, Сперанскій, II, 144 слѣд.

2) И. П. С. З. т. XXXIV, уставъ комиссіи погашенія госуд. долговъ, особ. §§ 69—73.

рації 26 копіекъ серебромъ, въ концѣ ихъ стоялъ 27 копіекъ се-
ребромъ; къ уравненію „съ достоинствомъ серебра“ онъ очень мало
приблизился¹⁾.

Въ 1822 г. операціі этого рода были пріостановлены; это при-
нято объяснять ихъ неудачею и тѣмъ, что онъ были явно непра-
вильны. Допустимо, однако, и другое объясненіе, на которое наводить
сопоставленіе суммы изъятыхъ въ 1818—22 гг. изъ обращенія ассиг-
нації съ суммами ихъ выпусковъ въ 1811—16 гг. Какъ выше было
объяснено, до 1810 г. было выпущено ассигнацій на 579.878.880 руб-
лей и манифестомъ 2 февраля 1810 г. было объяснено, что „новый
выпускъ ассигнацій отнынѣ пресъкается“. Но событія послѣдующихъ
лѣтъ устранили возможность исполненія этого обѣщанія; новые выпу-
ски все таки производились, всего ихъ произведено на 256.626 120 руб-
лей. Но выпуски, произведеніе послѣ 1810 г., были секретные; было
много людей, даже пользавшихся довѣріемъ императора Александра I,
которые искренно вѣрили, что послѣ 1810 г. никакихъ новыхъ ассигна-
цій уже не выпускали²⁾. Естественно, что по окончаніи войны импе-
раторъ Александръ I могъ желать, чтобы прежде были изъяты изъ
 обращенія тѣ суммы ассигнацій, которые были выпущены вопреки ма-
нифесту 2 февраля 1810 г. И это дѣйствительно сдѣлано изъятіями
1818—1822 гг. Въ обращеніи осталась сумма ассигнацій въ 595.776.310
рублей, очень близкая къ той, которая была выпущена до 1810 г.

Возможно, впрочемъ, что было усмотрѣно внутреннее противо-
рѣчіе, которымъ страдали операціі 1818—1822 г.г. по изъятію ассиг-
нації для возвышенія ихъ цѣны. По своей цѣли операціі выражали
вагляды, противоположные девальвациі, стремясь къ уравненію ассиг-
нації съ серебромъ. Средство-же, которымъ только и могли пользо-
ваться даже только для стремленія къ этой цѣли, могло заключаться
лишь въ выкупѣ ассигнації по курсу, ибо о выкупѣ ассигнації по
нарицательной ихъ цѣнѣ никто и не помышлялъ и помышлять не
могъ. Считая по среднему курсу ассигнацій въ 1818—1822 г. (877 руб-
лей ассигнаціями за 100 рублей серебромъ), изъятіе ассигнацій на
236.077.650 рублей нарицательныхъ обошлось казнѣ въ 62.620.100 рублей
серебромъ, или разность на курсѣ составляла 173.457.450 рублей,

1) Ісего сильнѣе порицаль старанія возвысить цѣну ассигнацій Н. И. Турге-
невъ, сочувствовавшій девальвациі. См. его книгу *La Russie et les russes*, vol. II pp.
406—4.2, 423—432, 535.

2) См. напр. *Storch, Courts*, VI, 245, особ. примѣч.; Якобъ тоже ихъ не знаетъ,
Н. И. Тургеневъ въ „Опытѣ теоріи налоговъ“ тоже.

которые образовали прибыль казны отъ девальвациі изъятыхъ ассигнацій. Уйтти отъ девальвациі не представлялось возможности, даже когда, во имя отрицанія ея, производились операциі для уравненія ассигнацій съ серебромъ. Операциі не могли не быть пріостановлены.

Но въ такомъ случаѣ перевѣсь оказывалася на сторонѣ того, что происходило помимо правительстvenныхъ взглядовъ, дѣйствій и вліяній. Побѣждалъ серебряный рубль. Бороться съ возстановлявшимся обращеніемъ звонкой монетою и съ курсомъ ассигнацій, фиксированнѣмъ хотя бы лишь народнымъ обыкновеніемъ, не было возможности. Напротивъ, даже операциі по изъятію изъ обращенія ассигнацій 1818—1822 г.г. не только не ослабили, но еще болѣе укрѣпили тѣ стремленія, которыя „сами собою“ обнаруживались „внизу“, въ населеніи.

Съ одной стороны даже уничтоженіе ассигнацій на $240\frac{1}{4}$ миллионовъ рублей не очень сильно отклонило ихъ курсъ отъ стоимости по 25 копѣекъ серебромъ за ассигнаціонный рубль. А съ другой стороны, уходъ изъ обращенія ассигнацій на $240\frac{1}{4}$ мил. рублей только очищало мѣсто звонкой монетѣ. Въ обращеніи оставалось ассигнацій уже лишь на 595.776,830 рублей нарицательныхъ, которыя по народной оцѣнкѣ составляли менѣе 150 миллионовъ рублей серебромъ, то-есть, представляли ослабленное препятствіе, менѣе мѣшавшее проникновенію серебряной и золотой монеты въ денежное обращеніе страны.

Съ 1823 г. во главѣ финансового управлениія стала Е. Ф. Канкринъ, также мало, какъ его предшественникъ, сочувствуявшій тому, что происходило въ странѣ для улучшенія денежнаго обращенія. Подобно графу Гурьеву, и графъ Канкринъ не благожелательно относился къ тому, что населеніе, увеличивая обращеніе серебряной и золотой монеты, стремилось возможно болѣе ею пользоваться для платежей въ казну. И оба ministra одинаково враждебно относились къ денежной реформѣ посредствомъ „фиксациі курса“ ассигнацій, то-есть, ихъ девальвациі. Когда гр. Гурьевъ въ 1818 г. дѣялъ первую уступку требованіямъ населенія и соглашался на разрѣшеніе, чтобы хоть немногіе платежи въ казну производились серебряною монетою, то онъ объяснялъ государственному совѣту: „разрѣшеніе сіе не можетъ быть общее, то есть, онаго нельзя распространить на платежъ всѣхъ налоговъ вообще. Если серебро допустить въ уплату не токмо всѣхъ податей безъ ограниченія, но даже половины онъхъ,

то сіе произведеть неизбѣжно пониженіе ассигнації¹⁾. И также точно разсуждалъ гр. Канкринъ, полемизируя съ мѣстными властями (генераль-губернаторами), когда они, представляя о неудобствахъ, испытываемыхъ населеніемъ, ходатайствовали о допущеніи платежей въ казну звонкою монетою всѣхъ налоговъ. „Сіе весьма важное и затруднительное дѣло“, писалъ гр. Е. Ф. Канкринъ, „подлежить особымъ соображеніямъ, поелику при дозволеніи принимать серебро въ уплату государственныхъ повинностей предстоитъ опасность, что звонкая монета совершенно вытѣснить изъ обращенія и остальная ассигнація²⁾. Поэтому гр. Канкринъ, какъ его предшественникъ, уступалъ медленно и по немногу. Такъ какъ, однако, поле уступокъ не отличалось обширностью, то при всей ихъ медленности все-таки къ началу 1880-хъ годовъ населеніе могло уже производить почти всѣ платежи въ казну серебряною монетою Тѣмъ не и менѣе по указу 5 января 1881 г. еще допускались ограниченія, а золотая монета и совсѣмъ еще не принялась въ казну³⁾. Для золотой монеты потребовалась отдѣльная уступка и она допущена въ платежи казнѣ указомъ 10 мая 1888 г. „принимая во вниманіе, что въ народномъ обращеніи находится въ значительномъ количествѣ золотая россійская монета“.

Гораадо менѣе уступчивымъ гр. Канкринъ оказался въ вопросѣ о „фиксациіи курса“ ассигнаціи. Будучи самымъ лучшимъ финансистомъ въ Россіи и однимъ изъ самыхъ лучшихъ финансистовъ въ Европѣ, гр. Канкринъ, конечно, отлично понималъ, что вопросъ объ ассигнаціяхъ не можетъ получить рѣшенія инымъ способомъ, кроме девальвациіи. Но у него не было желанія соединить свое громкое имя съ такимъ способомъ и онъ предпочиталъ оставить рѣшеніе задачи въ наслѣдіе своему преемнику. Для экономической жизни Россіи, однако, это была очень жестокая отсрочка. Денежная система, съ которой приходилось мириться и отъ которой министръ финансовъ не желалъ отказаться, была одна изъ самыхъ неудовлетворительныхъ. Она соединяла недостатки разстроеннаго обращенія звонкой монеты и недостатки разстроеннаго обращенія бумажныхъ денегъ, которыхъ нарицательная цѣна потеряла всякое значеніе и никѣмъ во вниманіе

1) Архивъ Гос. Сов. по изд. Гос. Канц., т. IV стр. 586.

2) И. И. Кауфманъ, Извѣстія исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи, Спб. 1909, стр. 59.

3) Вт. II. С. 3. т. VI № 4241 и т. II № 1528; ходъ постепенныхъ уступокъ разсказанъ въ нашей книжѣ „Извѣстія исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи“, стр. 61—68.

не принималась. Новый денежный счетъ на ассигнационный рубль, установившійся во время отечественной войны, былъ, какъ раньше уже было отмѣчено, одновременно и счетомъ на серебро, но по условной цѣнѣ, установленной народнымъ обыкновеніемъ. Этотъ денежныи счетъ установился для ограничения колебаній ассигнацій возможно болѣе узкими предѣлами, чего онъ и достигъ. Но колебанія, хотя и лишь въ узкихъ предѣлахъ, все-таки происходили; и этимъ колебаніямъ подвергались не только ассигнаціи, но и звонкая монета, обращавшаяся вмѣстѣ съ ассигнаціями. А гдѣ есть колебанія, тамъ неминуемо возникаетъ лажъ, какъ поправка того ущерба, который производятъ колебанія. А такъ какъ вся денежная система строилась на довольно шаткой почвѣ народного обыкновенія, то и лажи окрасились цветомъ этой почвы и были „простонародными лажами“. Имя имъ было легіонъ. Всякая монета имѣла свой лажъ (тогда обращалось много золотой и серебряной монеты, не только русской, но и иностранной, и одно время, въ 1884 г., даже разрѣшено было иностранной золотою монетою производить платежи и въ казну). И не только на ассигнаціи вообще тоже былъ лажъ, но на ассигнаціи различныхъ достоинствъ (пятирублевки, десятирублевки и т. д.) были различные лажи. Эти лажи въ различныхъ мѣстностяхъ были различные. И они колебались непрерывно, измѣняясь изо дня въ день. Положеніе было такое же, какъ еслибы пудъ и фунтъ, сажень и аршинъ, десятина и ведро, стали неуловимыми величинами, непрерывно измѣняющимися и въ разныхъ мѣстахъ различныя. Денежный счетъ сталъ мудреннымъ, сложнымъ и затруднительнымъ, дѣломъ, въ которомъ теоретики-экономисты 1880-хъ годовъ разбирались, какъ въ метафизическихъ проблемахъ¹⁾; но хозяевами въ немъ были кулаки, нещадно обиравшіе простодушныхъ людей на множество ладовъ. Безконечные жалобы по этому поводу раздавались повсюду и губернаторы въ своихъ отчетахъ часто доводили о нихъ до свѣдѣнія императора Николая Царевича.

На одномъ изъ такихъ отчетовъ Государь положеній резолюціею въ мартѣ 1887 г. потребовалъ, чтобы вопросъ о денежной реформѣ былъ поставленъ на очередь.

Этимъ судьба ассигнацій была решена. Графъ Канкринъ, при всемъ несочувствіи денежной реформѣ, тѣмъ не менѣе признавалъ,

1) Подробное положеніе этого предмета дано въ нашей книгѣ „Изъ истории бумажныхъ денегъ въ Россіи“ стр. 56, 57, 68—87.

что если ожидать уравненія ассигнаціоннаго рубля съ серебромъ, то судя по указаніямъ опыта, это можетъ наступить не ранѣе какъ че-реѣ 180 лѣтъ. Но когда самъ Государь принялъ очень дѣятельное участіе въ подготовительныхъ работахъ по преобразованію, то это су-щественно измѣнило дѣло. Императоръ Николай Павловичъ и госу-дарственный совѣтъ очень щадили министра финансовъ и считались со всѣми его многочисленными возраженіями; но это только нѣ-сколько удлинило срокъ, потребовавшіяся для преобразованія. Начатое въ 1837 г., оно въ 1889 г. было окончено лишь на половину; но уже къ этому времени всѣ принципіальные вопросы были рѣшены; окончательное осуществленіе оттянулось до 1848 г.

Насколько преобразованіе касалось переустройства условій обра-щенія въ Россіи бумажныхъ денегъ, оно выходитъ за предѣлы пред-мета этого изслѣдованія¹⁾. Мы адѣль должны остановиться только на той его части, въ которой оно касалось непосредственно обращенія монеты.

На той почвѣ, которая была дана сильнымъ упадкомъ ассигна-цій послѣ 1810 г., серебряный рубль сталъ побѣждать ассигнаціи уже во время отечественной войны; а послѣ нея еще болѣе усилилось его положеніе. Только потому, что серебряный рубль боролся съ про-тивникомъ, на сторонѣ котораго было финансое управлѣніе, онъ не могъ окончательно побороть этого противника. Коренной смыслъ пре-образованія ассигнацій заключался въ томъ, что окончательная по-бѣда серебрянаго рубля получила офиціальное, законодательное при-заніе.

Это очень прямо призналъ манифестъ 1 юля 1839 г. „объ уст-ройствѣ денежной системы“. Онъ начинался слѣдующимъ знамена-тельнымъ вступленіемъ:

„Разныя перемѣны, временемъ и силою обстоятельствъ въ нашей денежной системѣ произведенные, имѣли послѣдствіемъ не только присвоеніе ассигнаціямъ *вопреки* первоначальному ихъ назначенію *первенства надъ серебромъ*, составляющимъ основную имперію нашей монету, но и возрожденіе, чреѣ то самое многообразныхъ лажей, въ каждой почти мѣстности различныхъ. Убѣждаясь въ необходимости положить конецъ симъ колебаніямъ, мы... признали за благо принять рѣшитель-ныя мѣры къ пресѣченію происходящихъ отъ сего неудобствъ... Всегдѣ-

1) Всѣ подробности, касающіяся этой стороны дѣла, нами обстоятельно изло-жены въ книгѣ „Изъ истории бумажныхъ денегъ“ стр. 98—148.

ствіе того, по подробномъ обсужденіи всѣхъ принадлежащихъ сюда вопросовъ въ государственномъ совѣтѣ, постановляемъ нижеслѣдующее: 1) въ *востановлѣніе* правила манифеста 20 іюня 1810 г. *серебряная* россійскаго чекана монета отнынъ впередъ устанавливается главною государственномъ платежной монетою, а *серебряный рубль* *настоящимъ достоинствомъ* и съ настоящими его подраздѣленіями главною непремѣняемой законною мѣрою (монетною единицею¹⁾) обращающихся въ государствѣ денегъ; соотвѣтственно чему всѣ подати, повинности и сборы, а также разные платежи и штатные расходы въ свое время имѣютъ быть исчислены на *серебро*. 2) При такомъ установлѣніи *серебра* главною платежной монетою, ассигнаціи остаются *вспомогательными* знакомъ цѣнности съ *определеніемъ* иже отнынъ единожды *насегда* постоянная и непремѣняемаго на *серебро* курса, считая *серебряный рубль*, какъ въ крупной, такъ и въ мелкой монетѣ, въ *три рубля пятьдесятъ копѣекъ ассигнаціи*.

Въ этомъ была суть денежной реформы: въ *востановлѣніи* *серебряного* *рубля*, какъ главной основы денежной системы, и въ *фиксациіи* курса ассигнацій въ $1 : 3\frac{1}{2} = \frac{2}{7}$ *серебрянаго* *рубля*.

Серебряный рубль *востановлялся* реформою 1839 г. въ духѣ „правила манифеста 20 іюня 1810 г.“ А мы видѣли, что это „правило“. въ смыслѣ принципа монетной системы, которая строилась манифестомъ 20 іюня 1810 г., выражало *серебряный монометаллизмъ*. Этотъ то серебряный монометаллизмъ *востановлялся* въ Россіи въ 1839 г. Во всей денежной реформѣ 1839—1848 гг., это бытъ, можетъ быть, единственный пунктъ, авторомъ и единственнымъ защитниковъ котораго бытъ графъ Канкринъ. На серебряномъ монометаллизмѣ строились тогда монетныя системы Пруссіи, Австріи и другихъ нѣмецкихъ государствъ, странъ средняго благосостоянія. Золотой монометаллизмъ считался пригоднымъ только для очень богатой Англіи; а на биметаллизмѣ могла претендовать менѣе богатая, но все таки богатая Франція. Поэтому наше мѣсто было около нѣмецкихъ государствъ средняго благосостоянія.

Однако, при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ вопроса, въ какомъ видѣ слѣдуетъ *востановить* серебряный рубль, одинъ изъ членовъ, адмиралъ А. С. Грейгъ, глубоко и очень основательно освоившійся съ предметомъ, бытъ того мнѣнія, что слѣдуетъ такъ *востановить* серебряный рубль, чтобы онъ ничего не измѣнилъ въ на-

1) Эти два слова—въ скобкахъ и въ манифестѣ.

родныхъ счетныхъ привычкахъ: чтобы всѣ денежныя суммы могли не подвергаться никакимъ измѣненіямъ, то-есть, чтобы реформа не потребовала никакихъ перечисленій. А для этого, по мысли А. С. Грейга, было необходимо сдѣлать серебрянымъ рублемъ тотъ самый ассигнаціонный рубль, по которому всѣ слои населенія уже 80 лѣтъ привыкли производить свой денежный счетъ. Этотъ ассигнаціонный рубль первоначально составлялъ $\frac{1}{4}$ Екатерининскаго рубля, когда народное обыкновеніе его установило на почвѣ равенства: 100 рублей (Екатерининскихъ) серебромъ = 400 рублей ассигнаціямъ. Если съ тече-
ніемъ времени (въ 80 лѣтъ) ассигнаціонный рубль исправился и это равенство измѣнилось въ другое, по которому 100 рублей (Екатерининскихъ) серебромъ = 850 рублей ассигнаціями, то это лишь означало, что рубль ассигнаціями составляетъ уже не $\frac{1}{4}$, а $\frac{2}{7}$ серебрянаго (Екатерининскаго) рубля. Въ 80 лѣтъ онъ поправился на $\frac{1}{28}$ своего нарицательнаго достоинства ¹⁾. Исходя изъ ассигнаціоннаго рубля, котораго фиксация производилась реформою, А. С. Грейгъ и предлагалъ Екатерининскій серебряный рубль совсѣмъ упразднить, а вмѣсто него создать новый серебряный рубль, *равный фиксированной ценѣ ассигнаціоннаго рубля*. Стѣдовательно, если ассигнаціонный рубль получалъ цѣну $\frac{2}{7}$, Екатерининскаго серебрянаго рубля или $\frac{2}{7} \cdot 405 = 115\frac{5}{7}$, долей чистаго серебра, то по мысли адмирала Грейга изъ этихъ $115\frac{5}{7}$, долей слѣдовало сдѣлать новый серебряный рубль. Эти предложения были отвергнуты не потому, что противъ нихъ были приведены серьезные аргументы ²⁾; а потому только, что министръ финансовъ первоначально противъ нихъ возражалъ, хотя потомъ онъ самъ признавалъ необходимымъ предварить государственный совѣтъ, что Екатерининскій рубль (въ 4 золотника 21 долю чистаго серебра) „какъ единица цѣлковаго имѣть нѣкоторое неудобство, что она *иѣсколько велика*; отъ сего и отъ самой перемѣны системы сначала могутъ возникать въ цѣнахъ вещей

1) Если ассигнаціонный рубль, первоначально составлявшій $\frac{1}{4} = \frac{7}{28}$ серебрянаго рубля, чрезъ 30 лѣтъ увеличился до $\frac{2}{7} = \frac{8}{28}$ серебрянаго рубля, то при такомъ увеличеніи на $\frac{1}{28}$ въ 80 лѣтъ ему было необходимо для увеличенія еще на $\frac{20}{28}$, то-есть, для уравненія съ его нарицательнымъ достоинствомъ, $20 \times 30 = 600$ лѣтъ, а не 180 лѣтъ, какъ думалъ гр. Е. Ф. Канкінъ.

2) Соединенные департаменты отвергли предложеніе адмирала Грейга, ссылаясь на то, что оно повредило бы вѣнѣніи торговлѣ и вѣнѣнію кредиту (когда кредитъ и торговля никогда и никогда не зависѣли отъ длины аризона и величины денежной единицы) и что не было гарантіи, что и новый серебряный рубль не придется когда-нибудь измѣнить (такая гарантія не существовала и для Екатерининскаго рубля).

некоторые несоразмѣрности, которыхъ теперь въ подробности предугадать нельзя" ¹⁾. На самомъ дѣлѣ „перемѣна системы“, т. е. перечисленіе цѣпь съ ассигнаціонныхъ рублей на Екатерининскіе рубли вызвало не только „некоторые несоразмѣрности“, а очень многочисленныя несоразмѣрности и всеобщія жалобы въ 1840-хъ годахъ. „Несоразмѣрности“ же заключались въ томъ, что цѣны товаровъ, вещей и имуществъ отъ перечисленія изъ ассигнаціонныхъ въ Екатерининскіе рубли, которые были въ $8\frac{1}{2}$ раза болѣе значительные, уменьшились не въ $8\frac{1}{2}$ раза, какъ слѣдовало, а гораздо меньше. Поэтому раздавались многочисленныя жалобы, что отъ восстановленія Екатерининскаго рубля произошла дороговизна и вообще жизнь стала дороже. Это-то предусматривалъ и желалъ предупредить своимъ предложеніемъ адмиралъ Грейгъ. Населеніе отъ этого предложенія несомнѣнно выиграло-бы. Но также несомнѣнно, что государственной казнѣ былъ выгоднѣе большой серебряный рубль въ 405 долей = 18 граммовъ чистаго серебра, равный 4 серебрянымъ франкамъ, чѣмъ сильно уменьшенній рубль въ $115\frac{5}{7}$, долей = 5.¹⁴ граммовъ чистаго серебра (стоящій 1 франкъ $14\frac{1}{4}$ сантимовъ на французскую серебряную монету). Этотъ аргументъ вѣроятно и рѣшилъ вопросъ въ пользу восстановленія Екатерининскаго серебрянаго рубля.

Выше было выяснено, что серебряный монометаллизмъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ установленъ манифестомъ 20 іюня 1810 г. при надлежалъ къ тому роду, который принято называть „хромымъ“, и что хромалъ онъ вслѣдствіе неправильной постановки въ монетной системѣ, какъ золотой, такъ и мѣдной монеты. Хотя это было принято во вниманіе при восстановленіи серебрянаго монометаллизма манифестомъ 1 іюля 1889 г., но внесенные имъ поправки не были удачными. Коренная причина неправильности въ постановкѣ золотой монеты заключалась въ означеніи на ней нарицательной цѣны, („пять рублей“, „дѣсять рублей“), которую не имѣлось въ виду сдѣлать обязательной ни для казны, ни для частныхъ лицъ, въ 1889 г. также точно, какъ въ 1810 г. А между тѣмъ эта надпись была въ 1889 г. оставлена на полуимперіалахъ и имперіалахъ, но съ оговоркою въ манифестѣ, что „золотая монета въ казну и въ кредитныя установленія принимается и изъ нихъ выдается 3% выше нарицательной ея цѣнности, именно имперіаль въ 10 рублей 80 копѣекъ, и полуимперіаль

1) Материалы по устр. денеж. системы изд. Госуд. Канцеляр. въ 1896 г. стр. 228 и 247.

въ 5 рублей 15 копѣекъ серебромъ". Смысль этого опредѣленія можетъ быть лишь одинъ: что означенные на имперіальной монетной „десять рублей“, „пять рублей“, суть *неопределенные* рубли, которые еще требуютъ опредѣленія ихъ оцѣнкою *на серебро*, какъ „главной непремѣнляемой мѣры всѣхъ денегъ въ государствѣ“. Въ 1889 г. законъ опредѣлялъ, что „пять рублей“ на полуимперіалѣ означаютъ 515 копѣекъ серебромъ; но законъ могъ назначить 510 копѣекъ, или 520 копѣекъ, или иное число копѣекъ серебромъ; законъ не постановлялъ разъ и навсегда, что „пять рублей“ на полуимперіалѣ означаютъ 500 копѣекъ, какъ было въ 1764 г. при Екатеринѣ II. Екатерина II назначила цѣну полуимперіала въ 5 рублей, исходя изъ того, что золото въ пятьнадцатеро дороже серебра; поэтому она при серебряномъ рублѣ въ 405 долей чистаго серебра положила на пятую часть полуимперіала $405:15 = 27$ долей чистаго золота, а полуимперіалу, содержавшему чистаго золота $5 \times 27 = 185$ долей, она назначила цѣну въ 5 рублей. Но во второй половинѣ 1880-хъ годовъ золото было дороже серебра *больше чѣмъ въ 15 разъ*. У насть считали, что золото на 8% больше, чѣмъ въ 15 разъ, или въ 15.45 разъ дороже серебра. Поэтому при томъ-же Екатерининскомъ рублѣ въ 405 долей чистаго серебра золотой рубль уже равнялся не 27 долямъ чистаго золота, а $405 : 15.45 = 26^{22/103}$ долей. Для того, чтобы полуимперіалъ сохранилъ свою цѣну на серебро равную надписью на немъ, „пять рублей“, необходимо было, чтобы содержаніе чистаго золота въ немъ не превышало $5 \times 26^{22/103} = 181^{7/103}$ долей; но уменьшить содержаніе чистаго золота въ золотой монетѣ не желали; въ полуимперіалѣ желали оставить 185 долей чистаго золота. Поэтому его цѣну на серебро должны были назначить $185 : 26^{22/103} = 5$ руб. 15 копѣекъ. Золотой рубль составлялъ не $1/5$ нарицательной цѣны полуимперіала, выраженной надписью на немъ, не $1/5$ чистаго золота, содержащагося въ немъ, а $1/5$ оцѣнки *его на серебро*, не $1/5$ пяти рублей, а $1/5$ пяти рублей 15 копѣекъ, не 27 долей чистаго золота, а $26^{22/103}$ долей, соотвѣтствовавшихъ оцѣнкѣ золота на серебро. А такъ какъ эта оцѣнка не была закономъ *фиксирована*, то это выразилось двояко 1) нашъ законъ уже ни на какую пропорцію, выражавшую отношеніе между стоимостью золота и серебра, не указывалъ, 2) онъ прямо оговаривалъ, что на нарицательную цѣну золотой монеты, выраженную надписью на ней не только возможъ, но допускается „лажъ“, или, иначе говоря, что стоимость золотой монеты выражаемая не однимъ, а двумя элементами: 1) нарицательную цѣну, 2) лажемъ; только

первый элементъ неизмѣнныи, а второй по своему существу измѣняющійся.

Это, конечно, была еще сложная и запутанная постановка золотой монеты въ русской монетной системѣ, даже въ ея переустроенномъ въ 1889 г. видѣ. Въ тѣ времена, однако, она не возбуждала недоумѣній. Не только въ Россіи, но и заграницею ее понимали въ томъ смыслѣ, что русская монетная система есть система серебрянаго монометаллизма; но въ ней отведено мѣсто и золотой монетѣ, которая однако по закону не имѣетъ неподвижной и неизмѣнной цѣны и которой цѣна измѣняется въ зависимости отъ отношенія стоимости золота къ стоимости серебра ¹⁾). Эта-же система тогда была, впрочемъ, въ дѣйствіи также въ Пруссіи и въ Австріи.

Не лучше дѣло обстояло съ мѣдною монетою. Правильная ея постановка заключается въ томъ, что казна обязана принимать платежи мѣдною монетою на всякую монету безъ ограниченія. А частнымъ лицамъ предоставляется принимать мѣдную монету лишь на очень ограниченную сумму. Это единственная гарантія противъ чрезмѣрныхъ чеканокъ мѣдной монеты, которая при указанныхъ условіяхъ скучивается въ казнѣ, если она чрезмѣрно выпускается. У насъ же до манифеста 1 юля 1889 г. было въ порядкѣ прямо противуположное положеніе: частные лица обязаны были принимать мѣдную монету безъ ограниченія, а казна предоставляла себѣ принимать мѣдную монету только въ ограниченныхъ предѣлахъ. Напримѣръ, еще въ 1889 г. въ кондиціяхъ на питейные откупы одно изъ условій требовало, чтобы откупщики не вправѣ были по откупнымъ суммамъ платить казнѣ больше 10% мѣдною монетою ²⁾). Манифестъ 1 юля 1889 г. допускаетъ приемъ въ казну мѣдной монеты „во всякомъ количествѣ, кроме тѣхъ платежей, гдѣ количество вноса сей монеты опредѣлено въ самыхъ контрактахъ“ (напримѣръ, по питейнымъ откупамъ). Что же касается частныхъ лицъ, то общаго правила объ ограниченіи обязательности мѣдной монеты извѣстно суммой и манифестъ 1 юля 1889 г. еще не содергитъ, но онъ предоставляетъ частнымъ лицамъ „обоюдныя соглашенія“ о количествѣ, въ которомъ они обязываются принимать мѣдную монету. Это своеобразное опредѣленіе, однако, обширнаго примѣненія никогда не имѣло.

1) Что именно такъ понимали русскую монетную систему компетентнѣйшіе знатоки дѣла въ ту эпоху, особенно ясно въ статьѣ Мишеля Шевалье въ старомъ изданіи *Dictionnaire d'économie politique* Гильомена (1854 г.) ч. II р. 224.

2) Вт. II. С. 3. IX, №№ 7248, 7280.

По самому существу денежной реформы, какъ она понималась уже въ первые годы по окончаніи наполеоновскихъ войнъ, фиксація курса ассигнацій должна была сопровождаться обмѣномъ ихъ на новыя бумажныя деньги, размѣнныя на серебро. Въ работахъ по установленію типа этихъ новыхъ бумажныхъ денегъ императору Николаю Павловичу принадлежитъ руководящая роль и можно сказать, что этотъ типъ въ видѣ кредитныхъ билетовъ, донынѣ обращающихся, всецѣло принадлежитъ мысли Государя ¹⁾. Первоначально по мысли гр. Канкрина на основаніи указа 1 юля 1839 г. выпускались только „депозитные билеты“ въ обмѣнъ за серебряную монету, вносившуюся въ открытую для этого „депозитную кассу“, слѣдовательно, обезпеченные рубль за рубль монетою; потомъ на основаніи указа 1 юля 1840 г. начали выпускаться кредитные билеты для подкрѣпленія кассъ казенныхъ банковъ: Петербургской и Московской Сохранной Казны и Заемнаго Банка. На эти учрежденія возложенъ былъ постоянный и безостановочный размѣнъ депозитныхъ и кредитныхъ билетовъ безъ ограниченія суммы. Непосредственную связь съ нашимъ предметомъ имѣютъ тѣ опредѣленія указовъ 1889 г. и 1840 г., которыя устанавливали валюту этихъ новыхъ денегъ и указывали, на какую монету долженъ производиться ихъ размѣнъ. Въ этомъ отношеніи особенно важно двоякое. Во-первыхъ, какъ депозитнымъ билетамъ, такъ и кредитнымъ билетамъ данъ былъ, по основнымъ обѣихъ указамъ, принудительный курсъ. Это сдѣлано формулою: депозитнымъ билетамъ, по указу 1 юля 1889 г., а кредитнымъ билетамъ по указу 1 юля 1840 г. „присвоется хожденіе по всей имперіи наравнѣ съ серебряною монетою“ ²⁾. Почему только „наравнѣ съ серебряною“, а не съ золотою монетою? Потому что только серебряная монета имѣла обязательный курсъ въ полномъ смыслѣ: то-есть, не только пріемъ ея былъ обязательенъ, но и цѣна, по которой всѣ ее обязаны были принимать, была обязательная, неизмѣнная и опредѣленная. Рублемъ назывались 4 золотника 21 доля или 405 долей чистаго серебра; это было „настоящее достоинство“ серебряной монеты, по которому всѣ были обязаны ее принимать. А золотой рубль такого „настоящаго достоинства“ не имѣлъ, потому что законъ его не установилъ, а поставилъ въ зависимость отъ цѣны полуимперіала на серебро, то-есть,

1) См. обѣ эти томы въ нашей книгѣ „Изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи“, стр 125—184.

2) Вт. II. С. 3. XIV, № 12498, ст. 5 и т. XVI, № 14700, ст. IV.

отъ отношенія между стоимостью золота и серебра. Когда это отношеніе было 1:15, то золотой рубль означалъ 27 долей чистаго золота; а когда отношеніе было 1:15.45, то золотымъ рублемъ стали $26\frac{3}{10}$ долей чистаго золота; а при отношеніи 1:15.65 золотымъ рублемъ были уже $25\frac{7}{8}$ долей чистаго золота. И т. д. Это видимо совершенно ясно соизнавалось и поэтому вполнѣ правильно и согласно съ началомъ серебрянаго монометаллизма быль выраженъ и принудительный курсъ депозитныхъ билетовъ и кредитныхъ билетовъ только въ *серебряной валютѣ*.

Во-вторыхъ, текстъ депозитныхъ и кредитныхъ билетовъ тоже быль согласованъ съ началомъ серебрянаго монометаллизма и поэтому гласилъ, что такая-то касса „немедленно по предъявленіи“ билета выдаетъ такую-то сумму *серебрянью монетою*¹⁾. О золотой совсѣмъ не упоминалось совершенно правильно, потому что это не было необходимо для полной опредѣленности суммы, которая подлежала выдачѣ. Однако, производить платежи кассы вправѣ были не только серебрянью, но и золотою монетою по силѣ пункта 10 манифеста 1 юля 1848 г. обѣ устройствѣ денежной системы, по которому „золотая монета въ казну и въ кредитныя установленія принимается и *изъ нихъ выдается*“, считая по 5 р. 15 коп. полуимперіяль и по 10 р. 80 к. за имперіяль.

Когда публика привыкла къ депозитнымъ и кредитнымъ билетамъ, то по силѣ манифеста 1 юня 1848 г. кредитными билетами были замѣнены не только депозитные билеты, но и ассигнаціи по фиксированному ихъ курсу и къ нимъ присоединены кредитные билеты, выпущенные въ 1840 г. Кромѣ того государственнымъ кредитнымъ билетамъ предоставлено служить населенію для того же, для чего до 1848 г. служили депозитные билеты, то-есть, для выпуска ихъ въ обмѣнъ за вносимую серебрянью и золотую монету²⁾.

На кредитныхъ билетахъ, выпускавшихся съ 1848 г. по манифесту 1 юня 1848 г. и по уставу „экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ“³⁾, —изданного при указѣ 1-го-же юня 1848 г. и вошедшаго потомъ въ Сводъ Законовъ,—текстъ кредитныхъ билетовъ быль замѣненъ противъ первоначального въ томъ отношеніи, что въ немъ го-

1) Вт. П. С. З. т. XV. №№ 18220, 18628, 18784, 14666.

2) Вт. П. С. З. т. XVIII № 16908.

3) Эта экспедиція учреждена манифестомъ 1 юня 1848 г., какъ особое государственное кредитное учрежденіе, которое вѣдало только эмиссіонную операцию.

ворилось о платежахъ по билетамъ „*золотою или серебряною монетою*“. Это лишь болѣе ясно распространяло на кредитные билеты определеніе манифеста 1 юля 1889 г. о *правѣ казны* (какъ и частныхъ лицъ) производить платежи не только серебряною, но и золотою монетою. *Обязанности* производить платежи золотою монетою русское законодательство съ 1889 г. *не признавало ни за кѣмъ, ни за частными лицами, ни за казною*. Существо серебрянаго монометаллизма (какъ впрочемъ даже и биметаллизма), между прочимъ, въ томъ и заключается, что *никто ни у кою не имѣть права требовать платежа золотомъ*. Это право признается только при золотомъ монометаллизмѣ. Впрочемъ въ отношеніи кредитныхъ билетовъ уставъ экспедиціи кредитныхъ билетовъ, изданный въ 1848 г., устранилъ всякия недоразумѣнія. Въ § 22 онъ совершенно ясно и категорически опредѣлялъ валюту кредитныхъ билетовъ, какъ серебряную, слѣдующими словами: „*государственные кредитные билеты имѣть быть выпускаемы слѣдующихъ достоинствъ: въ 100, 50, 25, 10, 5, 8 и 1 рубль серебра настоящей цѣнности, то есть, заключающей въ себѣ чистаго серебра четыре золотника двадцать одну долю*“. Платежи-же казна себѣ предоставила производить всякою звонкою монетою уже по кредитнымъ билетамъ 1841 г.¹⁾. Да это необходимо вытекало изъ пункта 10 манифеста 1 юля 1889 г. о преобразованіи денежнѣйной системы, что казна принимаетъ и выдаетъ золотую монету по установленной цѣнѣ. Но что золотая монета при этомъ имѣть лишь субсидіярное значеніе, ясно устанавливъ и манифестъ 1 юня 1848 г. о замѣнѣ ассигнацій кредитными билетами, оговаривая, что обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на металлическую монету, то есть, серебряную и золотую, производится „*съ соблюдениемъ указанно междуди сими денънами отношенія*“. Слѣдовательно, напр., за 500 рублей въ кредитныхъ билетахъ никто не имѣлъ права требовать 100 полумперіаловъ ни 50 имперіаловъ. За 100 полумперіаловъ или 50 имперіаловъ требовалось дать 515 рублей кредитными, то есть, серебряными рублями. И еслиъ указанное отношеніе было измѣнено и полуимперіаль принималася въ казну и выдавалася изъ нея за 5 руб. 20 к., то за 50 имперіаловъ или 500 рублей золотомъ приходилось бы уплатить 520 рублей серебромъ или кредитными билетами. Кредитный рубль съ самаго своего рожденія равнялся серебряному рублю, но *не равнялся*

1) Манифестъ 1 юля 1841 г. пунктъ III: „*кредитные билеты обезпечиваются... безвостановочными во всякое время размѣномъ оныхъ на звонкую монету*“.

золотому рублю. Кредитный рубль не могъ равняться золотому рублю, потому что золотой рубль не былъ постоянна величиною, а могъ измѣняться. Задача же денежной реформы 1889—1843 гг. была въ томъ, чтобы дать кредитному рублю неизмѣнное выражение.

Въ первой половинѣ XIX ст., какъ въ теченіи тысячелѣтій до того, вѣрили въ серебро, а не въ золото. Только за серебромъ признавалось постоянство. На золотой монометаллизмъ, введенный у себя Англіею въ 1816 г., смотрѣли, какъ на своего рода капризъ богачей, а на французскій биметализмъ, какъ на ошибочный расчетъ, построенный на жадности къ драгоценнымъ металламъ. Напротивъ серебряный монометаллизмъ считался единственнымъ серьезнымъ, прочнымъ и благоразумнымъ основаніемъ правильно построенной монетной системы. Поэтому его ввели и у нась въ 1889 г. и на немъ основали кредитные билеты въ 1848 г.

Ваглѣды теоретиковъ и практиковъ первой половины XIX в. на золото и серебро впослѣдствіи оказались слишкомъ абсолютными и преувеличенными, а потому и неправильными. Для Россіи особенно эта неправильность—не только историческій фактъ, потерявшій значеніе, а фактъ практическій, съ послѣдствіями котораго еще долго впослѣдствіи приходилось считаться.

Для образованія достаточнаго запаса серебряной монеты, мы должны были добывать серебро заграницею. Наше собственное производство серебра было слишкомъ недостаточно. А такъ какъ въ серебро больше вѣрили и его предпочитали, то золотомъ даже готовы были жертвовать и его цѣнили ниже, чѣмъ оно стоило, лишь бы имѣть серебро. Такъ было у нась въ XVIII ст., такъ было и въ первой половинѣ XIX в. Нѣкоторое время при Екатеринѣ II мы цѣнили золото дороже, чѣмъ оно стоило въ Западной Европѣ: считая его въ 15 разъ дороже серебра, когда (въ 1761—90 г.г.) оно заграницею было лишь въ 14.74 раза дороже; у нась оно было дороже на 1 $\frac{3}{4}$ %; 185 дойлѣ чистаго золота въ полуимперіалѣ стоили въ Гамбургѣ не столько чистаго серебра, сколько содержится въ 5 рубляхъ, а столько, сколько содержится въ 4 руб. 9 $\frac{1}{2}$ /8 коп. Мы переплачивали за золото и его чеканки отъ этого при Екатеринѣ II приняли болѣе значительные размѣры. Но съ послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка это измѣнилось: золото въ Западной Европѣ стоило уже больше, чѣмъ въ 15 разъ. Въ 1791—1800 г.г. оно стоило въ 15.42 разъ дороже серебра, въ 1801—10 г.г. въ 15.66 разъ, въ 1811—20 г.г. въ 15.51 разъ, въ

1821—80 г.г. въ 15.80 раза и въ 1831—40 г.г. въ 15.75 раза¹⁾. Это значитъ, что на открытомъ рынке 185 долей чистаго золота, содержащаяся въ полуимпериалѣ, стоили: въ 1791—1800 г.г. 5 руб. 14 коп., въ 1801—10 г.г. 5 р. 20 $\frac{1}{3}$ к., 1821—80 г.г. 5 р. 17 к., въ 1831—40 г.г. 5 р. 25 к.²⁾. Это объясняетъ, почему у насъ пятирублевая цѣна полуимпериала потеряла значеніе: при ней золотая монета совсѣмъ не могла оставаться въ странѣ. Еслибы мы отдавали полуимпериаль за 5 рублей серебромъ, когда за границей за него отдавали серебра на 5 руб. 25 коп., то выгоднѣе было бы удовлетворять насъ серебромъ на 5 рублей, привозить серебро и увозить золото. Чтобы этому помѣшать, установленъ быль 8% лажъ на золото и 5 рублямъ, написаннымъ на полуимпериалѣ, назначена цѣна въ 5 руб. 15 коп. Но и эта цѣна показывала, что преимущественно привлекается къ намъ серебро. Была причина, однако, по которой у насъ особенно съ конца 1820-хъ годовъ не считали необходимымъ особенно гнаться за заграничнымъ золотомъ. У насъ начало бойко развиваться собственное добываніе золота. Это какъ разъ происходило въ то время, когда южноамериканскія страны, прежде дававшіе всего больше золота, стали его давать меньше, и отъ этого золото и вздорожало. Уже въ 1821—80 гг. Россія заняла первое мѣсто среди странъ, производящихъ золото: все міровое производство золота тогда не превышало 869 пудовъ въ годъ, среднимъ числомъ; въ томъ числѣ 206 пудовъ или немногого меньше $\frac{1}{4}$ приходилось на Россію. Въ слѣдующее десятилѣтіе 1831—40 годовъе производство золота на всемъ земномъ шарѣ поднялось до 1289 пудовъ; но русская часть въ немъ поднялась до 480 пудовъ или почти 35%. Но какъ ни почетно было это положеніе, собственное наше производство золота отставало отъ спроса на него, который предъявлялся у насъ-же. Объ этомъ можно судить по чеканкамъ новой монеты.

Въ десятилѣтіе 1811—20 гг., когда у насъ началось образованіе нового запаса серебряной и золотой монеты вмѣсто того, который образовывался вѣками и вытѣсненъ былъ ассигнаціями, вслѣдствіе совершенно исключительныхъ обстоятельствъ, очень благопріятство-

1) Soettbeer. Edelmetallproduction, S. 130.

2) Для того, чтобы знать цѣну на серебро 135 долей чистаго золота въ полуимпериалѣ, соответствующую всякой пропорціи между серебромъ и золотомъ, необходимо число, показывающее, во сколько разъ золото дороже серебра, помножить на 135 и произведеніе раздѣлить на 405 (долей чистаго серебра въ рубль). Но такъ какъ $135 : 405 = \frac{1}{3}$, то достаточно взять $\frac{1}{3}$ числа, показывающаго, во сколько разъ золото дороже серебра, и полученный результатъ будетъ давать искомое выраженіе.

вавшихъ сильному притоку къ намъ драгоценныхъ металловъ, могло быть начеканено: серебряной монеты на 69.871.000 руб. и золотой на 28.856.448 рубля. Въ слѣдующее десятилѣтіе 1821—80 гг. притокъ серебра порядочно ослабѣлъ и новой серебряной монеты начеканено на 84.616.028 рублей; напротивъ, чеканка золотой монеты, вѣроятно, въ связи съ развившимся добываніемъ русскаго золота, простирается на 87.766.214 рублей. Въ десятилѣтіе 1831—40 гг. чеканка серебряной монеты, несмотря на поощренія ея, еще болѣе уменьшается и за все время составляетъ лишь 25.952.671; чеканка-же золотой монеты принимаетъ уже солидные размѣры и простирается на 67.594.096 рублей.

За все время съ 1816 до 1840 г. все русское производство золота считаются въ 6519 лигатурныхъ пудовъ¹⁾, которое принято считать по 88-й пробѣ въ 5.976 пудовъ чистаго золота; по 18.650 рублей за пудъ ихъ стоимость достигаетъ 81½ миллионовъ рублей. А чеканки золотой монеты въ 1816—40 гг. достигали 122.580.000 рублей. Ясно, что чеканилось не только русское золото, но и притекавшее къ намъ иностранное, за которое населеніе видимо было готово платить болѣе дорогою цѣну, чѣмъ казна. Положителсно извѣстно, что въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ къ намъ дѣйствительно притекало много иностранной золотой монеты, для перечеканки которой въ русскую золотую монету допущено было производство ею платежей въ казну.

Съ того времени, какъ началось въ Россіи образованіе новаго запаса звонкой монеты, до денежной реформы, въ 1811—40 гг., чеканки серебряной монеты простирались на сумму 180.489.699 рублей, и золотой 188.716.753 рубля, тѣ и другія вмѣстѣ составили 264.156.452 рубля. А потерянный страною изъ-за ассигнацій старый запасъ звонкой монеты составлялъ 250—800 миллионовъ рублей. Слѣдовательно уже ко времени денежной реформы 1839—48 гг. дѣло вовобновленія этого запаса было почти сдѣлано, хотя правительствомъ для этого никакихъ мѣръ не принималось и никакихъ финансовыхъ жертвъ не приносилось. Все сдѣлала сама страна, починомъ и на средства населенія и его народнаго хозяйства.

Естественно, что это дѣло еще успѣшнѣе подвинулось впередъ, когда правительство ему помогло денежною реформою 1839—1848 г., то-есть, устраненіемъ обстоятельствъ, препятствовавшихъ успѣшности стремленій народнаго хозяйства.

Въ 1841—1855 годахъ, въ 15 лѣтъ послѣ реформы, чеканка се-

1) *Bulletin russe de statistique financi re*, v. V (1898) pp. 94, 95.

ребряной монеты составила 59.807.888 рубля. Съ серебряною монетою, начеканеною въ 1811—40 годахъ новый запасъ ея могъ уже прости-
раться до 190.247.082 рубля. Обстоятельствъ, въ силу которыхъ при-
ходилось бы допускать, что нѣкоторая часть этой монеты ушла изъ
страны, не было. Напротивъ, новый запасъ серебряной монеты обра-
зовался при запретительной таможенной системѣ и при особенномъ
попеченіи о привлечении серебра въ Россію. Поэтому позволительно
думать, что эти 190 $\frac{1}{4}$ миллионовъ рублей въ серебряной монетѣ
сполна состояли въ обращеніи къ половинѣ 1850-хъ годовъ.

Что-же касается золота, то отечественное производство въ
1841—55 годахъ считается въ 21.028 пудовъ лигатурныхъ или (по
88-й пробѣ, какъ принято считать) въ 19.276 пудовъ чистаго золота
по 18.650 рублей за пудъ на 268.117.000 рублей. Чеканки же новой зо-
лотой монеты въ 1841—55 годахъ простирались лишь на 248.189.528 рубля.
Слѣдовательно, нѣкоторая часть золота уходила изъ страны въ видѣ
слитковъ. Но и вся золотая монета, конечно, тоже не могла оставаться
въ странѣ: она для этого явно была слишкомъ значительная. Вся
чеканка новой золотой монеты съ 1811 до 1855 г. въ 45 лѣтъ про-
стиралась на огромную сумму 881.856.276 рублей. Если мы допустимъ,
что только $\frac{1}{8}$ ея осталась въ странѣ, а $\frac{7}{8}$ ушли за границу, то къ
190 миллионамъ рублей серебряной монеты необходимо будетъ при-
бавить золотой монеты на 180 миллионовъ рублей. Въ такомъ случаѣ
весь запасъ серебряной и золотой монеты въ половинѣ 1850-хъ го-
довъ необходимо принять въ 820 миллионовъ рублей.

Это очень правдоподобное вычисленіе, а большаго отъ такихъ
вычисленій никто не требуетъ. Оно отличается скромностью прежде
всего. Очень вѣроятно даже, что оно слишкомъ скромное. Объ этомъ
можно судить по слѣдующему обстоятельству. Къ 1 января 1858 года
въ размѣнномъ фондѣ кредитныхъ билетовъ состояло: золотой монеты
58.817.874 руб., а серебряной 49.796.645 руб., кромѣ того слитковъ золота
и серебра на 15.598.861 руб. Распредѣляя эти слитки пропорціонально
монетѣ, мы находимъ, что въ размѣнномъ фондѣ состояло: золота на
66.787.789 рублей и серебра на 56.969.591 рубль. Сверхъ того въ размѣнномъ
фондѣ находилось еще процентныхъ бумагъ на 23.087.468 руб., пріобрѣ-
тенные на средства размѣнного фонда. Мы желаемъ вычислить наиболѣ-
шее (максимальное) отношеніе серебра въ размѣнномъ фондѣ къ за-
пасу серебряной монеты въ странѣ и поэтому будемъ считать за на-
личное серебро и часть монеты процентныхъ бумагъ, пропорціональ-
ную серебряной монетѣ въ размѣнномъ фондѣ. Тогда наибольшая

сумма серебра въ размѣнномъ фондѣ составляеть 64.612.453 рубля. А запасъ серебряной монеты въ странѣ мы приняли въ 190.000.000 рублей. Слѣдовательно, въ размѣнномъ фондѣ состояло не больше $\frac{1}{3}$ всего серебрянаго денежнаго запаса страны. А наличнаго золота, въ монетѣ и слиткахъ (не считая бумаги) въ размѣнномъ фондѣ было 66.787.789 рублей. Если запасъ золота въ денежнѣмъ обращеніи составляль не больше 180.000.000 рублей, то значить больше половины его находилось въ размѣнномъ фондѣ. А между тѣмъ вѣдь всякаго сомнѣнія, что если кредитные билеты такъ полюбились населенію, если оно съ самаго зарожденія кредитныхъ билетовъ въ 1841—53 гг. охотно вносило въ экспедицію кредитныхъ билетовъ очень много монеты, чтобы за нее получить эти билеты, то, конечно, свои удобства и преимущества билеты имѣли предъ тяжеловѣсною серебряною, а не предъ сравнительно легкой золотою монетою. И если населеніе, несмотря на эти удобства, все таки $\frac{2}{3}$, серебряной монеты оставляло у себя, то по меньшей мѣрѣ столько же оно оставляло у себя и золотой монеты. А если золото, состоявшее въ размѣнномъ фондѣ, въ монетѣ и слиткахъ, на 66.787.789 рублей сбставляло $\frac{1}{3}$ всего запаса денежнаго золота страны, то весь этотъ запасъ достигалъ слишкомъ 200.000.000 рублей. Эта-то сумма намъ представляется болѣе вѣроятною, чѣмъ приведенная выше, слишкомъ умѣренная. Съ прибавленіемъ запаса денежнаго серебра въ 190.000.000 рублей весь запасъ золота и серебра для денежнѣхъ цѣлей наканунѣ крымской войны могъ достигать 390.000.000 рублей.

Этотъ запасъ отлично уживался съ кредитными билетами.

Мы видѣли, что отъ операций гр. Гурьева для возвышенія цѣны ассигнацій сумма ихъ съ 836.000.000 рублей нарицательныхъ уменьшилась въ 1818—28 годахъ до 595.776.810 рублей. Эта сумма неизмѣнно оставалась съ 1828 по 1843 г. По манифесту 1 юля 1839 г. курсъ ассигнацій былъ фиксированъ въ $\frac{3}{7}$ серебрянаго рубля и означенная сумма ассигнацій превратилась въ 170.221.802 рубля серебромъ; изъ этой суммы затерялась и не была предъявлена къ обмѣну на кредитные билеты часть въ 8.804.851 руб. серебр., такъ что осталось 166.916.951 руб. сереб. Къ этой суммѣ „фиксированныхъ“ ассигнацій присоединились еще кредитные билеты сохранныхъ казенъ, выпущенные на 10.952.800 рублей на основаніи манифеста 1 юля 1841 г., такъ что за счетъ казны всего состояло въ обращеніи ассигнацій и первоначальныхъ кредитныхъ билетовъ на 177.869.251 рубль, которые и обмѣнены въ 1848 г. на равную сумму государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Кромѣ того къ 1843 г. состояло въ обращеніи на 48.548.976

рублей „депозитныхъ билетовъ“, выпущенныхъ съ 1839 до 1843 г. въ обмѣнъ за золотую и серебряную монету, вносившуюся въ „Депозитную Кассу“ и въ ней хранившуюся. Эти депозитные билеты въ 1848 г. тоже обмѣнены на государственные кредитные билеты, а равная имъ сумма золотомъ и серебромъ (на 48.548.976 рублей) была передана учрежденной въ 1848 г. Экспедиціи кредитныхъ билетовъ и первона-чально составила самую значительную часть размѣнного фонда. Другую его часть должна была составить монета, которую правительство обязалось внести въ размѣнный фондъ въ размѣрѣ $\frac{1}{6}$ части суммы ассигнацій, обмѣненныхъ на кредитные билеты. Наконецъ, съ 1848 до 1858 г. Экспедиція продолжала операциі Депозитной Кассы: принимала золото и серебро, въ монетѣ и слиткахъ, отъ частныхъ лицъ и публичныхъ учрежденій, а взамѣнъ выдавала кредитные билеты; она же производила и обратный размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, когда публика ее требовала. Въ 1848 — 53 годахъ было внесено звонкой монеты 182.871.292 рубля, а вытребовано 97.418.988 рублей, или больше внесено на 84.957.854 рубля, которые тоже вошли въ размѣнный фондъ, соотвѣтствуя равной суммѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе за счетъ размѣнного фонда. Если эти 84.957.854 руб. соединить съ 48.548.976 руб., которые перешли въ размѣнный фондъ отъ бывшей Депозитной Кассы, то всего въ размѣнномъ фонде находилось золота и серебра на 188.506.330 рублей, внесенныхъ публикою взамѣнъ кредитныхъ билетовъ, которые публика желала имѣть и которые за счетъ размѣнного фонда были выпущены на тѣ же 188.506.330 рублей. Но въ размѣнномъ фонде 1 Января 1858 г. состояло 146.794.848 рублей или больше на 18.288.518 рублей. Эти 18.288.518 рублей были внесены казною въ счетъ обезпечения кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ взамѣнъ ассигнацій. Такъ какъ отъ этого на равную сумму кредитные билеты перешли въ счетъ выпущенныхъ подъ размѣнный фондъ, то на тѣ же 18.288.518 руб уменьшились кредитные билеты, выпущенные на 177.869.251 рубль за счетъ государственного казначейства взамѣнъ ассигнацій и кредитныхъ билетовъ 1841 г. и означенная сумма уже составляла лишь 184.580.788 рублей.

Такимъ образомъ 1 января 1858 г. состояло въ обращеніи кредитныхъ билетовъ: выпущенныхъ за счетъ государственного казначейства (взамѣнъ ассигнацій и т. д.) на 184.580.788 рубля и выпущенныхъ за счетъ размѣнного фонда на 146.794.848 рублей, а всего на 331.375.581 рубль. Въ размѣнномъ фонде, который эту сумму обезпечивалъ, находилось: золота не 66.787.789 руб., серебра на

56.969.591 руб., а всего золота и серебра на 128.707.880 рублей; кроме того въ фондѣ было легкореализуемыхъ государственныхъ процентныхъ бумагъ на 28.087.478 рублей; общій итогъ всѣхъ суммъ размѣнного фонда достигалъ 146.794.648 рублей. То есть, размѣнныи фондъ обеспечивалъ 47% кредитныхъ билетовъ; большиe половины кредитныхъ билетовъ, состоявшихъ въ обращеніи, были лишены обезпеченія въ размѣнномъ фондѣ; это происходило отъ того, что единственная жертва, которую понесло государственное казначейство для денежной реформы 1889—43 гг., заключалось въ 18.288.518 руб., внесенныхъ въ размѣнныи фондъ для обезпеченія кредитныхъ билетовъ на 177.869.261 р. выпущенныхъ въ замѣнъ ассигнацій и кредитныхъ билетовъ 1841 г. По манифесту казна должна была обезпечить эту часть кредитныхъ билетовъ фондомъ въ $\frac{1}{6}$, но дѣйствительно даны были лишь упомянутые 18.528.518 рублей, составлявшіе не $\frac{1}{6}$, а меньше половины этого, лишь $\frac{8}{40}$ суммы кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ за казенный счетъ. Обезпеченіемъ въ $\frac{1}{6}$ удовлетворились при обсужденіи денежной реформы въ 1889—42 гг., потому что размѣнныи фондъ въ $\frac{1}{6}$ считали достаточнымъ для „безостановочности размѣна“, особенно когда могли расчитывать, что рядомъ съ кредитными билетами, выпущенными за казенный счетъ и обезпеченными на $\frac{1}{6}$, будутъ обращаться кредитные билеты, выпущенные за счетъ публики и обезпеченые монетою, которую публика вносила рубль за рубль. Этотъ расчетъ и оправдался вполнѣ. Публика такъ много потребовала кредитныхъ билетовъ и такъ много внесла за нихъ серебряной и золотой монеты, что вся масса обращавшихся кредитныхъ билетовъ отъ этого оказалась обезпеченной размѣннымъ фондомъ почти на половину, на 47%. Для „безостановочности размѣна“ это и было вполнѣ достаточно. Но для прочности почвы, на которой происходилъ, „безостановочный размѣнъ“, это было недостаточно, потому что кредитные билеты, выпущенные въ обращеніе за счетъ государственного казначейства на 177.869.251 руб., имѣли подъ собою слабый фундаментъ въ 18.288.518 рублей, вошедшихъ въ составъ размѣнного фонда, а на остальные 164.580.783 руб. они представляли беспроцентный долгъ государственного казначейства, лишенный специально ему служащаго обезпеченія. Въ мирное время этотъ долгъ былъ безопасенъ. Но на случай военного времени онъ угрожалъ тѣми-же опасностями, которыми ассигнаціи Екатерины II угрожали ассигнаціямъ Павла и Александра I. По суммѣ кредитные билеты, состоявшіе въ обращеніи за счетъ государственного казначейства наканунѣ

Крымской войны (на 164.580.788 руб.) лишь немногими превышали ассигнации, выпущенные при Екатеринѣ II (на 157.708.640).

Для того, чтобы составить себѣ представлѣніе объ денежнѣмъ механизмѣ, который работалъ въ Россіи наканунѣ Крымской войны, необходимо изъ всего запаса золотой и серебряной монеты, который мы исчислили въ 890 миллионовъ рублей, вычесть ту часть его, которая входила въ размѣнныи фондъ суммою, которую можно округлить до 125 миллионовъ. Это даетъ остатокъ 265 миллионовъ серебряною и золотою монетою, которая обращались вмѣстѣ съ кредитными билетами, выпущенными на 810 миллионовъ рублей. Слѣдовательно, всего было въ обращеніи металлическихъ и бумажныхъ денегъ на 575 миллионовъ рублей. Составъ этой суммы можно представить и въ другомъ видѣ. Всѣхъ кредитныхъ билетовъ было на 810 миллионовъ рублей, изъ которыхъ звонкую монету размѣннаго фонда замѣняли 125 миллионовъ рублей, и лишь остальные 185 миллионовъ непокрытыхъ звонкою монетою кредитныхъ билетовъ имѣли самостоятельное значеніе. Прибавивъ къ нимъ запасъ звонкой монеты страны въ 890 миллионовъ рублей, мы получимъ тотъ же итогъ въ 575 миллионовъ рублей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Кредитные билеты и упадокъ серебряного рубля.

1853—1900 г.

Обстоятельства второй половины XIX вѣка менѣе благопріятствовали обращенію въ Россіи золотой и серебряной монеты, чѣмъ обстоятельства первой половины того-же вѣка. Выражаясь языкомъ манифеста 1 юля 1839 г. объ устройствѣ денежной системы, причина заключалась въ „возобладаніи“ бумажныхъ денегъ, вслѣдствіе чего онѣ получили „первенство надъ серебромъ“.

Въ первой половинѣ XIX вѣка серебряному рублю все-таки удалось отстоять себѣ и онъ возврѣдился, даже приведенный въ „систему“, въ основу которой онъ былъ положенъ въ качествѣ выразителя серебрянаго монометаллизма. А во второй половинѣ XIX ст. серебряный рубль кончилъ тѣмъ, что онъ долженъ былъ себѣ признать побѣжденнымъ, положить оружіе, прекратить борьбу за „первенство“ и вмѣстѣ съ тѣмъ окончить продолжительную исторію своей первенствующей роли.

Врагомъ, осилившимъ серебряный рубль, оказались не однъ только бумажныя дѣнъги, но сверхъ того еще и золото. Оба эти врага серебрянаго рубля во второй половинѣ XIX в. имѣли на своей сторонѣ болѣе благопріятныя обстоятельства.

Бумажныя дѣнъги, во второй половинѣ XIX вѣка, въ видѣ кредитныхъ билетовъ, были сильнѣе, чѣмъ въ первой половинѣ въ видѣ ассигнацій, потому что пользованіе ими для финансовыхъ цѣлей, для покрытия чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ расположилось болѣе благопріятно во времени. Собственно говоря, кредитные билеты должны были во второй половинѣ XIX вѣка доставить государственному казначейству для чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ столько же, сколько доставили ассигнаціи: для Крымской войны въ 1854—57 гг. около 428 милл. и для Турецкой войны въ 1876—80 гг. 417 милл. руб. а всего 840 милл. руб. (ассигнацій всего было выпущено на 886 миллионовъ рублей). Но дѣйствія наибольшей части ассигнаціонныхъ выпусковъ на наизначительнѣйшія суммы болѣе сгустились на короткомъ промежуткѣ времени, впродолженіи котораго они и могли обрушиться всюю своею тяжестью, всюю силою своихъ 886 миллионовъ. Отъ этого ассигнаціи такъ остро обнаружили свою сокрушительную силу, которая, скоро подѣйствовавъ, скоро же истощалась. Напротивъ, къ кредитнымъ билетамъ финансовые требованія были предъявлены въ два приема, изъ которыхъ каждый недалеко удалялся отъ 400 миллионовъ, т. е. отъ суммы, вдвое болѣе слабой, чѣмъ та, на которую дѣйствовали ассигнаціи, и сверхъ того одинъ приемъ отъ другого отдѣлялся продолжительнымъ промежуткомъ въ 20 лѣтъ. Отъ этого борьба съ бумажными деньгами во второй половинѣ XIX в. была труднѣе, чѣмъ въ первой. Относительно ассигнацій уже въ 1810 г. было ясно, что съ ними никогда нельзя будетъ покончить иначе какъ девальвацію. Это опредѣлялось, какъ глубиною ихъ паденія, такъ и значительностью ихъ суммы для той эпохи. Такого дѣйствія выпуски кредитныхъ билетовъ во вторую половину XIX в. уже не производили и не могли производить. Россія кредитныхъ билетовъ очень сильно измѣнилась сравнительно съ Россіею ассигнацій. Сумма выпущенныхъ на 600 миллионовъ рублей ассигнацій въ 1810 г. была страшнѣе, чѣмъ сумма кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ половинѣ 1850 хъ годовъ на такую же сумму; сумма въ кредитныхъ билетахъ, можетъ быть, должна была бы быть въ полтора или два раза больше суммы ассигнацій, чтобы произвести одинаковое съ ассигнаціями дѣйствіе. А выпущено было въ 1858—57 годахъ новыхъ кредитныхъ билетовъ

не на 900 или 1200 миллионовъ рублей, а лишь на 400 миллионовъ. Поэтому съ кредитными билетами борьба была труднѣе. Они медленнѣе и въ сравнительно лишь болѣе слабой степени обезацѣнивались, неоднократно очень высоко поднимались въ цѣнѣ, хотя всегда были ниже своей нарицательной цѣны по меньшей мѣрѣ на 15%, а чаще всего больше этого, въ послѣднюю же четверть XIX в. значительно больше этого. Поэтому о намѣренной девальвациіи кредитныхъ билетовъ никогда не было рѣчи. А это означало, что борьба съ кредитными билетами возможна лишь съ помощью весьма значительныхъ и сложныхъ финансовыхъ операций на многія сотни миллионовъ рублей. Такъ, уже послѣ Крымской войны бороться съ кредитными билетами, значило ставить вопросъ о ликвидациіи безпроцентнаго государствен-наго долга по кредитнымъ билетамъ въ размѣрѣ 164 миллионаовъ рублей, унаслѣдованныхъ отъ предыдущей эпохи, и еще новыхъ 428 миллионаовъ рублей, прибавившихся отъ расходовъ по Крымской войнѣ, а всего на 587 миллионаовъ рублей, не говоря о нѣкоторыхъ побочныхъ обстоятельствахъ, тогда еще усложнившихъ дѣло и расширявшихъ его еще на 100—150 милл. руб. А послѣ войны 1877—78 гг. дѣло усложнилось еще на новые 417 миллионаовъ рублей. Борьба съ кредитными билетами пришла въ прямую зависимость отъ состоянія средствъ го-сударственного казначейства: заключаются ли государственные бюд-жеты дефицитами или избытками, процвѣтаетъ-ли или прозябаетъ го-сударственный кредитъ. Въ началѣ XIX в. серебряный рубль самъ справился съ обесиленными ассигнаціями, не требуя никакой помощи и жертвъ государственного казначейства. Во второй половинѣ XIX в. серебряный рубль самъ уже ничего не въ состояніи былъ сдѣлать въ борьбѣ съ кредитными билетами безъ союзника въ видѣ большихъ финансовыхъ средствъ государственного казначейства.

Но, помимо кредитныхъ билетовъ, сохранявшихъ во второй полу-винѣ XIX в. наиболѣе значительную часть своей стоимости, а слѣдовательно и силы для борьбы съ серебрянымъ рублемъ, обстоятельства складывались менѣе благопріятно для серебрянаго рубля еще по дру-гой причинѣ. Не только въ концѣ второй половины XIX вѣка, но уже въ началѣ ея золото, повсюду, но особенно въ Россіи, выступило конкурентомъ серебра въ такихъ новыхъ условіяхъ, при которыхъ серебряный рубль потерялъ-бы свое первенствующее положеніе, даже еслиъ никакихъ кредитныхъ билетовъ не было бы.

До половины XIX вѣка золото не могло играть преобладающей роли, потому что его производилось недостаточно много: съ половины

XVI до половины XVII вѣка его производилось менѣе 500 пудовъ въ годъ, а въ слѣдующее столѣтіе все еще менѣе 800 пудовъ въ годъ. За 200 лѣтъ съ половины XVI до половины XVIII в. его произведено лишь 127.800 пудовъ. На нынѣшнія наши золотые рубли это составило почти 2700 миллионовъ рублей. Въ тѣ-же 200 лѣтъ Европа получила новаго серебра съ лишнимъ $4\frac{1}{2}$ миллиона пудовъ на 4150 миллионовъ рублей. Серебро сильно подешевѣло сравнительно съ временемъ до XVI в., но независимо отъ этого спросъ на золото превышалъ его предложеніе и оно сильно вздорожало: до XVI в. оно было лишь 10—12 разъ дороже серебра, а съ начала XVII в. оно уже было въ 14 разъ, а въ концѣ XVII в. уже и въ 15 разъ дороже серебра. Въ Европѣ усиленно развивались крупные торговые обороты, пуждавшіеся въ золотой монетѣ для своихъ крупныхъ платежей. Съ половины XVIII до половины XIX в. значительное усиленіе производства золота и серебра играетъ очень большую роль въ тѣхъ необыкновенныхъ успѣхахъ, торговыхъ и промышленныхъ, которые Западная Европа въ немалой мѣрѣ обязана тому, что въ 100 лѣтъ, съ 1745 по 1845 г., она получила почти столько-же золота и серебра, сколько она получила въ предшествующія 200 лѣтъ¹⁾). Усиленіе спроса обнару-

1) Данные о производствѣ и стоимости золота и серебра со времени открытия Америки до 1908 г. сгруппированы нами въ слѣдующей таблицѣ:

ПЕРИОДЫ.	Число лѣтъ.	ПРОИЗВОДСТВО				СТОИМОСТЬ		
		з о л о т а		с е р е б р а		з о л о т а въ ру- блѣахъ $\frac{1}{15}$ имперіи, по 21160 рублей за пудъ.	с е р е б р а въ рублѣахъ по 4 золот. 21 доля изъ 910 рублей за пудъ.	
		ежегод- ное.	во всемъ періодѣ.	ежегод- ное.	во всемъ періодѣ.			
п у д о въ								
1493—1545.	53	395	20 294	4.370	231.520	443.000.000	210.680.000	
1546—1645.	100	485	48.369	22.715	2.271.261	1.023.000.000	2.066.850.000	
1646—1745.	100	790	78.942	22.880	2.287.734	1.670.000.000	2.081.840.000	
1746—1845.	100	1.200	119.863	41.200	4 117.987	2.536.000.000	3.747.870.000	
1846—1908.	63	14 800	919.649	163.000	10 452.460	19.480.000.000	9.512.200.000	
1546—1746.	200	640	127.311	22.800	4.558.996	2.693.000.000	4.148.690.000	
1546—1946.	300	825	247.174	28.925	8 676.982	5.229.060.000	7.896.560.000	
1493—1846.	353	760	268.098	23.285	8.908.502	5.673.000.000	8.107.240.000	
1493—1908.	416	2.855	1.187.747	46 540	19.860.962	25 182.000.000	17 619.340.000	
въ частности								
1846—1850.	5	4.1 2	20 561	47.640	238.215	435.000.000	216.975.000	
1851—1870.	20	11.923	258.461	64.579	1.291.585	5 045.800.000	1.175.340.000	
1871—1890.	20	10 248	204.859	162.015	3.240.309	4.334.800.000	2.943.480.000	
1891—1908.	18	25.320	435.768	315.690	5.682.352	9.644.000.000	5.171.270.000	

живалось то на сторонѣ серебра, то на сторонѣ золота, но въ общемъ потребности въ новой золотой и серебряной монетѣ были повсюду такъ значительны, что усиленіе производства золота и серебра въ 1745—1845 гг. даже не ощущалось, какъ усиленіе, только потому, что все таки серебро продолжало преобладать и могло сохранять свое преобладающее положеніе въ континентальной Европѣ. За 358 года отъ открытия Америки до 1845 г. Европа получила новаго золота 268.100 пудовъ на 5670 миллионовъ рублей и 8.908.500 пудовъ серебра на 8107 миллионовъ рублей. Изъ этихъ количествъ много ушло на Востокъ и на нужды искусства и обихода, церковнаго и гражданскаго; остатокъ послужилъ на монетныя цѣли такъ, что одна только Англія могла въ 1816 г. устроить свою монетную систему на почвѣ золотого монометаллизма и только Франція и Голландія включили золото въ свою систему биметаллизма. Прочія страны строили свои монетныя системы на почвѣ серебрянаго монометаллизма, относясь къ золоту, какъ къ предмету терпимому, потому что безъ него нельзя обходиться въ странѣ, желающей быть причастной къ крупной торговлѣ и промышленности.

Въ этомъ положеніи открытие золотыхъ розсыпей въ концѣ 1840-хъ годовъ въ Калифорніи и нѣсколько позже въ Австраліи произвело неожиданный переворотъ, впослѣдствіи подкрѣпленный открытиемъ новаго африканскаго золота. Въ 68 года съ 1846 г. до 1908 г. произведено новаго золота въ $8\frac{1}{2}$ раза больше, чѣмъ въ предшествовавшіе 858 года: 919.649 пудовъ на 19.460 миллионовъ рублей. Серебра-же въ эти 68 года произведено количество, тоже превышавшее то, которое было произведено въ предшествовавшіе 858 года, 10.452.000 пудовъ на 9 $\frac{1}{2}$ миллиардовъ рублей. Послѣдствіемъ этого огромнаго увеличенія производства явилось, съ одной стороны, такое удешевленіе серебра, что оно должно было потерять свое первенствующее положеніе въ монетныхъ системахъ, въ которыхъ оно имъ пользовалось, а съ другой стороны—такая увеличившаяся доступность золота, что оно повсюду могло занять мѣсто серебра, отошедшаго на задній планъ.

Конечно, это могло выясниться лишь постепенно. Но уже въ 1850-хъ совершенно ясно было, что Калифорнія и Австралія кореннымъ образомъ измѣнили условія снабженія Европы золотомъ; золото сильно подешевѣло и тогда говорили даже объ его депрессії (обезгѣненіі). Такъ какъ при этомъ производство серебра, хотя и увеличилось, но въ размѣрахъ, далеко не сдѣтствовавшихъ требова-

ніамъ на него до половины 1860-хъ годовъ, а какъ разъ въ 1850-хъ и въ началѣ 1860-хъ очень усилились требованія серебра для отправленія на Востокъ,—то серебро въ это время (до половины 1860-хъ годовъ) вадорожжало. Послѣдствіемъ этихъ обстоятельствъ былъ сильный отливъ его отовсюду, гдѣ было много серебра, на дальний Востокъ: преимущественно серебро шло изъ Франціи, Германіи и Россіи.

Это никакого отношенія къ кредитнымъ билетамъ не имѣло. Во Францію посыпали новое калифорніское и австралійское золото, вмѣсто котораго выбирали изъ обращенія серебро для отсылки его въ Индію, Китай и Японію. Также точно выбирали серебро изъ Германіи. Вытаянули его и изъ Россіи въ 1850-хъ годахъ, такъ сказать, на общихъ основаніяхъ¹⁾. Кредитные билеты выступили со своимъ вліяніемъ лишь на то, что произошло, когда серебро ушло. Повсюду, въ другихъ странахъ, въ которыхъ денежное обращеніе было въ порядкѣ, уходъ серебра сопровождался замѣною его золотомъ. Очевидно, то-же самое произошло бы и въ Россіи, еслибы у насъ денежное обращеніе состояло въ порядкѣ, какъ оно устроилось послѣ реформы 1839—1848 гг. и продолжало оставаться до конца Крымской войны. А то обстоятельство, что Россія принадлежала къ странамъ, которыхъ производятъ золото, что она до появленія калифорніскаго золота стояла во главѣ этихъ странъ и только съ появленіемъ калифорніскаго и австралійскаго золота заняла третье мѣсто, но все-таки продолжала производить гораздо больше золота, чѣмъ ей было нужно для собственныхъ потребностей,—эти обстоятельства уже въ 1850-хъ и 1860-хъ годахъ ставили Россію въ особое, болѣе благопріятное положеніе. Такъ какъ тогда никто не предусматривалъ, что въ условіяхъ производства серебра предстоитъ такая-же коренная перемѣна, какая произошла въ производствѣ золота, а на лицо была только послѣдняя, то повсюду считались только съ нею. Поэтому во Франціи явились противники биметаллизма, а въ Германіи и Австріи противники серебрянаго монометаллизма²⁾; повсюду золотой монометаллизмъ находилъ себѣ защитниковъ, полагавшихъ, что Европѣ нѣть надобности оспаривать серебро у странъ дальніаго Востока, когда открылся обильный источникъ золота, лучшее соотвѣтствующаго монетнымъ нуждамъ Запада, состоящаго изъ странъ крупнаго капитала. Но въ этихъ странахъ

1) См. обѣ этомъ: И. И. Кауфманъ, Вексельные курсы Россіи за 50 лѣтъ 1841—90. Спб. 1892 (Врем. Ц. Стат. Ком. М. В. Д. № 22) стр. XVII—XIX.

2) Мишель Шеваль, Де-Паріз, Зетбергеръ, Вамбергеръ фонъ Гокъ.

имѣлся еще очень большой запасъ серебряной монеты, накопленной вѣками и очень мало уменьшенный упливомъ изъ него нѣкоторой части, когда серебро въ 1850-хъ и въ началѣ 1860-хъ годахъ вздорожало. А съ другой стороны уже во второй половинѣ 1860 хъ, а еще болѣе въ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ производство золота не только не продолжало увеличиваться, но даже немного уменьшилось¹⁾. Могло поэтому казаться, что если всѣ бросятся на золото, то его на всѣхъ не хватить и произойдетъ „борьба за золото“. Въ Германіи, однако, этого не убоялись и уже въ началѣ 1870-хъ годовъ перешли къ золотому монометаллизму, хотя и „хромавшему“ изъ-за большого запаса имѣвшагося серебра. Однородное положеніе создалось во Франціи. Но въ Россіи уже въ 1850-хъ годахъ положеніе было гораздо болѣе благопріятное для лучшаго исхода. Большого запаса серебряной монеты мы не имѣли; къ половинѣ 1850-хъ годовъ онъ не превышалъ 190 миллионовъ и если тогда вздорожаніе серебра у насъ отняло треть его, то его оставалась лишь такая сумма, которая никакой вліятельной роли въ устройствѣ монетной системы играть не могла. И въ то-же время для насъ было совершенно безразлично, какъ идеть производство золота въ Калифорніи и въ Австралии: у насъ производилось золота гораздо больше, чѣмъ было необходимо для собственныхъ монетныхъ нуждъ. Поэтому создавшееся въ 1850-хъ и въ началѣ 1860-хъ годовъ положеніе для Россіи ставило вопросъ о монетной системѣ въ слѣдующемъ видѣ: оспаривать ли серебро у странъ дальнаго востока и войти ли въ ихъ кругъ, или удовлетворяться собственнымъ золотомъ и остататься въ кругу странъ западно-европейской культуры? Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, въ какомъ направленіи жизнь разрѣшила бы у насъ этотъ вопросъ, если бы обстоятельства не воспрепятствовали бы его постановкѣ.

Мы считали не иалишнимъ остановиться на изложенныхъ обстоятельствахъ, потому что у насъ многіе думаютъ, что возникшій у насъ въ концѣ XIX в. золотой монометаллизмъ составляетъ какое-то чуждое намъ новшество, внезапно возникшее и теоретически, въ кабинетѣ созданное. Этотъ взглядъ ошибочный. Условія, вызывавшія необходимость перехода отъ серебрянаго къ золотому монометаллизму создались у насъ, когда русская золотопромышленность стала прини-

1) Какъ видно изъ нашихъ данныхъ на стр. 218, въ 20 лѣтъ 1851—70 гг. произведено 238.460 пудовъ золота на 5045 $\frac{1}{2}$ миллионовъ рублей, а въ слѣдующіе 20 лѣтъ 1871—90 гг. произведено лишь 204.850 пудовъ на 4834 $\frac{1}{2}$ миллионовъ рублей.

мать большие размѣры; а въ 1850-хъ и 1860-хъ годахъ и внѣшнія обстоятельства сложились такъ, что Россія уже тогда поставлена была бы въ необходимость отмѣнить свой серебряный монометаллизмъ, еслибъ этому не воспрепятствовало разстройство денежнаго обращенія, произошедшее отъ выпуска кредитныхъ билетовъ для расходовъ по Крымской войнѣ.

До этой войны у насъ состояло въ обращеніи: серебряной и золотой монеты на 265 миллионовъ рублей и кредитныхъ билетовъ на 810 миллионовъ рублей; всего въ странѣ денегъ было на 575 миллионовъ рублей; кромѣ того въ размѣнномъ фонѣ имѣлось еще серебряной и золотой монеты на 125 миллионовъ рублей для „безостановочнаго размѣна“, защищавшаго нарицательную цѣну кредитнаго рубля отъ ущерба и этимъ охранявшаго и саму монету, обращавшуюся въ странѣ. Это положеніе очень существенно измѣнилось къ 1 января 1858 г., когда въ обращеніи однихъ кредитныхъ билетовъ оказалось на 785.297.000 рублей, т. е. на 160 миллионовъ рублей больше, чѣмъ до войны обращалось кредитныхъ билетовъ и звонкой монеты. Въ маѣ 1859 г. кредитный рубль въ первый разъ сильно понизился, теряя 20% своей нарицательной цѣны. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ о совмѣстномъ обращеніи кредитныхъ билетовъ и звонкой монеты уже не могло быть рѣчи. Звонкая монета быстро стала упливать за границу, особенно серебряная. Возникла опасность, что страна потеряетъ даже свою размѣнную серебряную монету. Вследствіе этого министръ финансовъ въ 1859 г. вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ объ уменьшеніи чистаго серебра въ размѣнной серебряной монетѣ. Государственный совѣтъ призналъ, что эта мѣра дѣйствительно необходима и 22 марта 1860 г. состоялся указъ о новой размѣнной серебряной монетѣ, а 18 июня 1860 г. состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе государственного совѣта объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей монетнаго устава¹⁾). По этимъ законоположеніямъ впервые въ Россіи создавалась низкопробная серебряная монета. Рядомъ съ Екатерининскимъ рублемъ, содержащимъ чистаго серебра 4 золотника 21 долю создавался новый рубль въ размѣнной монетѣ (въ видѣ двугривенныхъ, пятиалтынныхъ, гривенниковъ и пятаковъ); этотъ новый рубль содержалъ чистаго серебра на 15% менѣе, чѣмъ полнопробный рубль, или лишь три золотника 56^{1/4} долей. Въ полнопробной монетѣ фунтъ чистаго серебра оставался

1) П. П. С. З т. XXXV №№ 35586 и 35940.

23 руб. 75 $\frac{1}{9}$ коп., какъ съ Екатерины II, а золотникъ 28 $\frac{1}{27}$ копѣйки; въ новой низкопробной серебряной монетѣ цѣна фунта чистаго серебра возвышена до 26 рублей 77 $\frac{10}{11}$ копѣйки, а цѣна золотника поднята до 27 $\frac{40}{45}$ копѣйки. При этомъ проба новой размѣнной монеты считалась 72-й, или какъ выражался законъ, въ ста рубляхъ размѣнной монеты было 4 фунта 94 $\frac{1}{48}$ золотника серебра 72-й пробы.

Это уменьшеніе содержанія чистаго серебра въ размѣнной монетѣ на 15% построено было на ожиданіи, что кредитные билеты больше, чѣмъ на 15% не понижаются въ своей цѣнѣ; ибо при пониженіи кредитныхъ билетовъ болѣе, чѣмъ на 15%, и новая размѣнная монета не была обеспечена отъ уплыва заграницу. Но въ то время финансовое управление различными палліативами непрерывно боролось съ пониженіемъ кредитныхъ билетовъ и лишь съ начала 1864 г. прекратило эту безуспѣшную борьбу, на которую были израсходованы весьма значительныя суммы. Въ сентябрѣ и октябрѣ 1864 г. кредитные билеты падали до 812 франковъ за 100 рублей, то есть, теряли уже почти $\frac{1}{4}$ своего нарицательного достоинства. Въ 1865 г. кредитные билеты не понижались ниже 822 $\frac{1}{2}$ франковъ за 100 рублей; но въ юнѣ 1866 г. ихъ постигло тяжкое паденіе до 266 франковъ за 100 кредитныхъ рублей. Опасность уплыва заграницу не только угрожала, но дѣйствительно возникла для новой размѣнной монеты, которой въ 1860—66 годахъ было начеканено на 87.019.462 рубля. Въ 1866 г. министръ финансовъ опять вошелъ въ государственный совѣтъ съ представлениемъ о необходимости новаго уменьшенія содержанія чистаго серебра въ размѣнной монетѣ. На этотъ разъ министръ и государственный совѣтъ признавали необходимымъ обеспечить странѣ размѣнную серебряную монету и воспрепятствовать ея уплыву заграницу, даже еслибы кредитные билеты временами понижались до половины своей нарицательной стоимости ¹⁾). Вслѣдствіе того указъ 21 марта 1867 г. опредѣлилъ: чеканить размѣнную серебряную монету, „съ пониженіемъ внутренняго достоинства сей монеты на 50% противъ нарицательной ея цѣны“. Другими словами: въ размѣнной монетѣ пудъ чистаго серебра у насъ имѣть нарицательную стоимость 1820 рублей 44 $\frac{1}{9}$ копѣйки, фунтъ чистаго серебра = 45 руб. 51 $\frac{1}{9}$ коп., золотникъ чистаго серебра = 47 $\frac{11}{27}$ копѣйки. Рубль въ размѣнной монетѣ содержать чистаго серебра лишь 2 золотника 10 $\frac{1}{2}$ долей. Указы 22 марта и 18 юна 1860 г. и 21 марта 1867 г. имѣютъ большое прин-

1) П. П. С. З. т. XLII № 44373.

ципіальное значение въ нашемъ монетномъ законодательствѣ; они впервые вводятъ начало, по которому производство платежей размѣнною монетою между частными лицами ограничено тремя рублями, тогда какъ казна обязывается принимать ту-же монету на всякую сумму, неограниченно. Это единственное реальное обеспеченіе противъ чрезмѣрныхъ чеканокъ размѣнной монеты. Другое обеспеченіе установлено въ томъ, что чеканка ея разрѣшается лишь на сумму 6 миллионовъ рублей и всякая дальнѣйшая чеканка ея на новые 6 миллионовъ рублей должна разрѣшаться въ законодательномъ порядкѣ.

Эти начала указомъ 21 марта 1867 г. распространены на мѣдную монету, чеканка которой, однако, ограничена суммой въ 3 миллиона рублей съ тѣмъ, чтобы всякая ея дальнѣйшая чеканка разрѣшалась тоже въ законодательномъ порядкѣ.

Такимъ образомъ съ половины 1860-хъ годовъ чеканка размѣнной и мѣдной монеты поставлена у насъ вполнѣ рационально.

Упливъ серебряной монеты въ 1850-хъ и 1860-хъ годахъ былъ такъ ощущителенъ, что онъ выразился въ усиленномъ спросѣ на размѣнную монету даже 48-й пробы, которой до конца 1880 г. могло быть выпущено на 70 миллионовъ рублей безъ опасенія, что она скучится въ казенныхъ кассахъ. Съ 1891 г. ее чеканили уже значительно менѣе.

Изданіемъ законовъ объ низкопробной серебряной монетѣ какъ-бы официально свидѣтельствовалось, что полнопробная монета, серебряная и золотая, изъ Россіи исчезала и въ нее возвратиться не можетъ. Кредитные билеты вытѣснили у насъ изъ обращенія тотъ запасъ звонкой монеты, который образовался въ 1811—55 годахъ, и продолжали вытѣснять всю ту монету, на которую запасъ 1811—55 гг. увеличился бы, еслибы этому не препятствовали кредитные билеты. Если въ 45 лѣтъ съ 1811 по 1855 г. у насъ могъ образоваться запасъ звонкой монеты въ 890 миллионовъ рублей, то едва-ли существуетъ основаніе, чтобы отвергать возможность повторенія этого факта въ слѣдующія 40 лѣтъ съ 1856 до 1895 г., то-есть, увеличеніе запаса до 800 миллионовъ рублей. Допущеніе это подкрѣпляется двумя указаніями. Во-первыхъ, чеканки новой золотой монеты въ 1856—95 гг. простирались на сумму 880.997.000 рублей; отсчитывая изъ нихъ 400 миллионовъ на увеличеніе запаса, мы изъ нихъ беремъ на долю собственныхъ нуждъ страны лишь въ 45%, тогда какъ для предшествовавшаго периода мы могли на основаніи указанія размѣннаго фонда ваять на ту-же долю 55% или 200 миллионовъ рублей изъ суммы че-

канокъ въ 381.856.000 рублей. Во-вторыхъ, наша сумма въ 800 миллионовъ рублей очень близко подходитъ къ суммѣ, которая дается прямымъ показаніемъ опыта: когда въ концѣ XIX в. пришлось опять восстановлять металлическое обращеніе въ Россіи, то очевидно „востановлять“ приходилось *потерянное* изъ-за кредитныхъ билетовъ: а для этого потребовался запасъ новой золотой и серебряной монеты, порядочно вышедшій за предѣлы 1200 миллионовъ рублей въ $1/15$ имперіала, равныхъ 800 миллионовъ рублей въ $1/10$ имперіала. Мы можемъ поэтому съ увѣренностью утверждать, что изъ-за кредитныхъ билетовъ Россія во вторую половину XIX вѣка потеряла капиталъ звонкой монеты въ 800 миллионовъ рублей, подобно тому, какъ изъ-за ассигнацій она въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. потеряла такой-же капиталъ въ 800 — 850 миллионовъ рублей. Финансовая роль бумажныхъ денегъ въ Россіи обошлась очень дорого ея народному хозяйству и во второй половинѣ XIX в. стоила много дороже, чѣмъ въ эпоху ассигнацій. Это и естественно: чѣмъ дальше подвигается страна, тѣмъ дороже ей обходятся неразмѣнныя бумажные деньги: огонь дѣйствуетъ чѣмъ разрушительнѣе, чѣмъ больше культурныхъ материальныхъ онъ встрѣчается на своемъ пути.

Съ этимъ находится въ тѣсной связи объясненіе, почему неразмѣнныя бумажные деньги въ Россіи, которая въ видѣ ассигнацій такъ глубоко упали, гораздо менѣе потеряли изъ своего нарицательнаго достоинства въ видѣ кредитныхъ билетовъ. Ассигнаціи, вытѣснивъ изъ обращенія запасъ звонкой монеты, накопленный страною въ размѣрѣ 800—850 миллионовъ рублей, уже въ 1810 г. были выпущены на 575 миллионовъ рублей, а послѣ наполеоновскихъ войнъ ихъ оказалось даже 886 миллионовъ. Слѣдовательно, ассигнацій обращалось больше, чѣмъ ими было вытѣснено золотой и серебряной монеты: въ 1810 г. на 225 — 275 миллионовъ рублей, а по окончаніи наполеоновскихъ войнъ — даже на 485—535 миллионовъ рублей. Естественно, что онъ потеряли $\frac{3}{4}$ своей цѣнны. Совсѣмъ иное положеніе было во второй половинѣ XIX вѣка. Когда послѣ Крымской войны оказалось одинѣхъ только бумажныхъ денегъ на 725 миллионовъ рублей, тогда какъ наканунѣ войны обращалось звонкой монеты и размѣнныхъ кредитныхъ билетовъ на 575 миллионовъ рублей, то увеличеніе составило только 150 миллионовъ рублей, потому что $18/14$ всѣхъ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ для расходовъ по Крымской войнѣ, заняли мѣсто звонкой монеты, вытѣсненной изъ обращенія. Поэтому кредитные билеты, ставшіе неразмѣнными бумажными деньгами, въ первые

20 лѣтъ своей новой роли (въ 1856—75 гг.), только изрѣдка, въ наиболѣе острые моменты политическихъ или экономическихъ замѣшательствъ, падали сильнѣе, да и тогда теряли не болѣе $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{3}$ своей цѣнны; но послѣ такихъ паденій они скоро исправлялись, возвращаясь ближе къ своему нарицательному уровню, отъ котораго они уклонялись на 15—20%.

Когда затѣмъ для Турецкой войны 1877—78 г.г. обращеніе кредитныхъ билетовъ въ 1876—80 г.г. было увеличено на новые 417 миллионовъ рублей, то обращеніе ихъ перешло за миллиардъ рублей; во вторую половину периода неразмѣнности кредитныхъ билетовъ, въ 20 лѣтъ съ 1876 до 1895 г., они неминуемо должны были упасть уже глубже и хронически терять болѣе значительную часть своей цѣнны. Эта-то часть фактически составила $\frac{1}{8}$ нарицательной цѣнны кредитныхъ билетовъ. И этого было достаточно, чтобы курсовая стоимость кредитныхъ билетовъ (по опѣнкѣ на рубли въ $\frac{1}{10}$ имперіала) совпала съ запасомъ звонкой монеты, вытѣсненной ими изъ обращенія въ 800 миллионовъ рублей (въ $\frac{1}{10}$ имперіала) и потребовавшейся для восстановленія металлическаго обращенія въ Россіи въ 1897 г.

Именно то обстоятельство, что обращаясь на огромную сумму свыше миллиарда рублей, кредитные билеты во вторую половину своего периода неразмѣнности хронически сохраняли все таки $\frac{2}{3}$ своей нарицательной цѣнны, дѣлало невозможнымъ возвращеніе звонкой монеты въ Россію, какъ бы ни былъ благопріятенъ для нея балансъ международныхъ платежей. Ибо съ одной стороны, какъ только въ странѣ усиливался спросъ на деньги, этотъ спросъ легко было обставить такъ, чтобы для его удовлетворенія неминуемо были выпущены кредитные билеты; а съ другой стороны эти кредитные билеты сохраняли всю силу, съ которой они вытѣсняли изъ обращенія звонкую монету. Для того, чтобы кредитные билеты ужились со звонкою монетою и не препятствовали благопріятному балансу вызывать притокъ монеты въ Россію, было необходимо, чтобы кредитные билеты такъ-же потеряли почти всю свою силу, какъ это случалось съ ассигнаціями. А такъ какъ это не произошло, то объ обратномъ притокѣ звонкой монеты въ Россію, пока въ ней обращались на сумму свыше миллиарда рублей *неразмѣнны* кредитные билеты, сохранявшие *девъ трети* своей цѣнны, ни при какомъ благопріятномъ балансѣ и ни при какой свободѣ заключать договоры на золото и серебро не могло быть рѣчи.

Восстановленіе металлическаго обращенія въ Россіи было возможно лишь однимъ путемъ: ликвидациею бумажноденежнаго долга

государственного казначейства по кредитнымъ билетамъ, или что тождественно съ этимъ—возобновленіемъ ихъ размѣна на звонкую монету.

Въ 1860-хъ и въ 1870-хъ годахъ у насъ почти потеряли вѣру въ возможность этого возобновленія. Единственное, признававшееся возможнымъ, выражено въ указѣ 1 января 1881 г. о ликвидациіи хоть той суммы 417 миллионовъ рублей, на которую обращеніе кредитныхъ билетовъ увеличилось изъ-за войны съ Турцией въ 1877—78 годахъ. Для этой ликвидациіи государственное казначейство обязывалось дать необходимыя наличныя средства въ теченіи восьми лѣтъ: въ первомъ году 67 миллионовъ рублей, а въ слѣдующіе семь лѣтъ по 50 миллионовъ рублей въ годъ.

Съ исторической точки зреінія указъ 1 января 1881 г. предста-вляетъ большой интересъ съ такой стороны, съ какой на него никогда не обращали вниманія: ни тогда, когда онъ обсуждался и былъ изданъ, ни тогда, когда его исполняли. А именно: указъ 1 января 1881 года исходилъ изъ того, что долгъ, котораго ликвидациія имъ нормируется, есть долгъ въ кредитныхъ рубляхъ. Никто въ этомъ не сомнѣвался. Никому и на мысль не приходило полагать, что для ликвидациіи долга на 417 миллионовъ рублей, о которомъ идетъ рѣчь, необходимо, чтобы государственное казначейство располагало запасомъ звонкой (напри-мѣръ, золотой) монеты на 417 миллионовъ рублей. И когда въ 1881 г. произведенъ былъ государственнымъ казначействомъ первый пла-тежъ 67 миллионами кредитныхъ рублей, а въ 1882 и 1883 г.г. прои-ведены еще два платежа по 50 миллионовъ кредитныхъ-же рублей ка-ждый, то всѣ, безъ исключенія, находили это вполнѣ правильнымъ. Въ 1884 г. для производства платежа была реализована золотая рента; но и изъ металлическихъ по ней поступленій въ уплату рассматриваемаго долга внесено 26.471.445 кредитныхъ рублей; наконецъ въ 1889 г. произведенъ еще одинъ платежъ на 50 миллионовъ рублей, тоже кредитныхъ. Всего по указу 1 января 1881 г. было израсходовано государственнымъ казначействомъ 248.471.445 кредитныхъ рублей для ликвидациіи долга его, возникшаго отъ выпуска за его счетъ для расходовъ по войнѣ 1877—78 г.г. новыхъ кредитныхъ би-летовъ на 417.000.000 рублей; слѣдовательно, въ предполагавшійся срокъ до конца 1889 г. были недоуплачены 178.528.555 рублей.

Такъ какъ эти платежи никакого вліянія на цѣну кредитныхъ билетовъ не имѣли (да ими и не предполагалось оказать вліянія на эту цѣну), то они ничего не измѣнили въ господствовавшемъ нѣвѣріи въ возможность возобновленія обращенія звонкой монеты въ Россіи.

Они еще усилили это невѣріе, когда оказалось, что положеніе государственного казначейства даже не доаволило, чтобы всѣ платежи по указу 1 января 1881 г. были произведены въ установленный этимъ указомъ срокъ такъ, какъ предполагалось: вносами наличныхъ денегъ по 50 миллионовъ рублей, хотя бы и кредитныхъ.

Во главѣ финансового управлениѣ съ 6 мая 1881 г. до 1 января 1887 г. стоялъ Н. Х. Бунге, защитникъ возстановленія металлическаго обращенія въ Россіи. Предположенія для этого имъ были выработаны и напечатаны еще въ 1878 г. и, сдѣлавшись министромъ финансовъ, онъ, конечно, осуществилъ-бы свои предположенія, еслибы это было возможно. Но въ шестилѣтнене его управлениѣ финансами государственные распіси заключались въ дефицитами, которые за все его время простирались на сумму 159.557.164 рубля, по обыкновеннымъ расходамъ. А по чрезвычайнымъ расходамъ, какъ выше объяснено, не оказывалось денегъ для платежей по указу первого января 1881 г. За 1884 г. уплачено 26.471.445 р. вмѣсто 50.000.000 р., слѣдовательно, недоуплачено 23.528.555 рублей: а за 1885 и 1886 г. денегъ совсѣмъ не вносились; такимъ образомъ, всего за время Н. Х. Бунге по исполненію указа 1 января 1881 г. недоуплачено 128.528.555 рублей. Эта послѣдняя сумма представляеть какъ бы специальный дефицитъ, оказалшійся по чрезвычайнымъ расходамъ, насколько они предполагались для урегулированія долга, возникшаго отъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ въ 1876—80 годахъ¹⁾.

1) Финансовое положеніе въ шестилѣтнене управлениѣ Н. Х. Бунге съ 1881 по 1886 г. характеризуется достаточно ясно нижеслѣдующими данными:

Государственные	Обыкновенные.	Чрезвычайные.	Всѣ.
доходы	4.871.099.974	558.602.292	4.929.702.666
расходы	4.530.856.598	518.793.628	5.049.451.181
разность	— 159.557.164	+ 39.898.669	— 119.658.495

Въ составъ чрезвычайныхъ расходовъ входили: 193.471.444 руб. для платежей по указу 1 января 1881 г. и еще 81.776 рублей, проведенныхъ въ 1885 г. по отчету Госуд. Банка, а всего 198.558.221 руб. расходовъ, вызванныхъ долгомъ по кредитнымъ билетамъ. Но такъ какъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ не хватило для покрытия суммы расходовъ на 119.658.495 рублей, которые могли быть произведены только изъ свободной наличности государственного казначейства, то мы въ правѣ сказать, что текущихъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ шестилѣтнаго периода съ 1881 по 1886 г. не хватило для расходовъ по урегулированію бумажноденежнаго дѣла на эти 119.658.495 рублей. А такъ какъ по указу 1 января 1881 г. изъ 6 лѣтъ съ 1881 по 1886 г. приходилось платежей 317.000.000 руб., изъ которыхъ произведено лишь 193.471.445 рублей и недоуплачено 128.528.555 руб., то эту послѣднюю сумму необходимо прибавить къ показанному дефициту въ 119.658.495 руб. и весь дефицитъ тогда опредѣляется въ 243.187.060 рублей.

Не располагая ни въ обыкновенныхъ, ни въ чрезвычайныхъ ресурсахъ государственного казначейства финансовыми средствами для широкихъ мѣръ по восстановленію металлическаго обращенія въ Россіи, Н. Х. Бунгѣ обратился къ другимъ, косвеннымъ способомъ, имѣвшимъ значеніе подготовительныхъ мѣръ, ведущихъ къ той-же цѣли. Одно изъ этихъ мѣръ было состоявшійся въ 1885 г. пересмотръ монетнаго устава. Другою мѣрою—были старанія увеличить запасъ золота, сосредоточенного въ кассахъ Государственного Банка.

Пересмотръ монетнаго устава въ 1880-хъ годахъ становился все болѣе и болѣе настоятельной необходимостью, потому что съ половины 1870-хъ годовъ опять вопреки закону и помимо намѣреній законодателя, происходила весьма существенная перемѣна въ условіяхъ обращенія различныхъ видовъ звонкой монеты въ Россіи.

Дѣло въ томъ, что никакое уменьшеніе цѣны бумажныхъ денегъ, сильное или слабое, не можетъ избавить страну отъ потребности въ звонкой монетѣ: во всякомъ случаѣ для платежей заграницу, но иногда и для платежей внутри страны, какъ оказалось у настъ въ половинѣ 1870-хъ годовъ, когда у настъ были установлены таможенные платежи золотомъ. До тѣхъ поръ, то-есть, въ 1850-хъ, 1860-хъ и въ первой половинѣ 1870-хъ годовъ, платежи кредитными рублями противопоставлялись металлическими рублями, потому что еще не было повода различать платежи золотомъ отъ платежей серебромъ. Но съ половины 1870-хъ годовъ платежи серебромъ начали терять свою много-вѣковую надежность. Никакого серебра въ видѣ полнопробной монеты у настъ въ обращеніи тогда не было; надобности щадить серебро у настъ тоже никакой не было. Поэтому всякий счетъ на серебро, какъ потерявшій значеніе, фактически совсѣмъ вышелъ изъ употребленія и вместо него водворились два счета: счетъ на кредитные рубли и на золото. Вместо серебрянаго монометаллизма, на которомъ по закону строилась монетная система, у настъ фактически, на почвѣ обыкновенія, воцарился золотой монометаллизмъ, насколько платежи должны были производиться монетою. Этотъ фактическій золотой монометаллизмъ съ половины 1870-хъ годовъ признала казна, заключая вѣнчаніе государственные займы уже только на золото и требуя уплаты таможенныхъ пошлинъ только золотомъ-же. И золотой монометаллизмъ признало населеніе страны во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ приходилось противопоставлять платежъ кредитнымъ рублемъ платежу металлическому: подъ „металлическимъ“ платежемъ съ полу-

вины 1870-хъ годовъ въ населеніи понимали уже только платежъ золотомъ.

Но для платежей золотомъ нужна золотая монетная единица. А у насъ ея *не было и никогда не бывало*. Такъ какъ наша монетная система строилась на серебряномъ монометаллизмѣ, то у насъ была только одна монетная единица, серебряная: серебряный рубль въ 4 золотника 21 долю или 405 долей чистаго серебра. Другой монетной единицы, золотой, въ видѣ золотого рубля, съ соотвѣтствующимъ ему количествомъ чистаго золота, которое не можетъ быть измѣнено безъ коренного измѣненія монетной системы, у насъ не было и быть не могло. Хотя съ Петра Великаго золотая монета всегда входила въ нашу монетную систему, но какъ содержаніе чистаго золота въ этой монетѣ, такъ и ея цѣна сильно и часто измѣнялись не отъ того, что измѣненія вызывались фискальными нуждами казны, а потому что золотая монета была лишена собственного прочнаго фундамента: въ опредѣленіи закона, что такое-то количество чистаго золота составляетъ золотой рубль, подобно тому, какъ съ 1718 г. 4 золотника 82 $\frac{1}{8}$ доли чистаго серебра составляли Петровскій серебряный рубль, а съ 1764 г. до нашихъ дней 4 золотника 21 доля чистаго серебра составляютъ Екатерининскій рубль. Не имѣя собственного фундамента, золотая монета съ ея оцѣнкою у насъ всегда должна была опираться на другія части денежной системы: пока въ странѣ обращалось серебро, золотая монета зависѣла отъ того, во сколько разъ золото дороже серебра; а когда серебро исчезало изъ обращенія, то золотая монета приходила въ зависимость отъ ея оцѣнки на рубли ассигнаціонные или кредитные.

При такомъ подчиненномъ положеніи золотой монеты въ монетной системѣ, и та золотая монетная единица, которая помимо закона строилась фактически на обыкновеніи считать рублемъ $\frac{1}{10}$ часть имперіяла или $\frac{1}{6}$ часть полуимперіяла, тоже неминуемо должна была быть шаткая, измѣняющаяся со всякою перемѣнною въ содержаніи чистаго металла въ золотой монетѣ, или со всякою перемѣнною въ ея оцѣнкѣ закономъ, особенно на серебро.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что уже въ половинѣ 1880-хъ годовъ въ Россіи чувствовалась вполнѣ выяснившаяся, очень настоятельная потребность въ новой, золотой, монетной единицѣ, независимой отъ серебряной и для замѣны серебряной монетной единицы, потерявшей всякое значеніе, потому что для внѣшнихъ платежей она не годилась, а для внутреннихъ платежей ее вполнѣ замѣнилъ кредитный рубль

огрѣнивавшійся тоже уже не на серебро, а на золото. Но основанія, на которыхъ должна произойти замѣна серебряной монетной единицы золотою, тогда еще не выяснились и пересмотръ монетнаго устава 1885 г. быть первымъ шагомъ для выясненія этихъ основаній.

Непосредственюю причину, вызававшую этотъ пересмотръ въ 1885 г., были нѣкоторыя измѣненія, которыхъ тогда производились во вѣнѣніемъ видѣ монеты и въ ея чеканкѣ. Такъ, съ 1885 г. у насъ начали на монетахъ чеканить изображеніе царствующаго государя императора. Это вызвало необходимость нѣкотораго утолщенія монетныхъ кружковъ, а потому и уменьшенія ихъ діаметра. Кромѣ этого признано было полезнымъ для большей точности перейти отъ означенія пробы по фунтовому разновѣсу (сколько изъ 96 золотниковъ лигатурнаго фунта приходится золотниковъ чистаго металла) къ означенію той же пробы въ тысячныхъ доляхъ всего вѣса монеты; наконецъ, возможнымъ оказалось установление болѣе строгихъ требованій относительно „терпимыхъ“ уклоненій пробы и вѣса каждой отдельной монеты отъ нормальной пробы и нормального вѣса.

Отъ этихъ-то поводовъ къ пересмотру монетнаго устава довольно существенно отличались тѣ, по которымъ была подвергнута пересмотру часть монетнаго устава, касавшаяся золотой монеты.

Ни министръ финансовъ, Н. Х. Бунге, ни государственный советъ въ 1885 г. не желали касаться существа монетной системы въ ея коренныхъ основаніяхъ. Они поэтому оставляли серебряный рубль единственюю нашей монетною единицею. Тѣмъ не менѣе они именно поэтому считали себя вправѣ произвести уменьшеніе въ содержаніи чистаго золота въ нашей имперіальной монетѣ. Такъ какъ только серебряный рубль составлялъ русскую монетную единицу, то только количество чистаго серебра, именуемое рублемъ, 4 золотника 21 доля, признавалось въ 1885 г. представляющимъ неизмѣнную основу денежнай системы. Совсѣмъ иное дѣло—количество чистаго металла, содержащееся въ золотой монетѣ: оно у насъ всегда зависѣло отъ измѣняющихся условій и поэтому само могло измѣняться. Оно было одно, при Петре Великомъ, другое при Аннѣ Ioannovnѣ, третье при Елизаветѣ Петровнѣ, четвертое при Екатеринѣ II и въ пятый разъ измѣнено (новою оцѣнкою) въ 1889 г.: всѣ эти перемѣны производились или потому что желали имѣть другую золотую монету, или потому что измѣнялось отношеніе между стоимостью золота и стоимостью серебра и это дѣлало необходимымъ измѣнить золотую монету или ея оцѣнку. Но въ половинѣ 1880-хъ годовъ приходилось

считаться съ такими перемѣнами, касавшимися золота, которыхъ были гораздо значительнѣе, чѣмъ всѣ происходившія до того. При пересмотрѣ монетнаго устава въ 1885 г. еще не считались со всѣми этими перемѣнами, но подготовлялась почва для этого. Поэтому Н. Х. Бунге и государственный совѣтъ считали себя въ правѣ въ шестой разъ допустить измѣненіе золотой монеты посредствомъ уменьшенія чистаго металла въ полуимперіялѣ.

Важенъ быль при этомъ не размѣръ, въ которомъ допускалось это уменьшеніе, а фактъ, что правомѣрность уменьшенія ни съ какой стороны не вызывала никакого спора.

Состоявшимися 17 декабря 1885 г. новыми правилами о монетѣ содержаніе чистаго золота въ полуимперіялѣ было уменьшено съ 185 долей до 180.⁴⁴ долей. Оправдывалось это уменьшеніе тѣмъ, что узаконеніе въ 1889 г. лажъ на золотую монету уже давно потеряло значеніе, что отношеніе 1 : 15⁴⁵, положенное въ основаніе оцѣнки на серебро золотой монеты въ 1889 г., слѣдовало замѣнить отношеніемъ 1 : 15^{1/2}, „господствующимъ въ Западной Европѣ“, и наконецъ, что желательно было „приравнить“ содержаніе чистаго золота въ полуимперіялѣ, къ содержанію чистаго золота во французской золотой 20-франковой монетѣ. Эти мотивы уменьшенія чистаго золота въ полуимперіялѣ не отличались особенно сильной убѣдительностью. Но принципіально было тѣмъ важнѣе, что въ 1885 г. даже такие мотивы признавались достаточными для измѣненій въ золотой монетѣ. Если даже такие мотивы оправдывали уменьшеніе основы того, что пока еще только фактически, а не по закону, было „золотымъ рублемъ“, то значитъ, еслиъ измѣненіе золотой монеты, напримѣръ, тождественное съ тѣмъ, которое было сдѣлано въ 1889 г. (оставленіе безъ перемѣнъ содержаніе чистаго золота въ монетѣ, но возвышеніе ея цѣнны, потребовалось вслѣдствіе болѣе сильной перемѣнъ въ отношеніи между стоимостью золота и серебра,— или еслиъ перемѣнъ въ золотой монетѣ требовалась для „приравненія“ ея не къ иностранной монетѣ, а къ стоимости кредитнаго рубля, исчисленной на золото, то почва для этого принципіально была расчищена въ 1885 году.

Другою подготовительною мѣрою для восстановленія въ Россіи обращенія звонкой монеты были начавшіяся при Н. Х. Бунге старанія объ увеличеніи запаса золота въ кассахъ и кладовыхъ Государственного Банка. Для этого воспользовались преимущественно двумя обстоятельствами. Съ одной стороны уплата таможенныхъ пошлинъ золотомъ давала въ распоряженіе государственного казначейства зна-

чительные суммы золотомъ; эти суммы еще болѣе возрастали, когда поступлѣнія по новымъ вѣнѣніямъ государственнымъ займамъ превышали суммы, необходимыя для вѣнѣній платежей казны. Съ другой стороны кредитные билеты, выпущенные на значительную сумму въ 1876 — 80 гг., стали въ началѣ 1880-хъ годовъ обильно притекать въ кассы Государственного Банка, сильно увеличивая его оборотныя средства. Для государственныхъ расходовъ внутри страны золотая наличность государственного казначейства непосредственно не могла служить. Поэтому наиболѣе удобнымъ способомъ реализаціи этой золотой наличности являлась передача ея Государственному Банку съ тѣмъ, чтобы стоимость ея была поставлена на текущій счетъ государственного казначейства въ Банкѣ. Это было связано съ нѣкоторыми неудобствами: оборотныя средства Госуд. Банка нѣкоторымъ образомъ иммобилизовывались въ такомъ активѣ, который трудно было реализовать въ Россіи, и при томъ это дѣлалось на неопределѣленное время, впредь до того момента, когда государственное казначейство будетъ располагать финансовыми источниками для денежной реформы. Но тогда считали, что на случай сильнаго увеличенія спроса на оборотныя средства у Государственного Банка онъ получалъ возможность подкрѣплять свои кассы временными выпусками кредитныхъ билетовъ, обеспеченными золотомъ рубль за рубль изъ запаса, у него увеличивавшагося. Впрочемъ, во время управлѣнія финансами Н. Х. Бунге даже такие временные выпуски еще не требовались.

На указанныхъ основаніяхъ запасы золота въ Госуд. Банкѣ увеличились за время финансового управлѣнія Н. Х. Бунге на 125 миллионовъ рублей, считая золото по его курсу на кредитные рубли.

Съ 1 января 1887 г. началось управлѣніе финансами И. А. Вышнеградскаго, тоже убѣжденнаго защитника восстановленія обращенія звонкой монеты. Опытъ предшественниковъ нового министра на глядѣ показывалъ, что для этого прежде всего было необходимо улучшить положеніе государственного казначейства, устранить дефициты изъ государственного бюджета, замѣнить ихъ избытками, исключительно значительными, сильно поднять и удешевить государственный кредитъ, а для этого преобразовать соотвѣтственными мѣрами государственный долгъ и получить возможность включенія въ чрезвычайные государственные расходы большихъ затратъ для восстановленія въ Россіи обращенія звонкой монеты.

Въ шестилѣтніе управлѣніе финансами И. А. Вышнеградскаго многое изъ этой программы было успешно достигнуто. Но до полнаго

ея осуществленія оставался еще долгій путь ¹⁾). Равновѣсіе въ государственномъ бюджетѣ было восстановлено и въ немъ появились такие большие избытки, какихъ прежде еще никогда не бывало: за шесть лѣтъ управления И. А. Вышнеградскаго они составили 802.513.890 рублей. Энергически начато и преобразованіе государственного долга. Но его результаты еще не были на столько значительные, чтобы ими можно было воспользоваться. Поэтому избытки обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ надъ обыкновенными же государственными расходами должны были служить для чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ, на сколько эти расходы вызывались различными иными нуждами, помимо восстановленія обращенія звонкой монеты Россіи. На этотъ послѣдній предметъ И. А. Вышнеградскій еще не располагалъ сколько нибудь значительными средствами. Онъ не только не въ состояніи былъ пополнить образовавшуюся при Н. Х. Бунге недоимку по платежамъ, которыхъ требовались по указу 1 января 1881 г., но еще самъ увеличилъ эту недоимку, не имѣя возможности произвести платежъ, причитавшійся за 1887 г. Только за 1888-й годъ онъ въ состояніи былъ внести 50.000.000 рублей и эта сумма вмѣстѣ съ 200.522 руб., проведенными по отчетамъ Госуд. Банка, а всего 50.200.522 руб. составляли все, что въ составѣ чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ могло быть въ 1889—92 гг. затрачено на дѣло приведенія въ порядокъ нашего денежнаго обращенія. Болѣе значительной затраты финансовое положеніе все еще не допускало.

Это конечно питало и укрѣпляло скептицизмъ среди тѣхъ, которые не вѣрили въ возможность скораго восстановленія металлическаго обращенія въ Россіи. Но И. А. Вышнеградскій не принадлежалъ къ ихъ числу. Онъ напротивъ былъ убѣжденъ, что для этого дѣла средства найдутся скоро и продолжать тѣ приготовленія, которыхъ Н. Х. Бунге началъ, стараясь о накопленіи въ Государ. Банкѣ возможно болѣе значительного запаса золота. Эти старанія И. А. Вышнеградскій вѣръ съ такою энергию, съ такимъ умѣніемъ и съ такимъ успѣхомъ, что 1 января 1893 г., почти наканунѣ его ухода изъ министерства финансовъ, сумма золота, сосредоточеннаго въ кассахъ

1) Общіе результаты управления въ 1887—1892 годахъ выражались въ слѣдующихъ суммахъ:

	Обыкновенные:	Чрезвычайные:	Всѣ:
Госуд. доходы	5.500.476.850	502.880.961	6.002.857.211
расходы	5.197.963.160	820.699.728	6.018.662.888
разность	+ 302.513.690	— 318.319.367	— 15 805 677

Госуд. Банка составляла свыше 80% суммы, состоявшихъ въ обращении кредитныхъ билетовъ¹⁾. Это былъ блестящій результатъ. Но онъ висѣлъ въ воздухѣ. Почвы подъ нимъ еще не было, потому что финансовое положеніе государственного казначейства не давало *свободныхъ* средствъ для большаго золотого запаса. На приобрѣтеніе одной части золота приходилось затрачивать оборотныя средства государственного казначейства, получившія уже различныя иная назначенія, средства, которые могли быть потребованы кредиторами казны по обыкновеннымъ и чрезвычайнымъ государственнымъ расходамъ. А на приобрѣтеніе другой части золота были затрачены оборотныя средства Государ. Банка, принадлежавшія его клиентамъ—кредиторамъ, которые нерѣдко тревожили банкъ своими востребованіями. Поэтому указы 8 іюля 1888 г. и 20 іюля 1891 г. предоставили Госуд. Банку право производства временныx выпусковъ кредитныхъ билетовъ подъ обезпеченіе золота рубль за рубль. Такихъ выпусковъ на основаніи приведенныхъ указовъ сдѣлано въ разное время въ 1888—1892 годахъ на 150 миллионовъ рублей, изъ которыхъ, однако, наизначительная часть, а именно $112\frac{1}{2}$ миллионовъ рублей были изъяты изъ обращенія по мінованіи въ нихъ надобности. Но такъ какъ вся сумма золота на 150 миллионовъ рублей, обезпечивавшаго эти выпуски, была возвращена, то изъ нихъ остатокъ въ $37\frac{1}{2}$ миллионовъ рублей былъ причисленъ къ остальнымъ обращавшимъ кредитнымъ билетамъ.

Такимъ образомъ, финансовое положеніе, насколько отъ него зависѣла возможность возстановленія въ Россіи обращенія авонкой монеты еще оставалось очень неопределѣннымъ. Имѣлся очень большой запасъ золота; но онъ былъ связанъ съ большими неудобствами, потому что его значеніе всецѣло зависѣло отъ того, какіе въ будущемъ окажутся результаты финансового управлѣнія. Еслибы эти результаты оказались неблагопріятные, то положеніе еще ухудшилось бы отъ того, что финансовое управлѣніе оказывалось бы обремененнымъ большимъ запасомъ иммобилизованного золота, далеко не легко реализуемымъ.

При такихъ обстоятельствахъ новый министръ финансовъ неминуемо долженъ быть сдѣлаться ревностнымъ защитникомъ возстановленія металлическаго обращенія въ Россіи, даже еслибы онъ перво-

1) Всего тогда въ Государственномъ Банкѣ было золота на 850 миллионовъ рублей, а кредитныхъ билетовъ фактически состояло въ обращеніи 1074 миллиона рублей.

начально придерживался бы иныхъ взглядовъ. И чѣмъ успѣшнѣе шло бы его управлениѣ, тѣмъ сильнѣе обезпечивалось бы благопріятностю достигаемыхъ результатовъ, что въ числѣ ихъ не можетъ не быть и возстановленіе металлическаго обращенія въ Россіи.

А финансовое управлениѣ гр. С. Ю. Витте, начавшееся въ 1898 г., сопровождалось благопріятными результатами, въ такомъ изобилии, что при нихъ тѣ финансовые средства, которыя были необходимы для денежной реформы, при всей ихъ значительности, даже не имѣли преобладающаго значенія.

Общіе результаты въ первыя восемь лѣтъ (1898—1900 г.) управления С. Ю. Витте выражались въ слѣдующихъ суммахъ:

Государственные.	Обыкновенные.	Чрезвычайные.	Всѣ.
доходы	11.993.114.140	848.997.088	12.237.111.228
расходы	9.981.931.630	2.180.055.685	12.161.987.815
разность	+ 1.411.182.510	— 1.886.068.597	+ 75.123.918

За восемь лѣтъ съ 1898 по 1900 г. одни только избытки доходовъ надъ расходами по обыкновеннымъ государственнымъ расписямъ давали огромную сумму 1.411.182.510 рублей; къ нимъ присоединялась отъ чрезвычайныхъ ресурсовъ сумма въ 848 997.088 рублей; слѣдовательно, всего въ распоряженіи имѣлось 2.255.179.598 рублей для чрезвычайныхъ расходовъ. Этотъ-то фактъ $2\frac{1}{4}$ миллиардовъ рублей, имѣвшихся въ 1898—1900 годахъ, дѣлалъ тогда-же не только возможнымъ, но неизбѣжнымъ включение въ составъ чрезвычайныхъ расходовъ и тѣхъ суммъ, которыя требовались для денежной реформы.

До 1893 г. суммы, необходимыя для возстановленія металлическаго обращенія въ Россіи, по своей значительности, не только казались, но дѣйствительно были непосильными для государственного бюджета, въ которомъ едва находились средства для расходовъ, считавшихся болѣе настоятельно необходимыми, чѣмъ денежная реформа. Съ 1898 г. положеніе измѣнилось. На всякия иныя государственные нужды могло быть израсходовано гораздо болѣе, чѣмъ прежде, и все еще оставалось съ избыткомъ то, что было необходимо и для денежной реформы.

Ниже нами будетъ обстоятельно выяснено, что для этой реформы съ 1898 г. еще требовалась сумма въ 670.052.842 рубля. До 1898 г. такая сумма была недосягаемая. Какъ измѣнились обстоятельства въ 1898—1900 годахъ, видно изъ слѣдующаго противупоставленія. Имѣв-

шимися средствами оказывалось возможнымъ произвести государственные расходы на нижеслѣдующія суммы.

	На обычные государственные расходы.	На чрезвычайные государственные расходы.	
	По денежной реформѣ.	Проче.	
Въ 6 лѣтъ 1881—86 при Н. Х. Бунге . . .	4.530.656.588	193.558.221	325.241.402
> 6 лѣтъ 1887—92 при И. А. Вышев- градскомъ	5.197.968.160	50.200.522	452.179.849
> 12 лѣтъ 1881—1892	9.728.619.698	248.758.743	777.421.251
> 8 лѣтъ 1893—1900	9.981.981.630	670.052.642	1.510.008.048
Въ 1893—1900 г. больше	+ 253.811.932	+ 426.298.809	+ 732.581.792

Въ 1893—1900 гг. имѣлась возможность въ 8 лѣтъ не только произвести обычныхъ и государственныхъ расходовъ больше, чѣмъ въ предыдущія 12 лѣтъ на 253.811.932 рубля, но почти удвоить всякіе иные чрезвычайные расходы помимо денежной реформы, и все-таки для денежной реформы еще имѣлись необходимы для нея 670.052.642 рубля. И послѣ всѣхъ этихъ затратъ въ значительно увеличенныхъ размѣрахъ оставался еще избытокъ доходовъ надъ расходами въ 75.123.918 рублей.

Въ концѣ 1880 г. нетрудно было знать, что восстановленіе обращенія звонкой монеты станетъ возможнымъ лишь тогда, когда государственное казначейство въ состояніи будетъ на это израсходовать около 900 миллионовъ рублей. Сумма эта была такая большая, что считали прямо невозможнымъ строить на ея основаніи, какія бы то ни было предположенія. Поэтому отъ нея отдѣлили часть въ 417.000.000 руб., соотвѣтствовавшую новымъ кредитнымъ билетамъ, выпущеннымъ въ 1876—80 гг. для ликвидаціи расходовъ по войнѣ съ Турціею въ 1877—78 гг. Эту часть предполагалось привести въ порядокъ въ 8 лѣтъ съ 1881 по 1888 г. денежными платежами. Если бы это удалось осуществить, то съ 1889 г. задача уже заключалась бы въ погашеніи лишь остающейся части, составлявшей немногіе менѣе 500.000.000 рублей. И еслибы въ 8 лѣтъ удалось къ 1889 году уплатить 417.000.000 руб., то не было бы основанія отрицать возможность погашенія остальныхъ 500 миллионовъ дальнѣйшими десятью годовыми платежами по 50 миллионовъ рублей. Въ такомъ случаѣ задача была бы решена къ концу XIX вѣка. Конечно, это были мечтанія, характеръ которыхъ еще болѣе обострился вслѣдствіе того, что не только въ 8 лѣтъ съ 1881 по 1889 г. не удалось уплатить 417 миллионовъ рублей, но даже въ 12 лѣтъ до 1892 г. было возможно упла-

тить лишь 248.758.743 руб., то-есть оказалась недоимка въ платежахъ въ 178.246.257 рублей.

И тѣмъ не менѣе мечтанія осуществились; даже срокъ осуществленія совпалъ со срокомъ мечтаній: въ послѣдніе годы XIX вѣка всѣ требовавшія затраты были сдѣланы. Получилась возможность посредствомъ этихъ затратъ имѣть въ свободномъ распоряженіи государственного казначейства все то золото, которое на шаткой почвѣ заготовлялось при Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскомъ, еще значительно увеличить запасъ этого золота и израсходовать его на восстановленіе въ Россіи металлическаго обращенія. Какъ мы сейчасъ увидимъ, къ 1901 г. задача эта была безукоризненно рѣшена.

Однако, объясняю это рѣшеніе необыкновенно блестящими успѣхами гр. С. Ю. Витте, какъ министра финансовъ, мы даемъ только вѣнчаніе объясненіе факта, что во второй половинѣ 1890-хъ годовъ денежная реформа оказалась не только возможной, но и неминуемо-необходимою. Но даже только съ финансовой точки зоркія была еще внутренняя сторона дѣла, которую оно объясняется и освѣщается болѣе существеннымъ образомъ.

Когда страна дорастаетъ до громаднаго и обильнаго государственного бюджета въ миллиардныхъ суммахъ, то такой бюджетъ нуждается въ соответственномъ фундаментѣ, прочномъ, не боящемся колебаній, способномъ выносить тяжесть стоящаго на немъ сооруженія. Для такого фундамента необходимы: во-первыхъ, соразмѣрно развившіяся производительныя силы страны, а во-вторыхъ, отнюдь не неразмѣнныя бумажныя деньги, а правильная денежная система, состоящая изъ звонкой монеты и разменныхъ на нее бумажныхъ денегъ.

Изъ этихъ двухъ условій первое такъ очевидно и безспорно, что не нуждается ни въ какихъ объясненіяхъ. Но не менѣе бесспорно и то, что министръ финансовъ, имѣющій дѣло съ миллиарднымъ государственнымъ бюджетомъ, не можетъ оставаться равнодушнымъ къ тому, на какой почвѣ происходятъ денежные обороты, которыми онъ управляетъ: на почвѣ ли бумажнаго рубля, который то больше, то менѣе на нѣсколько копѣекъ, а иногда даже на много копѣекъ, или на почвѣ металлическаго рубля, остающагося незыблѣмымъ. Въ миллиардномъ бюджетѣ каждая копѣйка въ рублѣ означаетъ 10.000.000 рублей въ доходѣ или въ расходѣ, а нѣсколько копѣекъ означаетъ нѣсколько десятковъ миллионовъ рублей, на которыхъ покупная сила государственного хозяйства то увеличивается, то уменьшается. При скромномъ бюджетѣ и при скромныхъ денежныхъ оборотахъ государствен-

наго хозяйства это неудобство можетъ еще не бросаться въ глаза, хотя оно всегда имѣть значеніе; но при очень значительныхъ денежнѣхъ оборотахъ государственного хозяйства каждое колебаніе бумажнаго рубля производить очень болѣзеннага финансова послѣдствія и не можетъ не вызывать заботъ и стараній объ устраненіи такихъ колебаній. Преобразованіе разстроенной денежной системы становится условіемъ финансового самосохраненія и поэтомъ наступаюю необходимостью. Такой смыслъ преобразованіе денежной системы получило и у насъ въ 1890-хъ годахъ.

Выяснивъ обстоятельства, сдѣлавшія у насъ въ это время денежную реформу не только возможной, но и неминуемою, обратимся теперь къ обстоятельствамъ, непосредственно касающимся самой реформы.

На первомъ мѣстѣ въ числѣ этихъ обстоятельствъ стояли тѣ, которыми опредѣлялась, такъ сказать, количественная сторона реформы: какъ велико было то поле, которое ею должно было охватываться. А обширность этого поля зависѣла отъ всѣхъ тѣхъ суммъ, на которыхъ приходилось выпускать кредитные билеты со времени ихъ возникновенія вплоть до момента ихъ преобразованія.

Мы видѣли выше, что кредитные билеты впервые возникли въ 1840 г. для ссудъ изъ Петербургской и Московской Сохранныхъ Казанъ, что для этой цѣли ихъ выпустили на 10.952.800 рублей и что на эту сумму они были обмѣнены на государственные кредитные билеты въ 1843 г. Въ томъ-же 1843 г. ассигнаціи были обмѣнены на государственные кредитные билеты, которыхъ для этого обмѣна выпущено на 166.916.951 рубль. Такимъ образомъ, отъ времени до Крымской войны состояло въ обращеніи кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ за счетъ государственного казначейства на 177.869.251 рубль.

Къ этой суммѣ прибавились: выпущенные для расходовъ по Крымской войнѣ на 423.921.425 рублей и для расходовъ по Турецкой войнѣ 1877—78 годовъ 417.000.000 рублей, а для обѣихъ этихъ войнъ на 840.921.425 рублей.

Если мы сложимъ суммы кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ до Крымской войны, и суммы, выпущенные послѣ нея, то мы получимъ общий итогъ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ за счетъ государственного казначейства, всего на 1.018.790.676 рублей.

Къ этимъ суммамъ присоединяются кредитные билеты, выпущавшіеся за счетъ размѣннаго фонда. А именно:

съ одной стороны выпущено:

въ 1848—55 гг. взамънъ депозит-

ныхъ билетовъ . . 48.548.976

за вносившуюся

монету 84.957.854

133.506.880 руб.

въ 1870—75 гг. на усиленіе размѣрнаго фонда.

160.786.623

77

всего выпущено за счет разъиного фонда.

294.292.953

25

съ другой стороны изъято за тотъ-же счетъ:

въ 1859—63 гг. въ обмънъ за монету 98.770.149

„ 1876—77 „ для поддержки курса¹⁾ 80.798.855

179.568.504

10

и осталось выпущенныхъ за счетъ размѣн.

фонда:

114.724.449

3

Если мы соединимъ эту категорию кредитныхъ

1-810-700-050

то получимъ общій итогъ выпущенныхъ до

1 января 1881 г. № 1188515 125

1-188 515 125

1

Эти данные о кредитныхъ билетахъ необходимо привести въ связь съ данными объ ихъ размѣрѣ фонда, который 1 января 1881 г. состоялъ на сумму 171.572.405 рублей въ $\frac{1}{10}$ имперіала; образованіе этого фонда и его размѣръ объясняется ниже слѣдующими данными.

Выше (стр. 218) было указано, что по манифести 1848 г. о замѣнѣ ассигнацій кредитными билетами предполагалось кредитные билеты обезпечить запасомъ звонкой монеты, который долженъ быть составлять $\frac{1}{6}$ часть суммы обмѣненныхъ ассигнацій; на дѣлѣ однако внесено для этого звонкой монеты на 18.288.518 рублей. Эта сумма составила по времени первый элементъ размѣнного фонда, поскольку онъ обезпечивалъ кредитные билеты, выпущенные за счетъ государственного казначейства.

Другой такой же элементъ образовался при выпускахъ для Крым-

1) Въ 1876 и 1877 г. война съ Турциею вызвала стремительное падение курса кредитного рубля, и финансое управление пыталось оказать этому противодѣйствіе продаже золота размѣнного фонда и взысканіемъ изъ обращенія кредитныхъ билетовъ, выручавшихся при этой продажѣ. Сумма этихъ кредитныхъ билетовъ и составила 80.798.355 рублей.

ской войны и тоже служилъ для обезпеченія кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ за счетъ государственного казначейства для расходовъ по этой войнѣ. При выпускахъ для этихъ расходовъ считали необходимымъ придерживаться правилъ манифеста 1848 г. и внесено въ размѣнныи фондъ 48.459.528 рублей¹⁾.

Наконецъ третій элементъ размѣнного фонда составляла звонкая монета на показанную выше сумму 114.724.449 рублей, на которую кредитные билеты были выпущены за счетъ размѣнного фонда и имъ обезпечивались рубль за рубль.

Такимъ образомъ, данные о кредитныхъ билетахъ въ сопоставленіи съ данными о размѣнномъ фондахъ, по различнымъ ихъ категоріямъ, представлялись въ слѣдующемъ видѣ:

	Суммы кред. билетовъ.	Суммы разм. фонда.
выпущенные взамѣнъ ассигнацій	177.869.251	18.288.518
для Крымской войны	423.921.426	43.459.528
для войны 1876—77 гг.	417.000.000	—
всего за счетъ госуд. казначейства	1.018.790.676	56.748.046
за счетъ размѣнного фонда	114.724.449	114.724.449
всего 1 января 1881 г.	<u>1.138.515.125</u>	<u>171.472.495</u>

Съ 1881 г. суммы выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ уже не увеличивались до осени 1888 г., когда при И. А. Вышнеградскомъ начались выпуски подъ обезпеченіе золотомъ: первоначально, въ сентябрѣ 1888 г., ихъ сдѣлано на 80 миллионовъ рублей, да и тѣ чрезъ 3 мѣсяца были изъяты изъ обращенія. Но въ 1891 и 1892 гг. такихъ выпусковъ уже сдѣлано на 150 миллионовъ рублей, изъ которыхъ его преемникомъ было изъято 112½ миллионовъ рублей, а остатокъ въ 37½ миллионовъ быть причисленъ къ прочимъ кредитнымъ билетамъ.

1) Болѣе подробныя объясненія по этому предмету даны въ нашей книгѣ «Изъ истории бумажныхъ денегъ въ Россіи», Спб. 1909, стр. 158, 154. Если сложить суммы кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ за счетъ государственного казначейства до Крымской войны и для нея, то вмѣстѣ они составляютъ $177.869.251 + 423.921.426 = 601.790.676$ рублей, а суммы внесенной казною звонкой монеты для обезпеченія этихъ кредитныхъ билетовъ составляли: $18.288.518 + 43.459.528 = 61.748.046$ рублей. Разность между обоями итогами или $601.790.676 - 61.748.046 = 540.042.630$ рублей давала офиціальную сумму «безпроцентнаго долга госуд. казначейства за кредитные билеты», состоявшіе къ 1881 г. изъ выпущенныхъ до 1876 г. Если къ суммѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ за счетъ госуд. казначейства до 1876 г. на 601.790.676 руб. прибавить сумму кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ за счетъ размѣнного фонда до 1876 г. на 114.724.449 руб., то получается итогъ всѣхъ кредитныхъ билетовъ, состоявшихъ къ 1881 г. изъ выпущенныхъ до 1876 г. на 718.515.125 рублей.

Такимъ образомъ, къ суммѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ до 1 января 1881 г. на 1.188.515.125 руб., необходимо присоединить еще эти 87.500.000 руб. и тогда общій итогъ кредитныхъ билетовъ, которые съ 1881 г. требовали государственныхъ затратъ для восстановленія въ Россіи металлическаго обращенія достигалъ суммы 1.171.015.125 рублей.

Но одновременно имѣлся старый размѣнныи фондъ въ 171.472.495 рублей въ $\frac{1}{10}$ имперіяла. Перечисляя его въ кредитные рубли въ $\frac{1}{15}$ имперіяла, его стоимость въ кредитныхъ рубляхъ составляла 257.208.740 рублей. Такимъ образомъ для суммы кредитныхъ билетовъ въ 1.171.015.125 рублей имѣлось равнозначное имѣніе обезпеченіе лишь въ 257.208.742 рублей и его не хватало еще на 918.806.888 рубля.

Денежная реформа второй половины 1890-хъ годовъ и восстановленіе металлическаго обращенія въ Россіи, тогда состоявшееся, и заключались въ томъ, чтобы эта сумма 918.806.888 руб. была полностью урегулирована соотвѣтственными государственными расходами.

Но прежде, чѣмъ объяснить, какъ это было сдѣлано, мы должны остановиться на нѣкоторыхъ вопросахъ, на предварительномъ рѣшеніи которыхъ строилась у насъ новѣйшая денежная реформа.

Мы уже не могли не коснуться этихъ вопросовъ, противопоставляя суммы обращавшихся кредитныхъ билетовъ и суммы размѣннаго фонда. Эти суммы выражены въ различныхъ рубляхъ. Суммы кредитныхъ билетовъ естественно представляютъ только кредитные рубли. Суммы же размѣннаго фонда допускаютъ двоякое ихъ выраженіе: въ рубляхъ въ $\frac{1}{10}$ имперіяла, которые у насъ фактически принято было считать золотыми, и въ кредитныхъ рубляхъ, имѣвшихъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, стоимость $\frac{1}{15}$ имперіяла. Противопоставлять другъ другу и сравнивать можно только однородныи суммы, выраженные въ одинаковыхъ рубляхъ. Поэтому мы перечислили суммы размѣннаго фонда на кредитные рубли.

Но вычисляя на этомъ основаніи сумму государственного расхода, требовавшагося денежной реформою, и выражая его въ 918.806.888 руб., мы этимъ предрѣшали ту сторону денежной реформы, которую въ отличіе отъ ея количественной стороны, опредѣлявшееся суммой выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, можно считать ея качественной стороной. Эта качественная сторона денежной реформы опредѣлялась *свойствами рубля, о которомъ мы и должны были идти речь при денежной реформѣ.*

Конечно, какъ всегда, такъ и въ настоящемъ случаѣ количественная и качественная сторона находились въ тѣсной связи и вза-

имной зависимости. И также точно въ тѣсной связи и во взаимной зависимости находились въ денежной реформѣ ея народнохозяйственная (хозяйственно-политическая) сторона и ея сторона государственно-хозяйственная (финансовая).

По поводу преобразованія кредитныхъ билетовъ иаъ нeraзмѣнныхъ бумажныхъ денегъ въ размѣнныя или такія, которая предполагаютъ полную ликвидацию (уплату, погашеніе) всякаго государственного долга, имѣвшаго съ нимъ связь, — приходилось сначала ясно рѣшить вопросъ, о какомъ рубль идеть рѣчь при этомъ преобразованіи? Дѣло усложнялось тѣмъ, что рубль, которымъ ликвидировался государственный долгъ по кредитнымъ билетамъ, долженъ быть оказался одновременно и тѣмъ рублемъ, который долженъ лечь въ основаніи преобразованной денежной системы. И наоборотъ.

Прежде всего могла быть рѣчь о серебряномъ рубльѣ, единственной монетной единицѣ, которую у насъ признавало дѣйствовавшее законодательство, подлежавшее измѣненію для преобразованія. На серебряные рубли были писаны кредитные билеты: по ясному и точному смыслу закона, который былъ изданъ въ 1843 г. и выше нами приведенъ, каждый рубль на кредитныхъ билетахъ означалъ 4 золотника 21 долю чистаго серебра. Можно ли было не считаться съ серебрянымъ рублемъ?

Этотъ вопросъ во второй половинѣ 1890-хъ годовъ рѣшался въ положительномъ смыслѣ вслѣдствіе того, что серебряный рубль въ роли монетной единицы сталъ невозможностью. Онъ сталъ трупомъ, котораго оживить уже нельзя было и который поэтому прежней своей живой роли въ монетной системѣ играть не могъ. Это опредѣлялось происшедшими очень сильнымъ удашевленіемъ серебра. Съ 1894 до 1900 г. серебро было дешевле золота въ 88.108 разъ¹⁾). Это значитъ, что 4 золотника 21 доля или 405 долей чистаго серебра стоили $405 : 88.108 = 12.224$ долей чистаго золота. А кредитный рубль въ то-же время стоилъ 17.424 долей чистаго золота или $17.424 : 12.224 = 1.415$ имперіяла. На кредитные рубли полуимперіяль стоилъ въ это время 7 руб. 50 коп.; а на серебро тотъ-же полуимперіяль стоилъ 10 руб. 68 коп. Слѣдовательно, кредитный рубль стоилъ на 42% дороже серебрянаго рубля;

1) Серебро было дешевле золота: въ 1894 году въ $32\frac{19}{52}$ раза, въ 1895 г. въ $31\frac{19}{52}$ раза, въ 1896 г. $31\frac{8}{64}$ раза, въ 1897 г. въ $34\frac{15}{52}$ раза, въ 1898 г. въ $35\frac{11}{18}$ раза въ 1899 г. въ $34\frac{1}{4}$ разъ, въ 1900 г. въ $38\frac{8}{9}$ разъ; средняя для всего этого периода 38.108 . Числа эти нами вычислены по цѣнѣ серебра на Лондонскомъ рынке за соответствующіе годы.

или серебряный рубль стоилъ 0.⁷⁰ кредитнаго рубля: 70 копѣекъ кредитнаго рубля.

Многимъ тогда казалось, что еслибъ министръ финансовъ былъ правильнымъ защитникомъ интересовъ казны, то онъ долженъ былъ бы выступать горячимъ защитникомъ серебра и выкупа всѣхъ кредитныхъ билетовъ серебряными рублями. Отнюдь онъ не долженъ былъ допускать изъятіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія; ибо оплата выкупаемаго кредитнаго рубля 100 копѣйками въ видѣ цѣлковаго въ 405 долей чистаго серебра давала прибыль въ 42 копѣйки сравни-тельно съ прямымъ изъятіемъ изъ обращенія кредитнаго рубля, взя-таго изъ обыкновенныхъ или чрезвычайныхъ поступленій казны.

Но на самомъ дѣлѣ такой образъ дѣйствій разорилъ бы, какъ страну, такъ и казну. Обѣ получили-бы худшія деньги взамѣнъ луч-шихъ, потому что кредитный рубль былъ лучше серебрянаго. Ниже мы къ этому еще вернемся, а здѣсь отмѣтимъ, что даже колебанія серебра стали болѣе значительными, чѣмъ колебанія кредитнаго рубля. Въ октябрѣ 1900 года серебро поправилось и было уже лишь въ 81.⁵⁵ разъ дешевле золота; слѣдовательно, серебряный рубль стоилъ почти 18 долей чистаго золота. Но въ ноябрѣ 1902 г. серебро опять сильно упало и было въ 48^{1/2} раза дешевле серебра; т. е. серебряный рубль уже стоилъ лишь 9²¹ долей чистаго золота или 0.⁵⁵ рубля въ 17.⁴² долей чистаго золота (кредитнаго рубля въ 1/16 имперіала).

Серебро и серебряный рубль не годились ни для ликвидациіи го-сударственнаго долга по кредитнымъ билетамъ, ни для того, чтобы въ преобразованной монетной системѣ играть прежнюю роль. Серебряному монометаллизму насталъ конецъ; никто уже нигдѣ его не защищалъ. Фактически его значеніе уже давно поколебалось; настало время для законодательной санкціи того, что уже давно было совершившимся фактомъ.

Даже о биметаллизмѣ во второй половинѣ 1890-хъ годовъ уже не могло быть рѣчи, потому что биметаллизмъ тогда сталъ такою же невозможностью, какъ серебряный монометаллизмъ. Биметаллизмъ означаетъ тройкое: 1) признаніе закономъ *двухъ* монетныхъ единицъ, серебряной и золотой, на почвѣ неизыблемой пропорціи между стои-мостью золота и стоимостью серебра, 2) допущеніе *свободы* чеканки, какъ золотой, такъ и серебряной монеты, той и другой на неограни-ченную сумму, 3) допущеніе *свободы* платежей, какъ золотою, такъ и серебряною монетою, тѣхъ и другихъ одинаково тоже на *неограниченную* сумму. Всѣ эти основанія биметаллизма стали недопустимыми. Ни-

какой незыблемой пропорци, выражавшей отношение между стоимостью золота и стоимостью серебра, уже не было. Свобода чеканки серебряной монеты прекратилась во всемъ цивилизованномъ мірѣ и допущеніе ея въ Россіи было бы явнымъ абсурдомъ и разореніемъ страны. И повсюду, гдѣ не было настоятельной необходимости щадить огромный запасъ имѣвшейся въ обращеніи серебряной монеты, платежи ею, какъ поставленные на ненадежную почву, ограничивались.

Чеканка серебряной монеты стала допустимою, не свободная, а лишь на суммы, нормируемые въ законодательномъ порядкѣ, и производимая только за счетъ казны. Это значитъ, что въ монетной системѣ для высокопробной серебряной монеты оставалось только такое мѣсто, которое въ той-же системѣ уже занимала низкопробная серебряная и мѣдная монета. Неизначительное различіе въ пользу высокопробной серебряной монеты могло заключаться только въ томъ, что если платежи низкопробной и мѣдной монетою ограничивались тремя рублями, то для высокопробной серебряной монеты ограниченіе могло быть выражено немногою суммою, напр., 25 рублями. Но это различіе было несущественное.

Такимъ образомъ, серебряный рубль, не только въ видѣ единственной монетной единицы, но вообще въ видѣ монетной единицы, не могъ играть никакой роли, ни въ ликвидациіи государственного долга по кредитнымъ билетамъ, ни въ новой, преобразованной монетной системѣ.

Но если серебряный монометаллизмъ и биметаллизмъ были одинаково невозможны и осуждены на исчезновеніе, то оставался только золотой монометаллизмъ, какъ основа новой русской монетной системы. Дальнѣйшаго выбора уже не было. Ликвидациія государственного долга по кредитнымъ билетамъ должна была произойти посредствомъ платежей золотою монетою, потому что эта ликвидациія была единственнымъ источникомъ монеты, которая въ новой, преобразованной монетной системѣ должна была обращаться, или—одна, или совмѣстно съ бумажными деньгами (кредитными билетами), размѣнными на ту же золотую монету.

Мѣсто старинной, серебряной, монетной единицы должна была занять новая, золотая монетная единица. Мѣсто Екатерининскаго серебрянаго рубля въ 4 золотника 21 долю чистаго серебра должно быть занять новый золотой рубль, представляющій извѣстное количество чистаго золота, признаваемое кореннымъ основаніемъ всей новой монетной системы.

Но какое количество чистого золота будетъ признано золотымъ рублемъ? Это бытъ вопросъ, возбуждавшій споры.

Опереться на прошлое, на дѣйствующій или дѣйствовавшій законъ, не было возможно, потому что золотой монетной единицы никогда въ Россіи не было. Это опредѣлялось фактомъ, что въ 1810 г. у настъ *сознательно и намѣренно* бытъ установленъ серебряный монометаллизмъ, какъ коренная основа нашей монетной „системы“. Система эта, тоже совершенно сознательно и намѣренно, была „возобновлена“ и, слѣдовательно, *провержена* въ 1839 г. И наконецъ въ 1885 г., въ третій разъ, министръ финансовъ (Н. Х. Бунге) и государственный совѣтъ самымъ яснымъ образомъ высказались относительно того, что они ничего не желаютъ измѣнить въ существенныхъ основаніяхъ нашей монетной системы. Такимъ образомъ въ теченіи всего XIX ст. вплоть до того момента, когда возникъ вопросъ о монетной реформѣ, во второй половинѣ 1890-хъ годовъ, никакихъ сомнѣній не могло быть, что въ нашемъ законодательствѣ чистая система строится на серебряномъ монометаллизмѣ. Да, сколько извѣстно, такихъ сомнѣній никто никогда и не высказывалъ. Но при серебряномъ монометаллизмѣ золотой монетной единицы *не бываетъ*. Одно исключаетъ другое. Золотая монета возможна и почти всегда бываетъ и въ странахъ серебряного монометаллизма. Но она лишена самостоятельнаго основанія, а опирается или на серебряную монету, или на бумажные деньги, когда серебряная монета исчезаетъ изъ обращенія. Это значитъ, что *стоимость* золотой монеты опирается не на опредѣленіе закона, что извѣстное количество чистаго золота составляетъ самостоятельную денежную единицу (напримѣръ, рубль), а выражается въ оцѣнкѣ золотой монеты или на серебро, или на бумажные деньги (у настъ или на серебряный рубль, или на бумажный рубль). Золотая монета при серебряномъ монометаллизмѣ имѣть стоимость, выражающуюся не въ ея нарицательной цѣнѣ (таковой у нея нѣтъ), а въ кассовомъ курсѣ (Kassenkurs), по которому она принимается казенными и частными кассами. Вслѣдствіе этого золотая монета при серебряномъ монометаллизмѣ имѣть не первоначальную, въ ней-же коренящуюся цѣну, а производную, зависящую отъ тѣхъ денегъ, серебряныхъ или бумажныхъ, на которыхъ ее оцѣниваютъ, въ которыхъ ее выражаютъ и въ которыхъ только и можно ее выразить. Отсюда нѣкотораго рода случайность, присущая золотой монетѣ при серебряномъ монометаллизмѣ, какъ послѣдствіе подчиненного положенія, ею занимаемаго въ монетной системѣ.

Это-то должно было быть измѣнено монетной реформою и это-же было причиною, что серебряный монометаллизмъ не могъ давать никакихъ указаній о томъ, какое количество чистаго золота слѣдуетъ признать золотою монетною единицею. Это былъ вопросъ соображенія цѣлесообразности, вопросъ выбора, свободнаго выбора, ничѣмъ не связанныаго; такъ у насть и смотрѣлъ на это дѣло въ 1885 г. государственный совѣтъ, какъ выше показано.

Междуду чѣмъ и чѣмъ могъ быть выборъ? Съ одной стороны были различныя золотыя монеты, чеканившіяся въ Россіи и имѣвшія различныя оцѣнки. Былъ золотой двурублевикъ Петра Великаго, были русскіе червонцы, Петровскіе и болѣе поздніе, былъ имперіаль Елизаветы Петровны, другой имперіаль Екатерины II, тотъ-же имперіаль Екатерины II, но съ измѣненною оцѣнкою Канкрина 1839 г., наконецъ, полуимперіаль 1885 г., превращенный въ русскую копію французскаго золотого 20-франковика. Ни одна изъ этихъ русскихъ золотыхъ монетъ не имѣла никакого преимущества предъ остальными. Какого-либо обязательнаго значенія ни одна изъ нихъ не имѣла. На золотыхъ монетахъ были надписи, указывавшія ихъ цѣну *на серебро во время ихъ установления*: на имперіалахъ 10 рублей, на полуимперіалахъ пять рублей. Но эта оцѣнка, съ Екатерины II вплоть до новѣйшей, 1885 г., всегда совершенно ясно опиралась на то или другое *отношеніе между стоимостью золота и стоимостью серебра*, а установление отношенія, на которомъ строится оцѣнка на серебро золотой монеты, зависѣло отъ законодателя, неоднократно измѣнялось и тоже никакой обязательности не имѣло. Въ 1885 г. признано было отношеніе $1 : 15\frac{1}{2}$, но могло быть признано и другое отношеніе. Когда содержаніе чистаго золота въ полуимперіалѣ желаютъ (для *приравненія* его къ французскому золотому 20-франковику) уменьшить до 180.68 долей чистаго золота и когда при этомъ исходить изъ пропорціи $1 : 15\frac{1}{2}$, то $180.68 \times 15\frac{1}{2} = 2025.54$ долиъ чистаго серебра, а такъ какъ у насть по закону 405 долей чистаго серебра составляютъ серебряный рубль, то $2025.54 : 405 = 5$ рублей *серебромъ*¹). Надпись на полуимперіалѣ *„пять рублей“* означала оцѣнку его на серебро, *соответствующую пропорціи* $1 : 15\frac{1}{2}$. Но возможна была оцѣнка и на почвѣ

1) Въ 1885 г. намѣренно было допущено, чтобы полуимперіалъ стоялъ на серебро 5 руб. $\frac{1}{30}$ копѣйки. См. изд. Вел. Кн. Георгія Михайловича, Монеты 1881—1890, где напечатаны всѣ документы по пересмотру монетнаго устава въ 1885 г.

иной пропорции. Въ 1885 г. законодатель не считалъ себя связаннымъ предыдущими оцѣнками, какъ законодатель въ 1839 г. не считалъ себя связаннымъ предыдущими оцѣнками, какъ Екатерина II не считала себя связанною оцѣнкою Елизаветы Петровны, а Елизавета Петровна не считала себя связанною оцѣнкою Петра Великаго. Поэтому и въ 1890-хъ годахъ законодатель не былъ связанъ никакими предыдущими оцѣнками.

Съ другой стороны, различныя золотыя монеты, чеканившіяся въ Россіи въ XVIII и XIX ст., не были единственнымъ источникомъ, изъ котораго исходили указанія того количества чистаго золота, которому могло быть отдано предпочтеніе, чтобы изъ него сдѣлать новый золотой рубль. Въ половинѣ 1890-хъ годовъ, когда вопросъ объ этомъ выборѣ былъ поставленъ для практическаго рѣшенія, были три количества золота, которыхъ какъ-бы выступали съ претензіею, что они имѣютъ нѣкоторое право на то, чтобы предпочтеніе было отдано одному изъ нихъ. Однимъ такимъ количествомъ являлась одна пятая часть содержанія чистаго золота въ полуимперіялѣ, обращавшемся на рынкѣ. Съ 1885 г. въ полуимперіялѣ содержаніе чистаго золота составляло 130.68 долей; поэтому одна пятая часть его (или $1/10$ имперіяла) равнялась 26.186 долямъ чистаго золота. Это количество, если не по закону, то фактически, въ силу утвердившагося обыкновенія, считалось золотымъ рублемъ. Поэтому совершенно правильна была постановка вопроса о томъ, не слѣдуетъ-ли дать санкцію этому обыкновенію, превративъ фактическій золотой рубль въ 26.186 долей чистаго золота въ установленную закономъ новую, золотую монетную единицу. До реформы золотой рубль въ 26.186 долей чистаго золота или въ $1/10$ имперіяла игралъ большую роль въ нашихъ вѣшнихъ отношеніяхъ; поэтому естествененъ былъ вопросъ, отчего бы не узаконить, чтобы онъ игралъ ту-же роль и во внутреннихъ отношеніяхъ?

Но рядомъ съ количествомъ чистаго золота, опиравшемся на имперіяльную монету въ ея новѣйшемъ видѣ, было другое количество чистаго золота, которое тоже выступало съ претензіею, чтобы его признали золотымъ рублемъ. Оно совсѣмъ не опиралось ни на какую золотую монету, но зато оно опиралось на серебряный рубль, который у насть такъ долго обращался и въ которомъ выражалась нарицательная цѣна кредитныхъ билетовъ. Въ серебряномъ рубль содержалось чистаго серебра 4 золотника 21 доля или 405 долей; это количество чистаго серебра равнялось опредѣленному количеству чистаго золота въ зависимости отъ того, во сколько разъ золото дороже

серебра. Какъ выше указано, въ 1890-хъ годахъ 405 долей чистаго серебра стоили 12.232 долей чистаго золота. Это послѣднее количество чистаго золота тоже могло быть взято основаніемъ новой золотой монетной единицы: въ ней продолжалъ бы жить старый серебряный рубль по его золотой стоимости въ тотъ моментъ, когда онъ не могъ продолжаться въ прежнемъ видѣ.

Наконецъ было еще третье количество чистаго золота, которое тоже выступало съ претензіею, чтобы именно оно было положено въ основаніе новой золотой монетной единицы. Съ этою претензіею выступалъ кредитный рубль. Фактически онъ уже сорокъ лѣтъ была единственной денежной единицей во внутренней экономической жизни Россіи. На немъ строились всѣ внутреннія отношенія этой жизни; ни золотой, ни серебряный рубль для этой жизни никакого значенія не имѣли; они ей были чужіе: свой, родной, тысячами нитей связанный со всѣмъ, что происходило въ народномъ хозяйствѣ, и тысячами нитей связывавшій все, что происходило въ народномъ хозяйствѣ, пустившій въ немъ глубокіе корни, такимъ быть только кредитный рубль. Онъ тоже имѣлъ золотую стоимость, потому что въ немъ внутри страны опредѣлялась всякая оцѣнка, а потому и оцѣнка полуимперіяла. Въ 1890-хъ годахъ эта оцѣнка довольно ровно выражалась въ томъ, что полуимперіалъ стоилъ $7\frac{1}{2}$ рублей кредитныхъ, а это значило, что каждый кредитный рубль имѣть золотую стоимость, выражавшуюся въ томъ количествѣ чистаго золота, которая приходится на каждый изъ $7\frac{1}{2}$ кредитныхъ рублей изъ 180.⁰⁰ долей чистаго золота, содержащихся въ полуимперіалѣ; $180.⁰⁰ : 7\frac{1}{2} = 17.424$ долей чистаго золота. Это количество и составляло золотую стоимость кредитнаго рубля; оно составляло $\frac{1}{15}$ того количества чистаго золота, которое содержится въ имперіалѣ. Отсюда претензія того количества чистаго золота, которое составляетъ $\frac{1}{15}$ имперіала, чтобы изъ него быть сдѣланъ новыи золотой рубль.

У насъ уже одна постановка вопроса о выборѣ того количества чистаго золота, которое слѣдуетъ признать новою монетной единицей, о необходимости разобрать и взвѣсить, что полезнѣе и цѣлесообразнѣе для страны: большая-ли золотая единица въ 26.⁰⁰ долей чистаго золота, или малая въ 12.²³² доли чистаго золота, или средняя въ 17.⁴²⁴ доли,—всякая такая постановка считалась очень многими предосудительной. Полагали что никакого вопроса и быть не должно было бы, что онъ не совмѣстимъ съ достоинствомъ государства и что если онъ возбуждается, то единствено лишь изъ фис-

кальныхъ соображеній, чтобы дать ему рѣшеніе, наиболѣе выгодное для казны при ликвидациіи долга по кредитнымъ билетамъ.

Это было совершенно неправильно. Перехода отъ серебрянаго монометаллизма къ золотому монометаллизму не бываетъ, никогда еще не было и не можетъ быть—безъ того, чтобы не приходилось разбираться въ вопросѣ, какая же будетъ установлена новая золотая единица: большая или малая.

Еслибы у нась денежное обращеніе совсѣмъ не было разстроенное, еслибы оно оставалось бы такимъ, какимъ оно было до Крымской войны, еслибы нераамънныхъ кредитныхъ билетовъ совсѣмъ не было, то все-таки оказалась бы та-же необходимость, какъ она оказалась въ другихъ странахъ (въ Германіи, въ Австріи, напримѣръ), перейти отъ серебрянаго монометаллизма къ золотому,—то мы также точно стояли бы предъ вопросомъ о выборѣ золотой монетной единицы, какъ предъ нимъ стояли названныя страны. Въ Германіи стояли предъ вопросомъ, какой новой золотой монетной единицѣ отдать предпочтеніе, большой-ли, приоровленной къ талеру, или меньшей, приоровленной къ $\frac{1}{3}$ талера; предпочтеніе было отдано меньшей единицѣ, въ видѣ золотой имперской марки, при которой Германія процвѣла и въ которой никто ничего худого не находилъ; напротивъ, ее даже очень одобряли именно за то, что она небольшая единица. И также точно въ Австріи стояли предъ выборомъ между большою новою золотою монетною единицею, приоровленною къ гульдену, или меньшою золотою монетною единицею, приоровленною къ половинѣ гульдена; предпочтеніе и въ Австріи было отдано меньшей золотой единицѣ, которая и была установлена въ видѣ золотой кроны, съ тѣмъ, чтобы двѣ новыя золотыя кроны равнялись одному кредитному (бумажному) гульдену. И въ Австріи тоже это только одобряли, потому что отъ принятаго рѣшенія ничего худого не произошло.

Но ошибочна была не только мысль, что новая монетная единица можетъ быть установлена безъ всякаго выбора и соображенія ея цѣлесообразности. Еще ошибочнѣе была другая мысль: что для страны выгодна только наибольшая золотая монетная единица, а всякая меньшая, чѣмъ наибольшая, могла быть выгодна только для казны.

Интересы казны въ этомъ выборѣ, дѣйствительно, довольно существенно отличались отъ интересовъ страны, населенія, народнаго хозяйства. Но это различіе заключалось въ томъ, что для казны было сравнительно безразлично, какому количеству чистаго золота будетъ отдано предпочтеніе: казна во всякомъ случаѣ оказывалась

бы наименъе обиженною. Напротивъ, для интересовъ населенія было очень важно, чтобы предпочтеніе не было отдано ни наибольшему, ни наименьшему количеству чистаго золота, изъ котораго можно было сдѣлать новую золотую монетную единицу; въ томъ и другомъ видѣ новая денежная единица одинаково угрожала странѣ безконечнымъ разореніемъ; разореніе страны избѣгалось лишь при выборѣ средняго количества чистаго золота и если изъ него дѣлался новый рубль.

У насть многіе думали, что большой золотой рубль въ $1/10$ имперіала былъ бы для казны певыгоденъ, потому что обращали вниманіе на одно только его значеніе для ликвидациіи долга по кредитнымъ билетамъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, что для этой ликвидациіи казна должна была бы израсходовать тѣмъ больше золота, чѣмъ больше была бы золотая монетная единица. Но большая золотая единица имѣла еще другую сторону и другое значеніе для казны, которая у насть упускались изъ виду. А этой стороны и этими значеніемъ компенсировалось то, на что указывали какъ на невыгоду казны. Еслибы у насть установили золотой рубль въ 26.¹²⁸ долей чистаго золота (въ $1/10$ имперіала), и еслибы на такие рубли бытъ были бы ликвидированы долгъ по кредитнымъ билетамъ, то кредитный рубль, какъ отдѣльная денежная единица, какъ рубль, отличающійся отъ другихъ рублей, исчезъ бы, *превратившись* въ новый золотой рубль въ 26.¹²⁸ долей чистаго золота. Никакого иного рубля у насть уже не было бы. Отъ этого казна имѣла бы *чудовищную* выгоду. Казна всегда выгадывала, когда курсъ рубля возвышался: вслѣдствіе этого увеличивалась покупная сила тѣхъ рублей, въ которыхъ выражались ея доходы отъ государственной росписи, а въ то же время уменьшалась ея расходъ на лажь по ея металлическимъ расходамъ. Очевидно, что эта выгода въ огромныхъ размѣрахъ увеличилась бы, еслибы ея полуторамилліардный бюджетъ, до реформы выражавшійся въ кредитныхъ рубляхъ, представлявшихъ по 17.⁴²⁴ долей чистаго золота, составлялъ бы уже въ $1\frac{1}{2}$ миллиарда рублей по 26.¹²⁸ долей чистаго золота.

Цифра рублей не измѣнилась бы, но покупная сила ихъ на половину возвосла бы. Это было бы равносильно тому, какъ еслибы въ прежнихъ рубляхъ тотъ-же бюджетъ на половину увеличился бы. И это было бы лишь естественное послѣдствіе того, что такъ какъ казна, какъ должникъ, расчиталась, платя за каждый рубль въ кредитномъ билѣтѣ по 26.¹²⁸ долей чистаго золота, то и ея должники должны ей за каж-

дый кредитный рубль, который они должны казнъ по налогамъ, податямъ, сборамъ, пошлинами, тарифамъ и инымъ источникамъ доходовъ государственной росписи, платить тѣ же 26.¹²² долей чистаго золота. Да иначе платежи были бы и невозможны, потому что одинъ только рубль въ 26.¹²² долей чистаго золота только и существовалъ бы, все равно, въ видѣ кредитнаго-ли билета, или звонкой монеты. А населеніе производить свои платежи казнъ посредствомъ вычетовъ изъ своихъ имуществъ и приносимыхъ ими доходовъ, изъ своихъ заработковъ и денежныхъ оборотовъ. Эти-то вычеты должны были бы невидимо, но очень реально и чувствительно, на половину, возвести. А имущества и доходы отъ нихъ, заработки и денежные обороты не возвращаются на половину отъ того только, что въ странѣ денежная единица, представлявшая 17.¹²³ долей чистаго золота, увеличилась на половину и превратилась въ другую денежную единицу, представляющую 26.¹²² долей чистаго золота. Конечно, бываютъ случаи, когда отдѣльные налоги понижаются. Бываютъ даже случаи, что всѣ доходы государственной росписи, а съ ними и всѣ расходы по той-же росписи перечисляются именно потому, что страна переходитъ къ высокой денежной единицѣ. Такъ было у насъ въ 1839 г., когда мы перешли отъ ассигнаціоннаго рубля въ $\frac{2}{7}$ серебрянаго рубля къ се-бряному рублю-цѣлковому. Но тогда у насъ произошла девальвациѣ бумажнаго рубля, т. е. ассигнаціонный рубль такъ и остался $\frac{2}{7}$ се-ребрянаго рубля. А мы говоримъ о такомъ случаѣ, когда бумажный рубль превращается въ $\frac{7}{7}$ новаго золотого рубля. То, что возможно на почвѣ девальвациї, невозможно на противуположной почвѣ: превращеніе кредитнаго рубля въ золотой произошло бы не внезапно, а потребовало бы нѣкотораго времени, въ теченіи котораго кредитный рубль постепенно возвышался бы до уравненія его съ золотымъ. А въ теченіи этого времени страна проходила бы чрезъ тяжкій кризисъ. Ибо независимо отъ непомѣрной тягости, которою для населенія стала бы государственный бюджетъ, который невозможно было бы приоровить къ платежнымъ силамъ населенія, — въ народномъ хозяйствѣ водворился бы хаосъ отъ неминуемой переоценкѣ всѣхъ имуществъ, товаровъ, услугъ, оборотовъ, капиталовъ, доходовъ, заработковъ и т. д. Все это было бы послѣдствіемъ того, что когда въ странѣ обращаются неразмѣнныя бумажныя деньги, теряющія часть своей первоначальной нарицательной цѣны, то не все равно, чрезъ какой срокъ происходитъ возвращеніе къ размѣннымъ бумажнымъ деньгамъ и восстановленію обращенію звонкой монеты.

Если это происходит въ теченіи первого десятилѣтія послѣ прекращенія событій, вызвавшихъ нeraзмѣнныя бумажныя деньги, когда послѣднія не успѣли пустить глубокихъ корней и ими лишь поддерживаются отношенія и цѣны, возникшія до нихъ,—тогда нѣть повода считаться съ дѣйствіями нeraзмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, и порядокъ восстанавливается на основаніяхъ, предшествовавшихъ нeraзмѣнности бумажныхъ денегъ, или еще лучшихъ. Но когда нeraзмѣнныя бумажныя деньги обращаются въ странѣ не одно, и не два, и даже не три, а четыре десятилѣтія, когда то, что было до нихъ, становится давно прошедшімъ, а экономическая жизнь только та одна продолжается, которая на нихъ создалась и ими держится,—тогда этой жизни не такъ легко оторваться отъ своихъ корней и пересадить эту жизнь на новую почву безъ тяжкаго кризиса не оказывается возможнымъ. Этотъ-то кризисъ и неминуемъ, когда кредитный рубль долженъ превратиться въ то, чѣмъ онъ въ продолженіи 40 лѣтъ не былъ.

И такой-же кризисъ былъ бы неминуемъ, еслибы золотымъ рублемъ сдѣлали бы новѣйшую золотую стоимость серебрянаго рубля. Опять и въ этомъ случаѣ не казна главнымъ образомъ пострадала-бы. При ликвидациіи бумажноденежнаго долга она отъ этого выгадала бы очень много; но это компенсировалось бы потерями казны на доходахъ государственной росписи, которые изъ $1\frac{1}{2}$ миллиарда рублей въ 17.⁴²⁴ долей чистаго золота превратились бы въ $1\frac{1}{2}$ миллиарда рублей въ 12.⁵²² долей чистаго золота. Покупная сила казны сильно уменьшилась бы, но не у одной казны это произошло бы, а каждый въ населеніи долженъ быть бы считаться съ такимъ-же уменьшеніемъ, при одновременной дороговизнѣ, которая неизбѣжно произошла бы, пока отношенія и оцѣнка не приоровились бы къ новой денежной единицѣ. Но пройти чрезъ сильный кризисъ страна должна была бы неминуемо.

Такимъ образомъ, крайнія два количества чистаго золота, предъявлявшія на то, что изъ нихъ должна быть сдѣлана новая монетная единица, и основывавшія свои претензіи на томъ, что они представляли реальные наши монеты, именно поэтому представляли одно и тоже неудобство: наша внутренняя экономическая жизнь прорвала всякую связь съ ними, а они отъ этой жизни оторвались и внесли бы въ нее лишь разстройство, смуту и сильный кризисъ на болѣе или менѣе продолжительное время, еслибы жизни было приказано переустраиваться, чтобы къ нимъ приспособиться.

Оставалось въ такомъ случаѣ третье количество чистаго золо-

того, тоже претендовавшее на то, чтобы изъ него сдѣлали новый золотой рубль: золотая стоимость кредитного рубля. Новый золотой рубль въ такомъ случаѣ не является новымъ рублемъ, а остается тѣмъ самымъ рублемъ, съ которымъ населеніе въ теченіе четырехъ десятилѣтій съяклось, установленіе котораго ни въ чёмъ не вынуждаетъ никакихъ перемѣнъ. Не жизнь должна была бы приспособляться къ новому золотому рублю, а напротивъ золотой рубль приспособлялся бы къ жизни. Все оставалось бы на своемъ мѣстѣ: оцѣнки имущества, товаровъ и капиталовъ, доходы и заработки, оклады налоговъ, сборовъ, пошлинъ, тарифовъ и т. д. „Никто отъ перемѣнъ ничего не долженъ выгадывать, никто отъ нея ничего не долженъ терять.“ такъ формулировалъ задачу денежной реформы гр. Витте. Эта задача получаетъ правильное рѣшеніе только при отожествленіи золотого рубля съ обращавшимся до него кредитнымъ рублемъ.

Единственное неудобство, которое представляло такое рѣшеніе вопроса о выборѣ золотой монетной единицы, заключалось въ томъ, что оно могло порождать толки о девальвациі. А между тѣмъ финансовое положеніе государственного казначейства было достаточно сильное, чтобы оно въ состояніи было ликвидировать государственный долгъ по кредитнымъ билетамъ безъ всякой девальвациі. Ни въ какой девальвациі оно не нуждалось для означенной ликвидациі.

Но и это возраженіе отстранялось тѣмъ обстоятельствомъ, что Россія, какъ и Австрія, то-есть какъ разъ тѣ двѣ страны, которымъ приходилось ликвидировать государственный долгъ по неразмѣннымъ бумажнымъ деньгамъ, обращавшимся въ нихъ десятки лѣтъ и допускавшимъ возобновленіе ихъ размѣна безъ кризиса лишь съ условіемъ сохраненія ихъ золотой стоимости,—что эти двѣ страны оказывались странами серебряного монометаллизма.

При серебряномъ монометаллизмѣ нарицательная цѣна бумажныхъ денегъ выражается въ серебряной монетѣ и иного выраженія имѣть не можетъ¹⁾. А когда въ концѣ XIX в. серебро безнадежно

1) У насъ очень многое думали иначе, полагая, что если въ текстѣ кредитныхъ билетовъ говорилось о платежѣ по нимъ серебряною или золотою монетою, то это значило, что предъявитель кредитного билета вправѣ выбирать монету, которую онъ желаетъ получить платежъ. Это неправильно. По всемъ основаниямъ права и здраваго смысля право выбора монеты, которую производится платежъ, когда такое право допускается, принадлежитъ должнику, а не кредитору. Ибо иначе должникъ обязывался бы для уплаты своего долга держать на готовѣ деньги въ двойной суммѣ, одну сумму золотою, а другую серебряною монетой. Въ странахъ биметаллизма, въ которыхъ платежи могутъ быть производимы, какъ серебряною, такъ и золотою мо-

потеряло свое прежнее монетное значение, то вмѣстѣ съ нимъ потеряло свое значение нарицательное достоинство бумажныхъ денегъ, выраженное въ серебряной монетѣ. О бумажныхъ деньгахъ можно было говорить, что онъ теряютъ часть своего нарицательного достоинства только до тѣхъ поръ, пока при ихъ обмѣнѣ на серебро приходилось платить ложь на серебро. Но какъ только вслѣдствіе паденія серебра ложь на него исчезъ, исчезла возможность говорить о томъ, что бумажные деньги теряютъ часть своего нарицательного достоинства. А это устранило всякий поводъ говорить серьезно о девальваціи бумажныхъ денегъ при ихъ выкупѣ по такой ихъ золотой стоимости, которая превышала золотую стоимость количества серебра, выражавшаго ихъ нарицательную цѣну. Когда 405 долей чистаго серебра, составлявшія нарицательную стоимость кредитнаго рубля, стоять 12.²³² долей чистаго золота, а кредитный рубль стоять 17.⁴²⁴ долей чистаго золота, тогда кредитный рубль стоять на 42% выше своего нарицательного достоинства. Въ такомъ случаѣ при выкупѣ кредитнаго рубля за 17.⁴²⁴ доли чистаго золота за него уплачиваются значительно больше его нарицательного достоинства. А это не соотвѣтствуетъ тому, что въ наукѣ и въ практикѣ принято называть девальваціе.

Въ такомъ-же положеніи, какъ Россія, была Австрія, когда она въ 1890-хъ годахъ перешла отъ серебрянаго монометаллизма къ золотому и этимъ устанавливала основанія для ликвидациіи долга по бумажнымъ деньгамъ, выпущеннымъ главнымъ образомъ въ 1866 г. Эти бумажные деньги въ Австріи пустили такіе-же глубокіе корни, какъ кредитные билеты въ Россіи: онъ были дѣйствительно почвою всѣхъ денежныхъ отношеній внутри страны. Наріцательною цѣною австрійскаго бумажнаго или кредитнаго гульдена былъ серебряный гульденъ, потому что Австрія была страною серебрянаго монометаллизма. Въ

нетою, право выбора монеты принадлежитъ только должнику, но отнюдь не кредитору. Въ странахъ серебрянаго монометаллизма всѣ денежныя суммы даже обязательно должны выражаться въ серебряной монетѣ и выплачиваться ею-же. У насъ съ 1839 г. ни казна, ни частные лица вообще никто ни отъ кого не имѣлъ права требовать платежа золотомъ. Только въ видѣ исключенія въ законодательномъ порядке допускались исключенія изъ этого правила. Такимъ исключеніемъ было и допущеніе золота въ платежѣ по кредитнымъ билетамъ: казна обязана была, по общему правилу, платить серебромъ, но для облегченія ей было предоставлено по кредитнымъ билетамъ платить всякою монетою, которую она будетъ располагать. При иномъ пониманіи казна должна была бы держать для кредитныхъ билетовъ не одинъ, а два размѣрныхъ фонда, одинъ серебромъ, а другой золотомъ, и давать себя обирать всѣкому спекулянту на колебанія стоимости золота и серебра; а это сдѣлало бы самое обращеніе размѣрныхъ кредитныхъ билетовъ совершенно неосуществимымъ.

этомъ серебряномъ гульденѣ было 250.⁰⁰ долей чистаго серебра. При отношеніи стоимости золота къ серебру какъ 1 : 88.¹⁰⁸ серебряный гульденъ стоилъ 7.⁶⁶ долей чистаго золота. Это было выраженіе въ золотѣ нарицательной цѣны бумажнаго гульдена. Въ то-же время Австрія на основаніи закона 9 марта 1870 г. имѣла свою австрійскую копію золотаго французскаго 20 франковика, цѣна котораго на почвѣ отношенія стоимости золота къ серебру какъ 1 : 15^{1/2} была назначена въ 8 гульденовъ серебромъ. Слѣдовательно, при этомъ каждый гульденъ въ золотой монетѣ означалъ 16.³³⁴ долей чистаго золота. Что-же касается бумажнаго гульдена, то его стоимость, выраженная въ золотѣ, опредѣлялась тѣмъ, что австрійскій золотой 20 франковикъ стоилъ въ среднемъ 9.⁵² бумажныхъ гульденовъ, или каждый бумажный гульденъ имѣлъ стоимость 18.⁷²² долей чистаго золота. Такимъ образомъ въ Австріи, какъ въ Россіи, имѣлись три количества чистаго золота, которыя могли быть признаны новою золотою монетною единицей: 1) 1/₈ восьмигульденовой золотой монеты или золотая стоимость серебрянаго гульдена, установленная на пропорціи 1 : 15^{1/2} въ 16.³³⁴ долей чистаго золота (въ Россіи этому соотвѣтствовала 1/₆ стоимости нашего полуимперіяла, установленная на той-же пропорціи 1 : 15^{1/5} въ 26.¹⁸⁸ долей чистаго золота); 2) золотая стоимость серебрянаго гульдена въ серебряной монетѣ, установленная на основаніи пропорціи 1 : 88.¹⁰⁸, или дѣйствительной цѣны серебра, въ 7.⁶⁶ долей чистаго золота (въ Россіи этому соотвѣтствовала золотая стоимость серебрянаго рубля, опредѣленная по той же пропорціи 1 : 88.¹⁰⁸ въ 12.²²² долей чистаго золота), и наконецъ 3) золотая стоимость бумажнаго гульдена, какъ она опредѣлялась цѣною австрійскаго золотого въ бумажныхъ гульденахъ и составляла 18.⁷²² долей чистаго золота (въ Россіи этому соотвѣтствовала стоимость кредитнаго рубля въ 17.⁴²⁴ долей чистаго золота).

Изъ этихъ трехъ количествъ первыя два въ Австріи даже не принимались въ соображеніе, такъ для всѣхъ было очевидно, что оба они могутъ только принести неисчислимый вредъ, а пользы странѣ не могутъ принести никакой. Поэтому только послѣднее количество чистаго золота, выражавшее золотую стоимость бумажнаго гульдена, было принято за основаніе новой золотої монетной единицы, на почвѣ которой построились, какъ новая монетная система, такъ и ликвидациѣ государственного долга по выпущеннымъ за его счетъ бумажнымъ деньгамъ. Для того, чтобы имѣть удобства такой золотої монетной единицы, которая въ одно и то же время представ-

влялась бы въ видѣ новой счетной единицы (номинала) малаго размѣра и въ то же время совпадала бы съ тою кредитною денежной единицею, къ которой населеніе привыкло,—въ Австріи то количество чистаго золота, въ которомъ выражалась золотая стоимость бумажнаго гульдена, раздѣлили пополамъ, и изъ каждой половины сдѣлали новую золотую единицу, крону, аналогичную германской имперской маркѣ. Новая золотая австрійская монета поэтому явилась въ видѣ монеты въ 20 кронъ или 10 новыхъ золотыхъ гульденовъ равныхъ 10 бумажнымъ гульденамъ.

Задача восстановленія металлическаго обращенія и связанныя съ нею задачи перехода отъ серебрянаго монометаллизма къ золотому монометаллизму, выбора новой золотой монетной единицы, а потому и почвы, на которой должна произойти ликвидациія государственного долга по бумажнымъ деньгамъ, выпущеннымъ для государственныхъ расходовъ,—всѣ эти задачи оказывались получающими въ Австріи и Россіи одинаковое рѣшеніе. Неумолимая логика науки и практическаго опыта указывала въ обѣихъ странахъ на одинаковое рѣшеніе, потому что оно было единственное возможное, единственное безопасное и полезное для страны и народнаго хозяйства, единственное разумное, а потому и неминуемое повсюду, гдѣ его искали.

Осуществленіе свое новая золотая монетная единица и все то, что на ней строилось, получила въ Россіи на основаніи Высочайшихъ указовъ 8 января, 29 августа и 14 ноября 1897 г. Имперіальна монета оставлена, какъ при денежной реформѣ 1889 года, безъ измѣненія: съ содержаніемъ чистаго золота имперіала въ 261.³⁸ долей, а полуимперіала въ 130.³⁸ долей, а это (тоже какъ въ 1889 г.) вызвало необходимость назначить имъ новые цѣны по новому золотому рублю, имперіалу въ 15 рублей, а полуимперіалу въ 7 $\frac{1}{2}$ рублей. Это несомнѣнно были очень неудобные номиналы; населеніе около 150 лѣтъ привыкло къ 10-ти рублевой и 5 рублевой золотой монетѣ: поэтому въ монетную систему были введены и эти номиналы по новому золотому рублю. Такимъ образомъ, оказались 4 золотыхъ монеты: имперіалъ (261 $\frac{3}{25}$ долей чистаго золота) въ 15 золотыхъ рублей, 2 $\frac{1}{2}$ имперіала 174 $\frac{6}{25}$ долей чистаго золота въ 10 рублей, полуимперіалъ 130 $\frac{17}{25}$ долей чистаго золота въ 7 $\frac{1}{2}$ рублей и третью имперіала 87 $\frac{8}{25}$ долей чистаго золота въ пять рублей. Соответственно новой монетной системѣ золотого монометаллизма измѣнилась природа русскихъ бумажныхъ денегъ: ихъ нарицательная цѣна уже выражалась въ но-

выхъ золотыхъ рубляхъ въ 17.424 доли чистаго золота. Соответственно этому измѣненъ текстъ кредитныхъ билетовъ. Серебряная монета осталась безъ измѣненія. При серебряномъ рублѣ въ 405 долей чистаго серебра и при содержаніи въ золотомъ рублѣ $17.424 = 1758/125$ долей чистаго золота новая русская монетная система строилась на почвѣ отношенія стоимости золота къ стоимости серебра, какъ $17.424 : 405 = 1 : 2858/242$ или почти $1 : 28^{1/4}$. Отношеніе это выходить болѣе благопріятно для серебра, потому что оно построилось на сравнительно высокой золотой стоимости кредитнаго рубля.

Вступленіе въ жизнь новой монетной системы зависѣло отъ фактическаго возстановленія обращенія звонкой монеты, т. е., отъ возобновленія размѣна кредитныхъ билетовъ на золото и выдачъ полноценной серебряной монеты изъ казенныхъ кассъ. А это возобновленіе платежей золотомъ и серебряною монетою должно было выразиться, прежде всего, въ ликвидациіи государственного долга по кредитнымъ билетамъ, выпущеннымъ въ обращеніе для государственныхъ расходовъ.

Выше мы видѣли, что съ тѣхъ поръ, какъ возникли кредитные билеты ихъ было выпущено и состояло въ обращеніи къ 1 января 1881 г. (когда впервые начали принимать мѣры по ликвидациіи государственного долга по кредитнымъ билетамъ) 1.188.515.125 рублей. Съ прибавленіемъ 37.500.000 руб., оставшихся въ обращеніи изъ выпускавшихся въ началѣ 1890-хъ годовъ подъ обеспеченіе золота, весь итогъ кредитныхъ билетовъ, опредѣлявшихъ, какъ велика долгъ, который приходилось ликвидировать, достигалъ 1.171.015.125 рублей. Для обеспеченія кредитныхъ билетовъ въ распоряженіи Государственнаго Банка имѣлся 1 января 1881 г. размѣнныи фондъ изъ золота, которое на рубли въ $1/10$ имперіала считалось, въ 171.472.495 рублей. По оцѣнкѣ на золотые рубли въ 17.424 доли чистаго золота толь-же размѣнныи фондъ содержалъ золота на 257.208.742 рубля. Вычтя эту сумму изъ суммы кредитныхъ билетовъ, мы получаемъ показанную уже выше разность въ 918.806.388 рублей. Уплата этой суммы и означала ликвидациію государственного долга по кредитнымъ билетамъ. Она произведена передачею для означенной ликвидациіи Государственному Банку наличными деньгами: кредитными билетами 102.286.958 руб. и золотомъ 811.569.425 руб., а всего 918.806.388 рубля.

Средства для этой уплаты дали три источника.

Первымъ источникомъ послужили суммы, вносишіяся въ Государственный Банкъ на основаніи указа 1 января 1881 г. о ликвида-

цихъ государственного долга по кредитнымъ билетамъ, выпущеннымъ въ 1876—80 гг. для расходовъ по войнѣ съ Турцией въ 1876—77 годахъ. Этихъ суммъ внесено на 248.471.445 рублей¹⁾.

Вторымъ источникомъ были сравнительно небольшія суммы, составлявшія прибыли казны отъ затерявшіхся кредитныхъ билетовъ, которые не были предъявляемы при обмѣнахъ на новые ихъ образцы. Такихъ суммъ всего набралось на 15.286.958 рублей²⁾ и онѣ тоже послужили для ликвидациіи государственного долга по кредитнымъ билетамъ.

Наконецъ, третій источникъ состоялъ почти весь изъ ассигнованій, вошедшихъ въ составъ чрезвычайныхъ расходовъ, произведенныхъ по государственнымъ расписямъ 1894—1900 гг., то-есть, въ періодъ финансового управления гр. С. Ю. Витте. А именно изъ суммъ расписей 1894—1900 гг. израсходовано на ликвидациію государственного долга по кредитнымъ билетамъ:

въ 1894 г.	1.679.093	въ 1898 г.	75.000.000
въ 1895	147.091.915	въ 1899	50.000.000
въ 1896	75.000.000	въ 1900	50.000.000
въ 1897	256.278.167		
		Всего	655.049.175

Съ прибавлениемъ небольшой суммы въ 48.807 р., проведенной въ 1890 г. по Отчету Государственного Банка (изъ его прибылей отъ операций по замѣнѣ металловъ размѣннаго фонда) всего третій источникъ далъ 655.097.982 рублей.

Если мы сведемъ вмѣстъ суммы изъ указанныхъ трехъ источниковъ, то онѣ составляютъ:

	Рублей кредитныхъ или золотыхъ въ 17-мъ долей чистаго золота.
по указу 1 января 1881 г.	248.471.445
прибыли отъ непредъявленныхъ кредитныхъ билетовъ	15.296.958
отъ ассигнованій при гр. С. Ю. Витте	655.097.982
Итого	918.806.385
а съ размѣннымъ фондомъ по его состоянию въ 1 января 1881 г. на	257.208.740
сумма, равная кредитнымъ билетамъ, выпущеннымъ въ обращеніе на	1.171.015.125

Выяснивъ источники, доставившіе тѣ суммы, которыя были упо-

1) Въ томъ числѣ внесено: въ 1881 г. на 67 милл. руб., въ 1882 г. на 50 милл., въ 1883 г. на 50 милл., р., въ 1884 г. на 26.471.445 р. и въ 1889 г. на 50 милл. руб.

2) Прибыль этихъ зачислена: въ 1886 г. на 81.776 р., въ 1887 г. на 137.965 р., въ 1893 г. на 18.750 р. и въ 1897 г. на 15.003.467 руб.

треблены для полной ликвидациі кредитныхъ билетовъ, насколько они обращались на почвѣ государственного долга и насколько означенныя суммы были необходимы для возстановленія въ Россіи обращенія звонкой монеты, мы должны объяснить, какъ показанныя, суммы были израсходованы для той цѣли, которой онъ должны были служить.

Одна ихъ часть послужила для изъятія изъ обращенія кредитныхъ билетовъ. Для этой цѣли употреблены: во-первыхъ, изъ платежей по указу 1 января 1881 г., произведенныхъ при Н. Х. Бунге: въ 1883 г. на 80 миллионовъ рублей, въ 1884 г. еще на 80 миллионовъ рублей и въ 1885 г. на 27 миллионовъ рублей; всего на 87 миллионовъ рублей. Во-вторыхъ, на это израсходованы всѣ суммы прибылей отъ непредъявленныхъ кредитныхъ билетовъ, выше показанныя на 15.286.958 рублей¹⁾. Обѣ суммы вмѣстѣ составили 102.286.958 рублей.

Вслѣдствіе этихъ изъятій сумма кредитныхъ билетовъ, выпущеныхъ въ обращеніе

составлявшая	1.171.015.126	рублей
уменьшилась на	102.286.958	,
и осталось къ моменту реформы и возобновленія размѣна	1.068.778.167	,
изъ нихъ было обезпечено золотомъ размѣнного фонда по его состоянію на 1 января 1881 г.	257.208.742	,
и оставалось необеспеченныхъ	811.569.425	,

На эту-же сумму 811.569.425 рублей должно было быть передано и действительно передано въ полное распоряженіе Государственного Банка золото для возобновленія размѣна кредитныхъ билетовъ на золотую монету.

Для пріобрѣтенія этого золота послужили: во-первыхъ остатокъ отъ платежей по указу 1 января 1881 г. и во-вторыхъ показанныя выше ассигнованія по расписямъ 1894—1900 гг. Всѣхъ поступленій по указу 1 января 1881 г., какъ показано, было 248.471.445 рублей, изъ нихъ 87.000.000 руб. употреблены для изъятія изъ обращенія кредитныхъ билетовъ въ 1883—85 гг., поэтому осталось свободныхъ для пріобрѣтенія золота для денежной реформы 156.471.445 рублей. Если къ этой суммѣ прибавить небольшую сумму изъ прибылей Банка, послу-

1) Суммы эти по годамъ показаны выше стр. 259, примѣч. 1; изъ нихъ приходится на время Н. Х. Бунге 81.776 рублей, на время И. А. Вышнеградскаго 151.715 рублей и на время гр. С. Ю. Витте 15.009.467 рублей.

жившую для той-же цѣли въ 1890 г. на 48.807 рублей, то всего отъ времени Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскаго имѣлась сумма на приобрѣтеніе золота для денежной реформы 156.520.252 рубля. Къ этой суммѣ присоединяются ассигнованія по государственнымъ росписямъ времени С. Ю. Витте въ 1894—1900 годахъ на 665.049.175 рублей. Объ суммы вмѣстѣ дали 811.569.427 рублей, то-есть, столько, сколько было необходимо на приобрѣтеніе свободнаго, состоящаго въ полномъ распоряженіи Государственного Банка золота для ликвидациіи государственного долга по кредитнымъ билетамъ и возобновленія ихъ размѣна.

Самая передача для этой цѣли золота Государственному Банку и увеличеніе того его запаса, который, состоя въ полномъ его распоряженіи, могъ служить для денежной реформы, происходила въ слѣдующемъ порядке:

Рубль въ 17^м
дюжей чистаго
золота.

Состояло въ размѣнномъ фондѣ 1 января 1881 г. 257.208.740

Передано Государственному банку:

въ 1887 г.	60.000.000
› 1890 ›	48.807
› 1894 ›	98.150.538
› 1895 ›	147.091.915
› 1896 ›	75.000.000
› 1897 › до сентября .	225.000.000
	<hr/>
	605.291.260

всего состояло въ сентябрь 1897 г. 862.500.000

затѣмъ передано:

въ 1897 г.	31.278.167
› 1898 ›	75.000.000
› 1899 ›	50.000.000
› 1900 ›	50.000.000
	<hr/>
	206.278.167

а всего . 1.068.778.167

или столько, сколько состояло въ обращеніи кредитныхъ билетовъ съ сентября 1897 г.: государственный долгъ по вѣтмъ кредитнымъ билетамъ, выпущеннымъ съ 1843 г., былъ ликвидированъ и сполна погашенъ до копѣйки. Всѣ кредитные билеты, какъ выпущенные для замѣны ассигнацій, такъ и выпущенные для чрезвычайныхъ расходовъ по Крымской войнѣ и по войнѣ 1877—78 гг., а равно выпущенные за счетъ размѣнного фонда Государственный Банкъ былъ въ состояніи выкупить и изъять изъ обращенія, замѣнивъ ихъ золотою монетою.

Были такие люди, и ихъ было даже очень много, которые очень этого боялись: что когда Государственный Банкъ изъемлетъ изъ об-

ращенія всѣ кредитные билеты, выкупивъ ихъ золотомъ, то „золото уплыветъ заграницу“—и мы останемся безъ всякихъ денегъ; не будетъ ни нашихъ бумажныхъ денегъ, ни золотыхъ денегъ. При Дмитріѣ Донскомъ и при Василіѣ Темномъ, при монгольскомъ игѣ, какъ до и послѣ него, въ X и XI вѣкахъ, съ XIV до конца XVIII ст., въ послѣднія десятилѣтія крѣпостной эпохи, Россія не оставалась безъ звонкой монеты; а въ концѣ XIX вѣка ее считали неспособною удержать за собою запасъ необходимой ей звонкой монеты.

Съ тѣмъ-же пониманіемъ предмета противники денежной реформы выражали сожалѣніе о „поспѣшности“, съ которой она осуществилась. По ихъ мнѣнію слѣдовало съ денежной реформой обождать до того времени, когда полуимперіяль будетъ стоить пять рублей кредитныхъ; они были увѣрены, что этого легко дождатьсяся. Опытъ, однако, очень скоро показалъ, что мы дождались бы, еслибы денежная реформа была отложена. Мы дождались бы японской войны и послѣдовавшихъ за нею событій. А это вмѣсто пониженія цѣни полуимперіяла до пяти рублей кредитныхъ вызвало бы повышеніе той-же цѣни по меньшей мѣрѣ до двадцати рублей, если не больше.

Примѣровъ, когда приходилось восстанавливать обращеніе звонкой монеты въ странѣ, при необходимости одновременно ликвидировать государственный долгъ по бумажнымъ деньгамъ въ 1.171.015.125 рублей (3.122.707.000 франковъ золотомъ), экономическая и финансовая исторія знаетъ очень немного. Неудивительно поэтому, что весь цивилизованный міръ сильно интересовался предпринятымъ у насъ дѣломъ и аплодировалъ его успѣху. Чѣмъ выше, крупнѣе и важнѣе государственное и культурное дѣло, которое удается странѣ, тѣсно соединившей свою жизнь съ жизнью другихъ цивилизованныхъ странъ, тѣмъ больше ея успѣхъ возбуждаетъ всеобщее вниманіе и сочувствіе.

Крѣпость почвы, на которой у насъ строилась денежная реформа, значительность силы, съ которой она осуществлялась, и благопріятность обстановки, которой она была окружена, принадлежали къ числу очень рѣдкихъ явлений. Одною изъ важнѣйшихъ особенностей русской денежной реформы второй половины 1890-хъ годовъ были свойства источниковъ, изъ которыхъ для нея были добыты средства. Конечно, средства, для нея ассигнованныя при Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскомъ, въ 1881—1893 годахъ (въ 12 лѣтъ), въ совокупности на 248.758.748 рубля, могли быть заимствованы только изъ займовъ. Но приведенная сумма составляетъ только немнога болѣе одной четверти

(27%) всѣхъ средствъ, потребовавшихся для реформы; остальная же три четверти были ассигнованы уже лишь во время финансового управления С. Ю. Витте въ 1894—1900 годахъ (въ 7 лѣтъ), въ суммѣ 670.052.642 рублей (въ томъ числѣ въ 1897 г. на изысканія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія 15.008.467 рублей и на передачи Государ. Банку въ 1894—1900 гг. золота на 655.049.175 рублей). Конечно, и въ этой очень значительной суммѣ новые государственные займы не могли не играть нѣкоторой роли. Но какую? Объ этомъ мы можемъ судить по приведенному выше факту, что въ 1898—1900 годахъ для производства чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ (въ ихъ числѣ и по денежной реформѣ) на 2.180.055.685 рублей, чрезвычайные ресурсы дали только 848.997.088 рублей, то-есть менѣе $\frac{1}{2}$ (38.0%). Слѣдовательно, даже принимая, что всѣ эти чрезвычайные ресурсы состояли изъ новыхъ займовъ, соразмѣрно эти займы дали менѣе $\frac{1}{2}$ всѣхъ ассигнованій 1894—1900 гг. для денежной реформы, то-есть, не больше 268 миллионовъ рублей. Если присоединить эти 268 миллионовъ рублей къ 244 миллионовъ рублей, ассигнованныхъ для денежной реформы при Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскому, то получается общій итогъ въ 512 миллионовъ рублей, на которыхъ средства для денежной реформы были добыты займами для уменьшенія государственного долга по кредитнымъ билетамъ. А уменьшать этотъ долгъ приходилось на 918.8 миллионовъ рублей (остальную часть дали избытки обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ въ 1898—1900 годахъ). Но это не значитъ, что изъ-за денежной реформы процентные государственные долги увеличились на сумму свыше полумилліарда рублей. Это не произошло, благодаря тому, что одновременно съ денежной реформой происходило большое преобразованіе процентнаго государственного долга Россіи, начатое И. А. Вышнеградскимъ въ 1889 г. и энергически продолжавшееся при его преемникѣ. Благодаря этому преобразованію, между 1888 и 1901 гг. произошли слѣдующія перемѣны въ капиталѣ нашего процентнаго государственного долга и въ расходахъ по нему ¹⁾.

	Къ 1889 г.	Къ 1902 г.	Разность.
капиталъ долга	3.060.658.400	3.882.098.800	+ 321.440.400
расходы по нему на уплату интересовъ	149.895.200	137.928.300	— 11.966.900
погашенія	48.449.386	16.256.700	— 32.192.700
всего	198.344.686	154.185.000	— 44.159.600

1) Прилож. къ Отчету Госуд. Контроля за 1901 г., стр. 44 и 45.

Такимъ образомъ, благодаря преобразованію (конверсіямъ, выкупамъ, обмънамъ и т. д.) не было увеличенія государственного долга вообще на полмілліарда рублей ни по, какому поводу; увеличился онъ лишь на 821.440.400 рублей, но при этомъ расходы по нему не только не увеличились, но еще уменьшились: для уплаты процентовъ на 11.968.900 рублей, а для уплаты обязательныхъ погашеній на 82.197.700 рублей, а всего на 44.159.600 рублей. Такимъ образомъ, денежная реформа, какъ прочіе чрезвычайные расходы 1889—1900 гг., никакого увеличенного бремени на уплату процентовъ по государственнымъ долгамъ не вызвала. Если она участвовала въ числѣ причинъ, вызвавшихъ увеличеніе капитала процентнаго государственного долга на 821 миллионъ рублей, то она сопровождалась уменьшеніемъ беспроцентнаго государственного долга (по кредитнымъ билетамъ) на 918 миллионовъ рублей. Слѣдовательно, въ окончательномъ счетѣ денежная реформа не только не сопровождалась увеличеніемъ ежегодныхъ расходовъ по государственнымъ долгамъ, но общий итогъ капитала всѣхъ государственныхъ долговъ, благодаря ей, еще уменьшился на 600 миллионовъ рублей.

Намъ пришлось два раза говорить о пріобрѣтеніи золота для денежной реформы въ двухъ различныхъ смыслахъ. Сначала мы говорили о стараніяхъ Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскаго о сосредоточеніи возможно большаго запаса золота въ Государственномъ Банкѣ, какъ о подготовительной (предварительной) мѣрѣ къ денежной реформѣ. При этомъ мы указывали, что это сосредоточеніе производилось на оборотныя средства Государственного Банка и государственаго казначейства, отвлекавшіяся отъ своего прямого назначенія и этимъ ставившія, какъ Государственный Банкъ, такъ и государственное казначейство въ затруднительное положеніе, въ случаѣ, еслиъ тѣ-же средства потребовались бы на предметъ ихъ прямого назначенія. Для устраненія этого неудобства, для освобожденія и возвращенія Государственному Банку и государственному казначейству ихъ оборотныхъ средствъ, иммобилизованныхъ (заявленныхъ и увязшихъ) въ золотѣ, заготовленномъ для денежной реформы, — было необходимо, чтобы это золото какъ-бы во второй разъ было пріобрѣтено, но уже па средства, специально назначенные для этой реформы и ей ассигнованныя въ государственной росписи. По мѣрѣ того, какъ это дѣялось, а особенно, когда оказывалось, что государственная роспись въ состояніи давать большія, очень большія, ассигнованія на денежную реформу, министръ финансовъ въ состояніи былъ еще ранѣе, чѣмъ

денежная реформа окончательно осуществилась, начать въ 1896 г. въ видѣ опыта платежи золотомъ. У него была достаточно прочная почва подъ ногами, чтобы у него не было страха необходимости пристановить эти платежи; а этого было достаточно для успѣха опыта. А въ 1897 г. ассигнованія на денежную реформу уже были такъ значительны, что на почвѣ произведенныхъ ассигнованій денежную реформу уже можно было считать осуществленною. Это имѣло то огромное значеніе, что съ осуществленіемъ реформы золото перестало представлять иммобилизованный активъ; оно становилось свободною кассовою силою, наростаніе которой уже не представляется никакихъ неудобствъ. Государственное казначейство въ состояніи было передавать Государственному Банку все свое золото въ составѣ суммъ, внесенныхъ имъ на его текущій счетъ въ Банкѣ. Банкъ уже не долженъ быть выпускать кредитные билеты для того, чтобы государственное казначейство могло пользоваться своимъ золотомъ для своихъ текущихъ расходовъ. Вслѣдствіе этого золото могло, не представляя уже никакихъ неудобствъ, нарости въ Государственномъ Банкѣ далеко за предѣлами суммъ золота-же, переданного въ Государственный Банкъ для денежной реформы и для ликвидациіи государственного долга по кредитнымъ билетамъ. Отсюда произошло новое наростаніе запасовъ золота, сосредоточившихся въ Государственномъ Банкѣ, наростаніе, которое при С. Ю. Витте было еще сильнѣе, чѣмъ при И. А. Вышинеградскомъ, особенно насколько оно было важно для увеличенія благопріятности положенія Государственного Банка, служившаго органомъ, какъ для осуществленія денежной реформы, такъ и для ликвидациіи государственного долга по кредитнымъ билетамъ.

Возстановленіе металлическаго обращенія въ странѣ предполагаетъ однимъ изъ своихъ условій, чтобы звонкой монетѣ было очищено мѣсто. Въ странѣ, въ которой нераамънныя бумажныя деньги вытѣснили и продолжаютъ вытѣснять изъ обращенія звонкую монету, каналы обращенія наполнены крупными и мелкими бумажными деньгами, потому что звонкой монеты нѣть. Поэтому однимъ изъ коренныхъ условій успѣха денежной реформы и единственнымъ доказательствомъ того, что она производится не только на бумагѣ, но и на дѣлѣ, является — дѣйствительное поступленіе звонкой монеты въ каналы обращенія, дѣйствительное производство платежей золотою монетою, дѣйствительный обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото, дѣйствительное погашеніе государственного долга по кредитнымъ билетамъ. Золотая монета была только у Государственного Банка и

онъ первый долженъ быть начать пользованіе ѿ для платежей въ широкихъ размѣрахъ.

Возстановленіе металлическаго обращенія въ Россіи не могло, конечно, заключаться въ томъ, чтобы золото дремало въ кассахъ и кладовыхъ Государственного Банка, никогда ихъ не оставляя и (какъ неоднократно повторяли противники реформы) служа лишь для показа знатнымъ иностранцамъ и газетнымъ корреспондентамъ. Золотыя пятирублевки и золотыя десятирублевки должны были занять мѣсто бумажныхъ пятирублевокъ и бумажныхъ десятирублевокъ, а звонкіе серебряные цѣлковые и полтины должны были занять мѣсто бумажныхъ трехрублевокъ и бумажныхъ рублевокъ. Этого требовали здравый смыслъ, практическій опытъ и указанія науки. Никогда еще и нигдѣ не бывало случая возстановленія металлическаго обращенія безъ того, чтобы не были изъяты изъ обращенія мелкія достоинства бумажныхъ денегъ. Особеніо наглядно это обнаружили въ новѣйшее время: Франція въ 1870-хъ годахъ¹⁾ и Австрія въ 1890-хъ годахъ. У насъ въ 1889 и 1848 г. было иначе, но иѣдь тогда у настъ не государство возстановило металлическое обращеніе, а населеніе это сдѣлало задолго до 1889 г.; никакой ликвидациіи государственного долга по ассигнаціямъ тогда не произошло, потому что для этого у казны средствъ не было; за ассигнаціі она могла расчитаться только кредитными билетами, завѣщаю ликвидациію будущимъ поколѣніямъ. Но когда-нибудь для этого должно было настать время. И слава Богу, оно настало. Могли быть ликвидированы всѣ государственные долги по выпускамъ всѣхъ сортовъ бумажныхъ денегъ: долгъ Екатерины II, долги Павла I, Александра I и Александра II, долги по расходамъ на всѣ тѣ войны, которыхъ были радостью и горемъ повѣйшей Россіи. Въ 1900 г. ликвидациія всѣхъ этихъ долговъ окончилась, когда населеніе было въ состояніи для этого взять на себя государственный расходъ свыше 1170 миллионовъ рублей, въ томъ числѣ золотою монетою на сумму свыше 1068 миллионовъ рублей (2850 миллионовъ франковъ). И это ни въ чемъ не должно было бы выразиться, какъ еслибы ничего этого не было бы сдѣлано? Отъ населенія слѣдовало скрывать золотую и серебряную монету? Какъ еслибы никакого „востстановленія металлическаго обращенія“ не произошло? Какъ еслибы никакой „денежной ре-

1) См. нашу книгу „Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе“ Спб. 1888, стр. 290, 291.

формы" не было сделано? Очевидно, это значило бы въ одно и тоже время одно и то же дѣло и дѣлать, и не дѣлать.

Въ началѣ 1896 г. состояло въ обращеніи кредитныхъ билетовъ: рублевокъ и трехрублевокъ на 288 $\frac{1}{2}$ миллиона рублей, пятирублевокъ и десятирублевокъ на 890 миллионовъ рублей; всего бумажныхъ денегъ мелкихъ достоинствъ на 628 $\frac{1}{2}$ миллиона рублей. Эти 623 $\frac{1}{2}$ миллиона рублей бумажныхъ денегъ должны были быть замѣнены звонкою монетою, золотою и серебряною, чтобы совсѣмъ ей не дѣлать никакой конкуренціи. Къ концу 1900 г. изъ нихъ были изъяты изъ обращенія 564 $\frac{1}{2}$ миллиона рублей и оставалось уже лишь 59 $\frac{1}{2}$ мил. рублей. Эти 564 мил. руб. были изъяты: на 488 мил. руб. посредствомъ уменьшенія всей массы выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ съ 1068 мил. до 680 мил. руб., оплатою этихъ 488 мил. золотою и серебряною монетою. Затѣмъ остальные 126 мил. кредитныхъ билетовъ мелкихъ достоинствъ, когда они поступали въ платежи Государственному Банку или въ казенные кассы, задерживались въ нихъ и уничтожались, а когда затѣмъ Государственный Банкъ и казенные кассы сами производили платежи, по которымъ публикою требовались кредитные билеты, то эти кредитные билеты выдавались уже только въ крупныхъ достоинствахъ. Такимъ образомъ изъятые изъ обращенія кредитные билеты мелкихъ достоинствъ открыли обширный просторъ для звонкой монеты. А эту послѣднюю Государственный Банкъ и казенные кассы имѣли возможность выпускать въ обращеніе при производствѣ ими платежей, независимо отъ размѣна кредитныхъ билетовъ. Какъ сейчасъ указано, до конца 1900 г. по этому размѣну выпущено звонкой монеты на 488 мил. руб. взамѣнъ 488 мил. руб., на которые кредитные билеты съ 1068 мил. руб. уменьшены до 680 мил. рублей. Независимо отъ этого обмѣна, прямыми платежами Государственного Банка и казенныхъ кассъ, новой монетою выпущено золота и серебра въ обращеніе еще на 892 миллиона рублей.

До конца 1900 г. выпущено было въ обращеніе новой монеты золотой на 688 миллиона рублей и серебряной на 147 миллиона рубль, всего звонкой монеты на 880 миллионовъ рублей. Сверхъ того въ обращеніи оставалось на 680 миллионовъ рублей кредитныхъ билетовъ, обезпеченныхыхъ, на случай востребованія по нимъ звонкаго платежа, равной суммою золота въ кассахъ Государственного Банка рубль за рубль. Весь денежный механизмъ страны выражался суммою 1460 миллионовъ рублей (8898 миллиона франковъ золотомъ).

По новому монетному уставу, изданному въ 1899 г., уже только

„*золотая монета обязательна къ приему во всѣхъ платежахъ на неограниченную сумму*“, а „*серебряная и мѣдная монета служать монетою вспомогательной*“. „*Обязательный приемъ частными лицами (серебряной) рублевой, 50 копѣчной и 25 копѣчной монеты ограничивается 25 рублями*“.

Исторія старого серебряного рубля въ Россіи кончилась; началась новая исторія нового рубля, золотого.

Илларион Игнатьевич КАУФМАН

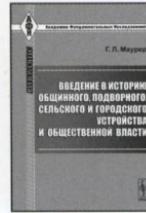
(1848–1916)

Известный российский экономист и статистик, специалист в области денежного обращения, финансов и кредита. Родился в Одессе, в обру- севшей немецкой семье. В 1869 г. окончил юридический факультет Харьковского университета. В 1873–1883 гг. служил в Центральном ста- тистическом комитете. Участвовал в деятельности Дворянского зе- мельного банка (член Совета банка). С 1889 г. читал курс финансового права на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета;

с 1893 г. — экстраординарный, с 1901 г. — ординарный, с 1914 г. — заслуженный профессор Санкт-Петербургского университета. Возглавлял комиссию по разработке материалов Всеоб- щей переписи населения России в 1897 г.; участвовал в учреждении Международного стати- стического института в Лондоне. Автор экономического обоснования денежной реформы 1895–1897 гг. в России, ознаменовавшей переход к системе золотого монометаллизма.

Работы И. И. Кауфмана были посвящены главным образом вопросам денежного обращения и кредита (преимущественно государственного). Особую ценность имела его книга «Статистика государственных финансов России в 1862–1884 гг.» (1886), где впервые был обнародован в систематическом виде цифровой материал для проверки проектов улучшения финансовой системы России. Вместе с Н. Х. Бунге и В. П. Безобразовым он отстаивал металлистическую теорию денег, выступая против номиналистического направления этой теории. В 1872 г. И. И. Кауфман опубликовал одну из первых рецензий на «Капитал» К. Маркса, которая, по словам В. И. Ленина, была замечательна тем, что в ней правильно изложена сущность материалисти- чески-диалектического метода Маркса. И. И. Кауфману принадлежат труды: «Кредит, банки и денежное обращение» (1873), «Кредитные билеты, их упадок и восстановление» (1888), «Се- ребряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века» (1910) и другие.

Наше издательство предлагает следующие книги:

12318 ID 162682

9 785397 030366 >

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присыпайте по адресу URSS@URSS.ru.

Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

E-mail:
URSS@URSS.ru

Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

URSS

**НАШИ НОВЫЕ
КООРДИНАТЫ**

ТЕЛЕФОН / ФАКС

(многоканальный) +7 (499) 724-25-45

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56